
3 1761 06635554 6

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

В. БУРЕНИНА

Гоголь. — Гончаровъ. — Біографія и письма Достоевскаго. — „Власть тьмы“ гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого. — Лермонтовъ. — Памяти Пушкина. — Глѣбъ Успенскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1888

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

В. БУРЕНИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1888

О ГОГОЛѢ.

I.

Гоголь, какъ всѣмъ извѣстно, признанъ основателемъ той литературной школы, которая господствуетъ у насъ съ сороковыхъ годовъ и выдѣлила цѣлый рядъ крупныхъ талантовъ и крупныхъ произведенiй, поставившихъ русскую литературу въ уровень съ литературами европейскими, давшихъ ей среди нихъ самостоятельное мѣсто. Это вообще признано, объ этомъ никто не споритъ. Но, странное дѣло, въ самый цвѣтущiй литературный перiодъ, когда появились наиболѣе зрѣлыя, наиболѣе талантливыя работы Гончарова, Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Л. Толстого, Салтыкова, — именно въ этотъ цвѣтущiй перiодъ художественно-реалистической литературной школы ея основатель и величайшiй представитель былъ какъ бы забытъ; забытъ не читающею публикой конечно — она всегда его помнила — а литератур-

ною критикой. Вѣдь если говорить правду, у насъ до сихъ поръ нѣтъ полной и цѣльной критической оцѣнки Гоголя, хотя бы, напримѣръ, даже такой, какую Бѣлинскій сдѣлалъ произведеніямъ и значенію Пушкина. Геніальный критикъ предполагалъ сдѣлать подобную оцѣнку—онъ не разъ обѣщалъ написать «большую статью» о сочиненіяхъ Гоголя—но ему не удалось выполнить свое предположеніе. Въ статьяхъ Бѣлинскаго разсѣяно много общихъ и частныхъ замѣчаній о разныхъ сочиненіяхъ Гоголя, много полемическихъ опровержeній, направленныхъ противъ нелѣпыхъ и тупыхъ мнѣній, исходившихъ при началѣ литературной дѣятельности Гоголя, да и впослѣдствіи отъ различныхъ близорукихъ «цѣнителей и судей». Послѣднихъ статей, то есть полемическихъ, по отношенію къ Гоголю у Бѣлинскаго гораздо больше, чѣмъ собственно критическихъ. Это вполнѣ понятно: при той борьбѣ, какую приходилось выдерживать Гоголю, какъ основателю новой художественной школы, съ старыми литературными теченіями, главному наиболѣе сильному и горячему приверженцу художника въ критикѣ необходимо было, стоя въ первомъ ряду бойцовъ, много и часто биться съ противниками «новаго слова», провозглашеннаго новымъ творцомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Бѣлинскій боролся за Гоголя и только-что народившуюся реалистическую школу неутомимо и, быть можетъ, именно за полемической борьбой и не успѣлъ выполнить

критическую задачу, очевидно очень тревожившую его: дать полный и обширный критическій разборъ сочиненій Гоголя, установить болѣе или менѣе подробную и точную оцѣнку значенія великаго реалиста и общаго смысла его произведеній. Бѣлинскому удалось показать образчикъ полнаго и обстоятельнаго критическаго отчета только объ одномъ «Ревизорѣ», въ извѣстной статьѣ о грибоѣдовской комедіи, гдѣ онъ провелъ блестящее, хотя, быть можетъ, не совсѣмъ правильное сопоставленіе двухъ геніальныхъ пьесъ. Объ остальныхъ произведеніяхъ Гоголя, повторяю, знаменитый критикъ почти всегда говорилъ урывками и больше по поводу ихъ, чѣмъ о ихъ сущности.

И мало того, что Бѣлинскому не удалось сдѣлать полную оцѣнку Гоголя, онъ при всѣхъ своихъ заслугахъ по разъясненію и утвержденію гоголевской идеи въ литературѣ, при всѣхъ заслугахъ по защитѣ реалистически - художественнаго творчества автора «Мертвыхъ Душъ», тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ первыхъ установителей— скажу прямо — узкаго и односторонняго фальшиво-либеральнаго взгляда на *писательскую личность* Гоголя. Какъ извѣстно, знаменитая «Переписка» была встрѣчена Бѣлинскимъ съ великимъ негодованіемъ, была объявлена имъ публичной оплеухой, нанесенной Гоголемъ самому себѣ, была признана отступничествомъ великаго писателя отъ художественныхъ и моральныхъ принциповъ, выраженныхъ въ наиболѣе крупныхъ и

зрѣлыхъ его созданіяхъ, каковы «Ревизоръ» и «Мертвыя Души». Въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю по поводу «Переписки», письмѣ, оглашенномъ въ печати очень недавно (и то съ пропусками), но въ свое время ходившемъ по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ—въ этомъ письмѣ Бѣлинскій приписалъ Гоголю даже предосудительныя карьеристскія цѣли, не говоря уже о томъ, что онъ объявилъ проницательнѣйшаго и глубочайшаго художника не только отсталымъ и невѣжественнымъ мыслителемъ, но даже злостнымъ обскурантомъ. Было бы страннымъ винить теперь благороднѣйшаго и искреннѣйшаго изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей въ такомъ мелкомъ отношеніи къ личности геніальнаго писателя: напротивъ, по обстоятельствамъ времени онъ, безъ сомнѣнія, былъ вполнѣ правъ въ своемъ горячемъ протестѣ противъ того, что съ точки зрѣнія тогдашняго (да, пожалуй, и теперешняго) условнаго либерализма ему казалось въ Гоголѣ «обскурантизмомъ», «ретроградствомъ», отсталостью и невѣжествомъ. Но слѣдуетъ однако же сказать, не боясь обидѣть «тѣнь» Бѣлинскаго, что мнѣніе о *личности* Гоголя, мнѣніе о его мыслительныхъ качествахъ, пущенное имъ въ ходъ, было мнѣніе въ высшей степени несправедливое и пристрастное, объяснимое только склонностью критика къ крайнимъ увлеченіямъ съ одной стороны и кружковыми литературными вліяніями его времени — съ другой. Слѣдуетъ сказать также, что это мнѣ-

ніе, выраженное съ обычной страстностью и съ обычной силой, свойственными Бѣлинскому, имѣло послѣдствія крайне вредныя для установки правильнаго взгляда на писательскую личность творца «Мертвыхъ Душъ». Благодаря именно статьѣ Бѣлинскаго о «Перепискѣ» и еще болѣе благодаря его знаменитому письму, въ нашей литературѣ, или, по крайней мѣрѣ, — говоря рутинно-журнальнымъ выраженіемъ, — въ извѣстной ея «господствующей части» установился на Гоголя, какъ писателя - человѣка и какъ мыслителя, взглядъ, который, не боясь ошибки, можно назвать либерально-легкомысленнымъ и рѣшительно не соотвѣтствующимъ тому неизмѣримому величію творческаго ума и таланта, которые являетъ намъ создатель «Мертвыхъ Душъ». Этотъ фальшивый и узкій взглядъ установился такъ прочно, что позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, онъ повторялся съ самымъ непріятнымъ апломбомъ критиками и дѣятелями публицистики, которые, безъ всякаго сомнѣнія, по своимъ «идейнымъ» и такъ называемымъ гражданскимъ стремленіямъ недостойны были развязать ремня на сапогѣ Гоголя. Взглядъ этотъ перешелъ даже въ нѣкоторые мнимолиберальные курсы русской литературы и смѣло, или, точнѣе выразиться, нагло провозглашался тамъ наряду съ оцѣнками личности Пушкина, какъ высокоталантливаго поэта, но вертопрашнаго «гражданина», мало разумѣвшаго истинно - свободныя «идеи вѣка», и съ оцѣнками личности Лермон-

това, какъ даровитаго гусарскаго офицера — не болѣе того. У насъ вѣдь вообще существуетъ замѣтная склонность къ весьма легкому и развязному третированію наиболѣе крупныхъ и наиболѣе истинныхъ выразителей нашего народнаго духа, и въ этомъ отношеніи мы еще не пріобрѣли себѣ до сихъ поръ той благородной робости передъ величіемъ избранныхъ представителей общественной мысли, представителей національнаго генія, какою обладаютъ другія европейскія націи. Только въ самое послѣднее время, если не въ литературѣ, то въ обществѣ, начали, кажется, обнаруживаться нѣкоторые признаки благопріятнаго поворота въ указанномъ отношеніи, что̀ отчасти доказывается кой-какими фактами, выразившимися на радостномъ торжествѣ по поводу открытія памятника Пушкину и на печальныхъ торжествахъ похоронъ Достоевскаго и Тургенева. Я сказалъ: если не въ литературѣ, то въ обществѣ, потому что развѣ еще не видали мы недавно, какъ одинъ изъ мелкотравчатыхъ беллетристовъ нашихъ дней, повѣствуя въ своихъ журнальныхъ признаніяхъ объ исторіи своего литературнаго «развитія» и указывая на вліяніе въ этомъ развитіи гр. Л. Толстого, не преминулъ тутъ же обратиться къ геніальному автору «Войны и Мира» съ упреками и сожалѣніями о малой «развитости» этого послѣдняго и съ заявленіемъ, что эта малая развитость у насъ примѣчается во всѣхъ нашихъ геніальныхъ писате-

ляхъ и служитъ главною причиной того, что они подъ конецъ своего поприща обнаруживаютъ слабомысліе и предосудительное отступничество отъ «идей вѣка», предосудительную мыслительную отсталость. Конечно, это фактъ мелкій, какъ мелокъ «дѣятель», публично выскочившій съ своими сожалѣніями и наставленіями одному изъ величайшихъ теперешнихъ не только русскихъ, но и европейскихъ художниковъ, одному изъ самыхъ глубокихъ и оригинальныхъ умовъ; тѣмъ не менѣе, это фактъ характерный, и, какъ хотите, въ современномъ либеральномъ выскочкѣ, быть можетъ, отразилась та же самая тенденція, которая когда-то толкнула Бѣлинскаго на третированіе Гоголя, по поводу его «Переписки», какъ отсталаго и мало развитого мыслителя и плохого «гражданина».

II.

Къ оцѣнкѣ личности того или другого геніальнаго художника отнюдь не слѣдуетъ подходить съ камердинерскими съ одной стороны и узко-партійными мѣрками—съ другой. Если цѣнить личности геніевъ съ точки зрѣнія ихъ человѣческихъ слабостей, то кого изъ наиболѣе великихъ не придется поставить на самый низменный уровень, къ злорадному удовольствію тупыхъ и пошлыхъ ничтожностей? Смѣшно и глупо корить, положимъ, Шекспира тѣмъ, что онъ давалъ деньги за про-

центы на склонѣ своихъ дней. Точно также смѣшно и глупо разбирать, основательно ли онъ зналъ школьныя науки и либераломъ или ретроградомъ онъ является въ своихъ драмахъ и комедіяхъ. Между тѣмъ, у насъ камердинерская и узко-партійная точка зрѣнія въ большомъ ходу и наши «развитые», «честные» и высоколиберальные критики очень любятъ ставить на видъ, что одинъ геніальный писатель обнаруживалъ предосудительную склонность къ пустой свѣтской жизни и придворному мундиру, другой дружилъ съ сильными міра сего, унижался предъ ними, ханжилъ съ святошами и отличался лукавствомъ, третій жилъ съ крѣпостными дѣвушками, купленными за деньги, четвертый любилъ поѣсть и выпить и предавался цинизму и т. д. Еще больше любятъ у насъ мѣрять геніальныхъ писателей на аршинъ партій и съ истинно-дѣтской назойливостью приставать къ нимъ: либералы они или ретрограды, соотвѣтствуютъ они по своимъ идеямъ и по своему образованію «послѣднимъ словамъ», «послѣднимъ выводамъ» науки и господствующаго либерализма или радикализма. Честные, развитые и высоколиберальные критики, практикующіе оцѣнки личности, образованія и политическаго направленія геніальныхъ писателей забываютъ объ одномъ чрезвычайно важномъ обстоятельствѣ, именно о томъ, что третируемые ими люди представляютъ въ жизни извѣстнаго общества и извѣстнаго народа явленіе необычайное, почти, можно сказать, чудесное явленіе, что

ихъ человѣческія слабости и даже пороки не имѣютъ ровно никакого значенія въ виду величія ихъ художническаго призванія, что недостаточность ихъ формальнаго школьнаго образованія исчезаетъ, стушевывается въ виду ихъ прирожденнаго духовнаго всевѣдѣнія; что ихъ политическое «направленіе» не можетъ имѣть условной «современной» окраски, ибо они творятъ не для своего только времени, не для одной настоящей минуты, а и для ряда вѣковъ, для будущаго; что по большей части они именно свое-то время и опережаютъ шириною и глубиною своихъ идей, не укладывающихся въ узенькія рамки извѣстнаго «политическаго момента» въ развитіи того общества и народа, которымъ посылаетъ подобныхъ людей благосклонная судьба.

Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ такихъ необычайныхъ, чудесныхъ явленій въ русской жизни и только Пушкинъ, да развѣ еще Ломоносовъ могутъ съ нимъ стать въ одномъ ряду. Въ самомъ дѣлѣ, если попристальнѣе вглядѣться, не представляется ли по истинѣ изумительнымъ чудомъ такой фактъ: полуобразованный малороссъ, почти не видавшій Россіи и изучившій ее или проѣздомъ, или въ Петербургѣ, неизвѣстно какимъ провидѣньемъ схватываетъ весь строй русской жизни съ отрицательной точки зрѣнія и отражаетъ этотъ строй въ такихъ яркихъ и глубокихъ, въ такихъ общихъ и цѣльныхъ образахъ, что они, несмотря на политическую и обществен-

ную переформировку Россіи, до сихъ поръ по своей сущности остаются типическими и родовыми и, конечно, останутся такими навсегда. Полуобразованный малороссъ, почти незнакомый съ философско-художественными и научными теченіями его времени, обнаруживавшимися въ иностранныхъ литературахъ, почти незнакомый съ великими образцами этихъ литературъ, неизвѣстно какимъ провидѣньемъ усвоиваетъ съ необыкновенною глубиной пониманія идею реалистическаго творчества, только начинавшую назрѣвать тогда на Западѣ, и осуществляетъ эту идею рядомъ геніальныхъ созданій, несравненныхъ по силѣ художественной концепціи, выводитъ русскую литуратуру на совершенно новый путь, создаетъ цѣлую литературную школу, основный принципъ которой былъ усвоенъ высокоразвитыми западными литературами гораздо позднѣе, чѣмъ нашей, благодаря ему, сразу ставшей на почву правдиваго пониманія и выраженія истинныхъ задачъ искусства. Какъ онъ достигъ этого, при всѣхъ явныхъ недочетахъ своего образованія и, быть можетъ, даже жизненнаго опыта, недочетахъ, которые ему обыкновенно ставятся въ укоръ мудрыми цѣнителями и судьями? Вотъ въ этомъ-то и заключается чудесная тайна, поражающая каждаго, кто захочетъ вникнуть въ дѣло, въ этомъ-то и заключается необычайность того явленія, которое представлялъ и представляетъ этотъ удивительный че-

ловѣкъ и его удивительныя созданія. Разгадка этой тайны одна: онъ былъ геній.

Да, онъ былъ геній въ полной мѣрѣ, такой геній, какіе являются вѣками, возникаютъ и развиваются, повидимому, таинственными путями, сами изъ себя создаютъ все, создаютъ самостоятельно, почти безъ всякихъ пособій, кромѣ тѣхъ, которыя имъ даютъ ихъ умъ и великій инстинктъ ихъ художественнаго творчества. Онъ былъ геній той же природы и того же закала, какъ величайшіе геніи другихъ временъ и другихъ націй, геній, если, быть можетъ, по плодовитости творчества и не равный имъ, то одинаковый по внутренней сущности. Въ его пониманіи своего писательскаго призванія сказывается та же, если такъ можно выразиться, религіозность, какую замѣчаемъ у писателей отдаленныхъ эпохъ, въ родѣ, напримѣръ, великаго автора Донъ-Кихота. Гоголь понималъ свое писательское призваніе нѣсколько мистически—это черта, которою онъ рѣзко отличается отъ другихъ нашихъ писателей. Онъ совершенно ясно высказывался въ томъ смыслѣ, что писалъ ради спасенія своей души, какъ нѣкогда святые совершали подвижничество. Надъ его задушевными признаніями объ этомъ критика, даже сочувственная ему, издѣвалась и глумилась: она не могла понять правды и глубины этихъ признаній и заподозрила его въ высокомѣрномъ самообожаніи и ханжескомъ притворствѣ, дошедшемъ въ концѣ концовъ до психоза. А между тѣмъ, съ его сто-

роны не было ничего искреннѣе этихъ признаній. Вся внутренняя трагедія его жизни и писательской дѣятельности заключалась, быть можетъ, именно въ томъ, что онъ, въ концѣ концовъ, невольно созналъ недостаточность своихъ творческихъ и душевныхъ силъ для подобнаго религіознаго служенія на писательскомъ поприщѣ, и это сознаніе надломило его душу и убило раньше срока этого человѣка, который какъ будто опоздалъ родиться нѣсколькими вѣками и пришелся «не къ двору» нашему времени, вообще неудобному для людей съ поднятымъ душевнымъ строемъ, для жрецовъ и пророковъ, на какомъ бы поприщѣ ни проявлялись эти жрецы и пророки.

Что именно религіозное отношеніе къ своему творчеству и мистическое сознаніе своего художническаго назначенія, развившееся подъ конецъ жизни Гоголя въ болѣзненную манію, было главнѣйшею и ближайшею причиной его смерти — объ этомъ имѣется замѣчательное мнѣніе доктора А. Т—ва, одного изъ близкихъ ему людей, лечившаго его не задолго передъ смертью и присутствовавшаго при немъ въ послѣдніе дни его жизни. Вотъ это мнѣніе, высказанное серьезнымъ и умнымъ наблюдателемъ вскорѣ послѣ кончины великаго художника:

«Духовный элементъ, кажется, былъ преобладающею причиною его безпокойства, потрясеній, и могъ вызвать тѣлесныя страданія. И задолго передъ смертью одни тревожныя положенія, въ ко-

торыхъ онъ нерѣдко находился, производили въ немъ такія тяжкія и невыносимыя болѣзненныя состоянія, что *повѣситься или утопиться ему казалось какъ бы похожимъ на какое либо лекарство* (въ 1846 году)... Самая дѣятельность, въ которой онъ полагалъ свое призваніе, задачу жизни, дѣятельность, безъ которой онъ не считалъ и жизни за жизнь *(не работается — не живется)*, самое его творчество потрясало его здоровье: въ описаніяхъ житейской пошлости онъ весь переселялся въ описываемое и глубоко страдалъ, какъ бы живя на-время жизнью своихъ героевъ. Изучая все встрѣчающееся въ жизни, онъ ясно понималъ пошлое даже тамъ, гдѣ другіе его не видали, и скорбѣлъ о немъ. Но не удовольствовался онъ тѣмъ, что съ поразительно-глубокою художественностью воспроизводилъ жизнь въ образахъ; въ позднѣйшее время онъ навязалъ своему искусству цѣль внѣшнюю: сталъ домогаться разрѣшить глубокую задачу совершенствованія — представить лучшій порядокъ вещей, лучшую жизнь. Окруженный религіозными людьми и самъ всегда истинно-преданный религіи, въ послѣднее время онъ подвергся исключительному ея вліянію и окончательно убѣдился, что оно одно разрѣшитъ и для другихъ, и для него всевозможныя задачи. Совершенствованіе, кажется, онъ началъ съ себя самого... Религіозная настроенность заняла все его существованіе: безпрерывно помышляя о небесномъ, онъ пересталъ дорожить земнымъ и устремилъ все вниманіе на

себя, чтобы достойно приготовить себя къ будущей жизни достиженіемъ возможнаго совершенства... Тутъ онъ открылъ въ себѣ такіе недостатки, которые ему показались ужасными; самыя сочиненія его, столь любезныя ему и благотворно дѣйствовавшія на другихъ, показались ему недостаточными, незрѣлыми, вредными, грѣховными; онъ остался такъ недоволенъ собою, что рѣшился переломить свою натуру. Высшая христіанская добродѣтель—смиреніе перешла границы: вмѣсто того, чтобы возвысить душу, она умертвила тѣло». («Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя». Ст. А. Т—ва. «Отеч. Зап.» 1856 года. Декабрь).

III.

Личный характеръ Гоголя, и при жизни, и послѣ смерти великаго писателя, подвергался разнымъ осужденіямъ и нареканіямъ, иногда очень неблагопріятнымъ, порою даже гнуснымъ. Эти осужденія и нареканія исходили не только отъ людей толпы или отъ тѣхъ, задѣтыхъ сатирою художника лицъ, прототипы которыхъ онъ выставилъ на общій позоръ въ Сквозникахъ-Дмухановскихъ, Хлестаковыхъ, Чичиковыхъ, Собакевичахъ, Ноздревыхъ и т. д. Нареканія и осужденія, истекавшія изъ такихъ мутныхъ источниковъ, были бы вполнѣ понятны и свидѣтельствовали бы единственно о томъ, что нравственная личность Гоголя своею

высотой колола глаза людей толпы и возбуждала клеветы въ тупой и возмутительной средѣ, заклейменной геніальнымъ смѣхомъ его сатиры. Подобныя осужденія, нареканія и клеветы, какъ извѣстно, всегда сопровождаютъ писателя и вообще общественнаго дѣятеля, возвышающагося надъ своими современниками; они—неизбѣжный удѣлъ того,

Чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

На пути каждаго, обладающаго «благороднымъ геніемъ» учителя и апостола правды, подобнаго рода нареканія, осужденія и клеветы, безъ сомнѣнія, являются колючими терніями, заставляющими его иногда сильно страдать и даже временно отчаяваться въ своей дѣятельности, падать духомъ, понижать энергію своихъ стремленій въ работѣ на общую пользу, на пользу того народа, представителемъ высокихъ сторонъ духа котораго онъ является. Гоголь, какъ и многіе геніальные таланты, испытывалъ боль отъ этихъ терній, чему прочувствованное и краснорѣчивое свидѣтельство можно найти въ его письмахъ. Укажу для примѣра хотя бы на общеизвѣстныя письма къ Щепкину и Пушкину, писанныя послѣ представленія «Ревизора», письма, въ которыхъ слышится такой искренній крикъ сердечной боли художника, встрѣтившаго обычную плату—неблагодарность близорукой толпы, раздраженной подстановкою зеркала для ея «кривой рожи». Но страданія, наносимыя толпою за слу-

женіе правдѣ и изобличеніе зла, не особенно тяжки для «благородныхъ геніевъ»: они находятъ себѣ утѣшеніе въ высокомъ сознаніи своей нравственной силы, своего призванія. Опять-таки общеизвѣстный примѣръ подобнаго утѣшенія можно указать у Гоголя въ прекрасномъ и искреннемъ лирическомъ монологѣ писателя, заключающемъ его удивительную, и до сихъ поръ, кажется, еще недостаточно оцѣненную, пьесу «Разъѣздъ».

Повторяю: еслибы осужденія личнаго характера Гоголя истекали изъ указанныхъ мутныхъ источниковъ, не стоило бы останавливаться на этомъ обычномъ явленіи, не стоило бы разсматривать вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти осужденія соотвѣтствовали дѣйствительнымъ нравственнымъ качествамъ великаго художника. Но по отношенію къ Гоголю дѣло стоитъ нѣсколько иначе: о фальшивости и низменности его характера при его жизни и послѣ его смерти поднимались толки не въ одной недовольной и раздраженной его сатирой средѣ; они исходили не отъ однихъ дрянныхъ и тупыхъ людишекъ толпы, но и отъ людей, глубоко уважавшихъ Гоголя, какъ писателя-художника, отъ людей, ставившихъ его писательское значеніе на недосягаемую высоту. Довольно сказать, что однимъ изъ такихъ людей былъ, напримѣръ, Бѣлинскій, искреннѣйшій изъ искреннихъ энтузіастовъ всякой геніальности и человѣкъ высокихъ нравственныхъ требованій. Нельзя безъ особеннаго ощущенія боли читать тѣ упреки Гоголю въ душевной низости,

которые скорый на осужденія критикъ бросилъ въ письмѣ по поводу «Переписки»; и эта боль усиливается еще въ высшей степени, когда прослѣдимъ трогательныя оправданія Гоголя, сохранившіяся въ оставшихся клочкахъ возраженія автора «Переписки» на обвинительный крикъ Бѣлинскаго. Бѣлинскій, признавая книгу Гоголя «гнусной», не стѣснился въ то же время признать гнуснымъ въ нравственномъ отношеніи и ея автора. Въ одномъ письмѣ къ Боткину онъ прямо приписываетъ Гоголю подлость — слово, ужасное въ примѣненіи къ такой выдающейся личности, какою былъ творецъ «Мертвыхъ Душъ». «Терпимость къ заблужденію—пишетъ критикъ съ свойственной ему прямотою—я еще понимаю и цѣню, по крайней мѣрѣ въ другихъ, если не въ себѣ, но терпимости къ *подлости* я не терплю. Ты рѣшительно не понялъ этой книги («Переписка»), если видишь въ ней *только* заблужденіе. Гоголь — совсѣмъ не К. С. Аксаковъ. Это — Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который *всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ сатану*». Вотъ взглядъ на нравственную личность великаго художника поистинѣ возмутительный; тѣмъ не менѣе, этотъ взглядъ, какъ извѣстно, если и не въ такой рѣзкой формѣ, то, во всякомъ случаѣ, достаточно ясно высказанъ Бѣлинскимъ и въ извѣстномъ его письмѣ къ Гоголю, писанномъ въ 1847 г. изъ-за границы и въ свое время получившемъ такое обширное распространеніе въ множествѣ ру-

кописныхъ копій. Признаніе великаго художника — лукавымъ лицемѣромъ, фарисеемъ и даже прямо-таки подлецомъ, который, ради достиженія практическихъ цѣлей, ради стяжанія земныхъ благъ, написалъ какъ бы кодексъ для укорененія деспотизма и мрака, явилъ россійскій макіавелизмъ въ томъ гнусномъ толкованіи, какое у насъ обыкновенно соединяется съ этимъ словомъ — не самое ли это тяжкое обвиненіе, какое только можно бросить въ человѣка? Насколько книга Гоголя, такъ возмутившая Бѣлинскаго и прочихъ либераловъ его времени, была подлымъ поступкомъ—этотъ вопросъ оставимъ въ сторонѣ, ибо дѣло теперь собственно не въ немъ, а въ томъ, что Бѣлинскій и многіе люди его партіи, считавшіеся честными русскими людьми и дѣйствительно бывшіе честными, не обинуясь взводили на Гоголя страшное обвиненіе въ лицемѣріи и лукавствѣ, въ низости душевной. Убѣжденіе ихъ въ этомъ было такъ настойчиво, что наиболѣе увлекающійся изъ такихъ честныхъ людей, Бѣлинскій, не побоялся высказать Гоголю въ лицо свое воззрѣніе на его характеръ, конечно, въ твердомъ сознаніи, что онъ, Бѣлинскій, совершаетъ съ своей стороны нѣкоторый нравственный подвигъ, необходимый не только для образумленія Гоголя, но даже и въ болѣе широкомъ смыслѣ, необходимый для торжества правды надъ притворствомъ и лицемѣріемъ, соединившимися такъ противоестественно, такъ чудовищно въ геніальномъ художникѣ съ великимъ творческимъ талантомъ. Ка-

кой ударъ былъ для Гоголя это обвиненіе въ низости и лживости душевной, исходящее отъ честныхъ людей, какія нравственныя страданія долженъ онъ былъ возбудить въ немъ, — объ этомъ даетъ нѣкоторое понятіе его возраженіе на прокурорскій крикъ Бѣлинскаго, сохранившееся въ необработанномъ отрывкѣ и тѣмъ болѣе характерное въ своей искренности. Если запальчивое, раздражительное обвиненіе въ письмѣ критика теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, производитъ впечатлѣніе болѣзненное, почти дѣлающее невозможнымъ объясненіе того, какъ можно было столь жестоко и опромечтиво клеймить такую высокую личность, какая проявляется въ сочиненіяхъ Гоголя, то возраженіе послѣдняго вызываетъ чувство еще болѣе болѣзненное: своею трогательностью оно невольно возбуждаетъ жалость за человѣка, которому наносили такія жестокія раны. Какъ въ самомъ дѣлѣ смиренно и трогательно отстаиваетъ Гоголь тотъ фактъ, что онъ издалъ свою «Переписку», повинуясь «честному движенію», чего не хотѣли признать его обвинители. «Своекорыстныхъ цѣлей—прибавляетъ онъ—я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе теперь, когда мнѣ пора подумать о смерти... Ничего не хотѣлъ я ею (т. е. книгою, возмутившей его обвинителей) выпрашивать. *Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными.*

Вспомнили бы, по крайней мѣрѣ, что у *меня нѣтъ даже угла*, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, *чтобы легче было разставаться съ міромъ*. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца»... Да, слѣдовало бы удержаться... но, повторяю, отъ нанесенія этой раны геніальному художнику не удержались, подъ вліяніемъ узкихъ партійныхъ увлеченій, даже лучшіе изъ его современниковъ; въ этомъ отношеніи они, считавшіе себя друзьями его генія, терзали и мучили его не менѣе людей толпы, мстившихъ ему за сатирическія изобличенія всей ихъ пошлости. Къ мелкимъ уколамъ терній, обычныхъ на пути дѣятельности каждой высшей натуры, прибавились еще и глубокіе уколы терній, уже, такъ сказать, экстренныхъ, сверхкомплектныхъ. У насъ, впрочемъ, это было такъ почти со всѣми нашими великими художниками и дѣятелями и продолжается даже и до сихъ дней, чему примѣромъ можетъ служить покойный Достоевскій, точно такъ же, какъ и Гоголь, оплеванный журнальной критикою за недостоинства будто бы его личнаго характера. Печальная черта, свидѣтельствующая о томъ, что въ сущности даже такъ называемые наши «лучшіе интеллигенты» не отрѣшились отъ низкой склонности къ подведенію избранныхъ людей подъ уро-

вень посредственности, которая одна по мѣткому выраженію поэта,

Намъ по плечу и не страшна...

IV.

Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ со смерти великаго художника, невольно удивляешься, какимъ образомъ этотъ искреннѣйшій и благороднѣйшій идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова могъ подвергаться подозрѣніямъ въ фальшивости, въ лицемѣріи, въ низменности личныхъ стремленій. Прослѣдите тѣ матеріалы для біографіи Гоголя, которыхъ, правда, собрано еще не особенно много, но все таки достаточно, прослѣдите его письма, прослѣдите его сочиненія, въ жизни писателя тоже составляющія его *поступки*, и вы должны придти къ несомнѣнному сознанію, что это былъ человѣкъ высшей природы, избранный человѣкъ, человѣкъ не отъ міра сего. Онъ съ раннихъ лѣтъ инстинктивно еще чувствовалъ свое высокое призваніе и инстинктивно стремился къ нему всѣми силами своей души. Онъ въ расцвѣтѣ своей юности, когда каждаго человѣка манятъ житейскія блага и увлеченія страстей, посвятилъ себя по преимуществу на дѣло художническаго творчества, онъ могъ сказать смѣло про себя вмѣстѣ съ однимъ изъ позднѣйшихъ воспитанниковъ той литературной школы, которую создалъ:

Праздникъ жизни, молодости годы
Я убилъ подъ тяжестью труда [1]).

Онъ въ годы мужества въ своемъ стремленіи къ служенію творческому искусству дошелъ почти до отреченія отъ міра и его помыслы и силы были направлены къ тому, чтобы создать величайшее изъ его литературныхъ произведеній въ возможно совершенномъ видѣ, чтобы развить свое творчество до той глубины и силы, какая была необходима для созданія его геніальной поэмы. Онъ, наконецъ, еще не переступивъ упомянутые годы въ пламенной и сосредоточенной работѣ надъ самоусовершенствованіемъ, казавшимся ему необходимымъ для служенія своему писательскому призванію, дошелъ до настоящаго аскетизма, до мистической идеи умерщвленія личныхъ желаній и страстей въ пользу душевнаго дѣла, которое онъ считалъ святымъ; и въ концѣ концовъ онъ преждевременно убилъ себя въ увлеченіи этой идеей, дошедшемъ до маніачества. Пусть мнѣ укажутъ въ какой угодно литературѣ другого генія, у котораго личная жизнь сливалась бы такъ полно съ дѣломъ его творчества и обнаруживалось бы такое святое, подвижническое разумѣніе этого дѣла.

---

[1]) Съ 1831 по 1835 г., т. е. въ возрастѣ отъ 22 до 25 лѣтъ Гоголь создалъ «Вечера на хуторѣ», геніальную эпопею «Тарасъ Бульба» геніальныя свои повѣсти и драматическія пьесы, наконецъ «Ревизора». Какой упорный и огромный трудъ нужно было положить для созданія подобныхъ вещей въ столь юные годы!

Я не говорю уже о литературныхъ дѣятеляхъ нашего вѣка: тутъ нечего и искать примѣровъ, особенно на иностранной почвѣ; но и въ прежнія, наиболѣе цвѣтущія и выразительныя литературныя эпохи, когда служеніе художеству понималось болѣе непосредственно и искренно, едва ли можно отыскать писателя съ такой наивной и вмѣстѣ глубокой вѣрой въ ту великую истину, что призваніе писателя заключается въ спасеніи своей души и въ просвѣтленіи людскихъ душъ посредствомъ творчества. Подобную вѣру вы можете встрѣтить отнюдь не у художниковъ-творцовъ, а развѣ у проповѣдниковъ «божьяго слова». Но въ Гоголѣ именно и представляется необыкновенной чертой эта постоянная жажда, постоянное его стремленіе возвести свое художническое творчество до степени религіозной вѣры, до сосредоточенности религіознаго служенія...

Какъ и почему характеръ съ такимъ исключительнымъ, съ такимъ высокимъ строемъ могъ казаться фальшивымъ и низменнымъ въ глазахъ не только пошлыхъ людей, ненавидѣвшихъ сатирическій бичъ писателя, но и въ глазахъ людей съ своей стороны проявлявшихъ черты хотя меньшей чѣмъ у Гоголя жажды правды, но все-таки любившихъ правду? Разрѣшеніе этой загадки надо искать въ людской привычкѣ судить избраннаго человѣка по его чисто внѣшнимъ поступкамъ и слабостямъ. Гоголь, разумѣется, не былъ чуждъ разныхъ мелкихъ слабостей и, кромѣ того, по ка-

кому-то странному капризу, очень не рѣдко свойственному геніальнымъ и избраннымъ натурамъ, любилъ скрывать въ глубинѣ души своей высокія стремленія и на глазахъ у людей проявляться совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ сущности. Современники видѣли, напримѣръ, что Гоголь, проповѣдовавшій христіанское смиреніе, дружитъ по преимуществу съ разными титулованными лицами аристократическаго происхожденія и потому не обинуясь заключали: стало быть, онъ лицемѣритъ и фарисействуетъ. И, однако, на какія же личныя цѣли употреблялъ эту дружбу Гоголь, и какъ держалъ себя онъ по отношенію къ титулованнымъ лицамъ? Всѣ тѣ земныя блага, которыхъ онъ добивался отъ своихъ аристократическихъ знакомыхъ и покровителей, сводятся на слѣдующее: благодаря своимъ аристократическимъ связямъ, онъ пристроилъ своихъ сестеръ, далъ бѣднымъ дѣвушкамъ возможность получить приличное воспитаніе и образованіе; благодаря своимъ аристократическимъ покровителямъ, онъ могъ поставить «Ревизора» на сценѣ и провести сквозь тогдашнюю строгую цензуру «Мертвыя Души»; наконецъ, благодаря своимъ аристократическимъ покровителямъ, онъ воспользовался небольшими денежными пособіями отъ императора Николая, помогшими ему совершить его великій литературный трудъ. Этимъ исчерпываются всѣ тѣ «великія и богатыя милости», какими онъ обязанъ сильнымъ міра сего. Большихъ милостей онъ не имѣлъ отъ нихъ, да и не доби-

вался. Но, быть можетъ, онъ въ сношеніяхъ съ своими аристократическими покровителями являлъ какое нибудь предосудительное подобострастіе? Быть можетъ, именно въ этомъ смыслѣ онъ высказывалъ качества лукаваго лицемѣра? Прочтите его письма къ разнымъ титулованнымъ лицамъ, прочтите нѣкоторыя подробности, оглашенныя въ разныхъ воспоминаніяхъ о томъ, какъ онъ велъ себя съ этими лицами: вы не встрѣтите тутъ рѣшительно ничего, въ чемъ бы выразилась склонность Гоголя къ униженію своего достоинства, какъ человѣка и писателя; скорѣй наоборотъ, вы встрѣтите много такого, что говоритъ о благородной гордости, прямотѣ характера и нѣкоторой щекотливости геніальнаго автора, сознававшаго свое исключительное значеніе. Въ результатѣ вообще выходитъ, что дружескія сношенія Гоголя съ аристократическими лицами были чужды личныхъ, практическихъ цѣлей; его дружба съ лицами такъ называемаго высшаго общества, въ большинствѣ принадлежавшими къ людямъ хорошаго образованія, устанавливалась, вѣроятно, вслѣдствіе невольнаго признанія ими высокаго ума, дарованія и характера въ великомъ писателѣ. По внѣшности, конечно, многимъ современникамъ Гоголя могло казаться страннымъ, что онъ какъ будто бы заискиваетъ въ высшемъ обществѣ ради практическихъ, карьерныхъ видовъ; но на самомъ дѣлѣ было не такъ: Гоголь ничего не искалъ,—ни свѣтскихъ успѣховъ, ни чиновъ, ни выгодныхъ мѣстъ,

ни богатства; имѣя «высокихъ покровителей», онъ предпочиталъ всякимъ отличіямъ и благамъ скромную, труженическую долю писателя, въ началѣ довольствовавшагося очень малыми средствами и впослѣдствіи доведшаго свои требованія до возможнаго минимума...

Я привожу этотъ примѣръ, какъ наиболѣе характерный, наиболѣе выказывающій намъ, какимъ образомъ по наружнымъ отношеніямъ геніальнаго человѣка составляются ложныя заключенія о его личности. Отношенія Гоголя къ аристократическимъ особамъ обыкновенно выставлялись упрекомъ художнику и на этой нотѣ разные «честные» господа любили играть точно такъ же, какъ на мнимой приверженности Пушкина къ камеръ-юнкерскому мундиру, изъ-за которой онъ будто бы поступился независимыми убѣжденіями своей юности. Въ сущности говоря, не стоило бы и останавливаться на такихъ упрекахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго значенія, въ виду несомнѣнныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о высокомъ душевномъ идеализмѣ Гоголя, руководившемъ его въ жизни съ ранней молодости и дошедшемъ подъ конецъ до степени, граничащей съ самоотреченіемъ и аскетизмомъ. Можно ли въ самомъ дѣлѣ теперь, когда пристрастная близорукость современниковъ не затемняетъ воззрѣнія на личность геніальнаго писателя, можно ли теперь признать въ его характерѣ ту низменность и фальшивость, въ какой заподозривалъ его даже столь чистый

человѣкъ, какъ Бѣлинскій. Гоголь—откинувъ его мелкіе внѣшніе недостатки и слабости — по натурѣ былъ однимъ изъ самыхъ удивительнѣйшихъ идеалистовъ. Онъ служилъ идеѣ своего писательскаго призванія съ искренностью и честностью, которыя могутъ вызывать только поученіе для потомства. Его жизнь, можетъ и должна быть примѣромъ для каждаго писателя. Я не нахожу ничего лучше сдѣлать, какъ привести здѣсь мнѣніе о Гоголѣ человѣкѣ, высказанное въ книгѣ его лучшаго и покуда едва ли не единственнаго біографа, книгѣ, изданной почти тридцать лѣтъ тому назадъ и, какъ многое у насъ, теперь забытой. Вотъ что говорится въ этой книгѣ: «Гоголя не могло удовлетворить развитіе въ себѣ одного художественнаго таланта, что̀ для многихъ геніевъ служитъ конечною цѣлью ихъ всѣхъ стремленій. Въ его натурѣ заключена была особенная тоска по иной жизни, никогда не дававшая ему успокоиться надолго. Эту тоску онъ чувствовалъ, не зная ея имени, уже въ четырехъ-лѣтнемъ возрастѣ, и она же томила его душу потомъ, въ минуты величайшихъ художественныхъ созерцаній. Изъ этихъ двухъ началъ — ясновидѣнія земной жизни и стремленія къ жизни лучшей — развивается вся исторія существованія Гоголя. Здѣсь скрывается причина задачъ, на разрѣшеніе которыхъ онъ потратилъ лучшіе свои годы, годы успѣховъ литературныхъ, годы любви и дружбы. И чѣмъ выше становился взглядъ его на искусство,

тѣмъ строже былъ онъ къ себѣ, какъ къ человѣку; ибо искусство было для него только средствомъ къ устремленію ближняго туда, куда онъ самъ стремился. Потому-то онъ часто, сознавая всю силу своего таланта, оставлялъ подолго его въ бездѣйствіи и, вмѣсто творческой работы, воспитывалъ свою душу въ любви и разумѣ христіанскомъ. Никто не подозрѣвалъ, съ какого юнаго возраста пробудилось въ немъ сознаніе высшаго его назначенія. Въ своей «Авторской исповѣди» онъ говорилъ, что «задумываться о будущемъ онъ началъ рано,—въ ту пору, когда всѣ его сверстники думали еще объ играхъ»,- и ему «всегда казалось, что его ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра». Въ бесѣдахъ со своею матерью, еще задолго до переѣзда въ Петербургъ, онъ объявилъ ей однажды, что «не будетъ жить для себя, а для страждущихъ ближнихъ, и если его удостоитъ Богъ быть полезнымъ своему отечеству, то почтетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ; но если вообразитъ, что, можетъ быть, не допустятъ его къ тому обстоятельства, то чувствуетъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу». Конечно, не одинъ Гоголь имѣлъ въ отрочествѣ такіе страстные порывы къ добру и благу ближняго, но многіе ли остались вѣрны имъ до конца? Въ то время, когда въ Петербургѣ никто еще его не зналъ и ему предстояло пробивать себѣ дорогу въ жизни собственными, неиспытанными еще силами, онъ отказался

въ пользу своего семейства отъ наслѣдственнаго имѣнія. «Я сдѣлалъ все, что могъ (для сестеръ), писалъ онъ къ друзьямъ своимъ въ 1843 году, отвѣчая на упрекъ одного изъ нихъ: я отдалъ имъ свою половину имѣнія, сто душъ, и отдалъ, будучи самъ нищимъ и не получая достаточнаго для собственнаго пропитанья. Наконецъ, я одѣвалъ и платилъ за сестеръ, и это дѣлалъ не отъ доходовъ и излишества, а занимая, и надѣлавъ долговъ, которые долженъ уплачивать». Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ, что уже давно все его состояніе заключается въ «крохотномъ чемоданѣ и четырехъ парахъ бѣлья». Утверждая далѣе, что вся переписка Гоголя служитъ подтвержденіемъ его словъ о томъ, что онъ «возлюбилъ свою бѣдность» и что его душа мало склонялась къ земному, біографъ великаго художника заключаетъ такимъ образомъ: «Человѣкъ въ Гоголѣ былъ выше всего и дѣйствіе его, какъ человѣка, на общество — когда онъ объяснится весь, когда онъ дастъ себя почувствовать каждому свѣжему сердцу — будетъ, можетъ быть, несравненно важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, нежели дѣйствія его литературныхъ произведеній» [1]). Съ послѣднимъ выводомъ, конечно, нельзя согласиться: біографъ тутъ впадаетъ въ нѣкоторое увлеченіе героемъ своего труда; но мнѣніе біографа о высокомъ характерѣ Гоголя и о поучительности примѣра его

---

[1]) «Записки о жизни Н. В. Гоголя», т. I, стр. 339.

жизни, руководившейся главнымъ образомъ идеей душевнаго самоусовершенствованія для принесенія блага ближнимъ—это мнѣніе остается глубоко справедливымъ.

V.

Если критика, доброжелательная къ Гоголю, какъ художнику, выражала сомнѣніе въ чистотѣ и возвышенности его личнаго характера, то еще болѣе рѣшительно она утверждала, что Гоголь былъ человѣкъ мало образованный, что онъ, будучи необычайно сильнымъ въ художническомъ творчествѣ, оставался тѣмъ не менѣе всю жизнь на слабой степени теоретическаго умственнаго развитія, что онъ едва ли самъ разумѣлъ всю глубину тѣхъ общественныхъ явленій, которыя онъ отражалъ въ своихъ созданіяхъ, и тѣхъ «проклятыхъ вопросовъ», которые онъ задѣвалъ въ нихъ. Заявляя о малой «теоретической» подготовкѣ и недостаточномъ «теоретическомъ» развитіи Гоголя, критика, не обинуясь, признавала, что онъ въ этомъ отношеніи былъ вполнѣ отсталымъ отъ своего времени человѣкомъ, что его «знанія были случайны и отрывочны», что его «теоретическія понятія не шли дальше обиходнаго консерватизма [1]), что его

---

[1]) Эти и послѣдующія фразы и цитаты, означенныя ковычками, взяты изъ книги г. Пыпина «Характеристики литературныхъ мнѣній».

«общественные» идеалы были крайне наивны и что въ своемъ общемъ взглядѣ на жизнь онъ не поднимался выше банальной «точки зрѣнія старинныхъ моралистовъ». Бѣлинскій еще при жизни Гоголя высказался въ этомъ смыслѣ о слабомъ теоретическомъ развитіи великаго художника, высказался если не печатно, то въ частномъ письмѣ къ Гоголю по поводу «Переписки». Позднѣйшая критика либеральнаго лагеря усвоила мнѣніе Бѣлинскаго, развила его и старалась установить въ сознаніи публики, какъ нѣчто не подлежащее спору, нѣчто вполнѣ очевидное. «Теоретическое» развитіе самого Бѣлинскаго и его «друзей» критика шестидесятыхъ годовъ признала неизмѣримо высшимъ и глубокимъ, несравненно прогрессивнѣйшимъ, чѣмъ теоретическое развитіе Гоголя и «друзей» создателя «Мертвыхъ Душъ». По толкованію упомянутой критики, Бѣлинскій, видите ли, воспиталъ свои воззрѣнія на либеральныхъ идеяхъ, подсказанныхъ ему его «друзьями», принадлежавшими къ прогрессивному кружку; Гоголь же, наоборотъ, воспитывался на идеяхъ консервативныхъ, подсказанныхъ ему его «друзьями», принадлежавшими къ кружку отсталому, именно къ такъ называемому пушкинскому кружку.

Вліяніе пушкинскаго кружка, по мнѣнію либеральной критики шестидесятыхъ годовъ, не могло отозваться на Гоголѣ благотворно, не могло сообщить ему надлежащей «новизны», ширины и глубины взгляда и на общественно-политическіе

вопросы, и на искусство, и на писательское призваніе. Наоборотъ: это вліяніе зародило въ немъ узкій консерватизмъ, устарѣлыя и банальныя воззрѣнія, моральныя, общественныя и политическія, которыя впослѣдствіи, при попыткѣ Гоголя формулировать ихъ, совершенно сбили его съ толку и приняли даже предосудительный характеръ, перешли въ явный обскурантизмъ. Все это произошло, будто бы, очень естественно и объясняется критикою необыкновенно резонабельно. Дѣло, изволите видѣть, было такъ. Гоголь попалъ въ пушкинскій кружокъ, какъ извѣстно, совсѣмъ юношей, съ развитіемъ весьма слабымъ, съ образованіемъ болѣе чѣмъ неполнымъ. Онъ необходимо долженъ былъ подчиниться воззрѣніямъ людей кружка. А какіе это были люди? О, въ идейномъ отношеніи совсѣмъ, совсѣмъ незамѣчательные, увѣряетъ не смущаясь критика. «По своимъ теоріямъ и по общественному положенію», люди пушкинскаго кружка «все больше и больше удалялись отъ того положенія, для котораго требовалось «мужество» (тутъ разумѣется, конечно, такъ называемое «гражданское мужество»); ихъ литературное содержаніе ограничивалось только совершенно безобидными и слѣдовательно безразличными вещами, — поклоненіе «поэтическому» становилось изящнымъ развлеченіемъ, которое никакъ не должно было смущать ихъ спокойствіе. Литература, которую могъ поддерживать этотъ кругъ, могла быть только литература, отвѣчающая ихъ идеаль-

но-романтическому настроенію и ихъ общественному положенію. Можно себѣ представить, что такое условіе дѣлало объемъ этой литературы не очень широкимъ». Таковъ, по объясненію критики, былъ общій характеръ пушкинскаго кружка. А отдѣльныя, выдающіяся его личности — каковы онѣ были? Конечно, они были люди даровитые, но совсѣмъ не понимавшіе «новаго» духа тогдашняго времени и далеко отставшіе въ этомъ отношеніи отъ Бѣлинскаго и его «друзей». Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите кто эти личности. Во-первыхъ, Пушкинъ. Крупный поэтъ, что говорить; но въ періодъ, когда Гоголь попалъ въ его кружокъ, Пушкинъ ужъ, подобно грибоѣдовскому Платону Михайловичу, могъ про себя сказать только одно: «теперь ужъ я не тотъ». Идеи его въ этотъ періодъ далеко отстали отъ «независимыхъ» и «оппозиціонныхъ» идей его молодости, выразившихся въ злыхъ эпиграммахъ «на правительство», въ «Гавриліадѣ», въ «Одѣ на свободу» и понизились до того, что онъ дошелъ до стансовъ «Въ надеждѣ славы и добра», оды «Бородинская годовщина», и религіозно-мистическаго отрывка «Однажды странствуя въ пустынѣ дикой», наконецъ до «Полтавы» и «Мѣднаго всадника», до «Скупого рыцаря» и «Каменнаго гостя», до «Капитанской дочки» и «Лѣтописи села Горохина». Очевидно, совсѣмъ отсталымъ сдѣлался въ это время Пушкинъ, какъ поэтъ. Что касается до того, какимъ онъ былъ въ эту эпоху, какъ гражданинъ и че-

ловѣкъ, то ужъ одно ношеніе камеръ-юнкерскаго мундира свидѣтельствуетъ слишкомъ ярко о паденіи его гражданскаго мужества и объ ослабленіи въ немъ человѣческаго достоинства. Затѣмъ, кромѣ Пушкина, на Гоголя имѣлъ большое вліяніе еще Жуковскій. Тоже не важный по своему развитію и образованію, хотя и добрѣйшей души человѣкъ. Затѣмъ Плетневъ — милый и благодушный эстетикъ, имѣвшій прекрасное сердце и кой-какія заслуги въ критикѣ, но, къ сожалѣнію, неспособный на роль «бойца» въ литературѣ, потому что отъ журнальныхъ битвъ его удаляло «положеніе въ обществѣ, связи съ дворомъ». О другихъ членахъ нечего ужъ и говорить: они были «нѣкогда остроумцы и esprits forts, но теперь (т. е. въ періодъ, когда Гоголь подпалъ ихъ вліянію) и остроуміе, и бывшій либерализмъ уже выдыхались и замѣнялись житейскимъ благоразуміемъ и успокоеніемъ на лаврахъ. Въ своемъ кружкѣ подобные люди еще ходили со своей старой репутаціей; внѣ кружка они уже переставали быть литературной силой». Чтобы пояснить, о какихъ остроумцахъ тутъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ упомянуть П. А. Вяземскаго, о которомъ Бѣлинскій выразился въ письмѣ къ Гоголю, что этотъ членъ пушкинскаго кружка «князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ». Однимъ словомъ, по мнѣнію критики шестидесятыхъ годовъ, всѣ «друзья Пушкина, ставшіе друзьями и покровителями Гоголя, были люди довольно высокопоставленные, вполнѣ или

отчасти придворные. Литературные интересы принимали въ этихъ условіяхъ совсѣмъ особый характеръ; онъ сообщился вскорѣ и Гоголю. При Пушкинѣ, — это (?) начиналось враждою къ Полевому, къ Надеждину, въ сороковыхъ годахъ это (?) окончилось — враждою къ Бѣлинскому и всѣмъ писателямъ его направленія».

Итакъ, видите, вліянію какого отсталаго и нелиберальнаго кружка подпалъ Гоголь почти двадцатилѣтнимъ юношей. Могъ ли онъ извлечь изъ соприкосновенія съ такими людьми, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Плетневъ, Вяземскій, какія либо широкія и «новыя» идеи, могъ ли онъ тутъ научиться настоящему «критическому» отношенію къ современной ему русской дѣйствительности, могъ ли вдохнуть въ себя то «гражданское мужество» и тѣ стремленія къ роли литературнаго «бойца», какими одушевлялись Полевой и Надеждинъ, а потомъ за ними Бѣлинскій? Ни подъ какимъ видомъ не могъ онъ воспринять широкихъ и новыхъ идей, ни подъ какимъ видомъ не могъ онъ воспринять гражданскаго мужества, критическаго отношенія къ дѣйствительности и тому подобныхъ необходимыхъ качествъ высокоразвитого писателя-гражданина. Онъ воспринялъ отъ Пушкина и его друзей только дурныя качества: безразличное отношеніе къ общественнымъ интересамъ, пренебреженіе нравственно-общественныхъ задачъ въ искусствѣ и служеніе лишь чисто эстетическимъ задачамъ, узкій формальный консерва-

тизмъ, даже обскурантизмъ, даже «лицемѣріе, подведеніе интересовъ литературы подъ личные посторонніе разсчеты» и т. д. Въ немъ, подъ вліяніемъ пушкинскаго кружка созрѣло и возросло только непониманіе истиннаго смысла своихъ созданій, непониманіе, перешедшее позднѣе въ нелѣпое, извращенное толкованіе этого смысла въ направленіи совсѣмъ уже неблаговидномъ...

Такъ говоритъ намъ критика шестидесятыхъ годовъ съ полнымъ убѣжденіемъ, съ крѣпкою вѣрою въ правоту такого мнѣнія. И, однако, что же мы видимъ на дѣлѣ? — что̀ говорятъ намъ факты, если посмотрѣть на нихъ просто и прямо, отрѣшаясь отъ шаблонныхъ либеральныхъ оцѣнокъ литературныхъ дѣятелей той эпохи, о которой идетъ рѣчь. Факты намъ говорятъ вотъ что: юноша Гоголь, обратившій на себя вниманіе Пушкина и его кружка своими талантливыми «Вечерами на хуторѣ», сойдясь съ этимъ кружкомъ, подчинившись его вредному и антипрогрессивному вліянію, въ короткое время преображается изъ начинающаго литературнаго жанриста въ сформировавшагося, глубокаго реалистическаго художника, въ короткое время создаетъ рядъ произведеній, въ которыхъ проявляетъ геніальное пониманіе здравыхъ и истинно новыхъ началъ искусства, создаетъ рядъ произведеній, въ которыхъ «общественный интересъ» полно и органически сливается съ художественностью, въ которыхъ «критическое отношеніе къ дѣйствительности» высту-

паетъ самымъ яркимъ, самымъ существеннымъ элементомъ, хотя въ то же время не переходитъ границы спокойнаго эстетическаго творчества. Факты намъ говорятъ вотъ еще что: отсталый или безразличный къ «общественному интересу» Пушкинъ даетъ юношѣ Гоголю сатирическіе сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», объясняетъ ему въ чемъ заключается главный, основный нервъ его литературнаго таланта, убѣждаетъ его приняться за «большое сочиненіе», приводя въ примѣръ Сервантеса, однимъ словомъ, какъ уже сформировавшійся геній, становится истиннымъ путеводителемъ генія еще возникающаго и заботливо выводитъ его на широкую дорогу. На ряду съ Пушкинымъ, Жуковскій устремляетъ всю свою душевную доброту на нравственную и матеріальную поддержку юноши Гоголя и тщательно руководитъ его художественный вкусъ вмѣстѣ съ благодушнымъ эстетикомъ Плетневымъ. Что касается «князя въ аристократіи и холопа въ литературѣ», онъ заботится въ этомъ отношеніи не менѣе остальныхъ «друзей». И, какъ я уже сказалъ, результатъ вліянія отсталаго и сообщившаго вредное направленіе Гоголю пушкинскаго кружка выражается тѣмъ, что, вредно направляемый и отупляемый антипрогрессивными и антилиберальными идеями этого кружка, молодой человѣкъ, едва перешедшій возрастъ юности, является создателемъ «Шинели», «Тараса Бульбы», «Ревизора», «Театральнаго разъѣзда», первыхъ главъ «Мертвыхъ душъ»

и основнаго плана, основной мысли великой поэмы! Поистинѣ малоплодотворное, поистинѣ достойное сожалѣнія вліяніе оказалъ на Гоголя при началѣ его развитія этотъ кружокъ людей, составлявшихъ «особую котерію», чуждую общаго широкаго теченія литературы, людей тяготѣвшихъ больше къ невинно-эстетическому препровожденію времени, къ придворнымъ и аристократическимъ интересамъ, которыми кружокъ жилъ гораздо болѣе, чѣмъ интересами общественными, интересами творчества. Вотъ ужъ, говоря словами Бобчинскаго, поистинѣ «непредвидѣнное дѣло, чрезвычайное происшествіе!»

VI.

Нѣтъ, что бы ни толковала съ точки зрѣнія ходячаго формальнаго либерализма критика шестидесятыхъ годовъ, а надо благодарить судьбу за то, что она помогла Гоголю на первыхъ же шагахъ его литературнаго поприща попасть въ пушкинскій кружокъ, найти себѣ такихъ высокоразвитыхъ и высокообразованныхъ руководителей, каковы были друзья Пушкина и, главнымъ образомъ, онъ самъ. Вообще говоря, когда критика шестидесятыхъ годовъ оцѣниваетъ умственное и творческое развитіе и значеніе Гоголя, она отчасти напоминаетъ своими разсужденіями извѣстнаго цѣнителя и судью басни, который, удивляясь пѣнію

соловья, выражалъ, однако же, сожалѣніе о томъ, зачѣмъ онъ не поучился у пѣтуха: тогда бы онъ «навострился» въ своемъ искусствѣ несравненно болѣе. Серьезно такъ. Критика эта восклицаетъ съ соболѣзнованіемъ: какая жалость, что Гоголь, такой глубокій и геніальный природный умъ, такой великій художественный талантъ воспитался на жалкихъ отсталыхъ понятіяхъ, воспринятыхъ имъ отъ людей отсталыхъ. Ему бы слѣдовало поучиться у разныхъ пѣтуховъ тогдашняго журнализма, а онъ предпочиталъ учиться у соловьевъ поэзіи, какъ Пушкинъ, Жуковскій и др. Пушкинъ вообще къ пѣтухамъ былъ не очень-то расположенъ, цѣнилъ ихъ не высоко, точно такъ же къ пѣтухамъ относился и Гоголь; за это оба они, хотя геніальные, но совершенно легкомысленные художники, останутся навсегда повинными передъ судомъ либеральной критики!

Утвердившись разъ въ томъ мнѣніи, что Гоголь напрасно избѣгалъ выучки у пѣтуховъ современнаго ему журнализма, критика шестидесятыхъ годовъ вотъ какимъ удивительнымъ образомъ характеризуетъ умственную неразвитость Гоголя: «Нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что до того времени, когда начало въ Гоголѣ развиваться такъ называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни *опредѣленнаго образа мыслей. Онъ былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ.* Объ отдѣль-

ныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судятъ они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьезному взгляду на факты, нежели другіе писатели тогдашняго времени, написалъ «Ревизора», повинуясь единственно инстинктивному внушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ, и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; *о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно, рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая нибудь связь между взятничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній.* Когда ему представлялся случай взятничества, въ его умѣ представлялось только понятіе о взятничествѣ и больше ничего; ему не *приходило въ голову понятіе безправности* и т. п. Изображая своего городничаго, онъ, конечно, и не воображалъ о томъ, находятся ли въ какомъ нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго и контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи «Ревизоръ», ему вѣрно и въ

голову не приходило подумать о томъ, есть ли въ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣе онъ могъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. *Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ, потому что ничего подобнаго не могъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно пріютило его* (т. е. въ пушкинскомъ кружкѣ), а еще менѣе могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ... Гоголь видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. *Связь этого отдѣльнаго факта съ жизнью, со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ «на себя его вниманія»* [1]).

При всемъ уваженіи къ почтенному автору этихъ строкъ, нельзя, однако же, не замѣтить, что высказываемыя въ нихъ мнѣнія объ умственномъ развитіи Гоголя поистинѣ представляются изумительными. Возможно ли считать столь ограниченными и умъ, и познанія жизни въ такомъ исключительномъ, великомъ художникѣ, какъ Гоголь? Возможно ли думать, что онъ самъ и лица пушкинскаго кружка были столь невѣжественны въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Все это дѣй-

[1]) Цитата эта заимствована также изъ книги г. Пыпина, но она принадлежитъ не ему, а другому критику-публицисту шестидесятыхъ годовъ.

ствительно «смѣло предположено» почтеннымъ критикомъ-публицистомъ, но предположено совершенно несправедливо и рѣшительно безъ всякихъ основаній. Какъ! Гоголь не имѣлъ «ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей», тотъ самый Гоголь, который съ поразительною настойчивостью, ясностью и глубиною проповѣдывалъ отъ раннихъ дней идею служенія общественной правдѣ посредствомъ творческаго слова и стремился осуществить ее въ жизни? Гоголь былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, тотъ Гоголь, который былъ исключительнымъ, необычайнымъ явленіемъ своего времени по геніальности ума и таланта? Развѣ обыкновенные полуобразованные люди геніи? Гоголю при созданіи «Ревизора» случалось рѣдко думать о томъ, что онъ показываетъ въ своей комедіи и въ своемъ великолѣпномъ драматическомъ этюдѣ о ней настолько ясно, насколько можно было это показать въ условіяхъ тогдашней цензуры? Гоголь не могъ знать самъ, не могъ слышать отъ Пушкина и людей его кружка ровно ничего о государственномъ строѣ у другихъ народовъ? Пощадите, ради Бога: вѣдь творецъ «Ревизора» — худо ли, хорошо ли, — но настолько, однако же, зналъ исторію, что читалъ лекціи въ университетѣ: вѣдь Пушкинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и, по свидѣтельству современниковъ (напримѣръ, Мицкевича), слѣдилъ за политическою жизнью Европы съ изумительнымъ вниманіемъ, зналъ малѣй-

шія подробности политическаго устройства европейскихъ государствъ; вѣдь князь Вяземскій тоже былъ изъ европейски просвѣщенныхъ людей своего времени, да и Жуковскій, кажется, не отсталъ отъ Пушкина и Вяземскаго въ этомъ отношеніи. И однако все это упускается изъ вида и критикъ-публицистъ «смѣло предполагаетъ» и въ Гоголѣ, и въ Пушкинѣ, и въ людяхъ его кружка самое первобытное невѣжество, какъ будто Гоголь и Пушкинъ и его друзья были не крупными писателями, а просто гимназистами среднихъ классовъ. Читаешь все это теперь и съ невольнымъ изумленіемъ спрашиваешь себя: ради чего подобныя странныя мнѣнія распространялись критикою шестидесятыхъ годовъ? Кажется, во-первыхъ, ради торжества формально-либеральной идеи, требовавшей непремѣнно Гоголя и Пушкина, какъ мыслителей, поставить на низшую степень, ибо «направленіе» ихъ мысли шло въ разрѣзъ съ ходячимъ либерализмомъ; кажется, во-вторыхъ, ради того, что въ шестидесятые годы критика вообще считала себя необыкновенно возвышающеюся надъ «непосредственными» художниками, даже и геніальными. Съ высоты своего теоретическаго, книжнаго знанія, она не признавала творческій умъ и провидѣніе творческаго вдохновенія и старалась третировать геніальныхъ художниковъ, какъ талантливыхъ, но почти чуждыхъ всякой «наукѣ» и, въ концѣ концовъ, поверхностныхъ въ мыслительномъ отношеніи людей.

А между тѣмъ, такіе геніальные художники, какъ Гоголь, какъ Пушкинъ, безъ сомнѣнія, и въ мыслительномъ отношеніи были тѣмъ, чѣмъ ихъ не хотѣла признать и не признаетъ до сихъ поръ формально-либеральная критика: они, какъ мыслители, стояли не только наравнѣ съ своимъ временемъ, но даже далеко опережали его. Такъ далеко эти геніальные люди стояли впереди своего времени по уму и по истинному знанію, что надлежащая оцѣнка ихъ глубокихъ идей, можетъ быть, предстоитъ еще отдаленному будущему. Съ формальной точки зрѣнія такіе геніи, конечно, являются недостаточно образованными, такъ какъ они, видите ли, не проходили ни университетской, ни семинарской выучки; такъ какъ они, по выраженію критики шестидесятыхъ годовъ, относились «подозрительно» къ нѣмецкой философіи, плохо переваренныя идеи которой начинали въ ихъ время спутывать русскую мысль и выводить ее на ложный путь безплоднаго и чуждаго русской жизни теоретизированія; такъ какъ они, наравнѣ съ равнодушіемъ къ этой пресловутой философіи, оставались равнодушными и къ неменѣе безплоднымъ для насъ «общественнымъ» теоріямъ, заимствованнымъ напрокатъ изъ разныхъ мнимо-глубокихъ и мнимо-либеральныхъ доктринеровъ нарождавшагося въ ихъ время французскаго соціализма. Но взамѣнъ такого формальнаго теоретическаго знанія люди, подобные Гоголю и Пушкину, обладали гораздо высшимъ знаніемъ, которое заимствовали

изъ источника своего творческаго генія. Они знали превосходно и въ высшей степени основательно все, что имъ нужно было знать для ихъ творчества: они знали жизнь и душу человѣка, они знали жизнь и душу своего народа. Они прозрѣвали геніальнымъ провидѣніемъ не одни только частные факты этой жизни, какъ старалась увѣрять и до сихъ поръ увѣряетъ формально-либеральная критика, а весь внутренній строй жизни, всю связь отдѣльныхъ ея фактовъ съ общимъ ея духомъ. Смѣшно говорить, что такое высшее знаніе дается геніямъ однимъ только инстинктомъ безъ участія самой упорной работы мысли, приходитъ имъ ни съ того, ни съ другого, вслѣдствіе «необыкновенной легкости въ мысляхъ», которою обладалъ Ив. А. Хлестаковъ. Смѣшно увѣрять, что Гоголь, создавая «Ревизора», не вѣдалъ самъ, что творилъ, не понималъ самъ глубины своего произведенія, точно такъ же какъ Пушкинъ, бывшій учителемъ Гоголя, не понималъ будто бы всей глубины «общественной» сатиры Гоголя. Гоголь-то и Пушкинъ все это понимали такъ глубоко и вѣрно, какъ никто не понималъ въ ихъ время и такого пониманія, они, конечно, достигали самой пристальной, самой напряженной работой мысли, самымъ отчетливымъ изученіемъ отдѣльныхъ фактовъ жизни и ихъ общей связи. Вѣдь главное свойство генія и заключаются въ томъ, что его умъ и чувство отличается исключительно напряженной работой, результатомъ которой являются глубокія творческія

созданія. Вездѣ такимъ образомъ думаютъ про геніевъ, вездѣ давнымъ-давно такъ смотрятъ на нихъ. И только мы еще до сихъ поръ не отрѣшились отъ забавнаго воззрѣнія, резюмирующагося фразой: «N N конечно, былъ великій геній, но при всемъ томъ обладалъ крайне ограниченной мыслью и имѣлъ мало свѣдѣній». Это смѣшное сужденіе, какъ читатели видятъ, сдѣлалось у насъ достояніемъ не только людей толпы, но даже либеральной критики. Благодаря именно этому смѣшному сужденію, мы такъ мало цѣнимъ своихъ самобытныхъ геніевъ, такъ скоро забываемъ ихъ и въ то же самое время рабски благоговѣемъ передъ всякою иноземною посредственностью на томъ основаніи, что онъ будто бы несравненно образованнѣе нашихъ геніальныхъ людей. Даже лица высшаго развитія заражены у насъ этой привычкой: вспомните, напримѣръ, что Тургеневъ упрекалъ гр. Л. Толстого за отсутствіе въ немъ «истиннаго знанія» и въ то же самое время, вѣроятно, благоговѣлъ передъ высокой «образованностью» разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ беллетристовъ, въ родѣ Ауэрбаховъ и Флоберовъ. А вѣдь знаніе — я не говорю уже о силѣ творчества — Флоберовъ и Ауэрбаховъ передъ знаніемъ Толстого — очень незначительно: названные иностранные таланты знали кой-какія книжки, а Толстой, по выраженію одного поэта, относящемуся къ Шекспиру, знаетъ жизнь, «какъ Богъ». И такимъ же божественнымъ знаніемъ отличался и Гоголь, котораго наши журнально-либеральные кри-

тики силились и силятся до сихъ поръ выставить отсталымъ мыслителемъ, человѣкомъ, у котораго мысль не ладила съ творчествомъ съ самаго ранняго возраста и окончательно расшаталась и ослабла въ послѣднiе годы его литературной дѣятельности...

РОМАНИСТЪ ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

Вышло «Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова». Настоящее изданіе принадлежитъ г. Глазунову и состоитъ изъ восьми томовъ. Въ первомъ томѣ помѣщенъ романъ «Обыкновенная исторія»; во второмъ и третьемъ — романъ «Обломовъ»; въ четвертомъ и пятомъ — романъ «Обрывъ»; шестой и седьмой томы занимаютъ извѣстные путевые очерки «Фрегатъ Паллада». Восьмой томъ составляетъ какъ бы дополненіе къ предыдущимъ, заключающимъ въ себѣ капитальныя работы знаменитаго писателя; въ этомъ томѣ находимъ четыре небольшихъ очерка: «Литературный вечеръ», «Мильонъ терзаній» (критическій этюдъ о комедіи Грибоѣдова), «Замѣтки о личности Бѣлинскаго» и «Лучше поздно, чѣмъ никогда» — критическія замѣтки самого автора о своихъ трехъ главныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Романы И. А. Гончарова выходили прежде отдѣльными изданіями точно такъ же, какъ и «Фрегатъ Паллада»;

но полнаго собранія сочиненій его до сихъ поръ не было, хотя потребность въ немъ давно чувствовалась настоятельная: нѣкоторыхъ изъ его произведеній, напримѣръ, «Обыкновенную исторію» невозможно было найти въ продажѣ, романъ этотъ сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Г. Глазуновъ, настоящимъ изданіемъ, въ типографскомъ отношеніи совершенно удовлетворительнымъ, даже можно сказать прекраснымъ, даетъ читающей публикѣ въ первый разъ собраніе сочиненій писателя, сдѣлавшагося еще при своей жизни почти классическимъ. Въ восьми томахъ, вышедшихъ теперь, собрано все, что написалъ авторъ «Обломова», за исключеніемъ небольшого разсказа «Иванъ Савичъ Поджабринъ» и, кажется, нѣкоторыхъ журнальныхъ рецензій, относящихся къ началу литературной дѣятельности Гончарова. По всей вѣроятности, маститый романистъ не считаетъ достойнымъ своего имени упомянутый разсказъ, не придаетъ значенія своимъ раннимъ критическимъ упражненіямъ, а потому выключилъ ихъ изъ числа прочихъ своихъ произведеній.

Не сомнѣваясь въ самомъ широкомъ успѣхѣ полнаго собранія сочиненій И. А. Гончарова, я нахожу настоящее изданіе удобнымъ поводомъ для критическаго обзора дѣятельности одного изъ корифеевъ нашей беллетристики, выступившаго на литературное поприще почти одновременно съ Тургеневымъ. Въ виду вялости и хилости настоящаго нашей беллетристики, полезно оглядываться на

крупные, мощные и плодотворные таланты прошлаго, полезно вспоминать о нихъ и по силѣ возможности стараться объ оживленіи въ сознаніи читателей ихъ значенія. Такая ретроспективная критическая работа нужна теперь больше чѣмъ когда нибудь.

I.

Начало литературной карьеры Гончарова.—Время сороковыхъ годовъ.—Мнѣніе Бѣлинскаго объ основномъ качествѣ таланта автора «Обыкновенной исторіи».—Ключъ къ объясненію романовъ Гончарова, данный самимъ ихъ авторомъ.

I.

Въ 1846 году одному изъ добрыхъ пріятелей Бѣлинскаго, М. А. Языкову, была передана рукопись, озаглавленная: «Обыкновенная исторія». Авторъ рукописи, молодой чиновникъ министерства финансовъ, зная, что Языковъ близокъ съ Бѣлинскимъ, просилъ рекомендовать свое произведеніе вниманію критика, если онъ, Языковъ, прочтя рукопись предварительно самъ, найдетъ ее достойною такой чести. Языковъ цѣлые мѣсяцы продержалъ рукопись, прочиталъ изъ нея нѣсколько страницъ, остался ими недоволенъ и совсѣмъ было махнулъ рукою на трудъ неизвѣстнаго писателя. По счастію, онъ какъ-то упомянулъ объ этомъ трудѣ Некрасову, прибавивъ, что это что-то плохое, недостойное печати. Некрасовъ взялъ про-

изведеніе недостойное печати, просмотрѣлъ его и съ свойственнымъ ему чутьемъ понялъ, что это вещь, выходящая изъ ряда, передалъ ее тотчасъ же Бѣлинскому, а тотъ уже попросилъ автора плохого произведенія самому прочитать его. Неизвѣстный до тѣхъ поръ авторъ нѣсколько вечеровъ сряду знакомилъ критика съ «Обыкновенной исторіей». Бѣлинскій, «все съ болѣе и болѣе возраставшимъ участіемъ и любопытствомъ, слушалъ чтеніе и по временамъ прискакивалъ на своемъ стулѣ, съ сверкающими глазами въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ему особенно нравились. Въ минуты роздыховъ, — онъ всякій разъ обращался, смѣясь, къ Языкову и говорилъ: ну что, Языковъ, вѣдь плохое произведеніе — не стоитъ его печатать»?.. Такъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ» разсказываетъ Панаевъ о первомъ шагѣ Гончарова на литературномъ поприщѣ. Въ слѣдующемъ же году «Обыкновенная исторія» появилась въ печати и авторъ ея сразу занялъ мѣсто между первыми молодыми талантами тогдашняго времени.

А время это — конецъ сороковыхъ годовъ — было изумительнымъ временемъ по изобилію крупныхъ литературныхъ дарованій. Всѣ тѣ первостепенные художники беллетристики и поэзіи, которые являются представителями гоголевскаго періода литературы, выступили болѣе или менѣе счастливо именно тогда. Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Герценъ, Григоровичъ, Некрасовъ, Майковъ, Полонскій, Огаревъ, Фетъ — вотъ имена писателей,

которые начали почти одновременно свое служеніе литературѣ и стяжали себѣ почетную извѣстность, произведенія которыхъ до сихъ поръ не только не потеряли своей высокой цѣнности, но кажутся еще болѣе цѣнными въ сравненіи съ новѣйшими авторами, такъ какъ эти авторы «смѣнивъ, не замѣнили ихъ». Да, это было изумительное время. Тогда литература представляла, такъ сказать, единственное ядро нашего развитія и изъ этого ядра выходили свѣжіе и сильные ростки, несмотря на то, что почва была скудна и суха, несмотря на то, что кругомъ въ общемъ строѣ жизни вѣялъ холодъ, мракъ и ненастье. Созданная геніемъ Пушкина и Гоголя, литература тогдашняя неудержимо шла впередъ, несмотря ни на какія внѣшнія препятствія, несмотря на явныя усилія подавить ея добрые всходы. Напротивъ, эти внѣшнія препятствія, эти мѣры къ сокращенію ея порывовъ давали ей усиленную сосредоточенность; этотъ «суровый отпоръ» ея живымъ стремленіямъ какъ будто еще больше способствовалъ «пламенному натиску» дарованій, нарождавшихся и обнаруживавшихся въ ней. Происходило явленіе на первый взглядъ странное, необычайное, но при внимательномъ разсмотрѣніи вполнѣ понятное и объяснимое. Жизнь на поверхности была окована ледянымъ дыханіемъ казеннаго формализма, оффиціальнымъ насиліемъ надъ общественнымъ развитіемъ, надъ мыслью, наукою и искусствомъ; но подъ этой замороженной корою тѣмъ сильнѣе би-

лась кипучая струя мысли и творчества, исходившая изъ живого и чистаго родника литературы.

Основнымъ стремленіемъ тогдашней молодой литературы было стремленіе къ правдивому и точному воспроизведенію бытовой стороны русской дѣйствительности и къ гуманному освященію общественныхъ отношеній. Подъ вліяніемъ глубокихъ художественныхъ созданій Гоголя образовалась цѣлая школа молодой беллетристики, названная въ насмѣшку ея противниками «натуральною» и усвоившая себѣ это названіе, хотя оно было неточно: правильнѣе было бы характеризовать школу реалистической. Принципы школы теоретически развивалъ, уяснялъ и пропагандировалъ съ горячей вѣрой въ ихъ истинность и плодотворность такой критикъ, какъ Бѣлинскій, а представителями этой школы въ практикѣ творчества выступили такіе, въ то время молодые таланты, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Некрасовъ и, наконецъ, Гончаровъ. Послѣдній съ перваго же своего произведенія былъ признанъ однимъ изъ крупныхъ и типическихъ выразителей господствовавшей школы. Бѣлинскій провозгласилъ его настоящимъ художникомъ-реалистомъ, для котораго дороги только его непосредственныя жизненныя впечатлѣнія и ихъ по возможности правдивое и точное отраженіе въ созданіяхъ своего творчества. Опредѣляя настоящаго поэта-художника, Бѣлинскій говоритъ, что основное качество его натуры

есть безсознательное стремленіе къ живописи. «Схватить данный предметъ во всей его истинѣ, заставить его, такъ сказать, дышать жизнію: вотъ въ чемъ его сила, торжество, удовлетвореніе, гордость. Но поэзія выше живописи, предѣлы ея, обширнѣе, нежели предѣлы всякаго другого искусства. И поэтому поэтъ, разумѣется, не можетъ ограничиться одною живописью. Но какія бы ни были другія превосходныя, возбуждающія восторгъ и удивленіе качества его твореній—всетаки главная сила его въ поэтической живописи. Два-три факта—и его фантазія возстановляетъ цѣлый отдѣльный замкнутый въ самомъ себѣ міръ жизни, со всѣми его условіями и отношеніями, со свойственнымъ ему колоритомъ и оттѣнками». Переходя отъ этого общаго опредѣленія основныхъ качествъ натуры поэта-художника къ опредѣленію таланта Гончарова, критикъ характеризуетъ послѣдняго такимъ образомъ: «онъ поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его ни веселятъ, ни сердятъ; онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство—и тѣмъ самымъ успѣваютъ (?). Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто, кромѣ

таланта, и это нѣчто вѣрнѣе самаго таланта и составляетъ его силу; у г. Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта; онъ больше чѣмъ кто нибудь теперь поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный». Почва сознательной мысли, по мнѣнію Бѣлинскаго, чуждая почва для автора «Обыкновенной исторіи». «Гончаровъ,—увѣряетъ Бѣлинскій—рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить свои потребности и насладиться своею способностью рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія — ему надо предоставить своимъ читателямъ».

Такъ высказался Бѣлинскій о сущности художественнаго дарованія Гончарова по поводу первой его беллетристической работы. Самъ авторъ «Обломова» вполнѣ соглашается съ вѣрностью приговора Бѣлинскаго. По мнѣнію Гончарова, его творчество точно безсознательное и онъ руководится въ своихъ созданіяхъ больше всего одною только «своею способностью рисовать». «Рисуя,— объясняетъ почтенный романистъ откровенно и прямо,—я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, портретъ, характеръ: я только вижу его живымъ передъ собою — и смотрю, вѣрно ли я рисую, вижу его въ дѣйствіи съ другими — слѣдовательно вижу сцены и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполнѣ, какъ вмѣстѣ сложатся пока разбросанныя въ головѣ части цѣлаго». Въ про-

изведеніяхъ нашего романиста, по его собственному сознанію, отражается, какъ въ зеркалѣ пейзажъ изъ окна, онъ самъ, среда его воспитавшая, его непосредственныя жизненныя впечатлѣнія, и все это безъ малѣйшаго съ его стороны разсудочнаго элемента, а невольно, безсознательно.

II.

Несмотря на авторитетное мнѣніе Бѣлинскаго, несмотря на личное свидѣтельство самого Гончарова, я осмѣливаюсь, однако же, утверждать, что считать автора «Обломова» исключительно поэтомъ-художникомъ, признавать, что онъ въ своихъ произведеніяхъ проявляетъ по преимуществу непосредственное, безсознательное творчество — это значитъ впадать въ ошибочную односторонность. Весьма можетъ быть, что и Бѣлинскій, и самъ Гончаровъ совершенно правы, когда они говорятъ, что различныя картины и образы романовъ: «Обыкновенная исторія», «Обломовъ» и «Обрывъ» представляютъ плодъ невольнаго стремленія художника-поэта нарисовать въ живыхъ краскахъ рядъ тѣхъ жизненныхъ впечатлѣній, которыя зародились въ его душѣ, нарисовать ихъ безъ всякаго посторонняго умысла, безъ желанія поучать читателя, провести извѣстную мораль. Взятые отдѣльно сами по себѣ, эти образы и картины дѣйствительно могутъ быть разсматриваемы такимъ

образомъ. Но совсѣмъ другое заключеніе приходится сдѣлать объ упомянутыхъ образахъ и картинахъ, равно какъ и о самомъ творчествѣ Гончарова, когда начинаешь вникать въ тѣ комбинаціи, посредствомъ которыхъ нашъ романистъ составляетъ изъ картинъ и образовъ обширныя эпопеи, когда начинаешь вникать въ развитіе темы этихъ эпопей. Тутъ, въ подборѣ и группировкѣ образовъ, очень условномъ и очень опредѣленномъ, не только чувствуется явный умыселъ автора, но въ этомъ авторѣ замѣчается моралистъ, притомъ моралистъ очень выдержанный и, по правдѣ сказать, довольно узкій. Напрасно Бѣлинскій утверждаетъ, что почва сознательной мысли чужда Гончарову, что онъ, по коренному свойству своего дарованія, не долженъ судить и извлекать нравственныя слѣдствія изъ жизненныхъ явленій, рисуемыхъ его художественною кистью, единственно ради потребности насладиться живописью этихъ явленій. Долженъ онъ или не долженъ судить и дѣлать выводы—это вопросъ посторонній. Но, несомнѣнно, что онъ судитъ и дѣлаетъ эти выводы во всѣхъ своихъ романахъ и при этомъ нисколько не менѣе, чѣмъ многіе, чисто тенденціозные и лишенные художественнаго дарованія писатели, а, напротивъ, даже гораздо явственнѣе и усерднѣе; несомнѣнно, что онъ морализируетъ, какъ въ первомъ своемъ произведеніи, такъ и во второмъ, и въ третьемъ; въ послѣднихъ двухъ особенно настойчиво. Почва «сознательной мысли» не только

не чужда этому художнику-поэту, онъ держится на ней очень упорно и это ему тѣмъ болѣе легко, что эта почва у него очень ограничена, что ея предѣлы очерчиваются немногими условными правилами, которыя онъ заучилъ основательно и твердо, въ самодовольномъ признаніи истинности которыхъ онъ нимало не колеблется. Правила эти одинъ проницательный критикъ—это былъ А. Григорьевъ—давно очень рѣзко, но въ то же самое время и очень мѣтко охарактеризовалъ эпитетомъ «азбучно-практическихъ» и они дѣйствительно таковы, какъ это увидимъ позднѣе, при обзорѣ работъ почтеннаго писателя. Покуда же, повторю еще разъ: характеристика творчества Гончарова, какъ исключительно художественно-поэтическаго, ошибочно-одностороння и, быть можетъ, сдѣлана знаменитымъ критикомъ съ цѣлью утвердить дарованіе тогда еще только начинающаго, молодого автора въ томъ направленіи, которое желалось Бѣлинскому, которое было наиболѣе благопріятно для дальнѣйшаго развитія творца «Обыкновенной исторіи». Бѣлинскій, впрочемъ, могъ и ошибиться въ сущности таланта Гончарова: онъ засталъ только его первые шаги и ему не суждено было увидѣть полное и законченное развитіе творчества романиста, создавшаго впослѣдствіи эпопею о казни лѣниваго россійскаго раба Ильи Ильича Обломова, за то, что онъ зарылъ въ землю свой талантъ, а не пустилъ его въ ростъ и не выручилъ на него процентовъ на проценты, несмотря на всѣ под-

бадриванія его въ этомъ направленіи, исходившія отъ трудолюбиваго русскаго нѣмца Штольца. Но если Бѣлинскому извинительно было ошибиться въ данномъ случаѣ, то самому Гончарову, взявшемуся «лучше поздно, чѣмъ никогда» за истолкованіе сущности своего дарованія, издавшему это толкованіе уже по завершеніи своей художественной дѣятельности—ему ошибочное увѣреніе въ наивности своего творчества менѣе извинительно. Сколько бы почтенный писатель ни толковалъ намъ о томъ безсознательномъ процессѣ созданія своихъ произведеній, который ему будто бы свойственъ по преимуществу, мы не можемъ удовлетвориться этими толкованіями. Не можемъ удовлетвориться потому, что передъ нами на лицо цѣлый завершенный кругъ его художественной дѣятельности, предъ нами на лицо его, если такъ можно выразиться, художественно-резонерская трилогія: «Обыкновенная исторія», «Обломовъ», «Обрывъ». Стоитъ только прослѣдить внимательно эту трилогію, стоитъ припомнить отзывы о ней прошлой критики, свести эти отзывы—и мы въ общемъ выводѣ получимъ несомнѣнное убѣжденіе, что Гончаровъ остается поэтомъ-хухожникомъ только въ рисовкѣ картинъ природы, внѣшнихъ сторонъ быта, отдѣльныхъ образовъ, но что въ общей компановкѣ своихъ романовъ, въ развитіи ихъ темъ онъ является самымъ выдержаннымъ, самымъ разсудочнымъ моралистомъ, который «ничто же сумняшеся» гнетъ изображаемую имъ дѣйствительность подъ не особенно высокій

уровень опредѣленныхъ и условныхъ воззрѣній. Непосредственности, наивности творчества въ общемъ содержаніи его произведеній такъ же мало, какъ много въ нихъ разсудочности и, притомъ, разсудочности самой неуступчивой, очень мало склонной къ подчиненію, какъ безсознательному голосу творчества, такъ равно и къ широкимъ идеаламъ. Самъ почтенный писатель, конечно, не согласится съ этимъ потому, что тотъ ключъ къ пониманію своего творчества и своихъ произведеній, который онъ даетъ въ критическомъ этюдѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», имѣетъ очевидной цѣлью убѣдить читателей именно въ противоположномъ взглядѣ на сущность его творческой натуры и на внутренній процессъ созданія его романовъ. Но вѣдь ключъ автора, даже при всей крупности его таланта, не обязателенъ для критики и она можетъ попытаться съ полнымъ правомъ при своей оцѣнкѣ руководствоваться собственнымъ ключомъ. Только геніальные художники вполнѣ простодушны и въ своемъ геніальномъ простодушіи очень часто освѣщаютъ самихъ себя вполнѣ правильнымъ критическимъ свѣтомъ: таковъ, напримѣръ, былъ Пушкинъ, который, какъ это видно изъ случайныхъ его замѣтокъ о себѣ и своихъ трудахъ, понималъ свой великій талантъ и глубокій смыслъ своихъ произведеній порою несравненно вѣрнѣе, чѣмъ его критики. Но и геніальные художники иногда заблуждаются относительно собственной оцѣнки. Тутъ также можно привести примѣры очень выразитель-

ные: примѣръ Байрона, нерѣдко цѣнившаго очень неправильно свои вдохновенія, примѣръ Гёте, считавшаго вторую часть «Фауста» чуть ли не выше первой и т. д. Послѣдній примѣръ напоминаетъ еще и ту истину, что на склонѣ лѣтъ художники въ собственной оцѣнкѣ ошибаются чаще, чѣмъ въ раннемъ возрастѣ. Критическій этюдъ о самомъ себѣ, сдѣланный Гончаровымъ, написанъ имъ также въ позднемъ возрастѣ и, стало быть, уже отчасти поэтому меньше застрахованъ отъ ошибочныхъ воззрѣній. Къ тому же, при несомнѣнной своей репутаціи очень крупнаго дарованія, Гончаровъ не можетъ быть признанъ дарованіемъ геніальнымъ и стало быть его откровенія о своихъ собственныхъ созданіяхъ не входятъ въ разрядъ геніально-простодушныхъ признаній. Въ концѣ концовъ изъ всего сказаннаго прямой выводъ такой: со стороны критики не будетъ особенной самонадѣянности, если она на «ключъ» къ объясненію романовъ Гончарова, данный имъ самимъ, взглянетъ съ крайней осторожностію и приметъ его только для свѣдѣнія, а отнюдь не для руководства при оцѣнкѣ значенія и смысла этихъ романовъ.

II.

Романъ «Обыкновенная исторія».—Какъ онъ былъ встрѣченъ литературой и обществомъ.—Два критическихъ отзыва о главныхъ герояхъ и общемъ замыслѣ «Обыкновенной исторіи».—Значеніе романа.—Взглядъ на его смыслъ самого автора.—Бытовая живопись въ романѣ.

I.

Романъ «Обыкновенная исторія» появился впервые въ мартовской и апрѣльской книгахъ «Современника» 1847 года и его автора встрѣтили общія привѣтствія и общая благосклонность. Не только прогрессивная литературная партія съ Бѣлинскимъ во главѣ, но и партія тогдашнихъ консерваторовъ, даже литературныхъ старичковъ восхищались новымъ романомъ и похваливали новый талантъ. Объ этомъ *общемъ* успѣхѣ свидѣтельствуетъ Аполлонъ Григорьевъ, выставляя его на видъ не въ пользу произведенія Гончарова. «Замѣчательно,—говоритъ критикъ, бывшій сверстникомъ автора и, вѣроятно, хорошо знавшій всѣ обстоятельства, сопровождавшія успѣхъ романа,—замѣчательно въ высшей степени, что «Обыкновенная исторія» понравилась даже отжившему поколѣнію, даже старичкамъ, даже, помнится, «Сѣверной Пчелѣ»; это свидѣтельствовало не объ особенномъ ея художественномъ достоинствѣ, а просто о томъ, что воззрѣніе, подъ которымъ она написана, было не выше обычнаго уровня». Въ са-

момъ дѣлѣ, эта благосклонность старичковъ и «Сѣверной Пчелы» къ молодому писателю, появившемуся въ рядахъ приверженцевъ «натуральной» школы, по тогдашнимъ временамъ, выходитъ обстоятельствомъ необыкновеннымъ. Если сравнимъ тотъ пріемъ, который ровно за годъ передъ романомъ Гончарова оказанъ былъ другому тогдашнему начинающему таланту и молодому произведенію — «Бѣднымъ людямъ» Достоевскаго, то разница выйдетъ поразительная. Работа Достоевскаго имѣла шумный успѣхъ; Бѣлинскій и его литературные товарищи захлебывались отъ восторга, видѣли въ авторѣ «Бѣдныхъ людей» писателя, превышающаго даже Гоголя; но старая литературная партія приходила въ негодованіе отъ новаго произведенія и тоже захлебывалась — не отъ восторговъ и похвалъ, а отъ злобы и порицаній. «Сѣверная Пчела» въ особенности отличалась насчетъ ругательствъ. Неистовство «Сѣверной Пчелы» по поводу «Бѣдныхъ людей» конечно происходило отъ того, что ей была не по плечу основная либерально-гуманная идея романа Достоевскаго, что въ этой идеѣ ей видѣлось, какъ выражались прежніе консерваторы, «ниспроверженіе основъ», что въ талантѣ автора «Пчела» прозрѣвала вредный духъ. Но вотъ съ основной идеей «Обыкновенной исторіи» булгаринская критика не только мирилась, но ей даже понравилась эта идея; трезвость и солидность «духа» новаго писателя были для «Пчелы» несомнѣнны. Конечно,

изящество стиля Гончарова, высокая художественность его дарованія много способствовали тому, что даже отсталая литературная партія покорилась обаянію его романа. Однако, не въ этомъ была настоящая причина благосклоннаго воззрѣнія «старичковъ» на «Обыкновенную исторію», а конечно въ томъ, что воззрѣнія, обнаруженныя авторомъ, несмотря на реалистическую форму его произведенія, въ сущности оказывались воззрѣніями золотой середины, воззрѣніями той практической «умѣренности и аккуратности», которая въ лицѣ Петра Ивановича Адуева выходитъ такой торжествующей надъ теоретически-молодою «безпорядочностью» героя романа.

Содержаніе «Обыкновенной исторіи» — я разумѣю не внѣшнее содержаніе, не фабулу романа, а его внутренній смыслъ, его основную тему — до такой степени отошло теперь въ область минувшаго, что его значеніе можно оцѣнить, лишь ставши на историческую почву. Въ самомъ дѣлѣ, въ наше время протестъ противъ россійскаго романтизма на подкладкѣ крѣпостного барства и бездѣлья, притомъ протестъ во имя солидной и казенной, такъ сказать, практичности — это нѣчто такое, что не только кажется ненужнымъ, но даже совсѣмъ непонятнымъ анахронизмомъ. Если теперь приходится протестовать, то совсѣмъ въ обратномъ смыслѣ. Господствующій тонъ современныхъ характеровъ, современныхъ героевъ направляется отнюдь не въ сторону фальшиваго и каррикатур-

наго идеализма, отнюдь не въ сторону искаженія жизни праздной и смѣшной сантиментальностью. Напротивъ, въ современной дѣйствительности господствуетъ скорѣе иное искаженіе: отсутствіе въ характерахъ всякихъ идеальныхъ порывовъ сердца, самодовольное упоеніе сознаніемъ, что эти порывы кастрированы въ самомъ зародышѣ и не менѣе самодовольное упоеніе, если такъ можно выразиться, деревянностью души, деревянностью, выработавшей не только узкую практичность и дѣловитость, но даже наглое и безцеремонное стремленіе къ хищничеству, къ рванью кусковъ. Такіе образы, такіе характеры, какъ герой «Обыкновенной исторіи», Александръ Адуевъ, въ наши дни представляютъ исключительную рѣдкость и не могутъ имѣть общаго интереса. Представляли ли они господствующій общій интересъ въ ту эпоху, когда вышелъ въ свѣтъ романъ Гончарова, имѣлъ ли художественный протестъ автора противъ романтизма серьезное значеніе и серьезное поученіе для своего времени, основательно ли и широко, или же односторонне и узко былъ поставленъ этотъ протестъ — вотъ вопросы, рѣшеніемъ которыхъ, конечно, обусловливается «идейная» цѣнность и «идейная» величина первой художественной работы Гончарова.

II.

Вопросы эти могутъ быть рѣшены посредствомъ пересмотра сужденій критиковъ тогдашняго времени. Первый вопросъ — о своевременности разоблаченія романтическаго типа возникалъ еще въ тѣ дни, когда появился романъ. Уже тогда толковали, что личность героя «Обыкновенной исторіи» представляетъ анахронизмъ, что такіе романтики были на Руси когда-то, да всѣ вышли. На эти толки счелъ нужнымъ возразить Бѣлинскій въ своей критикѣ, гдѣ типъ Александра Адуева разобранъ и опредѣленъ съ большой внимательностью, освѣщенъ чрезвычайно ярко и вѣрно, а его отрицательныя стороны осуждены съ горячностью, затаенную причину которой я поясню ниже. «Говорятъ, типъ молодого Адуева, — такъ начинаетъ свою характеристику Бѣлинскій, — устарѣлый; говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ на Руси. Нѣтъ, не перевелись и не переведутся никогда такіе характеры, потому что ихъ производятъ не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа. Родоначальникъ ихъ на Руси — Владиміръ Ленскій, по прямой линіи происходящій отъ гётевскаго Вертера. Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущность ихъ всегда будетъ та же самая... Это по-

рода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣлила нервическою чувствительностію, часто доходящею до болѣзненной раздражительности. Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это—наслаждаться внутренней жизнію. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ такъ же мало, какъ много ощущеній и чувствъ» и проч. Я не стану приводить далѣе характеристику романтическихъ натуръ, прекрасно и пространно сдѣланную критикомъ, который обнаруживаетъ не только проницательный анализъ въ пониманіи фальши такихъ натуръ, но даже съ необыкновенной страстностью разоблачаетъ эту фальшь. Указанная страстность, если не ошибаюсь, имѣетъ личную, субъективную причину: Бѣлинскій самъ вмѣстѣ съ многими своими друзьями былъ когда-то, какъ выражался его кружокъ, «въ моментѣ» романтизма, самъ не мало перенесъ отъ его наивныхъ заблужденій и мечтаній, самъ не мало потратилъ силъ на отрезвленіе отъ романтическихъ сантиментовъ въ любви и въ дружбѣ. Стоитъ пересмотрѣть его переписку съ В. П. Боткинымъ, чтобы отыскать тамъ явныя доказательства того, какъ была близка прежде его сердцу и сердцу его друга та жизненная фальшь, которую изобличаетъ въ

5*

своемъ романѣ Гончаровъ. «Моментъ», въ который Бѣлинскій переживалъ эту фальшь, считая ее за истину, за настоящее жизненное дѣло и единственно вѣрное направленіе въ «области духа», былъ очень недалекъ отъ того времени, когда онъ писалъ свою критику на романъ Гончарова. Естественное дѣло, что критикъ, еще не забывшій, чего ему стоила эта фальшь, обрушивается на нее съ великой горячностью; естественное дѣло, что онъ съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ романиста, видя въ немъ разоблачителя моральнаго недуга, столь знакомаго критику, видя въ немъ превосходнаго анатома, который съ ученымъ хладнокровіемъ распластываетъ несчастнаго Александра Адуева и читаетъ анатомическую лекцію о патологическихъ признакахъ болѣзни, именуемой россійскимъ романтизмомъ, И такъ какъ въ романѣ авторъ анатомируетъ Адуева не собственнолично, а предоставляетъ роль анатома-лектора его практическому дядюшкѣ Петру Ивановичу, то Бѣлинскій преисполняется большимъ уваженіемъ къ этому дядюшкѣ. выдаетъ ему аттестатъ настоящей учительской зрѣлости, передъ которой такъ пасуетъ ученическая незрѣлость его племянника. Разобравъ всѣ прегрѣшенія Александра на поприщѣ непониманія жизни, непониманія требованій природы, непониманія настоящей дружбы и любви, критикъ благосклонно привѣтствуетъ Петра Ивановича. «Это лицо введено въ романъ, говоритъ Бѣлинскій, не само для себя, а для того,

чтобы своей противоположностью съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набрасываетъ на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Ивановичъ — не абстрактная идея, — живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Ивановичъ, по своему, человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства, страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ—эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ, онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ, чего не можетъ или не хочетъ сдѣ-

лать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобы было побольше». Указавъ затѣмъ на единственную проруху въ поведеніи Петра Ивановича—на то, что онъ, увлекаясь своимъ здравымъ смысломъ и практической мудростью, не хлопоталъ о своемъ «семейственномъ счастіи» и невольно «заѣлъ вѣкъ» своей жены, критикъ снисходительно замѣчаетъ: не слѣдовало бы Петру Ивановичу вдаваться въ крайности «положительности», или ужъ, если разъ онъ не могъ преодолѣть сухости своей натуры, не надобно жениться. Впрочемъ, эта ошибка, кажется, не ставится въ фальшь честному и положительному «порядочному человѣку».

Изъ подробнаго анализа обоихъ героевъ «Обыкновенной исторіи», даннаго Бѣлинскимъ, можно сдѣлать тотъ прямой и ясный выводъ, что всѣ его симпатіи на сторонѣ дядюшки-Адуева и всѣ его порицанія на сторонѣ Адуева-племянника. Александръ Адуевъ—лицо жалкое, ничтожное, смѣшное, представитель нравственной посредственности, воображающій себя героемъ вслѣдствіе ложнаго мечтательнаго склада своей натуры и ложнаго направленія своей хилой мысли, словомъ, типъ отрицательный. Петръ Иванычъ Адуевъ, напротивъ,—лицо въ извѣстной степени привлекательное, не лишенное нравственной силы, лицо крупное и по уму, и по характеру, и по жизненному направленію, словомъ, типъ положительный. Таково мнѣ-

ніе критика и въ этомъ случаѣ онъ, конечно, вполнѣ сходится съ мнѣніемъ автора романа, сходится съ явной тенденціей эпопеи объ исправленномъ романтикѣ Адуевѣ, которая предшествовала эпопеѣ о неисправленномъ лѣнтяѣ Обломовѣ. Бѣлинскій, правда, въ окончательномъ выводѣ объ Александрѣ Адуевѣ не согласенъ съ авторомъ. Въ своей враждѣ къ адуевскому типу, критикъ досадуетъ, что авторъ въ эпилогѣ романа возвысилъ жалкаго и ничтожнаго племянника до высоты его практическаго дядюшки, что онъ въ концѣ концовъ превратилъ его также въ дѣлового и здравомыслящаго, «вполнѣ порядочнаго человѣка». Такую метаморфозу Бѣлинскій считаетъ ошибкой, обращающей въ эпилогѣ Александра Адуева въ лицо фальшивое, неестественное. Такая метаморфоза противорѣчитъ натурѣ героя: подобные романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Лучше бы авторъ, — совѣтуетъ Бѣлинскій, — сдѣлалъ Александра мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ, а еще бы лучше славянофиломъ. Послѣдній совѣтъ, помимо его коварной полемической цѣли, въ самомъ дѣлѣ, довольно резоненъ: между славянофилами сороковыхъ годовъ, изъ которыхъ иные были одно время друзьями Бѣлинскаго, не мало встрѣчалось прекраснодушныхъ романтиковъ во вкусѣ гончаровскаго героя. Но почему критикъ полагалъ, что Александръ Адуевъ при его нравственной рыхлости могъ обратиться въ фанатика— это представляется довольно страннымъ.

Такъ посмотрѣлъ Бѣлинскій на «Обыкновенную исторію» при ея появленіи, такъ оцѣнилъ онъ двухъ главныхъ героевъ этого романа и его общій смыслъ. Любопытно съ этимъ взглядомъ сопоставить взглядъ другого критика—Аполлона Григорьева, взглядъ, высказанный гораздо позднѣе, уже тогда, когда появился «Обломовъ» и Гончаровъ выяснялся весь всѣми сторонами своего таланта и направленія. Взглядъ Аполлона Григорьева интересенъ, помимо общаго его значенія, особенно потому, что Григорьевъ считалъ себя самого однимъ изъ представителей россійскаго романтизма, — да и дѣйствительно былъ таковымъ, — что онъ придавалъ широкое и серьезное значеніе романтическому началу въ нашей жизни и въ литературѣ. «Въ «Обыкновенной исторіи»—говоритъ Григорьевъ — голый скелетъ психологической задачи слишкомъ рѣзко выдается изъ-за подробностей». По его мнѣнію, романъ этотъ не художественное созданіе, а этюдъ, но этюдъ «блестящій яркимъ жизненнымъ колоритомъ, выказывающій несомнѣнный талантъ высокаго художника, но художника, у котораго анализъ, и притомъ очень дешевый и поверхностный анализъ, подъѣлъ всѣ основы, всѣ корни дѣйствительности. Сухой догматизмъ постройки «Обыкновенной исторіи» кидается въ глаза всякому. Достоинство «Обыкновенной исторіи» заключается въ отдѣльныхъ, художественно обработанныхъ частностяхъ, а не въ цѣломъ, которое всякому, даже самому пристраст-

ному читателю представляется какимъ-то натянутымъ развитіемъ напередъ заданной темы. Кому не явно, что Петръ Иванычъ, съ его безпощаднымъ практическимъ взглядомъ, не лицо дѣйствительно существующее, а олицетвореніе извѣстнаго взгляда на вещи, нѣчто въ родѣ Стародумовъ, Здравомысловъ и Правосудовыхъ старинныхъ комедій, съ тѣмъ только различіемъ, что Стародумы, Здравомыслы и Правосудовы, при всей нелѣпости ихъ, были представителями убѣжденій гораздо болѣе благородныхъ и гуманныхъ, нежели узкая практическая теорія Петра Иваныча Адуева? Что, съ другой стороны—Александръ Адуевъ слишкомъ намѣренно выставленъ авторомъ и слабѣе и мельче своего дядюшки, что на днѣ всего лежитъ такая анти-поэтическая тема, такая пошлая мысль, которыхъ не выкупаютъ блестящія подробности?» Критикъ объясняетъ далѣе, что романъ Гончарова былъ отголоскомъ смутнаго протеста противъ исключительныхъ требованій романтической личности. Эти требованія господствовали въ тогдашней литературѣ и выражались въ массѣ повѣстей и романовъ, герои которыхъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, превозносились надъ *грязной* средой, причемъ среда рисовалась каррикатурно. Въ «Обыкновенной исторіи» авторъ попытался отрицательно взглянуть на мнимаго романтическаго героя, превозносившагося надъ средою, попробовалъ его фальшивыя претензіи смирить предъ дѣйствительностью. Но, къ сожалѣнію,

онъ не разобралъ, что у насъ были въ то время двѣ дѣйствительности: одна на показъ — оффиціальная, другая подъ спудомъ — бытовая. «Чисто внѣшнее дарованіе Гончарова, безъ глубокаго содержанія, безъ стремленія къ идеалу» не разобралось ясно въ томъ, во имя чего слѣдуетъ развѣнчать фальшивыя претензіи героевъ романтизма, и на смутное требованіе протеста противъ нихъ «оно отвѣтило, какъ могло и какъ умѣло «Обыкновенной исторіей», этой эпопеей чиновничьяго воззрѣнія и азбучной мудрости, стоявшей совершенно въ уровень съ первыми, поверхностными началами протеста за дѣйствительность противъ романтической личности. Дарованіе Гончарова не пошло по новой дорогѣ: оно вышло цѣликомъ изъ той же самой категоріи произведеній, и было только ея цвѣтомъ. Примиреніе выразилось въ «Обыкновенной исторіи» ироніею какого-то отчаянія; смѣхомъ надъ протестомъ личности съ одной стороны и апофеозою торжества сухой, безжизненной, безосновной практичности. Все было тутъ принесено въ жертву ироніи. Авторъ вывелъ двѣ фигуры: одну жиденькую, худенькую, слабенькую, съ ярлыкомъ на лбу: «романтизмъ quasi-молодого поколѣнія», и другую—крѣпкую, спокойную и опредѣленную, какъ математика, съ ярлыкомъ на лбу: «практическій умъ»; сей послѣдній, разумѣется, торжествовалъ въ своихъ разсчетахъ, какъ добродѣтельная любовь въ старинныхъ романахъ и комедіяхъ. Такова была мысль произведенія Гонча-

рова, мысль ни мало не скрытая, а напротивъ, просившаяся наружу, кричавшая въ каждой фигурѣ романа. Много нужно было таланта для того, чтобы читатели забывали явно искусственную постройку произведенія, но кромѣ силы таланта, мысль отвѣтила на требованіе большинства, т. е. моральнаго и общественнаго мѣщанства. Романъ понравился всѣмъ, такъ называемымъ, практическимъ людямъ, которые всегда любятъ, когда бранятъ молодое поколѣніе за разныя *несообразныя* и *неподобныя* стремленія, понравился даже тѣмъ господамъ, которые косо посматривали на «Мертвыя Души», или издѣвались надъ ними. Въ наивной радости своей—протестъ за внѣшнюю, показную дѣйствительность не замѣчалъ, что иронія пропадала задаромъ, что романтическое стремленіе не признаетъ и не признàетъ въ жиденькомъ Александрѣ Адуевѣ своего питомца».

III.

Приведенные отзывы принадлежатъ двумъ наиболѣе призваннымъ и наиболѣе проницательнымъ критикамъ. Оба были современниками той эпохи, когда появился первый романъ Гончарова, стало быть, оба пережили и хорошо знали тогдашнія вѣянія. Что же мы можемъ заключить изъ ихъ отзывовъ? Прежде всего то, что «Обыкновенная исторія» въ свое время имѣла значеніе приблизи-

тельно такое же, какое имѣлъ позднѣе, въ эпоху пятидесятыхъ годовъ, романъ Тургенева «Отцы и дѣти». Въ эпопеѣ Гончарова затронутъ былъ вопросъ о двухъ поколѣніяхъ, о ихъ взаимной противуположности. Но постановка этого вопроса и его рѣшеніе совершенно различны у Тургенева и у Гончарова. Тургеневъ въ своемъ романѣ осудилъ и развѣнчалъ оба поколѣнія во имя ихъ несостоятельности передъ жизнью, передъ высшими идеалами духа, причемъ, однако же, вольно или невольно призналъ въ молодомъ поколѣніи извѣстную силу реформаціоннаго движенія и похоронилъ старое поколѣніе, какъ элементъ отжившій вмѣстѣ съ старыми общественными основами, зиждившимися на помѣщичьемъ барствѣ. Гончаровъ въ своемъ романѣ, наоборотъ, развѣнчалъ и осудилъ современное ему молодое поколѣніе и принизилъ его передъ поколѣніемъ старымъ, принизилъ во имя дряблаго и узкаго идеала обыденной практичности и разсудочности, во имя того, что такъ мѣтко обозвано А. Григорьевымъ «моральнымъ и общественнымъ мѣщанствомъ». «Отцы и дѣти», вслѣдствіе широкаго и общаго отрицанія ихъ автора, при своемъ появленіи въ сущности не угодили никому: и молодое, и старое поколѣніе обидѣлось безпощаднымъ аналитическимъ отношеніемъ къ нимъ художника и отнеслось къ нему, за немногими исключеніями, враждебно. «Обыкновенная исторія», вслѣдствіе узкаго, обыденнаго и очень условнаго отрицанія ихъ автора понравилась

всѣмъ: и юношамъ, и старцамъ, и прогрессистамъ, и консерваторомъ. Мы видѣли, что прогрессивно-либеральная партія, въ лицѣ Бѣлинскаго, не смутилась даже тѣмъ, что Гончаровъ заставилъ молодого Адуева въ концѣ концовъ идти по слѣдамъ стараго; она нашла только, что такой дрянной характеръ неспособенъ достичь до подражанія «вполнѣ порядочному», практическому человѣку. Типъ Александра Адуева въ свое время былъ, конечно, такимъ же болѣзненнымъ, наноснымъ явленіемъ русской дѣйствительности, какъ впослѣдствіи типъ Базарова. Не даромъ же Бѣлинскій, извѣдавшій на самомъ себѣ недугъ романтизма, обрушился съ такимъ горячимъ отрицательнымъ анализомъ на этотъ типъ, не даромъ онъ такъ увлекся преувеличеннымъ и тенденціозно-одностороннимъ разоблаченіемъ этого типа, сдѣланнымъ Гончаровымъ,—увлекся до того, что не замѣтилъ сухости и узости авторской тенденціи; не даромъ онъ не замѣтилъ, несмотря на весь свой либерализмъ, что «практическія» стремленія Адуева-дядюшки, во имя которыхъ авторъ развѣнчиваетъ молодого Адуева, еще призрачнѣе и еще незаконнѣе мечтательныхъ стремленій его племянника, а главное — прямо ведутъ на кривой путь лживаго оффиціальнаго прогресса, который въ сущности-то вѣдь въ то время былъ путемъ застоя, путемъ насилія надъ народнымъ развитіемъ, путемъ нравственной и общественной китайщины. Въ своей горячей ненависти къ молодому болѣзненному типу

онъ простеръ объятія еще болѣе болѣзненному старому. Однимъ словомъ, онъ, съ свойственнымъ ему одностороннимъ увлеченіемъ, не заподозрилъ ни малѣйшимъ образомъ въ романѣ Гончарова той фальши его основной мысли, которую такъ хорошо уразумѣлъ позднѣе А. Григорьевъ и которую такъ выразительно истолковалъ онъ. Въ толкованіяхъ Григорьева, оцѣнившаго очень проницательно и вѣрно основную «мораль» романа, на которую явно и настойчиво билъ его авторъ и которая представляетъ грубую и анти-художественную неправду, слѣдуетъ, однако же, указать нѣкоторую ошибочность, меньшую чѣмъ у Бѣлинскаго, но, ради безпристрастія, требующую поправки. Лицо Петра Ивановича Адуева далеко не такъ безжизненно, далеко не представляется такимъ голымъ олицетвореніемъ авторской тенденціи, какъ это утверждаетъ Григорьевъ. Фигура эта, конечно, отчасти испорчена авторскимъ намѣреніемъ сдѣлать изъ нея представителя какой-то «нормальной» морали, придать ей поучительное значеніе. Бо̀льшая часть діалоговъ Петра Иваныча съ племянникомъ отдаетъ какимъ-то педагогическимъ, лекторскимъ тономъ, замѣтимъ кстати, вообще свойственнымъ діалогамъ гончаровскихъ романовъ, послѣдующимъ даже въ большей степени, чѣмъ въ «Обыкновенной исторіи». Въ этой искусственной, анти-художественной *поучительности* типа стараго Адуева заключается главная, основная фальшь его, какъ и главная, основная фальшь всего романа. Но

нельзя, однако же, сказать, что Петръ Ивановичъ былъ только сочиненнымъ олицетвореніемъ извѣстной морали, что онъ походитъ на Здравомысловъ старыхъ комедій, нельзя утверждать вмѣстѣ съ А. Григорьевымъ, что это «лицо не дѣйствительно существующее», что въ немъ нѣтъ плоти и крови, что такихъ людей не было на Руси и не можетъ быть. Со стороны Григорьева такая оцѣнка Петра Иваныча — результатъ того же односторонняго увлеченія ненавистью къ типу, представленному въ лицѣ Петра Ивановича, какое замѣчается въ симпатіи къ нему Бѣлинскаго, не усомнившагося его, въ сущности мелкія и анти-гуманныя, житейскія «правила» признать честными и благородными. Вопреки мнѣнію Григорьева, слѣдуетъ, напротивъ, признать, что въ Петрѣ Иванычѣ Гончарову удалось изобразить, и притомъ очень рельефно, одного изъ самыхъ характерныхъ героевъ русской обыденности. Такими Петрами Иванычами извѣстная среда была полна и прежде, полна и до сихъ дней. Среда эта — петербургское среднее чиновничество. Въ нашей художественной беллетристикѣ немного найдется фигуръ, нарисованныхъ съ такою отчетливою выработкой ихъ основныхъ, видовыхъ признаковъ. Уже одно то обстоятельство, что почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ авторомъ былъ задуманъ и воспроизведенъ этотъ видовой образъ, вы встрѣчаетесь съ его разновидностями и узнаете въ нихъ знакомыя черты сухой, истинно чиновничьей разсудочности, самодовольнаго эгоизма,

самодовольнаго смакованія своей положительностію и солидностью — уже одно это свидѣтельствуетъ о жизненности типа и о той силѣ художественной выразительности, съ какою онъ обработанъ Гончаровымъ. Типъ Александра Адуева въ наше время кажется менѣе живымъ и яркимъ, быть можетъ потому, что онъ вывелся изъ современной жизни окончательно, несмотря на пророчества Бѣлинскаго о его вѣчномъ существованіи и значеніи. Но типъ Петра Иваныча еще живетъ и будетъ жить до тѣхъ поръ, покуда будетъ существовать та петербургская канцелярская фабрика, на которой, подъ видомъ дѣланія исторіи Россіи, дѣлаются солидныя и прочныя карьеры, вырабатывается черствое внутри и благонамѣренное по внѣшности мирное и благополучное житіе...

Ознакомившись съ воззрѣніями критиковъ на главныхъ героевъ первой беллетристической работы Гончарова и на смыслъ этого романа, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о воззрѣніи самого автора. Въ этюдѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» Гончаровъ такимъ образомъ истолковываетъ героевъ и внутреннее содержаніе «Обыкновенной исторіи»: «Въ встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ, мечтателя-племянника съ практическимъ дядей—выразился намекъ на мотивъ, который едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ—въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ — слабое мерцаніе сознанія необходимости

труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ». Поясняя этотъ основной мотивъ романа, авторъ говоритъ далѣе, что въ Александрѣ Адуевѣ отразилась «праздная, мечтательная и аффектаціонная сторона старыхъ нравовъ, съ обычными порывами — къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ». Въ Петрѣ Иванычѣ, наоборотъ, выражено «трезвое сознаніе необходимости дѣла, трудъ, знаніе», «слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго». Образъ племянника, по мнѣнію автора, вышелъярокъ оттого, что отживающее начало, которое представляетъ онъ, созрѣло вполнѣ и отходило, а образъ дяди блѣденъ оттого, что новое начало, имъ выражаемое, еще только нарождалось, выказывалось лишь въ первыхъ его симптомахъ. На это авторское толкованіе отчасти возражаютъ тѣ соображенія, какія находимъ въ оцѣнкѣ смысла «Обыкновенной исторіи», сдѣланной А. Григорьевымъ, и какія изложены мною по поводу этой оцѣнки. Здѣсь остается прибавить одно: почему Гончаровъ считаетъ «настоящимъ, не рутиннымъ, живымъ дѣломъ» канцелярскія и промышленныя занятія Петра Иваныча? Авторъ поясняетъ это такимъ образомъ: въ то время тайные совѣтники считали *униженіемъ* заниматься коммерческими и промышленными предпріятіями, а Петръ Иванычъ, несмотря на то, что былъ тайнымъ совѣтникомъ, директоромъ департамента, сдѣлался заводчикомъ и этимъ обнаружилъ «смѣлую новизну».

Но вѣдь такія вещи казались даже и въ то время «смѣлой новизной» и «живымъ дѣломъ» только въ чиновничьихъ кругахъ, и возводить въ апоѳеозу дѣльцовъ, посягавшихъ на такія новизны и такое «живое дѣло» — по меньшей мѣрѣ было курьезно даже и въ то время. Неужели же въ лучшей молодой части тогдашняго общества не было новизны болѣе смѣлой, не было стремленій болѣе дѣльныхъ и трудовыхъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, болѣе плодотворныхъ для развитія жизни? Нѣтъ, они были, мы это знаемъ изъ указаній историковъ тогдашняго общества и произведеній другихъ художниковъ. Только авторъ «Обыкновенной исторіи» не замѣтилъ этой новизны, этихъ живыхъ стремленій по близорукости своего взгляда. Въ этой близорукости взгляда и заключается главный недостатокъ его романа съ идейной стороны.

IV.

Основная мысль «Обыкновенной исторіи» узка и фальшива, поучительность темы этого романа отдаетъ, по выраженію А. Григорьева, «азбучной» моралью, фигуры двухъ его главныхъ героевъ, при всей живости красокъ, которыми онѣ нарисованы, испорчены—употребимъ техническій терминъ художниковъ — общей дидактической лессировкой, стушевывающей ихъ рельефность и выразитель-

ность,—вотъ главные недостатки перваго произведенія Гончарова, недостатки, отъ которыхъ онъ не отрѣшился и въ «Обломовѣ», быть можетъ еще болѣе страдающемъ ими, чѣмъ «Обыкновенная исторія». Но на ряду съ этими, конечно, очень существенными, недостатками, Гончаровъ обнаружилъ въ своей начальной работѣ столько великихъ художественныхъ достоинствъ, что занятое имъ сразу мѣсто въ сонмѣ крупнѣйшихъ дарованій сороковыхъ годовъ по праву принадлежало ему и принадлежитъ до сихъ поръ. По рельефности и законченности бытовой живописи, послѣ Пушкина и Гоголя у насъ нѣтъ писателя болѣе совершеннаго. Развѣ только Л. Толстой, выступившій позднѣе автора «Обыкновенной исторіи», превышаетъ его въ этомъ отношеніи. Манера его бытовой живописи отличается столько же оригинальностью, сколько изящнымъ мастерствомъ. Особенно Гончарову удаются картины, изображающія нашъ прежній помѣщичій бытъ съ его патріархально-крѣпостными нравами и обычаями, со всѣмъ его своеобразнымъ складомъ и міровоззрѣніемъ. На общемъ фонѣ этихъ безподобныхъ картинъ, написанныхъ съ отчетливостью и законченностью мастеровъ фламандской школы, съ добродушнымъ, искреннимъ и глубокимъ юморомъ, необыкновенной типичностью выдаются фигуры «дворни» добраго стараго времени. Положительно можно сказать, что никому изъ нашихъ писателей эти фигуры не удавались въ такой степени, какъ автору «Обыкновенной исторіи»

и «Обломова». Еслибы его первый романъ былъ еще неудачнѣе по своей основной идеѣ и еще болѣе страдалъ дидактизмомъ, во всякомъ случаѣ, мастерскія бытовыя картины и образы этого романа выкупили бы указанные недостатки. Въ этихъ-то картинахъ по преимуществу и выказывается крупный художественный талантъ автора. Возьмите въ «Обыкновенной исторіи» хоть только трехъ второстепенныхъ, даже третьестепенныхъ лицъ: лакея Александра Адуева, Евсея, его сожительницу—ключницу Аграфену и Антона Иваныча. Въ то время, когда появился романъ Гончарова, только у Гоголя можно было найти такую правдивую и трезвую наблюдательность въ обрисовкѣ типическихъ признаковъ подобныхъ характерныхъ лицъ русской дѣйствительности, такое проникновеніе въ ихъ психическую сущность, такое глубокое пониманіе и знаніе тѣхъ общественныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ создавались эти лица. Въ сколькихъ разсказахъ, очеркахъ, комедіяхъ повторялась потомъ такъ мѣтко схваченная Гончаровымъ трогательно-комическая пара любящихся дворовыхъ—барскаго слуги и ключницы, которая подъ наружной грубостью и обрываніемъ своего возлюбленнаго таитъ бездну сердечной нѣжности и преданности. Сколькимъ второстепеннымъ авторамъ послужилъ первообразомъ типъ безподобнаго Антона Ивановича, празднаго, никому и ни для чего въ сущности ненужнаго, не умѣющаго дѣлать никакого настоящаго дѣла, не обладающаго

никакими способностями, но тѣмъ не менѣе необходимаго въ помѣщичьемъ быту въ качествѣ посредника, утѣшителя, здравомысла, несмотря на то, что его здравомысленные совѣты, какъ и его услуги, просто отдаютъ иногда младенческимъ неразуміемъ. Вотъ тутъ, въ созданіи такихъ живыхъ и типическихъ лицъ у Гончарова дѣйствительно чувствуется то непосредственное, безсознательное художество, то невольное творчество, которое онъ признаетъ въ себѣ самъ, но которое, къ сожалѣнію, сохраняетъ только въ обработкѣ второстепенныхъ персонажей своихъ произведеній и постоянно приноситъ въ жертву узкой дидактикѣ въ созданіи главныхъ героевъ, въ жертву общей искусственной постройкѣ своихъ произведеній, въ жертву пригонкѣ поучительныхъ правилъ къ фактамъ дѣйствительности. Съ первыхъ же шаговъ своего художественнаго поприща, талантъ Гончарова обнаружилъ эти два элемента: настоящее творчество, исходящее изъ глубокой непосредственной наблюдательности жизни, и резонерство, исходящее изъ узкаго разумѣнія ея, резонерство, пристегиваемое къ творчеству искусственнымъ, внѣшнимъ образомъ. Надо удивляться тому, что онъ не обратилъ вниманія съ перваго же своего произведенія на эту двойственность своей писательской натуры, что онъ не постарался отдѣлаться отъ незаконной разсудочной стороны своего творчества. Но онъ дѣйствительно не обратилъ вниманія и не только не постарался отдѣлаться отъ этой незаконной сто-

роны, но, какъ увидимъ, во второмъ своемъ романѣ—въ «Обломовѣ» далъ ей еще большее развитіе, еще большее преобладаніе.

III.

«Обломовъ».— Различныя истолкованія его смысла современными критиками. — Недоразумѣніе критики по поводу обломовскаго типа.—Какое впечатлѣніе производитъ «Обломовъ» въ цѣломъ.

I.

Романъ «Обломовъ» появился въ печати въ 1859 году, но, по по свидѣтельству самого автора, въ его умѣ планъ романа былъ готовъ уже въ 1847 году, а немного позднѣе былъ написанъ и напечатанъ знаменитый «Сонъ Обломова», составляющій основу всего произведенія. Въ объяснительномъ этюдѣ къ своимъ сочиненіямъ, Гончаровъ говоритъ, что въ свое время «Обломова» критика и публика оцѣнила очень сочувственно, причемъ онъ особенно указываетъ на извѣстную статью Добролюбова: «Что такое обломовщина». Въ этой статьѣ дѣйствительно и романъ, и художественный талантъ Гончарова превознесены критикомъ. Идея романа провозглашена вполнѣ прогрессивной и вполнѣ соотвѣтствующей тогдашнему реформаціонному движенію жизни. Статья Добролюбова появилась тотчасъ же вслѣдъ за романомъ, и, какъ у насъ

бываетъ это почти со всякою статьей, написанной убѣжденно, односторонне и прямолинейно, очень повліяла если не на читающую публику вообще, то на либеральное меньшинство. Это меньшинство, считавшее себя и прежде, считающее и теперь общественнымъ мнѣніемъ, всегда придерживалось, да и до сихъ поръ еще придерживается правила одного изъ дѣйствующихъ лицъ гоголевскаго «Разъѣзда»: «подождемъ, что скажутъ журналы». Вотъ на основаніи этой, поистинѣ стадной, привычки у тогдашнихъ либеральныхъ читателей утвердилось подъ вліяніемъ добролюбовскаго этюда такое мнѣніе, что въ лицѣ главнаго героя романа Гончаровъ «обличилъ» одно изъ величайшихъ золъ, препятствовавшихъ россійскому прогрессу: лѣнь, неподвижность, апатію. Обличительно-отрицательное направленіе, обнаруженное Гончаровымъ, по точному истолкованію его критика, въ высшей степени усердно, до того усердно, что онъ однимъ словомъ «обломовщина» разъяснялъ чуть ли не всѣ недуги основного строя нашей жизни, — это обличительное направленіе пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу читателямъ извѣстнаго пошиба. Вѣдь въ то время только и дѣлали, что обличали и отрицали съ благороднѣйшею цѣлью послужить прогрессу и реформаціонному движенію жизни, открывавшему, какъ казалось тогда, въ самомъ недалекомъ будущемъ блестящія и обольстительнѣйшія перспективы всеобщаго возрожденія на «либеральныхъ началахъ». Понятно, что художествен-

ное произведеніе, главная цѣль котораго была обличительно-отрицательное служеніе прогрессу, въ сознаніи читателей, просвѣщенномъ критикою Добролюбова, становилось на высокій пьедесталъ. Несмотря на невольную тяжелую скуку, вѣявшую отъ массы ненужныхъ, натянутыхъ и холодныхъ страницъ романа, просвѣщенные прогрессисты читали его съ необыкновеннымъ напряженіемъ. Да и какъ же было имъ не стараться и не насиловать себя, когда Добролюбовъ объявилъ, что — пусть романъ растянутъ — но онъ прочиталъ его весь два раза, а «Сонъ» и отдѣльныя мѣста по нѣскольку разъ. И чѣмъ сильнѣе было напряженіе читателей, тѣмъ больше, по одолѣніи труднаго дѣла прочтенія романа, возносился его авторъ и его обличительно-отрицательное созданіе.

Тѣмъ не менѣе, уже и при появленія «Обломова» и потомъ, немного позднѣе, когда читатели и журналы имѣли время очнуться отъ перваго впечатлѣнія, и въ публикѣ и въ критикѣ появились сужденія гораздо менѣе сочувственныя автору и его роману, такъ что въ концѣ концовъ, по свидѣтельству современниковъ, «Обломовъ» не имѣлъ настоящаго широкаго успѣха и понравился вполнѣ именно только либеральному меньшинству извѣстной господствовавшей партіи, или, точнѣе, господствовавшему въ то время кружку одностороннихъ прогрессистовъ. Вотъ одно изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ современниковъ, появившееся въ концѣ того года, когда вышелъ романъ: «Явился, нако-

нецъ, давно жданный «Обломовъ». Прежде всего, онъ не сказалъ ничего новаго. Все его новое высказано было гораздо прежде въ «Снѣ Обломова» — я разумѣю не существенно новое, такое, что̀ возбуждаетъ толки, возбуждаетъ вражды и симпатіи. Успѣхъ «Обломова» — что ни говорите — былъ уже спорный, вовсе не то, что успѣхъ «Обыкновенной исторіи». Да оно такъ и должно быть. Эпоха другая — сознаніе выросло. «Обыкновенная исторія» польстила требованію минуты, требованію большинства, чиновничества, моральнаго мѣщанства. «Обломовъ» ничему не польстилъ — и опоздалъ по крайней мѣрѣ пятью или шестью годами... Въ «Обломовѣ» Гончаровъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ «Обыкновенной исторіи», и построенъ его «Обломовъ» по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ «Обыкновенная исторія». Въ подробностяхъ своихъ онъ, если хотите, еще выше «Обыкновенной исторіи», психологическимъ анализомъ еще глубже; но наше сознаніе, сознаніе эпохи, шло впередъ, а сознаніе автора «Обыкновенной исторіи» застряло въ Японіи. Польстилъ Обломовъ только весьма небольшому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія — наша собственная натура, наши существенно-бытовыя черты, и что все наше спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узкой теоріи... Воззрѣнія этого небольшого кружка тоже далеки отъ вопросовъ эпохи».

Почти такое же мнѣніе высказываетъ объ «Об-

ломовѣ» Писаревъ: «Пришлось настраивать лиру на новый ладъ; всѣ заговорили о прогрессѣ, о разумѣ, и г. Гончаровъ также заблагоразсудилъ дать нашему обществу уроки, наставить его на путь истины и указать ему на свѣтлое будущее. «Россіяне, — говоритъ онъ въ своемъ «Обломовѣ», — всѣ вы спите, всѣ вы равнодушны къ судьбѣ своей родины, всѣ вы до такой степени одурѣли отъ сна и заплыли жиромъ, что мнѣ, романисту, приходится, въ укоръ вамъ, брать своего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, подобно тому, какъ предки наши, новгородскіе славяне, изъ нѣмцевъ призвали себѣ великаго князя, собирателя (?) русской земли. — И россіяне, съ свойственною имъ однимъ добродушною наивностью, умиляются надъ геніальнымъ произведеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную до-нельзя фигуру Обломова и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: «да, да! вотъ наша язва, вотъ наше общее страданіе, вотъ корень нашихъ золъ—обломовщина, обломовщина!.. Всѣ мы — Обломовы! всѣ мы ничего не дѣлаемъ! а дѣло ждетъ» и т. д. Находя наивнымъ подобное отношеніе читателей въ морали гончаровскаго романа, Писаревъ указываетъ всю несостоятельность этой морали, заключающуюся въ томъ, что Обломовъ является у автора лѣнивымъ и тряпичнымъ не «вслѣдствіе обстоятельствъ, а вслѣдствіе своей натуры». По смыслу романа Гончарова выходитъ, что русскіе люди бездѣятельны не потому, что условія для жизненной работы не-

нормальны, а просто потому, что они негодящій народъ, лѣнтяи, увальни, жиромъ заплыли. Критикъ называетъ такой взглядъ автора «дешевой клеветой, пустой фразой, разведенной на цѣлый огромный романъ». Воззрѣніе Гончарова ему кажется мелкимъ, узкимъ, поверхностнымъ. «Г. Гончаровъ,—поясняетъ Писаревъ,—какъ Паншинъ въ романѣ Тургенева «Дворянское гнѣздо», думаетъ, что стоитъ только захотѣть, такъ сейчасъ и посыпятся въ ротъ жареные рябчики, и l'idée du cadastre будетъ популяризирована; вотъ поэтому его «Обломовъ» и относится къ тогдашнему пробужденію дѣятельности, какъ замѣчаніе начальника, высказанное подчиненному: «что-жъ вы, дескать, любезный мой, спите? вѣдь такъ нельзя! вы видите, я самъ не жалѣю силъ». Г. Гончаровъ, очевидно, думалъ этою мыслью попасть въ ноту, и дѣйствительно, многимъ показалось, что онъ попалъ; на повѣрку выходитъ, что пѣніе было фальшивое, да и подтягивалъ-то онъ не теноромъ, а фистулою». Сводя свой отзывъ къ заключенію, Писаревъ, съ свойственною ему рѣзкостію, изрекаетъ такой окончательный приговоръ: «Весь Обломовъ—клевета на русскую жизнь, а Штольцъ—просто faux-fuyant, подставное рѣшеніе вопроса вмѣсто истиннаго; попытка разрубить фразами тотъ узелъ, надъ которымъ, не жалѣя глазъ и костей, трудятся въ продолженіи цѣлыхъ десятилѣтій истинно добросовѣстные дѣятели. Да, авторъ «Обыкновенной исторіи» напрасно прикинулся прогрес-

систомъ. Обращаясь къ нашему потомству, г. Гончаровъ будетъ имѣть полное право сказать: не поминайте лихомъ, а добромъ нечѣмъ!»

II.

И такъ, по оцѣнкѣ критики, современной появленію романа, мы съ одной стороны должны признать его основную идею вполнѣ прогрессивной, вполнѣ соотвѣтствующей передовымъ стремленіямъ тогдашняго періода развитія русской жизни; съ другой стороны, совершенно наоборотъ, намъ приходится считать эту идею отсталой, противорѣчащей духу времени, обнаруживающей въ авторѣ непониманіе передовыхъ требованій общества въ извѣстный моментъ. Первое заключеніе прямо вытекаетъ изъ разбора романа, сдѣланнаго Добролюбовымъ; второе основывается на отзывахъ А. Григорьева и Писарева. Какое же изъ двухъ противоположныхъ воззрѣній слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ, болѣе основательнымъ теперь, по прошествіи слишкомъ двадцати лѣтъ? Какое мѣсто отвести Гончарову съ его вторымъ романомъ? Поставить ли его одесную, въ качествѣ вѣрнаго истолкователя и просвѣтителя общественнаго сознанія, въ качествѣ выразителя движенія жизни? Или поставить его ошую, въ качествѣ затемнителя упомянутаго сознанія, въ качествѣ автора, спутавшагося въ своемъ пониманіи жизни и спутавшаго

критику и общество ложнымъ ея выраженіемъ въ фальшивыхъ образахъ? Вопросъ этотъ далеко не праздный и самъ по себѣ, при оцѣнкѣ творчества крупнаго писателя, въ данномъ случаѣ уже и потому одному представляетъ интересъ, что оба противоположныя воззрѣнія критики, современной появленію романа, исходятъ отъ такихъ цѣнителей и судей, которые, какъ Добролюбовъ и А. Григорьевъ, очень взвѣшивали свои приговоры, или, какъ увлекавшійся, но чуткій и отзывчивый на все живое Писаревъ, были вполнѣ искренни и даже въ своихъ ошибочныхъ сужденіяхъ являлись въ извѣстномъ смыслѣ отголоскомъ общественнаго настроенія.

При рѣшеніи поставленнаго вопроса прежде всего наталкиваемся на странное обстоятельство. Если признать вполнѣ правильнымъ сочувственный автору романа взглядъ Добролюбова, то герой романа, какъ типъ, долженъ быть, по истолкованіямъ критики, непремѣнно причисленъ къ числу отрицательныхъ. Добродушнѣйшій и благодушнѣйшій Илья Ильичъ Обломовъ, который въ обрисовкѣ его творца обнаруживаетъ собственно голубиную душу, кроткаго агнца, не только не способнаго на дѣланіе зла ближнимъ, но даже постоянно терпящаго отъ самыхъ ничтожныхъ ближнихъ—этотъ безобидный герой является въ обобщеніяхъ критики какимъ-то представителемъ всероссійскаго злого начала. Въ сущности его природы лежитъ, по мнѣнію критики, роковая губи-

тельная сила, препятствующая лучшимъ людямъ русской земли развернуться въ ихъ лучшихъ стремленіяхъ, въ ихъ лучшихъ порывахъ по пути развитія. Кроткій и податливый Илья Ильичъ является какъ бы главнымъ носителемъ этого злого начала, въ его образѣ оно сконцентрировано съ выразительностью, до которой не достигали другіе авторы въ созданіи своихъ героевъ, родственныхъ гончаровскому. Такъ выходитъ по толкованіямъ Добролюбова, который представителя обломовщины въ качествѣ отрицательнаго типа высоко возноситъ надъ другими типами той же категоріи. Критикъ восхваляетъ художественное творчество Гончарова именно за то, что онъ такъ смѣло, прямо, послѣдовательно и опредѣленно въ своемъ героѣ выразилъ ужасное моральное безсиліе и бездѣльничанье русскаго до-реформеннаго интеллигента, воспитанное насильственнымъ складомъ тогдашней жизни вообще и складомъ крѣпостного барства въ частности. Подобное толкованіе критика было бы вполнѣ благопріятно для автора, для идеи его произведенія, еслибы толкованіе это, при всей его несомнѣнной логичности и послѣдовательности, сходилось съ тѣми данными о героѣ романа, которыя представляетъ самъ авторъ. Но, увы, данныя автора, и притомъ несомнѣнныя и обильно разсыпанныя въ «Обломовѣ» отъ первой его части до послѣдней, отнюдь не сходятся съ данными, подставляемыми критикомъ для обрисовки того въ своемъ родѣ «чудо-

вища всероссійскаго порока», которое онъ съ предвзятой «обличительно-гражданской» точки зрѣнія безпощадно разоблачаетъ въ своемъ разборѣ. Критикъ, анализируя представителя обломовщины, какъ всероссійскаго зла, и самъ сосредоточенно ненавидитъ и презираетъ его, и приглашаетъ читателя преисполниться къ нему сосредоточенной ненависти и презрѣнія. Конечно, эта ненависть выражается не фразами негодованія, а критическими и логическими доводами и обобщеніями. Конечно, эта ненависть истекаетъ изъ идеи, противополагаемой обломовской идеѣ и олицетворяемой въ романѣ образами Штольца и Ольги. Но то ли мы видимъ у автора «Обломова»? Онъ вовсе не ненавидитъ представителя злого всероссійскаго начала Илью Ильича. Напротивъ, авторъ преисполненъ къ нему самою нѣжною любовью и не только къ нему, но даже ко всей той обломовщинѣ, своеобразный и патріархальный строй которой онъ воспроизводитъ съ такою задушевностью, озаряетъ такимъ поэтическимъ свѣтомъ теплаго и добродушнаго юмора. Онъ не только не приглашаетъ читателей ненавидѣть центральнаго героя своего романа, являющагося, по толкованію Добролюбова, отрицательнымъ типомъ, но, напротивъ, очевидно старается о возбужденіи къ нему симпатіи и въ этомъ стараніи доходитъ до того, что даже заставляетъ Штольца произнести чуть не похвальное слово Ильѣ Ильичу, заставляетъ признать въ Обломовѣ «честное, вѣрное сердце», полное прав-

дивости, мало того, причислить его чуть не къ героическимъ натурамъ. «Не обольститъ его,—говоритъ Штольцъ, — никакая нарядная ложь и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ (?) и пойдетъ навыворотъ — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ! Его сердце не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться». Вотъ какъ аттестуетъ Обломова въ романѣ то лицо, которое призвано для смѣны обломовскаго начала. Согласитесь, что эта аттестація должна быть принимаема въ самомъ прямомъ и непререкаемомъ смыслѣ, что въ ней высказывается задушевный авторскій взглядъ на сущность главнаго героя и что добролюбовское толкованіе обломовской натуры далеко не согласуется съ тѣмъ, что̀ хотѣлъ выставить въ Обломовѣ самъ авторъ. Взявъ все это въ разсчетъ, приходится признать, что Добролюбовъ въ своей критикѣ вознесъ Гончарова и его произведеніе за присутствіе въ нихъ чуждаго имъ элемента: онъ видѣлъ въ нихъ только то, что желалъ видѣть согласно своей либеральной тенденціи, понялъ типъ Обломова совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ самъ творецъ этого типа.

Уже одинъ этотъ фактъ, что герой и основная

идея романа могли подать и дѣйствительно подали поводъ къ самымъ различнымъ критическимъ недоразумѣніямъ — уже одно это показываетъ, въ какой мѣрѣ произведеніе Гончарова шатко въ отношеніи художественной опредѣленности, цѣлостности и выдержанности. Еслибы еще Обломовъ представлялъ въ эпоху его появленія новый типъ, подобный, напримѣръ, типу Базарова въ «Отцахъ и дѣтяхъ», тогда было бы вполнѣ понятно, почему критика не разобралась сразу какъ слѣдуетъ въ его оцѣнкѣ, почему оказалась такая разноголосица въ разумѣніи авторской задачи, разноголосица, доходившая до того, что одними критиками авторъ Обломова признанъ былъ за прогрессиста отрицательнаго толка, а другими за отсталаго и узкаго приверженца отжитыхъ началъ. Но вѣдь Обломовъ ни въ какомъ случаѣ не могъ представлять для современниковъ критиковъ и читателей новый, небывалый типъ: онъ былъ представителемъ прошлой, до-реформенной эпохи. Къ тому же въ самой, такъ сказать, структурѣ этого типа не было ничего сложнаго; напротивъ, онъ крайне простъ, простъ до азбучности; онъ весь резюмируется въ трехъ словахъ: лѣнивый россійскій баринъ. Критикѣ нечего было бы колебаться въ значеніи такого типа и въ значеніи смысла той эпопеи, въ которой онъ разработанъ авторомъ, когда бы самъ авторъ не подалъ повода къ такимъ колебаніямъ двойственностью своего собственнаго отношенія къ типу въ качествѣ художника и

въ качествѣ моралиста. Этой двойственностью онъ спуталъ и собственное произведеніе, и критику.

III.

По объясненію самого Гончарова, вся эпопея о лѣнивомъ россійскомъ баринѣ Ильѣ Ильичѣ Обломовѣ возникла изъ знаменитаго его «Сна», написаннаго чуть не за десять лѣтъ раньше. По правдѣ сказать, этотъ «Сонъ» и остается во всемъ романѣ единственно настоящей художественной картиной, къ которой не примѣшано авторомъ никакой поучительности и которая вся, цѣликомъ, вылилась изъ непосредственныхъ впечатлѣній дѣйствительности. «Сонъ», по мѣткому выраженію А. Григорьева, есть настоящее ядро романа, а все остальное, не выключая даже любовной идилліи и драмы Обломова и Ольги, является почти что шелухой, къ тому еще не органически образовавшейся вокругъ ядра, а наклеенной различными слоями совершенно искусственно, по способу условнаго, намѣреннаго сочинительства. Собственно говоря, если въ «Снѣ» мы еще не видимъ самого Обломова, за то обломовщину и обломовцевъ можемъ созерцать во-очію, и притомъ въ самыхъ яркихъ и живыхъ бытовыхъ подробностяхъ, въ самыхъ крупныхъ и типическихъ чертахъ. Какъ ни странно покажется такое мнѣніе, но, право, было бы лучше, еслибы Гончаровъ ограничился

созданіемъ одного «Сна» и не возымѣлъ мысли присоединить къ нему все остальное, весь этотъ романъ въ четырехъ частяхъ

Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный.

Было бы такъ лучше потому, что нашъ авторъ въ «Снѣ» является истиннымъ художникомъ, по силѣ и опредѣленности бытовыхъ штриховъ, по юмору и поэзіи, почти равнымъ Гоголю; тогда какъ въ остальныхъ безчисленныхъ страницахъ романа онъ, при всѣхъ усиліяхъ своего художественнаго дарованія, безпрестанно сбивается на голую мораль, на дидактику, на выдуманныя по заданной программѣ сцены и образы. Обломовка и обломовцы «Сна» совершенно достаточно выражаютъ то обломовское начало, которое образовалось въ русской жизни подъ вліяніемъ патріархальной стороны крѣпостного барства и для уразумѣнія сущности этого начала вовсе не требовалось *сочинять* типъ лѣниваго русскаго барина Ильи Ильича и особенно исторію о томъ, какъ нѣкая петербургская дѣвица Ольга Ильинская и нѣкій русскій нѣмецъ Андрей Штольцъ старались возродить его къ дѣятельности, разбудить отъ апатіи и какъ ихъ старанія остались тщетными. Вѣдь во всей этой пространной исторіи съ самаго ея начала до послѣдней главы, вездѣ ясно и назойливо выступаетъ передъ читателемъ ея «програмность», вездѣ видна нить, по которой авторъ водитъ несчастную жертву своей морали, точно такъ же какъ

и остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Это невольное ощущеніе условной програмности цѣлаго романа, это невольное ощущеніе за спиною его героевъ присутствія автора, придерживающаго помочи, на которыхъ онъ прогуливаетъ Обломова и Штольца, и Ольгу, и даже Захара, производитъ на читателя впечатлѣніе не только досадное, но почти невыносимое. Читатель начинаетъ прежде всего не довѣрять автору и потомъ скучать его руководительствомъ, безъ котораго онъ ни на минуту не оставляетъ своихъ героевъ. Читателю мало-по-малу начинаетъ казаться, что передъ нимъ авторъ разыгрываетъ какую-то комедію, не имѣющую съ изображаемою имъ дѣйствительностью настоящей связи и придающую этой дѣйствительности подозрительный отпечатокъ выдумки, лишающую ее жизненной достовѣрности. Правда, иныя подробности авторской комедіи, особенно подробности частныя и чисто бытового характера, поражаютъ удивительной рельефностью и живостью и въ ихъ рисовкѣ авторъ являетъ необыкновенное искусство. Правда, психологическій анализъ, обнаруживаемый даже въ сценахъ, компануемыхъ совершенно условно и по заранѣе составленной программѣ, поражаетъ тонкостью и глубиною и, какъ говорятъ французы, кричитъ съ крыши о великомъ талантѣ, объ умѣ и глубокой наблюдательности мастера, владѣющаго этимъ анализомъ въ такомъ совершенствѣ. Но тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ читателю романа становится ясно, что вся эта чу-

десная живопись подробностей, весь этотъ удивительный психологическій анализъ имѣютъ очевидною цѣлью не правдивое, свободное воспроизведеніе жизни, а фальшивую и насильственную пригонку ея къ наилучшему выясненію азбучнаго правила: «возлюби трудъ и избѣгай праздности и лѣности — иначе впадешь въ обломовщину и кончишь какъ Захаръ и его баринъ» [1]). Въ результатѣ вся эпопея Гончарова въ отношеніи ея внутренняго содержанія выходитъ какимъ-то обманомъ, какою-то ветхою развалиною, прикрытою цвѣтущей и зеленой растительностью. Читая ее, невольно припоминаешь стихи, переложенные Жуковскимъ изъ Байрона:

То обманъ, то плющъ играющій
По развалинамъ сѣдымъ:
Сверху листъ благоухающій—
Мракъ и тлѣніе подъ нимъ.

IV.

Взглядъ Гончарова на значеніе «Обрыва» и главныхъ героевъ этого романа.—Лица Райскаго, Бабушки, Волохова, Тушина.—«Фрегатъ Паллада».—Очерки: «Литературный вечеръ», «Мильонъ терзаній», «Замѣтки о личности Бѣлинскаго», «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

I.

Въ критическомъ этюдѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» Гончаровъ очень усердно и очень про-

---

[1]) Фраза, отмѣченная ковычками, принадлежитъ А. Григорьеву.

странно объясняетъ свое третье произведеніе, самое большое по объему и самое сложное по внѣшнему содержанію —романъ «Обрывъ». Авторъ старается вразумить читателей, что этотъ романъ вообще лучше «Обыкновенной исторіи» и «Обломова», а послѣднія двѣ его части лучше первыхъ трехъ. Онъ приводитъ слова Бѣлинскаго по поводу «Обыкновенной исторіи»: «что другому стало бы на десять повѣстей, у него (т. е. Гончарова) укладывается въ одномъ романѣ» и скромно поясняетъ: «это сказалъ онъ про самую краткую изъ моихъ книгъ; что сказалъ бы онъ объ «Обломовѣ», объ «Обрывѣ», куда уложилась и вся моя, такъ сказать, собственная—и много другихъ (?) жизней?» Онъ сообщаетъ, что обдумывалъ этотъ романъ въ теченіе двадцати лѣтъ и при этомъ вдается въ нѣкоторые туманные намеки, изъ которыхъ, впрочемъ проницательные читатели могутъ уразумѣть, что, быть можетъ, основной идеей «Обрыва» воспользовались другіе писатели, знавшіе объ этой идеѣ еще ранѣе созданія романа. «Я уже съ 1849 года,—разсказываетъ Гончаровъ,—носилъ эту толпу лицъ, сценъ, пейзажей, въ памяти и въ программѣ, набросанной безпорядочно, какъ все это носилось у меня въ головѣ». Всѣ главныя лица «Обрыва» «тѣснились въ воображеніи» автора и требовали «только сосредоточенности уединенія и покоя, чтобы отлиться въ форму романа». Но «покоя» и «сосредоточенности уединенія» у автора было мало; притомъ онъ «все

не довѣрялъ себѣ, все справлялся съ мнѣніемъ и впечатлѣніемъ другихъ, разсказывалъ все до подробностей Боткину, Дудышкину, Дружинину, и болѣе всего одному, еще живому литератору, требуя мнѣнія, совѣта, но совѣтовъ ни отъ кого не получалъ и кончалъ тѣмъ, что приводилъ все медленно, послѣ тщательной отдѣлки, къ концу». Тутъ проницательнымъ читателямъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на сообщеніе о томъ, что «Обрывъ» еще до его сотворенія передавался «одному еще живому литератору». Подъ этимъ литераторомъ разумѣется, конечно, не кто иной, какъ Ив. С. Тургеневъ, который теперь, увы, уже не «живой», но въ то время, когда Гончаровъ подѣлился съ публикою объяснительнымъ этюдомъ своихъ произведеній, еще здравствовалъ. Безъ сомнѣнія, помянутое сообщеніе сдѣлано авторомъ «Обрыва» не спроста, не даромъ. Какъ всѣмъ извѣстно, Тургеневъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ», появившихся ранѣе «Обрыва», изобразилъ «борьбу стараго съ новымъ». Въ романѣ Гончарова тоже изображена эта борьба; такъ вотъ, чтобы читатели знали и вѣдали, кто раньше пустилъ въ ходъ «борьбу», авторъ «Обрыва» и намекаетъ, что «болѣе всего» о своемъ романѣ онъ разсказывалъ Тургеневу. При этомъ самимъ читателямъ предоставляется догадаться, кого же въ такомъ случаѣ надобно считать настоящимъ Колумбомъ, открывшимъ Америку.

Я обращаю вниманіе читателей на указанную

характерную подробность авторскихъ истолкованій «Обрыва» вовсе не съ цѣлію указать черту писательской мелочности Гончарова. Мелочность присуща самымъ великимъ талантамъ и даже самымъ великимъ характерамъ и нисколько не отнимаетъ значенія ни у крупныхъ художественныхъ работъ первыхъ, ни у крупныхъ дѣяній вторыхъ. Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, я вижу вовсе не черту писательской мелочности въ приведенной подробности, а нѣчто совсѣмъ иное: я вижу тутъ необыкновенную заботливость автора о томъ, чтобы объяснить читателямъ какъ создался «Обрывъ», какъ онъ сложился, какъ въ созданіи этого романа Гончаровъ еще Богъ вѣсть когда, ранѣе другихъ нашихъ художниковъ, совершенно самостоятельно набрелъ на ту идею, которой обстоятельную и полную разработку даетъ, по его мнѣнію, этотъ заключительный, самый обширный его художественный трудъ. Очевидно, Гончаровъ приписываетъ ему главенствующее значеніе въ своей дѣятельности, очевидно, онъ цѣнитъ его, какъ наиболѣе зрѣлое, наиболѣе содержательное и наиболѣе глубокое изъ своихъ произведеній. Всѣ дальнѣйшіе авторскіе коментаріи общей идеи «Обрыва» и значенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, несмотря на ихъ формальную скромность, направлены къ тому, чтобы доказать, какъ много захватилъ и отразилъ въ этой художественной работѣ авторъ, какъ серьезно и глубоко онъ все обдумалъ и какъ основательно все выразилъ. Среди коментаріевъ

проблескиваетъ невольное уваженіе автора и къ своему труду, и даже изумленіе передъ нимъ. Иногда авторъ проговаривается такими признаніями, въ которыхъ звучитъ полное удовлетвореніе великостью своего труда, какъ напримѣръ, вотъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Двадцать лѣтъ тянулось писаніе этого романа — *иначе и быть не могло. Онъ писался, какъ тянулся періодъ самой жизни.* Въ «Обрывѣ», на моихъ пигмеяхъ, въ крошечномъ озерѣ, отразилось состояніе броженія, борьба стараго съ новымъ». Однимъ словомъ, по мнѣнію самого автора, скромно, но твердо оглашаемому имъ во всеуслышаніе, его «Обрывъ» — это, какъ выражается Эмиль Зола, настоящій «человѣческій документъ», въ немъ живыми и типичными образами обрисованъ цѣлый періодъ развитія русской жизни, періодъ важный и сложный въ высшей степени, періодъ пробужденія ея отъ до-реформенной спячки, періодъ, если такъ можно выразиться, перегиба стараго строя въ новый.

II.

Говоря по справедливости, подобное лестное мнѣніе о великомъ значеніи «Обрыва» на посторонній критическій взглядъ кажется вообще преувеличеннымъ и съ объясненіями почтеннаго творца романа можно согласиться лишь относительно, съ многими существенными оговорками. Очень мо-

жетъ быть, Гончаровъ правъ, когда онъ утверждаетъ, что его «Обрывъ» и особенно послѣднія его части написаны лучше, чѣмъ прочія его произведенія. Дѣйствительно, въ «Обрывѣ», сравнительно съ «Обыкновенной исторіей» и «Обломовымъ», есть одно преимущество, весьма важное для романа: въ немъ больше движенія, дѣйствія, драматизма, разнообразія страстныхъ столкновеній. Это разъ. Затѣмъ, «Обрывъ» хотя не вполнѣ, но все же гораздо болѣе свободенъ отъ двухъ недостатковъ прежнихъ романовъ, особенно «Обломова»: отъ растянутости и поучительнаго резонерства. Несмотря на то, что по внѣшнему объему «Обрывъ» значительно обширнѣе «Обыкновенной исторіи» и «Обломова»—въ немъ почти семьдесятъ печатныхъ листовъ—онъ читается живѣе, съ бо̀льшимъ интересомъ, потому что авторъ чаще отрѣшается отъ любимой имъ формы поучительныхъ діалоговъ и пишетъ не разговоры въ лицахъ, напоминающіе «разговоры въ царствѣ мертвыхъ», какіе встрѣчаемъ въ «Обыкновенной исторіи» и въ «Обломовѣ», а живыя сцены. Сухая поучительность въ «Обрывѣ» замаскирована авторомъ гораздо искуснѣе, чѣмъ въ двухъ первыхъ романахъ; резонеръ-романистъ, очень часто обращающійся тамъ даже въ педагога, здѣсь является гораздо рѣже и гораздо осторожнѣе и деликатнѣе обращается съ главными героями, гораздо менѣе выказываетъ изъ-за ихъ спины свою учительскую указку. Впрочемъ, отсутствіе упомянутыхъ недостатковъ замѣтно

именно во второй половинѣ романа: почти вся первая его часть написана въ излюбленной гончаровской манерѣ діалогическихъ разсужденій и растянута не менѣе первой части «Обломова».

Но, соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что «Обрывъ» въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ его первые два романа, никакъ нельзя согласиться съ тѣми толкованіями, какія самъ Гончаровъ прилагаетъ къ основной мысли романа и къ главнымъ его героямъ. Начать съ того, что романъ, быть можетъ вслѣдствіе продолжительнаго, двадцатилѣтняго его созиданія, появился слишкомъ поздно. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда «Обрывъ» вышелъ въ «Вѣстникѣ Европы», идея «борьбы стараго съ новымъ» не могла уже имѣть интереса новооткрытой Америки: объ этой «борьбѣ» почти за десять лѣтъ передъ тѣмъ натолковались вдоволь по поводу «Отцовъ и дѣтей». Съ легкой руки Тургенева, «борьба» сдѣлалась достояніемъ беллетристическихъ работъ самыхъ посредственныхъ авторовъ, была затаскана въ десяткахъ повѣстей и романовъ и обратилась въ шаблонную тему и беллетристики, и критики, и публицистики. По увѣренію Гончарова, онъ первый, прежде другихъ, уловилъ эту тему еще въ 1849 году и только по недостатку «покоя», «сосредоточенности уединенія», да по рѣдкости заграничныхъ поѣздокъ, необходимыхъ для сочиненія на свободѣ, вдали отъ службы и «свѣтскаго бездѣлья», не могъ разработать ея ранѣе двадцати лѣтъ. Но чи-

тающая публика при появленіи «Обрыва» ничего не знала объ этомъ обстоятельствѣ и потому отнеслась къ роману, какъ къ произведенію, написанному на тему уже старую, исчерпанную и даже немного надоѣвшую всѣмъ. Къ тому же, и тѣ образы «Обрыва», въ которыхъ Гончаровъ выразилъ «борьбу стараго съ новымъ», оказались или слишкомъ запоздалыми, или недоношенными. Къ числу запоздалыхъ образовъ слѣдуетъ отнести Райскаго, Бабушку, Мареиньку; къ числу недоношенныхъ—Волохова и Тушина. Самъ авторъ не считаетъ такими эти образы и въ своихъ объясненіяхъ, появившихся черезъ десять лѣтъ послѣ созданія «Обрыва», усердно истолковываетъ важное и глубокое значеніе и Райскаго, и Бабушки, и Волохова, и Тушина, истолковываетъ ихъ непреложную необходимость въ той широкой картинѣ, которая, по его мнѣнію, отражаетъ цѣлый періодъ русской жизни. Что такое Райскій? вопрошаетъ онъ самъ себя и отвѣчаетъ: «Да все Обломовъ, т. е. прямой, ближайшій его сынъ, герой эпохи пробужденія. Это проснувшійся Обломовъ: сильный новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель... Онъ если не спитъ пообломовски, то едва лишь проснулся — и пока знаетъ, что дѣлать, но не дѣлаетъ» и т. д. На нѣсколькихъ страницахъ коментируетъ подобнымъ образомъ авторъ своего Райскаго, точно въ этой фигурѣ диллетанта сороковыхъ годовъ (занимаю-

щагося безконечными и безконечно пустыми діалогами съ деревянными великосвѣтскими особами, въ родѣ Бѣловодовой, и деревянными петербургскими чиновниками, въ родѣ Аянова), выразился нивѣсть какой крупный представитель русской жизни; точно до «Обрыва» не воспроизводились такіе диллетанты десятками въ десяткахъ русскихъ повѣстей и романовъ. Конечно, г. Гончаровъ обработалъ эту, въ сущности пустую и мелкую, фигурку съ свойственнымъ ему необычайнымъ усердіемъ, не пожалѣвъ сотни печатныхъ страницъ на живописаніе диллетантскихъ тревогъ и порываній Райскаго. Но въ этой «пространственности» обработки пустого и затертаго лица, право, нельзя видѣть большого достоинства и большой заслуги художника, а напротивъ, слѣдуетъ пожалѣть объ усердномъ трудѣ, потраченномъ Богъ знаетъ на что. Въ свое время, когда вышелъ «Обрывъ», критика указывала Гончарову именно на это несоотвѣтствіе усердія въ живописаніи пустыхъ и ничтожныхъ фигуръ съ ихъ внутреннимъ значеніемъ. Критика заявляла довольно основательно, что на обрисовку подобныхъ фигуръ довольно было бы нѣсколькихъ штриховъ: онѣ вышли бы тогда и живѣе, и менѣе скучны въ глазахъ читателей. Но авторъ черезъ десять лѣтъ послѣ замѣчаній критики все стоитъ на своемъ: по его мнѣнію, «сынъ Обломова» и его «потягиванія и оглядыванія на свою обломовскую колыбель» представляли новое, поучительное и важное зрѣлище

для россіянь и вѣчно будутъ представлять таковое. Заблужденіе понятное и даже трогательное въ художникѣ, но все же — заблужденіе и притомъ не лишенное нѣкотораго комическаго оттѣнка.

Прозрѣвая необыкновенно важное значеніе Райскаго, его творецъ, слава Богу, не истолковываетъ этого героя аллегорически, какъ это онъ дѣлаетъ съ пресловутой Бабушкой, нарисованной въ «Обрывѣ». Оказывается, по коментаріямъ Гончарова, что эта старая помѣщица, очерченная въ романѣ дѣйствительно довольно живо и правдиво, хотя не безъ пересола, особенно въ концѣ, когда авторъ придаетъ ей трагическое значеніе,—оказывается, что эта старуха представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ аллегорическое олицетвореніе старой «консервативной Россіи!» Объ этомъ, впрочемъ, авторъ заявилъ еще въ самомъ романѣ, а въ коментаріяхъ къ нему подтверждаетъ свое заявленіе и указываетъ явную параллель между Бабушкой и Россіей. Параллель точно выходитъ, но бѣда-то именно въ томъ заключается, что тѣ черты, которыя приписаны въ романѣ Бабушкѣ спеціально для параллельности ея съ консервативною Россіей — онѣ-то и портятъ ея характерную и живую фигуру, выхваченную изъ дѣйствительности, въ этихъ-то чертахъ и сквозитъ сухое резонерство, вѣчно присутствующее въ творчествѣ Гончарова въ качествѣ ложки дидактическаго дегтя, портящей кадку художественнаго меда. Самъ авторъ, очевидно, не чувствуетъ этого, не можетъ

этого уразумѣть, не вѣритъ замѣчаніямъ критики и читающей публики на этотъ счетъ и полагаетъ, вопреки всѣмъ, присутствіе этой ложки дегтя чрезвычайно важнымъ достоинствомъ всѣхъ своихъ произведеній. Что будете дѣлать: такъ всегда бывало у художниковъ даже и покрупнѣе Гончарова и тутъ приходится припомнить знаменитое изреченіе одного изъ героевъ «Ревизора»: «Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ».

Относительно неудачной и блѣдной фигуры Марка Волохова авторъ ссылается на отзывъ какихъ-то «безпристрастныхъ людей», говорившихъ ему «съ участіемъ» (почему съ участіемъ?), что, во-первыхъ, фигура эта полна «типичной правды», и, во-вторыхъ, будто бы этотъ типъ имѣлъ «нѣкоторое вліяніе кое-гдѣ въ обществѣ». Отъ послѣдней «заслуги» авторъ скромно отрекается и беретъ себѣ только «правдивость изображенія». Очевидно, «безпристрастные люди» изъ «участія» къ Гончарову сказали ему неправду насчетъ типичности Волохова; но, быть можетъ, не безъ основанія указывали на примѣры «вліянія» этой фигуры въ обществѣ. Конечно, подъ вліяніемъ безпристрастные люди разумѣли нѣкоторыя подражанія въ жизни, которыя вызвалъ сочиненный Гончаровымъ «Маркушка» Волоховъ. Что мудренаго, такія подражанія могли быть. Фигурѣ романа или повѣсти, или драмы вовсе не нужно быть типической, чтобы вызвать подражаніе въ средѣ молодыхъ лю-

дей, особенно въ той части этой среды, которая состоитъ изъ легкомысленныхъ глупцовъ и фатовъ. Это самое обычное явленіе. Можно указать яркіе примѣры въ подтвержденіе, и притомъ не заходя очень далеко, не обращаясь къ европейскимъ литературамъ, а ограничиваясь только русской. «Бѣдная Лиза» Карамзина куда не типична, а, говорятъ, вызвала въ свое время такія подражанія въ средѣ особъ прекраснаго пола, что иныя изъ этихъ особъ, по примѣру карамзинской героини, покушались топиться въ «Лизиномъ прудѣ». Герои Марлинскаго совсѣмъ не типы, а просто ходячія куклы, одѣтыя въ блестящую мишуру фразъ, но и они вызывали подражанія, да и до сихъ поръ еще, пожалуй, вызываютъ ихъ, потому что и теперь можно еще встрѣтить остатки россійскихъ Аммалатовъ-бековъ, лейтенантовъ Бѣлозоровъ, и т. п. Наконецъ, въ болѣе близкое къ нашему время, романъ «Что дѣлать», представившій рядъ чисто «теоретическихъ» манекеновъ, вызвалъ самыя усердныя подражанія этимъ манекенамъ. Изъ всѣхъ такихъ примѣровъ можно вывести заключеніе, что «типичность» вовсе тутъ не причемъ, и что не велика «заслуга» автора, если онъ сочинитъ лицо, совсѣмъ искусственное и фальшивое, которое тѣмъ не менѣе вызываетъ подражанія. Я думаю, что къ категоріи такихъ фальшивыхъ и искусственно-сочиненныхъ лицъ долженъ быть причисленъ и пресловутый Маркъ Волоховъ. Напрасно авторъ утверждаетъ, что онъ является ти-

пическимъ и правдивымъ представителемъ «новой лжи», какъ Бабушка типической представительницей «старой правды»; напрасно авторъ посвящаетъ двѣ-три страницы разъясненію того, что молодому поколѣнію шестидесятыхъ годовъ не слѣдовало принимать на свой счетъ этого представителя «новой лжи»; все это — излишнія авторскія безпокойства, происходящія отъ понятнаго, впрочемъ, намѣренія придать неудавшемуся лицу своего произведенія небывалое значеніе. Сколько помнится, никто никогда не выражалъ негодованія за то, что Гончаровъ въ Маркѣ Волоховѣ нарисовалъ типическаго представителя молодого поколѣнія, или даже только типическаго представителя его дурныхъ сторонъ. Напротивъ, провозглашались совсѣмъ другіе отзывы объ этомъ героѣ: говорили, что это лицо призрачное, блѣдное и выдуманное въ такой же степени, какъ выдуманъ Тушинъ, являющійся въ «Обрывѣ» хорошимъ человѣкомъ изъ молодого поколѣнія, какъ Штольцъ, являющійся въ «Обломовѣ» сочиненной антитезой героя романа. Такъ оцѣнивала критика Волохова и Тушина во время выхода романа, такую оцѣнку приходится сдѣлать этимъ лицамъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ. Послѣ тургеневскаго Базарова, гончаровскій Волоховъ былъ не что иное, какъ

... разыгранный Фрейшюцъ
Перстами робкихъ ученицъ,

и ужъ ни въ какомъ случаѣ не могъ казаться для тогдашняго молодого поколѣнія зеркаломъ, хотя бы даже и «новой лжи». Волоховъ, какъ и Тушинъ, отразили въ себѣ только *соображенія* Гончарова о томъ, какіе должны быть злые и добрые люди тогдашняго молодого поколѣнія, а отнюдь не дѣйствительныхъ злыхъ и добрыхъ его представителей. Да, собственно говоря, и вся-то амурная исторія «Обрыва», исторія Вѣры и Волохова, окрашенная авторомъ въ драматическій колоритъ, является слишкомъ притязательной въ смыслѣ изображенія «борьбы стараго и новаго». Только самъ авторъ можетъ придавать такое значеніе этой исторіи, что въ ней будто бы выразилось паденіе русской дѣвушки, русской женщины въ борьбѣ старой жизни съ новою. Всѣ такія обобщенія, право, немного высокомѣрны, особенно если они высказываются не критикою, не читающей публикою, а самимъ авторомъ. Въ литературѣ, конечно, встрѣчаются художественныя произведенія, въ которыхъ авторамъ удалось обобщить извѣстные моменты движенія и развитія жизни, и такія произведенія оцѣниваются своевременно и критикой, и обществомъ, на которое они производятъ сильное и глубокое впечатлѣніе. Романъ «Обрывъ» едва ли можетъ быть причисленъ къ такого рода произведеніямъ. И въ дни своего появленія онъ казался уже запоздалымъ по замыслу и по своимъ героямъ; а въ настоящее время идейная и художественная цѣнность этого

романа совсѣмъ не такъ велика и поучительна, какъ это старается дать понять самъ его авторъ.

III.

Беллетристической трилогіей, состоящей изъ «Обыкновенной исторіи», «Обломова» и «Обрыва», собственно и исчерпывается вся художественная дѣятельность Гончарова. «Фрегатъ Паллада» — прекрасно написанная книга, но она выходитъ изъ области беллетристики. Автору-путешественнику представлялось обширное поле для упражненія его удивительной наблюдательности и его описательнаго таланта и онъ вполнѣ выказалъ первую и второй. Главный недостатокъ книги тотъ же, какой замѣчается и въ беллетристическихъ работахъ Гончарова: излишняя растянутость, склонность къ тщательной рисовкѣ мелочей, впрочемъ, большею частью характерныхъ и въ концѣ концовъ если и обременяющихъ немного картины и сцены, изображаемыя авторомъ, то отнюдь не вредящихъ ихъ законченности, а, напротивъ, ее усиливающихъ.

Четыре очерка, вошедшіе въ послѣдній томъ полнаго собранія сочиненій Гончарова, не представляютъ ничего такого, что бы прибавляло къ его литературной славѣ новые лавры. Очеркъ «Литературный вечеръ» — полубеллетристическій, полукритическій этюдъ съ немного странною раз-

вязкою, въ которомъ, однако, несмотря на водевильный конецъ, высказано не мало справедливыхъ замѣчаній, касающихся литературныхъ и общественныхъ настроеній и нестроеній нашего времени.

Очеркъ раздѣляется на двѣ части. Въ первой части описывается чтеніе великосвѣтскаго романа на вечерѣ у одного великосвѣтскаго холостяка, причемъ разсказывается отчасти содержаніе читаемаго произведенія и набрасываются, такъ сказать, силуэты собравшейся на чтеніе публики. Тутъ между аристократическими слушательницами любопытны три женскія фигуры, описанныя хотя вскользь, но съ художественнымъ мастерствомъ, свойственнымъ г. Гончарову. Я говорю о фигурахъ гр. Синявской, вдовы Лилиной и княжны Тецкой. Любопытны эти три особы потому, что онѣ сдѣлались какими-то стереотипными особами большого свѣта и почти всегда встрѣчаются въ романахъ, повѣстяхъ и очеркахъ, изображающихъ нашъ бомондъ, встрѣчаются уже давно и въ неизмѣнномъ видѣ. Вѣроятно, эти особы дѣйствительно составляютъ непремѣнную принадлежность великосвѣтскаго круга. При нѣкоторой общей неподвижности жизни и нравовъ этого круга, онѣ, эти стереотипныя особы остаются все такими же, какъ въ доброе старое время. Общественная жизнь въ ея широкомъ значеніи измѣняется кругомъ и вырабатываемые ею характеры, особенно женскіе, принимаютъ новыя формы и новую сущность; но

въ той ограниченной кунсткамерѣ, которая называется бомондомъ, характеры женскіе застываютъ въ однажды выработанномъ направленіи, пріобрѣтаютъ шаблонную, такъ сказать, великосвѣтски-утвержденную форму. Вотъ хоть бы названныя три особы. Первая изъ нихъ, графиня Синявская, это типъ женщины загадочной—женщины «сфинкса». Эти великосвѣтскіе «сфинксы» въ юбкахъ, какъ и сфинксы въ раззолоченныхъ мундирахъ и модныхъ фракахъ, иногда подъ своею мнимою загадочностью таятъ очень немудрую сущность, которая резюмируется двумя словами: ограниченность и пустота. Но иногда эти сфинксы дѣйствительно принадлежатъ къ числу богато одаренныхъ натуръ, соединяющихъ въ себѣ съ глубокими и высокими качествами ума и сердца ту изящную сдержанность и изящную простоту, ту, если такъ можно выразиться, отчеканенность внѣшняго выраженія своихъ внутреннихъ достоинствъ, которая дается свѣтскимъ воспитаніемъ и обстановкою. Къ какой категоріи сфинксовъ принадлежитъ набросанная мелькомъ г. Гончаровымъ графиня Синявская — я не берусь быть въ этомъ вопросѣ Эдипомъ. Но, повторяю, эта стереотипная великосвѣтская особа вышла у нашего автора какъ живая. Не менѣе ея хорошо нарисовано другое стереотипное существо: пріятная во всѣхъ отношеніяхъ (не въ сатирическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ), свѣжая, молодая и наивная вдова Лилина, «всегда всѣмъ довольная, всѣхъ любившая

и всѣми любимая и балуемая». Это тоже счастливый, пріятный и неизмѣнный продуктъ обезпеченной среды, продуктъ съ чисто русскимъ, нѣсколько простоватымъ складомъ души. Третья особа, княжна Тецкая, немного отрицательный великосвѣтскій типъ: это юная дѣвица, зараженная свѣтскимъ лицемѣріемъ, корчащая изъ себя наружно образцовую невинность, но внутри уже тронутая слегка порокомъ, или, по крайней мѣрѣ, жаждущая узнать порокъ: она въ обществѣ и въ семьѣ выказываетъ примѣрную чистоту и невѣдѣніе, а подъ подушкой у себя держитъ скабрезнѣйшій изъ романовъ Зола, которые ей обязательно доставляютъ услужливые великосвѣтскіе кавалеры.

Я, впрочемъ, только, мимоходомъ упоминаю объ этихъ трехъ фигурахъ, мелькомъ намѣченныхъ авторомъ въ первой части очерка. Въ сущности, эта первая часть не представляетъ почти ничего значительнаго и многія ея страницы, напримѣръ, пересказъ содержанія читаемаго романа, могли бы быть совсѣмъ отброшены безъ ущерба содержанія очерка. Суть очерка сосредоточивается во второй его части, гдѣ, послѣ прочтенія романа и по уходѣ его автора, слушатели высказываютъ различныя мнѣнія и сужденія, касающіяся произведеній великосвѣтскаго жанра въ частности и вопросовъ искусства вообще. Тутъ, въ формѣ оживленныхъ преній четырехъ собесѣдниковъ: образованнаго свѣтскаго идеалиста соро-

ковыхъ годовъ Чешнева, профессора, редактора журнала и, наконецъ, «газетнаго критика» Крякова, излагаются воззрѣнія прежней идеалистической и новѣйшей натуралистической литературной школы. Пренія названныхъ четырехъ лицъ служатъ, такъ сказать, главнымъ квартетомъ, а хоръ остальныхъ гостей вступаетъ только по временамъ. Кой-что объ этихъ преніяхъ я скажу сейчасъ; покуда же замѣчу слѣдующее: они оканчиваются неожиданной развязкой: газетный критикъ Кряковъ оказывается вовсе не газетнымъ критикомъ, а однимъ изъ извѣстныхъ актеровъ, приглашеннымъ племянникомъ хозяина дома, у котораго происходило чтеніе романа, собственно для развлеченія собравшихся гостей. Актеръ загримировался удивительно, удивительно разыгралъ свою роль, надулъ всѣхъ гостей и только тогда, когда онъ уже ушелъ, гостямъ открылся секретъ разыгранной комедіи. Эта невинно-водевильная развязка, какъ и вообще вся невинная «басня» очерка отзывается какимъ-то литературнымъ пріемомъ тридцатыхъ годовъ и неизвѣстно ради чего она выдумана Гончаровымъ. Лучше было бы обойтись безъ этого водевильнаго заключенія, которое придаетъ второй половинѣ очерка видъ невинной выдумки, такъ какъ каждый знаетъ, что ни одинъ изъ нашихъ актеровъ, даже самыхъ талантливыхъ и извѣстныхъ, не въ состояніи разыграть роль представителя современныхъ критическихъ воззрѣній: чѣмъ другимъ, а изученіемъ литера-

туры наши актеры не грѣшатъ и вообще на счетъ ея «нѣсколько беззаботны».

Пренія о романѣ, какъ уже я замѣтилъ, завязываются за ужиномъ. Завязываетъ ихъ какой-то почтенный старецъ Краснопѣвцевъ, бывшій другъ и почитатель Греча и Булгарина. Булгаринствующій старецъ — такіе еще не вывелись, да даже и не изъ старцевъ такіе въ наши дни бываютъ — разражается негодованіемъ противъ распущенности направленія современныхъ литераторовъ и литературы. Онъ говоритъ, что онъ бы «всѣмъ сочинителямъ при полиціи списки завелъ, да выдавалъ бы имъ желтые билеты на жительство». Когда ему на это возражаютъ, что подобныя мѣры уже принимались въ доброе старое время, что была какая-то особая книга, куда записывали литераторовъ и все-таки это не помогло, булгаринствующій старецъ брюзжитъ, что правительство само виновато, ибо оно «ослабѣло». «Страху бы намъ, страху! Вотъ что нужно, — восклицаетъ старецъ, — а не свободу печати!.. Далъ бы я имъ свободу! Сколько зла отъ этого! Боже мой, сколько зла!» Его просятъ объяснить, какое же зло, и онъ прямо указываетъ на развитіе нигилистическихъ идей и взываетъ къ своимъ почтеннымъ сверстникамъ, великосвѣтскимъ тузамъ, что они потворствуютъ «мальчишкамъ» и ихъ идеямъ, потому что «сами нигилисты». Какъ на нигилистическую черту всего общества, онъ указываетъ на слабость вѣры, на общее неуваженіе къ религіи, ко-

торое поддерживается печатью. Въ этомъ пунктѣ сторону булгаринствующаго старца беретъ какой-то господинъ въ синихъ очкахъ изъ охранителей лицемѣрно-ханжескаго пошиба, какихъ въ послѣднее время развелось у насъ таки довольно. Господинъ этотъ смиренно, но не безъ ядовитости докладываетъ, что хотя печать прямо противъ религіи не ратуетъ, ибо это запрещено, но «зато ни одинъ журналъ не ополчается и за религію». Въ журналахъ «на трехъ-четырехъстахъ страницахъ не встрѣтишь, чтобы упоминалось имя Божіе. Это очень знаменательно». Булгаринствующій старецъ не менѣе ехидно замѣчаетъ, что объ упадкѣ религіи въ обществѣ журналы не говорятъ, а вотъ «объ упадкѣ курса пишутъ, да перечатъ правительству». На возраженія, что все-таки печать оказываетъ не малую пользу правительству и обществу, консерваторъ въ синихъ очкахъ отвѣчаетъ такимъ образомъ:

— О, конечно-съ, конечно-съ... большую, большую пользу! Печать горячо преслѣдуетъ кражи, убійства, всякіе скандалы! Сломаютъ ли кружку у церкви, или расхитятъ кассу въ банкѣ — вся пресса дружно и громко предаетъ гласности и кражу, и вора; всякія публичныя безобразія, также неисправности администраторовъ, особенно повыше, тоже непремѣнно обличитъ, по косточкамъ разберетъ...

— Даже если пьяный съ барки упадетъ въ воду и вылѣзетъ — и то не пропуститъ! прибавилъ Суховъ.

— Чего же вы еще хотите?

— Но она нерѣдко пропускаетъ безъ вниманія очень серьезныя вещи, и это меня иногда удивляло, признаюсь; отъ безпечности ли или отъ чего другого, вотъ въ чемъ мнѣ любопытно бы попросить разъясненія... продолжали синіе очки.

— Напримѣръ, какія вещи? спросилъ журналистъ.

— Напримѣръ, вотъ хоть бы въ прошломъ году произошла смута между молодежью: разнесли столы, стулья, выгнали профессора...

— Что же, пресса не умолчала; объ этомъ всѣ журналы прокричали.

— Заявила, единогласно заявила,—это правда, правда! И какъ вѣрно, точно, отчетливо...

— Такъ что же?

— Мнѣ только любопытно бы знать, смиренно продолжали синіе очки: — отчего пресса поскупилась на осужденіе этого поступка по достоинству... не прибавила ни слова отъ себя? Не пожурила, не разъяснила неприличія. Это бы не могло не подѣйствовать на молодые умы благотворно, я полагаю...

«А случись противное», повершаетъ доводы господина въ синихъ очкахъ булгаринствующій старецъ, «печать бы не молчала». Не знаю какъ кому, а мнѣ этотъ небольшой эпизодъ изъ преній по поводу величественнаго романа представляется очень любопытнымъ, гораздо любопытнѣе послѣдующихъ пространныхъ критически-эстетическихъ разсужденій другихъ собесѣдниковъ. По моему, въ этомъ эпизодѣ очень характерно схваченъ и выраженъ отголосокъ нѣкоторыхъ мнѣній о печати, господствующихъ въ средѣ мнимыхъ охранителей новѣйшаго пошиба, которые охотно подаютъ руку булгаринствующимъ старцамъ добраго стараго времени. Печать въ представленіи этихъ господъ должна быть чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ моральныхъ книжекъ, какія дарятся за доброе поведеніе прилежнымъ дѣтямъ: органы ея, обсуживая разныя общественныя явленія и сообщая факты, должны непремѣнно при этомъ назидать

моралью умнаго и почтительнаго Ѳедю, карая глупаго и дурного Ваню; если же они этого не дѣлаютъ, то это означаетъ ихъ затаенную зловредность. Вообще, въ этомъ эпизодѣ очень тонко указана любопытная черта современныхъ псевдоохранителей: изысканіе и подозриваніе разныхъ зловредствъ помощію *отрицательнаго способа.* Если вы *не* выражаете казенной морали, похвалъ и превозношеній чему бы то ни было—значитъ вы въ душѣ это не одобряете и даже подкапываетесь подъ это тайно. Подобная отрицательная подозрительность усердныхъ не по разуму охранителей породила въ нашей либеральной журналистикѣ комическую доблесть *молчанія.* Тѣ журналисты, либерализмъ которыхъ какъ разъ по плечу охранителямъ во вкусѣ господина въ синихъ очкахъ, кичатся передъ подобными проницательно-подозрительными господами тѣмъ, что они, журналисты, молчатъ въ такое время, когда невинное въ сущности и во всѣхъ отношеніяхъ безвредное молчаніе можетъ быть отнесено къ категоріи нѣкотораго скрытаго зловредства. Разумѣется, «все это было бы смѣшно», какъ со стороны либеральныхъ журналистовъ, такъ и со стороны подозрительныхъ охранителей, «когда бы не было такъ грустно...»

Большая часть мнѣній и сужденій, высказываемыхъ отъ лица дѣйствующихъ лицъ очерка Гончарова, есть только ловко вставленныя въ живую разговорную форму ходячія и давно из-

вѣстныя теоріи двухъ противоположныхъ лагерей въ искусствѣ: лагеря прежней художественной школы и лагеря новѣйшей, натуралистической. Разумѣется, какъ крупный талантъ, Гончаровъ съумѣлъ очень выразительно обработать то, что въ сухой формѣ говорилось не разъ критикой добраго стараго времени и критикой современной; разумѣется, почтенный авторъ нѣчто и отъ себя прибавилъ, если не по существу дѣла, то по части его удачнаго освѣщенія. Вотъ для образца два-три наиболѣе рельефныхъ отрывка изъ помянутыхъ преній. Вопросъ идетъ о томъ требованіи точности и правды, которое предъявляетъ новѣйшій узкій реализмъ, или, вѣрнѣе, натурализмъ, отрицая при этомъ необходимость вмѣшательства въ дѣло творчества иного элемента, кромѣ внѣшней наблюдательности и вѣрной копировки, отрицая вмѣшательство субъективнаго чувства писателя въ изображеніи лицъ, событій, картинъ. Противъ требованія одной голой правды, безъ ея внутренняго освѣщенія мыслью и чувствомъ художника, высказывается профессоръ. «Замѣчу объ объективности, — говоритъ онъ, — новые писатели хотятъ простирать ее слишкомъ далеко. Художникъ, конечно, не долженъ соваться своею особою въ картину, наполнять ее своимъ я — это такъ. Но его духъ, фантазія, мысль, чувство — должны быть разлиты въ произведеніи, чтобъ оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличнаго

чародѣя! Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ и читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора, наслаждаются картиною». Переходя къ вопросу о томъ, отчего новѣйшіе натуралисты предпочитаютъ прежнему возсозданію жизни новѣйшій чисто-техническій внѣшній способъ, профессоръ справедливо говоритъ: новые такъ пишутъ потому, что легко такъ писать. «Творчество не всякому дается, а реализмъ и техника — это двѣ двери, которыя отворяются передъ всѣми, кто постучится въ нихъ! Даже школу выдумали... а школы не выдумываются, а создаются геніальными талантами; такихъ теперь нигдѣ нѣтъ! Диккенсъ, Пушкинъ и Гоголь не подозрѣвали, что создаютъ школы, а онѣ создались ими! А эти господа сами заявляютъ о своей школѣ». Послѣднее замѣчаніе особенно вѣско и мѣтко. Въ самомъ дѣлѣ, компанія новѣйшихъ натуралистовъ не имѣетъ настоящихъ геніально-крупныхъ произведеній, которыя могли бы служить практическими образчиками второстепенныхъ подражаній, не имѣетъ геніальныхъ художниковъ, которые могли бы быть непосредственными учителями обыкновенныхъ дарованій. Неимѣніе всего этого компанія силится замѣнить теоріей, которую преподаютъ сами же мнимые корифеи мнимой школы, причемъ они обнаруживаютъ комическое непониманіе собственнаго же творчества и въ своей теоріи на каждомъ шагу противорѣчатъ своей практически-ху-

дожественной дѣятельности. Примѣръ въ этомъ родѣ, и притомъ очень выразительный, представляетъ Эмиль Зола въ своихъ критическихъ этюдахъ. Вообще, когда какіе-либо притязательные новаторы изъ Ахиллесовъ становятся, подобно комару басни, Омирами собственныхъ подвиговъ въ искусствѣ, когда они преждевременно кричатъ сами объ основаніи ими новой школы,—вообще это значитъ, что они представляютъ собою нѣкоторое художественное безсиліе, успѣхъ котораго непроченъ и обусловливается не внутреннимъ достоинствомъ и величиною работъ его представителей, а какими либо внѣшними, случайными обстоятельствами. У насъ живой и поучительный образчикъ въ такомъ родѣ представляетъ маленькая музыкальная клика, нѣсколько лѣтъ шумѣвшая и кричавшая о какихъ-то новыхъ горизонтахъ, новыхъ Америкахъ въ музыкальномъ искусствѣ, открытыхъ будто бы ею, о какой-то новой русской музыкальной школѣ, будто бы ею созданной послѣ Глинки. Въ теоретическихъ жужжаніяхъ комаровъ этой клики, становившихся изъ Ахилловъ Омирами собственныхъ произведеній, уничтожались Россини, Мейерберы и на мѣсто ихъ возносились доморощенные Сидоровы и Карповы, уничтожались «Вильгельмы Телли» и «Донъ-Жуаны» и на мѣсто ихъ ставились какіе-то золотушные продукты доморощенной деревянной музыки, отъ которыхъ слушатели бѣжали, зажимая уши. Чѣмъ же, однако, кончились всѣ эти крики

о заведенiи на Руси новой, небывалой музыкальной школы? Они кончились полнымъ фiаско жужжащихъ комаровъ и даже отреченiемъ ихъ въ собственныхъ своихъ произведенiяхъ и статьяхъ отъ прежнихъ теоретическихъ глупостей. Никто изъ пресловутыхъ «основателей» новой школы ничего не основалъ, никто ничего новаго, кромѣ деревянной стукотни вмѣсто музыкальныхъ звуковъ, не выдумалъ и всѣ они вернулись или ворочаются на торный путь, проложенный Глинкой и его даровитыми продолжителями, Даргомыжскимъ и Сѣровымъ. Глинка какъ былъ, такъ и остался единственнымъ *основателемъ* русской музыки и русской музыкальной школы. А вѣдь онъ о себѣ не только никогда не трубилъ ничего, но даже, кажется, въ генiальномъ простодушiи и не подозрѣвалъ, что онъ на родной почвѣ новаторъ, что онъ создатель русской нацiональной музыки.

Я, однако, отвлекся въ сторону отъ очерка Гончарова. Возвращаясь къ нему, позволю себѣ послѣднюю выписку изъ очерка: разсужденiе идеалиста Чешнева о народности. Народность, говоритъ почтенный идеалистъ—и на этотъ разъ его устами бесѣдуетъ чуть ли не сама мудрость — народность или, точнѣе, нацiональность выражается

въ духѣ единенiя мысли, чувствъ, въ совокупности всѣхъ силъ русской жизни! Пусть космополиты мечтаютъ о будущемъ отдаленномъ слiянiи всѣхъ племенъ и нацiональностей въ одну человѣческую семью, пусть этому суждено когда

нибудь и исполниться, но до тѣхъ поръ, и даже для этой самой цѣли—еслибъ такова была, въ самомъ дѣлѣ, конечная цѣль людского бытія — необходимо каждому народу переработать всѣ соки своей жизни, извлечь изъ нея всѣ силы, весь смыслъ, всѣ качества и дары, какими онъ надѣленъ, и принести эти національные дары въ общечеловѣческій капиталъ! Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ богаче будетъ этотъ вкладъ и тѣмъ глубже и замѣтнѣе будетъ та черта, которую онъ прибавитъ къ всемірному образу человѣческаго бытія. Русскій народъ исполняетъ эту свою великую и національную и человѣческую задачу, въ ней ровно и дружно работаютъ всѣ силы великаго народа, отъ царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, всѣ, какъ муравьи, живутъ, работаютъ, какъ будто вразбродъ; думаютъ, чувствуютъ про себя и для себя; говорятъ, пожалуй, и на разныхъ языкахъ; но лишь только явится туча на горизонтѣ, загремитъ война, постигнетъ Россію зараза, голодъ — смотрите, какъ соединяются всѣ нравственныя и вещественныя силы, какъ все сливается въ одно чувство, въ одну мысль, въ одну волю — и какъ вдругъ всѣ, будто подъ наитіемъ Св. Духа, мгновенно поймутъ другъ друга и заговорятъ однимъ языкомъ и одною силою! Баринъ, мужикъ, купецъ — всѣ идутъ на одну общую работу, на одно дѣло, на одинъ трудъ, несутъ милліоны и копѣйки... и умираютъ, если нужно — и какъ умираютъ! Передъ вами уже не графы, князья, военные или статскіе, не мѣщане или мужики — а одна великая, будто изъ несокрушимой мѣди вылитая статуя — Россія!

Газетный критикъ Кряковъ презрительно обзываетъ Чешнева за эту тираду «шовинистомъ» — любимымъ словечкомъ нашихъ мнимыхъ либераловъ, которое они всегда пускаютъ въ ходъ совершенно съ тою же цѣлью, съ какою пускается иногда мнимыми охранителями словечко «нигилистъ», то есть съ цѣлью огульной и пустой кличкой подорвать кредитъ непріятнаго ученія противниковъ. Но Чешневъ не остается съ своей

стороны въ долгу и обзываетъ Крякова псевдо-либераломъ, причемъ осуждаетъ псевдо-либерализмъ, говоря, что онъ «точитъ корни того истиннаго либерализма, который одинъ ведетъ къ прогрессу. Онъ избралъ своимъ девизомъ разрушеніе гражданственности, цивилизаціи, онъ не останавливается ни передъ какими средствами—пожарами, убійствами... и не знаетъ самъ чего хотѣть и мчится... куда?..» Кряковъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: «Почемъ я знаю, куда онъ мчится!» и Чешневъ соглашается, что только такъ и можно отвѣтить: «это одинъ возможный, искренній отвѣтъ псевдо-либерализма! Онъ мчится мало-помалу къ той безднѣ, отъ которой, умирая, отвернулся и Герценъ и куда отчаянно бросился маніакъ Бакунинъ, увлекая за собой панургово стадо».

На этой выпискѣ я разстанусь съ очеркомъ, который, говоря вообще, хотя и является какимъ-то межеумочнымъ произведеніемъ — не то критическаго, не то беллетристическаго характера, но во всякомъ случаѣ имѣетъ серьезный интересъ и притомъ написанъ съ душевной искренностью и необыкновенной художественной обработкой, т. е. заключаетъ въ себѣ два качества, встрѣчаемыя очень рѣдко въ продуктахъ теперешней литературы.

Статья «Милліонъ терзаній», въ которой авторъ дѣлаетъ мастерской, хотя нѣсколько односторонній, разборъ «Горя отъ ума», показываетъ въ авторѣ

большой критическій талантъ и умъ, — качества, которыми онъ блещетъ и въ своихъ романахъ, блещетъ нерѣдко во вредъ непосредственному художественному творчеству. «Замѣтка о личности Бѣлинскаго» — очень любопытная характеристика знаменитаго критика, сдѣланная съ горячей симпатіей и замѣчательнымъ безпристрастіемъ, съ тонкостью аналитика и проницательностью глубокаго наблюдателя. Въ нашей литературѣ немного найдется такихъ превосходныхъ характеристикъ: тутъ развѣ только одинъ Тургеневъ можетъ соперничать съ Гончаровымъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ». Къ слову сказать: и въ романахъ Гончарова характеристики героевъ, излагаемыя отъ лица автора, выходятъ почти всегда превосходными; видно, что онъ любитъ ихъ дѣлать, что онъ тутъ полный мастеръ; не даромъ же онъ ихъ такъ изобильно разсыпаетъ вездѣ и всюду, иногда по нѣскольку разъ въ продолженіе романа возвращаясь къ характеристикѣ одного и того же лица въ разные моменты его жизни.

Этюдъ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», изъ котораго я не разъ приводилъ выдержки при обзорѣ романической трилогіи Гончарова, если говорить откровенно, представляетъ со стороны почтеннаго автора нѣкоторую литературную ошибку. Не знаю, можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, этотъ этюдъ авторъ могъ бы поберечь въ своемъ портфелѣ. Положимъ, самъ Гончаровъ считаетъ свою литературную дѣятельность законченной и признается, что

онъ не можетъ болѣе работать въ качествѣ романиста, потому что въ своихъ произведеніяхъ онъ изображалъ только то, что переживалъ, а все пережитое имъ исчерпано уже вполнѣ. Но, во всякомъ случаѣ, даже и считая свою литературную дѣятельность оконченной, автору не слѣдуетъ гласно самому подводить ея итоги, критически оцѣнивать значеніе своихъ произведеній, разбирать созданныхъ имъ героевъ, опредѣлять качества, общественную и литературную цѣнность созданій собственнаго творчества. Съ какимъ бы простодушіемъ, съ какою бы искренностью и съ какимъ бы безпристрастіемъ ни дѣлалъ это авторъ, во всякомъ случаѣ, онъ не остережется отъ нѣкотораго преувеличенія и не совсѣмъ справедливаго взгляда на свои литературныя творенія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ себя самого, свой талантъ, свои созданія оцѣнивать совершенно безстрастно,

Какъ дьякъ въ приказѣ посѣдѣлый,
Спокойно *зря* на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно.

А если это невозможно, если въ оцѣнку автора непремѣнно примѣшается чувство пристрастія къ самому себѣ, то на всякій посторонній взглядъ эта, совершенно законная и понятная, примѣсь кажется, во-первыхъ, гораздо болѣе значительной, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; во-вторыхъ, она возбуждаетъ неловкое и досадное чувство за автора. Разумѣется, какъ матеріалъ для біографіи автора, подобныя критическія размышленія

и признанія о себѣ и своихъ произведеніяхъ очень любопытны и имѣютъ важное и поучительное значеніе. Но опубликовать подобный матеріалъ при своей жизни, по меньшей мѣрѣ, рискованно.

БІОГРАФІЯ И ПИСЬМА ДОСТОЕВСКАГО.

I.

Вышли матеріалы для біографіи и письма Ѳ. М. Достоевскаго. По обстоятельствамъ, мнѣ приходится заняться этой книгой послѣ того, какъ она уже оцѣнена двумя критиками, и такимъ образомъ представляется случай коснуться мнѣнія о Достоевскомъ, высказаннаго въ двухъ либеральныхъ петербургскихъ журналахъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» высказался г. К. Арсеньевъ; въ «Отечественныхъ Запискахъ» — г. Посторонній. Оба критика не совсѣмъ довольны біографіей Достоевскаго, составленной гг. Миллеромъ и Страховымъ, и еще болѣе недовольны личностью самого Достоевскаго, поскольку она отражается въ многочисленныхъ его письмахъ, приложенныхъ къ біографіи. Впрочемъ, г. Арсеньевъ очень «сострадаетъ» покойному писателю, но не «симпатизируетъ» ему, однако; что касается г. Посторонняго, тотъ и не симпатизи-

руетъ и даже мало сострадаетъ: онъ считаетъ Достоевскаго просто «жалкимъ» не въ сострадательномъ, а, кажется, въ унизительномъ смыслѣ. Посмотримъ попристальнѣе, чѣмъ недовольны критики въ Достоевскомъ и чему они не симпатизируютъ.

Прежде всего наши либеральные критики, разумѣется, недовольны нѣкоторыми рѣзкими и откровенными сужденіями, встрѣчающимися въ письмахъ Достоевскаго,—сужденіями о либеральныхъ писателяхъ, напримѣръ, о Бѣлинскомъ, о Тургеневѣ. Особенно ихъ возмущаетъ то, что высказалъ Достоевскій о Бѣлинскомъ. Г. Арсеньевъ находитъ въ словахъ Достоевскаго о Бѣлинскомъ «ожесточеніе, не знающее предѣловъ, повторяющее по нѣскольку разъ одни и тѣ же ругательныя слова, топчущее въ грязь и талантъ, и личность давно умершаго человѣка»; почтенный критикъ, подыскивая «наиболѣе выгодное объясненіе» такому ожесточенію, признаетъ его «патологическимъ». Г. Посторонній, вторя г. Арсеньеву, также находитъ, что Достоевскій «относится къ Бѣлинскому съ такою злобною ненавистью, съ такою наглядною пѣною у рта, какую даже рѣдко встрѣтить можно»; онъ видитъ въ отзывѣ Достоевскаго только «злобную ругань» и попрекаетъ его даже тѣмъ, что такое «трепетаніе отъ злобы на людей, мирно покоющихся на кладбищѣ», противно «христіанскому духу», которымъ, по свидѣтельству біографовъ, покойный писатель былъ проник-

нуть въ послѣдніе годы своей жизни. Однимъ словомъ, оба критика ставятъ Достоевскому въ ужасное преступленіе откровенное мнѣніе объ одномъ изъ либеральныхъ кумировъ, высказанное въ дружескомъ письмѣ.

Для того, чтобы читатели могли видѣть насколько преступно мнѣніе Достоевскаго, я приведу его здѣсь вполнѣ. Достоевскій высказываетъ это мнѣніе въ письмѣ къ г. Страхову по поводу событій въ Парижѣ въ 1871 году, по поводу тогдашнихъ ужасовъ коммуны и междоусобной бойни. «Вѣдь ужъ кажется достаточно фактовъ,—пишетъ онъ,—что ихъ безсиліе сказать новое слово—явленіе не случайное. Они рубятъ голову почему?—Единственно потому, что это всего легче. Сказать что нибудь несравненно труднѣе. Желаніе чего нибудь не есть достиженіе. Они желаютъ счастья человѣка и остаются при опредѣленіяхъ слова «счастье» Руссо, т. е. по фантазіи, не оправданной даже опытомъ. Пожаръ Парижа есть чудовищность: «не удалось, такъ погибай міръ», ибо коммуна выше счастья міра и Франціи. Но вѣдь имъ (да и многимъ) не кажется чудовищностью это бѣшенство, а напротивъ, *красотою.* Итакъ, эстетическая идея въ новомъ человѣчествѣ помутилась. Нравственное основаніе общества (взятое изъ позитивизма) не только не даетъ результатовъ, но и не можетъ само опредѣлить себя, путается въ желаніяхъ и въ идеалахъ. Неужели, наконецъ, мало теперь фактовъ для доказательства, что не такъ создается обще-

ство, не тѣ пути ведутъ къ счастью и не оттуда происходитъ оно, какъ до сихъ поръ думали. Откуда же? Напишутъ много книгъ, а главное упустятъ: на Западѣ Христа потеряли (по винѣ католицизма) и оттого Западъ падаетъ, единственно оттого. Идеалъ перемѣнился и—какъ это ясно! А паденіе папской власти рядомъ съ паденіемъ главы римско-германскаго міра (Франція и др.) — какое совпаденіе! Все это требуетъ большихъ и долгихъ рѣчей, но вотъ что я собственно хочу сказать: еслибъ Бѣлинскій, Грановскій и вся эта...[1]) поглядѣли теперь, то сказали бы: «Нѣтъ, мы не о томъ мечтали, нѣтъ, это уклоненіе: подождемъ еще, явится свѣтъ и воцарится прогрессъ, и человѣчество перестроится на здравыхъ началахъ и будетъ счастливо!» Они никакъ бы не согласились, что, разъ ступивъ на эту дорогу, никуда больше не придешь, какъ къ коммунѣ и къ Феликсу Піа. Они до того были тупы, что и *теперь* бы, уже послѣ событія, не согласились бы и продолжали мечтать. Я обругалъ Бѣлинскаго болѣе какъ явленіе русской жизни, нежели лицо. Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни. Одно извиненіе—въ неизбѣжности этого явленія. И увѣряю васъ, что Бѣлинскій помирился бы теперь на такой мысли: «А вѣдь это оттого не удалось коммунѣ, что она все-таки прежде всего была фран-

---

[1]) По догадкѣ г. Посторонняго, тутъ точки замѣняютъ слово «сволочь». Какой догадливый этотъ г. Посторонній.

цузская, т. е. сохраняла въ себѣ заразу національности. А потому надо пріискать такой народъ, въ которомъ нѣтъ ни капли національности и который способенъ бить, какъ я, по щекамъ свою мать (Россію)». И съ пѣной у рта бросился бы вновь писать поганыя статьи свои, позоря Россію, отрицая великія явленія ея (Пушкина),—чтобы окончательно сдѣлать Россію *вакантною* націею, способною стать во главѣ общечеловѣческаго дѣла. Іезуитизмъ и ложь нашихъ передовыхъ двигателей онъ принялъ бы со счастьемъ. Но вотъ что еще: вы никогда его не знали, а я зналъ и видѣлъ, и теперь осмыслилъ вполнѣ. Этотъ человѣкъ ругалъ мнѣ ....., и между тѣмъ никогда онъ не былъ способенъ самъ себя и всѣхъ двигателей всего міра сопоставить съ Христомъ для сравненія. Онъ не могъ замѣтить того, сколько въ немъ и въ нихъ мелкаго самолюбія, злобы, нетерпѣнія, раздражительности, подлости, а главное—самолюбія. Онъ не сказалъ себѣ никогда: что же мы поставимъ вмѣсто него? Неужели себя, тогда какъ мы такъ гадки? Нѣтъ, онъ никогда не задумался надъ тѣмъ, что онъ самъ гадокъ; онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени, и это было уже личная, смрадная, позорная тупость.—Вы говорите, что онъ былъ талантливъ. Совсѣмъ нѣтъ, и, Боже! какъ навралъ о немъ въ своей статьѣ Григорьевъ. Я помню мое юношеское удивленіе, когда я прислушивался къ нѣкоторымъ чисто-художественнымъ его сужденіямъ (напримѣръ, о «Мерт-

выхъ Душахъ»); онъ до безобразія поверхностно и съ пренебреженіемъ относился къ типамъ Гоголя и только радъ былъ до восторга, что Гоголь *обличилъ*. Здѣсь (за границей), въ эти четыре года я перечиталъ его критики: онъ обругалъ Пушкина, когда тотъ бросилъ свою фальшивую ноту, и явился съ «Повѣстями Бѣлкина» и съ «Арапомъ». Онъ съ удивленіемъ провозгласилъ ничтожество «Повѣстей Бѣлкина». Онъ въ повѣсти Гоголя «Коляска» не находилъ художественнаго цѣльнаго созданія и повѣсти, а только шуточный разсказъ. Онъ отрекся отъ окончанія «Евгенія Онѣгина». Онъ первый выпустилъ мысль о камеръ-юнкерствѣ Пушкина. Онъ сказалъ, что Тургеневъ не будетъ художникомъ, а между тѣмъ это сказано по прочтеніи чрезвычайно значительнаго разсказа Тургенева «Три портрета». Я бы могъ набрать такихъ примѣровъ сколько угодно, для доказательства неправды его критическаго чутья и «воспріимчиваго трепета», о которомъ вралъ Григорьевъ (потому что самъ былъ поэтъ). О Бѣлинскомъ и о многихъ явленіяхъ нашей жизни судимъ мы до сихъ поръ еще сквозь множество чрезвычайныхъ предразсудковъ».

Я нарочно привелъ вполнѣ всю эту часть письма, въ которой Достоевскій высказался о Бѣлинскомъ, а не однѣ отрывочныя фразы этого письма, какъ это дѣлаютъ г. Арсеньевъ и г. Посторонній. Если судить мнѣніе Достоевскаго только по отрывочнымъ рѣзкимъ и, пожалуй, даже бран-

нымъ фразамъ и словамъ, то, конечно, можно признать тутъ и «патологическое раздраженіе» и «злобную ненависть». Но стоитъ только взять сужденіе Достоевскаго въ цѣломъ, стоитъ только оставить въ сторонѣ рѣзкость выраженій (легко объяснимую страстностью убѣжденія, вообще свойственной покойному, и еще болѣе тѣмъ, что онъ высказывалъ свое мнѣніе не стѣсняясь, не для публики, не для печати, а въ пріятельской перепискѣ), и мы должны будемъ признаться, что это сужденіе заключаетъ въ себѣ *глубокую правду во всемъ, за исключеніемъ отрицанія таланта у Бѣлинскаго.* Можетъ быть такимъ высокоумнымъ критикамъ, какъ г. Арсеньевъ и г. Посторонній, ничѣмъ, впрочемъ, своего высокоумія не обнаружившимъ, кромѣ шаблонно-либеральныхъ взглядовъ и шаблонно-либеральныхъ фразъ, — можетъ быть имъ мысли Достоевскаго кажутся бредомъ больного, раздраженнаго, злобнаго человѣка; но вѣдь надо же доказать, что это бредъ озлобленія, а не выстраданное слово правды, надо разобрать, что такое говоритъ Достоевскій. Онъ говоритъ вотъ что. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что наши либеральные доктринеры, къ которымъ принадлежали, напримѣръ, Грановскій и Бѣлинскій (въ послѣдній періодъ своей дѣятельности), подъ вліяніемъ фальшивыхъ западныхъ теорій революціонно-позитивнаго характера, впали въ нѣкоторую доктринерскую узость взгляда и, мѣряя на космополитическій аршинъ Россію, подъ видомъ любви къ

ней, относились отрицательно къ нѣкоторымъ ея чисто національнымъ и великимъ явленіямъ. Онъ говоритъ, во-вторыхъ, что отрицательное отношеніе къ родинѣ въ своей теоретичности доходило у либеральныхъ доктринеровъ до того, что, во имя доктринъ, опровергнутыхъ потомъ самою жизнью, они готовы были дойти до оплеванія и заушенія Россіи, съ цѣлію этимъ оплеваніемъ и заушеніемъ приготовить ее къ воспринятію излюбленныхъ ими теорій. Что-жъ, развѣ все это неправда, господа? Онъ говоритъ, въ-третьихъ, что иные изъ либеральныхъ и болѣе страстныхъ доктринеровъ, какимъ былъ Бѣлинскій, до того обольщались самолюбивою вѣрою въ самихъ себя и свои теоріи, что имъ не приходило въ голову признать свое нравственное ничтожество и гадость даже передъ такимъ образомъ человѣческаго совершенства, какое представляетъ Христосъ. Ошибается въ этомъ Достоевскій или нѣтъ — это все равно, это его дѣло. Если онъ и ошибается, ему во всякомъ случаѣ нельзя поставить въ фальшь его ошибку и нельзя видѣть никакой злобы и никакого безумія въ томъ, что онъ считаетъ гадкимъ, сравнительно съ Христомъ, Бѣлинскаго. Не одинъ Бѣлинскій, но и всѣ мы, не исключая высокоумныхъ гг. Арсеньева и Посторонняго, должны быть признаны «гадкими» по сравненію съ такимъ недосягаемымъ идеаломъ нравственнаго совершенства. Опять-таки, развѣ это неправда, господа? Онъ говоритъ, въ-четвертыхъ, что Бѣлинскій въ оцѣнкѣ Гоголя и Пуш-

кина обнаруживалъ иногда поверхностное понимание лучшихъ созданій этихъ великихъ поэтовъ и указываетъ тому примѣры. Примѣры эти указаны вѣрно и Достоевскій не выдумалъ ихъ «по злобѣ», ихъ можно найти въ статьяхъ Бѣлинскаго. И, надо сказать, это примѣры очень убѣдительные. Пора же, наконецъ, признать, что въ оцѣнкѣ Пушкина, сдѣланной Бѣлинскимъ, многое совершенно фальшиво и односторонне. Его отношеніе къ повѣстямъ Бѣлкина, къ послѣднему объясненію Онѣгина съ Татьяной, наконецъ, пошлое и несправедливое мнѣніе о томъ, что Пушкинъ для камеръ-юнкерской «ливреи» поступился своими убѣжденіями, — все это промахи критическаго пониманія и результаты поверхностнаго раздраженія либерально-доктринерскими теоріями, которое помрачило въ послѣдніе годы жизни свѣтлую мысль критика. Еще разъ, господа, развѣ все это неправда? За что же вы ставите въ преступленіе Достоевскому мнѣнія, въ сущности справедливыя и которыя поражаютъ только потому, что онѣ слишкомъ рѣзко, слишкомъ грубо, слишкомъ страстно выражены? Но, повторяю: вѣдь Достоевскій писалъ не для печати, онъ не обдумывалъ, не взвѣшивалъ формы своихъ мыслей и набрасывалъ ихъ въ дружескомъ, негласномъ письмѣ. И если въ его мнѣніяхъ слышится раздраженіе, то раздраженіе вполнѣ благородное и честное, раздраженіе, вызванное преданностью своей идеѣ о изжитости западныхъ теорій «счастія» и свободы, о высотѣ

христіанскаго идеала, раздраженіе, вызванное любовью къ Россіи и русской литературѣ. Разглагольствуйте сколько угодно, что тутъ высказывается патологическая злость, что Достоевскій лжетъ изъ личной ненависти: вамъ не повѣрятъ тѣ, кто способенъ на болѣе справедливое и менѣе партійное пониманіе искреннихъ мнѣній искренняго писателя и человѣка. И напрасно вы упрекаете Достоевскаго, что онъ трепещетъ отъ злобы на людей, «мирно покоющихся на кладбищѣ»: вы сами къ нему, тамъ же покоющемуся, трепещете злобой и притомъ самой мелкой — злобой журнальныхъ пигмеевъ, ради мнимой обороны либерально-доктринерской «партіи» царапающихъ гробъ крупнаго литературнаго таланта и не менѣе крупнаго человѣка.

II.

Кромѣ приведеннаго отзыва о Бѣлинскомъ, наши критики недовольны другими его отзывами, менѣе криминальными, но тоже приходящимися имъ не по нутру, ибо въ этихъ отзывахъ Достоевскій не держится шаблонныхъ воззрѣній и выражаетъ свой искренній и правдивый взглядъ. Г. Арсеньеву, напримѣръ, кажется «страннымъ» такое мнѣніе покойнаго о г. Страховѣ: «говорю вамъ и предрекаю, что вы непремѣнно *должны* найти горячихъ приверженцевъ, и не мало. Уже одно то, что вы проповѣдуете истину!» Помилуйте, какъ же можно

допустить, чтобы Страховъ нашелъ многочисленныхъ приверженцевъ, какъ можно допустить еретическое мнѣніе, что онъ говоритъ истину! Подобно тому, какъ Поприщинъ находилъ, что «луна дѣлается въ Гамбургѣ», и г. Арсеньевъ глубоко убѣжденъ, что истина дѣлается только въ «Вѣстникѣ Европы». И если луну дѣлалъ, по предположенію Поприщина, «хромой бочаръ», то уже истину навѣрное дѣлаетъ не кто иной, какъ самъ г. Стасюлевичъ. А Страховъ, Страховъ — ну, какъ можно думать, что Страховъ имѣетъ большое значеніе въ нашей литературѣ, что онъ долженъ найти горячихъ приверженцевъ, что его перомъ руководила истина! Страховъ вѣдь, кажется, совсѣмъ не либералъ даже, и отнюдь не доктринеръ. И, однако, Достоевскій-то, коли разобрать хорошенько, вовсе не по пристрастію и не по «странности» придавалъ большое значеніе этому критику: вѣдь, дѣйствительно, въ сравненіи съ глубокими критическими этюдами г. Страхова о Толстомъ и Тургеневѣ, критическія упражненія, напримѣръ, гг. Арсеньевыхъ и Постороннихъ, по справедливости говоря, бойкія школьническія статейки—не болѣе. Пусть бы г. Арсеньевъ далъ себѣ трудъ добросовѣстно перечитать эти этюды г. Страхова и, быть можетъ, тогда ему не показалось бы мнѣніе Достоевскаго «страннымъ». Въ нашей журналистикѣ г. Страховъ представляетъ явленіе совершенно особенное, не подходящее подъ ея привычные шаблоны, подъ низкій уровень ея фельетон-

наго развитія: это дѣйствительно философскій умъ; въ его статьяхъ дѣйствительно слышится философская честность и искренность убѣжденія; онъ всегда говоритъ свое слово, а не болтаетъ съ чужого голоса, приноравливаясь къ такому или иному «современному» настроенію. Именно оттого-то онъ и не имѣлъ никогда «журнальнаго» успѣха, именно поэтому-то его не цѣнила такъ называемая публика, то есть та уличная толпа, для которой преимущественно работаютъ наши борзописцы, вотъ уже чуть не четверть вѣка искажая истину, поступаясь добросовѣстностію съ каждымъ выходомъ журнальной книги. Но зато, чѣмъ меньше г. Страховъ пользовался успѣхомъ среди уличной толпы, тѣмъ болѣе его цѣнили такіе крупные и оригинальные таланты, какимъ былъ Достоевскій, напримѣръ. И ничего въ ихъ оцѣнкѣ нѣтъ «страннаго», никакого тутъ не видно пристрастія къ «своимъ»: это только справедливое признаніе справедливыхъ заслугъ. Пускай для либеральной «улицы» настоящими философами и критиками будете вы, гг. Арсеньевы, Посторонніе, Михайловскіе — это ваше счастье; но позвольте же Достоевскому признать искренно значеніе мыслителя, котораго крупный умъ и честное служеніе истинѣ онъ понималъ и цѣнилъ лучше васъ. Что это за нетерпимость, господа, и что это за мелкая подозрительность — считать каждое искреннее и свободное мнѣніе плодомъ пристрастія и «странностью». Пора, охъ, давно пора,

оставить подобное пошлое и недобросовѣстное отношеніе къ крупнымъ дѣятелямъ литературы.

«Я прочелъ, — пишетъ въ одномъ письмѣ Достоевскій, — «Казнь Тропмана» Тургенева. Меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила. Почему онъ все конфузится и твердитъ, что не имѣлъ права тутъ быть? Да, конечно, если только на спектакль пришелъ; но человѣкъ на поверхности земной, не имѣетъ права отворачиваться и игнорировать то, что происходитъ на землѣ, и есть высшія нравственныя причины на то. Homo sum et nihil humanum» и т. д. Всего комичнѣе, что онъ въ концѣ отвертывается и не видитъ, какъ казнятъ въ послѣднюю минуту: «смотрите, господа, какъ я деликатно воспитался! Не могъ выдержать». Впрочемъ, онъ себя выдаетъ. Главное впечатлѣніе статьи, въ результатѣ — ужасная забота, до послѣдней щепетильности о себѣ, о своей цѣлости и своемъ спокойствіи, и это въ виду отрубленной головы». Каждому, кто читалъ статью Тургенева, талантливо и превосходно написанную, но проникнутую сплошь именно тѣмъ чувствомъ щепетильности и тѣмъ почти женскимъ кокетничаньемъ собственной личностью, какія вообще были присущи Тургеневу, — каждому, говорю я, невольно придетъ въ голову: какъ Достоевскій мѣтко и въ немногихъ словахъ опредѣлилъ впечатлѣніе, навѣваемое тургеневскою статьей. Но г. Арсеньевъ, для котораго «Казнь Тропмана» уже потому святая статья, что первоначально она была

напечатана въ «Вѣстникѣ Европы», — г. Арсеньевъ изумляется, недоумѣваетъ, какъ это Достоевскій могъ столь критически отнестись къ этой «святой» статьѣ. Въ какомъ настроеніи, съ какою предвзятою мыслью, — восклицаетъ онъ, — нужно прочесть статью Тургенева, чтобъ вынести изъ нея подобное «главное впечатлѣніе»?! Напротивъ, для того, чтобы вынести такое впечатлѣніе, именно слѣдуетъ прочитать статью безъ всякой предвзятой мысли, относясь къ ней совершенно искренно и свободно. Впрочемъ, слѣдуя манерѣ г. Арсеньева заподозрѣвать Достоевскаго вездѣ и всюду въ стремленіи подчинять свои отзывы личнымъ пристрастіямъ, личному раздраженію, можно, пожалуй, и самого критика заподозрить вотъ въ чемъ: ему, быть можетъ, потому такъ «несимпатиченъ» Достоевскій, что въ томъ же самомъ письмѣ, гдѣ сдѣланъ такой мѣткій отзывъ о «Казни Тропмана», не менѣе мѣтко оцѣненъ «Вѣстникъ Европы» и причина его успѣха въ первые годы его существованія. Вотъ какъ отзывался Достоевскій объ органѣ нашихъ либеральныхъ доктринеровъ еще при его начальномъ поприщѣ: «Мнѣ случайно достался здѣсь «Вѣстникъ Европы» за нынѣшній (1870) годъ, и я просмотрѣлъ всѣ нумера. Меня изумило даже: — неужели такая неслыханная *посредственность* (развѣ исключая булгаринскую «Сѣверную Пчелу») — могла имѣть подобный успѣхъ (6,000 экз. и 2-е изданіе!). Вотъ что значитъ всѣмъ по плечу. Какое подлаживаніе

подъ уличное мнѣніе! Самая послѣдняя казенщина либерализма! Вотъ что, значитъ, успѣваетъ у насъ! Издаютъ, впрочемъ, ловко, въ 1-е число каждаго мѣсяца, и литераторовъ много». Не правда ли, тутъ въ немногихъ строкахъ опредѣленъ весь «духъ» «Вѣстника» и вся тайна его былого успѣха. Подлаживаніе подъ уличное мнѣніе, подъ самую послѣднюю либеральную казенщину съ одной стороны; съ другой — аккуратный выходъ и «много литераторовъ», то есть именъ. «Вѣстникъ» и его столпы сохранили этотъ духъ и донынѣ: вотъ почему имъ такъ «антипатично» все, что дышетъ свободой и искренностью сужденія, что выходитъ изъ рамокъ либеральной казенщины, что не отличается умѣренностью и аккуратностью. Вотъ почему имъ, какъ, напримѣръ, г. Арсеньеву, кажется такъ невыносимъ Достоевскій съ его прямыми, искренними и не подходящими подъ либеральную казенщину сужденіями, съ его страстностью убѣжденій и неспособностью оставаться въ предѣлахъ умѣренности, быть «всѣмъ по плечу».

Г. Посторонній изъ «Отечественныхъ Записокъ» недоволенъ Достоевскимъ еще болѣе, чѣмъ г. Арсеньевъ. Онъ старается доказать, заимствуя будто бы свои доказательства изъ біографіи Достоевскаго и его писемъ, что покойный писатель отнюдь не былъ мыслителемъ, что онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній по серьезнымъ вопросамъ, о которыхъ брался судить, что онъ былъ только «слабый человѣкъ, котораго жалко», ну да еще, ко-

нечно, при этомъ обнаружилъ беллетристическій талантъ. Читая подборъ доказательствъ г. Посторонняго, приходится только припоминать басню объ извѣстномъ цѣнителѣ пѣнія соловья, приходится невольно думать, что и г. Посторонній извлекъ свои взгляды изъ знакомства съ пѣтухомъ... Дѣйствительно, какой же мыслитель и какой «свѣдущій человѣкъ» былъ Достоевскій, когда онъ, какъ это видно изъ его писемъ, подчинялъ свои убѣжденія жизненнымъ впечатлѣніямъ, вынашивалъ ихъ страданіями опыта отъ ранней юности до самыхъ позднихъ лѣтъ? Настоящіе мыслители и настоящіе «свѣдущіе люди» у насъ являются готовыми, и какими были посредственными глупцами въ юные годы, такими посредственными глупцами и остаются навсегда, какъ пріобрѣли себѣ въ молодые годы опредѣленные, неподвижные шаблончики мысли, такъ съ ними и носятся до гробовой доски. Хотите видѣть образчикъ настоящаго россійскаго мыслителя и «свѣдущаго человѣка»? Извольте. Это, напримѣръ, одинъ изъ «отечественно-записочныхъ» философовъ и публицистовъ, г. Михайловскій. Вотъ образцовый типъ крѣпкаго мыслителя и твердаго человѣка, внушающаго не жалость, а удивленіе и почтеніе. Этотъ мыслитель въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій прямо заявляетъ, что онъ, подобно господину Кислякову изъ тургеневской «Нови», чуть ли не «въ двадцать лѣтъ рѣшилъ всѣ вопросы жизни», и какъ разъ рѣшилъ ихъ, такъ и остался навсегда съ

своими рѣшеніями. Такой ужъ сильный, прочно сформированный умъ и характеръ: и свѣдѣнія и убѣжденія обо всемъ самыя законченныя, выдержка мысли невѣроятно-твердая,—деревянная, такъ сказать, выдержка. Бѣлинскій говорилъ: «только дураки не мѣняютъ убѣжденій»; но вѣдь онъ говорилъ такъ именно потому, что, подобно Достоевскому, цѣлую жизнь страдалъ и бился, ища истины; онъ говорилъ это именно потому, что былъ тоже «слабымъ человѣкомъ, котораго жалко». А г. Михайловскій, повторяю, крѣпкій, неспособный мѣнять своихъ убѣжденій... мыслитель. Впрочемъ, г. Михайловскій припомнился мнѣ такъ только, кстати, въ качествѣ наглядной иллюстраціи для выясненія типа настоящаго мыслителя и свѣдущаго «по вопросамъ важнымъ и сложнымъ», [1]) человѣка нашихъ дней. Конечно, приходится воскликнуть съ поэтомъ:

О, такіе люди — рѣдкость!

Конечно, приходится пожалѣть, что Достоевскій не зародился такимъ рѣдкимъ человѣкомъ и, вмѣстѣ съ г. Постороннимъ, начать изумляться тому, что въ его біографіи, въ письмахъ и въ его записной книжкѣ, къ нимъ приложенной, не отыскивается никакихъ «возвышенныхъ», «сильныхъ» чертъ мыслителя и сужденій, достойныхъ вниманія.

---

[1]) Фразы въ ковычкахъ—подлинное выраженіе г. Михайловскаго.

Ниже, руководствуясь біографіей и письмами Достоевскаго, мы посмотримъ насколько онъ былъ слабъ и жалокъ, какъ человѣкъ и какъ писатель, а покуда позвольте обратиться къ его «записной книжкѣ», благо она пришлась къ слову. Г. Посторонній находитъ, что біографы Достоевскаго напрасно приложили эту книжку, что она переполнена отрывочными замѣчаніями, имѣющими рѣшительно такое же значеніе, какъ «проба пера, проба пера, проба пера изъ гусинаго крыла», что «печатать ее, очевидно, не представлялось никакой надобности». Съ этимъ никакъ нельзя согласиться, хотя бы уже по тому одному, что «въ пробахъ пера» Достоевскій порой выдергиваетъ пребольно перья изъ крыльевъ нѣкоторыхъ литературныхъ гусей, и крупныхъ, и мелкихъ. Вотъ, напримѣръ, приведемъ хоть такое крохотное замѣчаніе о сатирѣ «Отечественныхъ Записокъ»: «Тема сатиры Щедрина—это спрятавшійся гдѣ-то квартальный, который его подслушиваетъ и на него доноситъ; а г. Щедрину отъ этого жить нельзя». Какъ вы, г. Посторонній, находите это замѣчаніе? По моему, тутъ въ трехъ строкахъ опредѣлена сущность щедринской сатиры послѣднихъ годовъ гораздо выразительнѣе и точнѣе, чѣмъ въ цѣлыхъ печатныхъ листахъ критическихъ статей гг. Арсеньева и Утина, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы». Или вотъ еще этотъ совѣтъ «Отечественнымъ Запискамъ» по поводу ихъ привиллегированнаго либерализма: «вы полиберальничайте, *когда*

это невыгодно, вотъ бы я на васъ посмотрѣлъ. Пробиваетесь пережованными мыслями». Какъ по вашему, г. Посторонній, въ этой «пробѣ пера изъ гусинаго крыла» тоже нѣтъ никакого назидательнаго смысла? Или вотъ еще небольшая тирада: «Научить народъ его правамъ и обязанностямъ» [1]. Это они-то будутъ учить народъ его правамъ и обязанностямъ! Ахъ, мальчишки! А Россію-то подгоняютъ: почему это она не Европа? да какъ это она не Европа, да зачѣмъ это она не Европа? Рѣшено, наконецъ, и разрѣшенъ вопросъ: оттого-де, что не увѣнчано зданіе. И вотъ всѣ до единаго кричать объ увѣнчаніи зданія. Механическія успокоенія всегда легки и пріятны. Оттого-де, что не увѣнчано зданіе, оттого Россія и не Европа, а стало быть нечего тревожиться: увѣнчать зданіе и станетъ Россія сей же часъ въ Европѣ. Главное и пріятное въ этихъ механическихъ успокоеніяхъ то, что думать ни о чемъ не надо:

Мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ,

наладила сорока Якова. А что̀, коль вы въ музыканты-то еще не годитесь? Обвинять-то, отрицать-то вы годитесь, говоря что угодно. А дай-ка вамъ

[1]) Если не ошибаюсь, г. Посторонній, въ числѣ либеральныхъ господъ, обязательно предлагавшихъ учить народъ его «правамъ и обязанностямъ», находился и публицистъ «Записокъ» г. Михайловскій. Авось ли хоть ему эти строки «Записной книжки» не покажутся «пробой пера изъ гусинаго крыла».

самимъ что нибудь сдѣлать: Господи, что̀ это будетъ! Говорильня-то будетъ, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Но изъ бѣлыхъ жилетовъ выработаются лишь говоруны, а дѣла все-таки не будетъ. Выработался типъ говоруна. Выходитъ, напримѣръ, сановникъ и говоритъ собравшимся подчиненнымъ: Господи, что̀ иной разъ говоритъ! Сядетъ передъ вами иной передовой и ведущій и тоже начнетъ говорить: ни концовъ, ни началъ, дурманъ! Часа полтора говоритъ. Этотъ типъ выработался. Этотъ типъ народившійся еще не затрогивали. Много не затронула еще художественная литература наша и проглядѣла. Ужасно отстала. Все типы тридцатыхъ, сороковыхъ и много-много начала шестидесятыхъ годовъ».

Нѣтъ, какъ угодно, г. Посторонній, а въ подобныхъ «пробахъ пера», которыхъ въ «записной книжкѣ» довольно, право въ десять разъ больше поучительнаго смысла, чѣмъ въ иныхъ самыхъ обработанныхъ статьяхъ публицистовъ «Отечественныхъ Записокъ», хотя бы эти статьи были «по вопросамъ важнымъ и сложнымъ».

III.

Либеральные критики, какъ я уже говорилъ въ началѣ моего этюда, признали Достоевскаго, на основаніи его біографіи и писемъ, слабымъ и жалкимъ человѣкомъ. Вотъ поистинѣ изумительное толкованіе, которое можно объяснить только тѣмъ,

что критики заглянули въ книгу специально для того, чтобы показать читателямъ либеральную фигу, но отнюдь не для того, чтобы безпристрастно опредѣлить личность одного изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ оригинальныхъ представителей русской души и русской мысли. Просматривая факты жизни Достоевскаго, просматривая массу его писемъ, прежде всего невольно поражаешься именно великой нравственной силой покойнаго писателя, благодаря которой онъ, при всѣхъ страшныхъ и неотлучныхъ бѣдствіяхъ своей жизни, при всѣхъ суровыхъ условіяхъ борьбы за существованіе, могъ сохранить и развить до такой полноты свой удивительный талантъ, могъ создать такую массу крупныхъ произведеній. Я не знаю въ нашей литературѣ другого характера, болѣе мощнаго и крѣпкаго, болѣе упорнаго въ борьбѣ съ жизненными невзгодами, болѣе бодраго и неутомимаго въ служеніи дѣлу литературнаго творчества. При тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, которыми сопровождалась писательская дѣятельность Достоевскаго, почти съ самаго ея начала и до конца его жизненнаго поприща, всякій другой, менѣе сильный талантъ и менѣе сильный характеръ не только изнемогъ бы до послѣдней степени, но и окончательно бы палъ, окончательно погибъ, не успѣвши совершить и сотой доли того, что̀ далъ намъ этотъ истинный мученикъ нужды и мысли. Картина его постоянныхъ, непрерывныхъ жизненныхъ терзаній и его постоянной, непрерывной

нравственной энергіи, раскрывающаяся передъ читателями въ его біографіи и его письмахъ — это одна изъ самыхъ прискорбныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ ободряющихъ, одна изъ самыхъ мучительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ отрадныхъ картинъ. Это поучительная картина борьбы человѣческаго духа съ матеріальными угнетеніями, поучительная картина торжества души и мысли, побѣды ихъ надъ повседневною мелочностью разъѣдающей житейской нужды; это поучительная картина великой преданности идеалу искусства, не уступающей никакимъ жизненнымъ ударамъ, какъ бы они ни были многочисленны и горьки. Тотъ, кто, разсматривая эту картину, предстающую съ такой ужасающей рельефностью въ многочисленныхъ письмахъ покойнаго, не находитъ въ ней ничего, кромѣ «антипатичныхъ» чертъ для характеристики ея героя, кромѣ упрековъ ему въ мелочной слабости души,—тотъ самъ мелокъ душою, тотъ самъ никогда не боролся во имя идеала, тотъ самъ никогда не разумѣлъ ни скорби мукъ этой борьбы, ни отрады ея побѣдъ. И если наши либеральные критики, прослѣдивъ эту картину, нашли въ ней только однѣ указанныя черты, если образъ Достоевскаго имъ представился «жалкимъ», то это свидѣтельствуетъ только о ихъ личной пошлости, о деревянности ихъ души и мысли, способной возбуждаться лишь отъ либеральнаго позерства и фразерства и неспособной оцѣнить простой и искренней ду-

шевной энергіи и силы, которыхъ яркое проявленіе представляютъ жизнь и писанія Достоевскаго.

О дѣтскихъ и отроческихъ годахъ Достоевскаго изъ біографическихъ матеріаловъ, собранныхъ г. Миллеромъ, мы узнаемъ немногое. Но, вообще говоря, изъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются до сихъ поръ, можно вывести такое заключеніе: разсвѣтъ его жизни если и не былъ особенно лучезаренъ, то, во всякомъ случаѣ, и не особенно печаленъ. Онъ родился въ небогатой семьѣ — отецъ его былъ докторомъ въ одной изъ московскихъ больницъ — воспитывался и обучался на незначительныя средства, но, кажется, довольно заботливо и тщательно. Однако, уже съ первыхъ лѣтъ юности, Достоевскій начинаетъ ощущать тяжелый гнетъ нужды, какъ это видно изъ его писемъ къ отцу и брату, писанныхъ въ то время, когда онъ переселился въ Петербургъ и поступилъ въ инженерное училище. «Неужели вы, — пишетъ семнадцатилѣтній Достоевскій отцу,—можете думать, что сынъ вашъ, прося отъ васъ денежной помощи, проситъ у васъ лишняго?.. Будь я на волѣ... отданъ самому себѣ, я бы не потребовалъ у васъ ни копѣйки, я обжился бы съ желѣзной нуждою... Теперь я вамъ высказываю себя одними обѣщаніями въ будущемъ. Но это будущее недалеко и вы меня современемъ увидите. Теперь же вспомните, что я *служу* въ полномъ смыслѣ слова. Лагерная жизнь каждаго воспитанника

требуетъ, по крайней мѣрѣ, 40 руб. денегъ». За этимъ юноша сообщаетъ отцу разсчетъ самому необходимому и дѣлаетъ очень характерное прибавленіе: «уважая вашу нужду, не буду пить чай». Въ другомъ письмѣ къ брату онъ такъ иллюстрируетъ свои бѣдствія: «Ты жалуешься на бѣдность — нечего сказать, и я небогатъ. Вѣришь ли, что я во время выступленья изъ лагерей не имѣлъ ни копѣйки денегъ; заболѣлъ дорогой отъ простуды (дождь лилъ цѣлый день, а мы были открыты) и отъ голода, и я не имѣлъ ни гроша, чтобы смочить горло глоткомъ чаю». Къ началу того періода жизни Достоевскаго, когда онъ выступилъ на литературное поприще романомъ «Бѣдные люди», средства его нѣсколько улучшились: онъ получалъ послѣ отца, въ это время умершаго, небольшіе доходы съ наслѣдственнаго имѣнія, получалъ маленькое жалованье въ качествѣ инженернаго офицера и наконецъ заработывалъ кой-что переводами по преимуществу французскихъ романовъ. Но къ сожалѣнію, въ эти годы—годы опрометчивой и склонной къ увлеченіямъ юности — Достоевскій, какъ видно, не умѣлъ справляться съ тѣмъ малымъ достаткомъ, какой выпалъ ему на долю, и его жизнь проходила, такъ сказать, въ періодическихъ приливахъ и отливахъ благосостоянія: то онъ тратилъ вдругъ значительныя суммы, то не имѣлъ почти куска хлѣба. Въ концѣ концовъ, благодаря порывистости своей натуры и малой склонности къ выдер-

жанной умѣренности и аккуратности, онъ запутался въ разныхъ долгахъ до того, что боялся попасть въ тюрьму. Выражая это печальное опасеніе, онъ въ письмѣ къ брату иронизируетъ надъ своимъ положеніемъ такимъ образомъ: «Хлестаковъ соглашается идти въ тюрьму только *благороднымъ* образомъ; ну, а если у меня штановъ не будетъ, будетъ ли это благороднымъ образомъ?» Въ такихъ печальныхъ условіяхъ Достоевскій доканчивалъ и обработывалъ свой романъ съ величайшимъ стараніемъ, какъ это видно изъ его писемъ. Несмотря на всѣ требованія вопіющей нужды, онъ не отдалъ «Бѣдныхъ людей» въ печать до тѣхъ поръ, пока не довелъ до возможной степени совершенства свое произведеніе. Первое время послѣ появленія романа и его огромнаго успѣха было едва ли не самымъ свѣтлымъ временемъ всей жизни Достоевскаго. Въ письмахъ къ брату, относящихся къ этому періоду, у Достоевскаго звучитъ восторженный, заносчивый тонъ: видно, что у юноши (Достоевскому было двадцать три года, когда онъ написалъ «Бѣдныхъ людей») порядочно закружилась голова. Строгіе либеральные и даже не либеральные критики ставятъ въ упрекъ Достоевскому эти письма, не стѣсняясь намекаютъ, что онъ является въ нихъ хвастуномъ, чуть ли не во вкусѣ Хлестакова, что онъ выказываетъ самое непріятное самолюбіе. Я бы, однако, желалъ поставить господъ критиковъ, расточающихъ подобные упреки, на мѣстѣ двад-

цатитрехлѣтняго юноши, который весь былъ преданъ первому дѣтищу своего творчества, вложилъ въ него всю свою душу, обработывалъ и лелѣялъ съ величайшей любовью, потратилъ на него много дней и ночей самаго упорнаго труда, возлагалъ на него самыя живыя надежды: посмотрѣть бы тогда, закружилась ли бы у нихъ голова или нѣтъ отъ огромнаго, шумнаго успѣха перваго ихъ произведенія. Можетъ быть, ихъ умѣренныя и аккуратныя души и спокойно-серьезные умы неспособны къ такому судорожному захлебыванію своимъ успѣхомъ, къ такому возбужденію; можетъ быть, они всегда во всемъ удерживались и удерживаются въ предѣлахъ солиднаго благоразумія; но вѣдь зато же они никогда и не производили и никогда не произведутъ ничего похожаго на то, что̀ производятъ художники, подобные Достоевскому, художники съ нервной энергіей и возбужденностью, доходящей въ высшемъ напряженіи почти до болѣзненной впечатлительности. Разумѣется, съ точки зрѣнія солидной душевной уравновѣшенности и мелкой журнальной придирчивости можно издѣваться и глумиться сколько угодно надъ даровитымъ юношей, который въ чаду своего перваго литературнаго успѣха пишетъ такія строки: «ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогеи, какъ теперь. Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народа самаго порядочнаго. Князь Одоевскій про-

ситъ меня осчастливить своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія: Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и, зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: «кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ *достать Достоевскаго?*» Краевскій, который никому въ усъ не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ напропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожитъ меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать». Да, пожалуй, это все смѣшно покажется для людей, «нѣсколько беззаботныхъ насчетъ литературы». Но для тѣхъ, кто уважаетъ ея крупныхъ талантовъ, для тѣхъ, кто знаетъ, какими муками они стяжаютъ у насъ свою славу, свой успѣхъ, для тѣхъ въ наивно-заносчивыхъ строкахъ даровитаго юноши, выбившагося сразу на дорогу своего призванія и впослѣдствіи встрѣтившаго на ней такъ много терній, не заключается не только ничего смѣшного и хвастливаго, но много даже трогательнаго. Еслибы этотъ юноша, начавшій свое поприще съ такимъ успѣхомъ и съ такою заносчивою вѣрой въ свое дарованіе, не оправдалъ впослѣдствіи произведеніями огромной ху-

дожественной силы и огромнаго общественнаго значенія свое гордое самомнѣніе, то и тогда ему нельзя бы поставить въ вину его увлеченія своимъ первымъ успѣхомъ. Но вѣдь онъ потомъ всею жизнью и длиннымъ рядомъ крупныхъ творческихъ работъ показалъ, что онъ недаромъ «возмнилъ» о себѣ. Чего же ради господа критики прозрѣваютъ хлестаковскіе порывы въ его искреннемъ душевномъ упоеніи отъ восторженнаго сознанія, что онъ призванный дѣятель въ области творческаго искусства?

IV.

Яркій лучъ, озарившій молодого Достоевскаго при началѣ его литературной карьеры, былъ краткимъ, почти мгновеннымъ просвѣтомъ въ его жизни. За этимъ просвѣтомъ очень скоро настала долгая ночь страшнаго испытанія каторги, потомъ печальныя, тоскливыя сумерки бѣдственнаго существованія, нужды изо дня въ день, нужды до того тяжелой и горькой, что, читая искренніе и простодушные вопли о ней въ письмахъ Достоевскаго, невольно вчужѣ сжимается сердце. Только на нашей почвѣ, только при условіяхъ русской жизни возможно такое долгое, безпрерывное, мучительное томленіе въ нуждѣ писателя, который по размѣрамъ своего дарованія, по великой энергіи труда долженъ бы былъ пользоваться самымъ

обезпеченнымъ благосостояніемъ. Только русская энергія и русская способность могли довольствоваться малыми матеріальными благами и забывать свои жизненныя невзгоды въ виду великаго душевнаго дѣла, какимъ считалъ Достоевскій свой творческій трудъ,—только эта энергія и эта способность могли выдержать рядъ ударовъ и угнетеній судьбы, выпавшій на долю покойнаго въ продолженіе многихъ лѣтъ. Какой человѣкъ не ожесточился бы, не сокрушился бы духомъ, встрѣтивъ на зарѣ своей молодости такой ударъ, какъ ссылка на каторгу, ссылка не за дѣйствительныя преступленія и замыслы, а просто за извѣстный образъ мыслей. А Достоевскаго этотъ ужасный ударъ не только не заставилъ впасть въ безнадежность, а напротивъ, какъ будто разбудилъ въ немъ ту великую силу нравственной выносливости, которою потомъ онъ отличался всю жизнь и благодаря которой онъ могъ въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ создавать свои наиболѣе крупныя произведенія. Онъ самъ съ необыкновенной искренностью и простотой разсказываетъ, какъ энергически и стойко онъ встрѣтилъ неожиданную кару, обрушившуюся на него: «Мы, петрашевцы,—пишетъ онъ въ своемъ «Дневникѣ»,—стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ, но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайное

большинство изъ насъ почло бы за безчестіе отрекаться отъ своихъ убѣжденій... Приговоръ къ смертной казни разстрѣляніемъ, прочтенный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ и вынесли по крайней мѣрѣ десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь въ себя и провѣряя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь, можетъ быть и раскаявались въ иныхъ житейскихъ дѣлахъ своихъ (изъ тѣхъ, которыя у каждаго человѣка всю жизнь лежатъ въ тайнѣ на совѣсти); но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ, — представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится». Въ этомъ твердомъ сознаніи правоты и правдивости своихъ убѣжденій, неспособномъ поколебаться въ виду близкой смерти, сказывается крѣпкій нравственный закалъ, сказывается въ высшей степени твердый характеръ, обнаруженный Достоевскимъ еще въ первые годы юности. И различные господа, пищавшіе и стонавшіе во всеуслышаніе о своей преждевременной «прострацій», о своемъ окончательномъ изнеможеніи, вызванномъ «тяжелыми цензурными условіями» — эти

господа не стыдятся называть Достоевскаго слабымъ и жалкимъ человѣкомъ!

Что долженъ былъ вынести Достоевскій на каторгѣ и потомъ въ ссылкѣ, — объ этомъ нечего распространяться. Но онъ не только не сломился нравственно, а вышелъ изъ тяжелаго испытанія съ новыми духовными и творческими силами. «Слабый и жалкій» человѣкъ, какъ только получилъ возможность работать снова на литературномъ поприщѣ, весь ушелъ въ эту работу и скоро далъ такія крупныя вещи, какъ «Записки изъ мертваго дома» и романъ «Униженные и оскорбленные». И этимъ романомъ и особенно «Мертвымъ домомъ» онъ сталъ въ рядъ съ крупнѣйшими изъ современныхъ ему беллетристовъ. Но несмотря на свою крупную литературную репутацію, онъ принужденъ былъ силою житейскихъ обстоятельствъ постоянно работать въ тискахъ нужды, постоянно «запродавать» журналистамъ свои вещи, прежде чѣмъ онѣ были написаны и когда только что были задуманы. Собственно со времени возвращенія Достоевскаго изъ ссылки и началась его, если такъ можно выразиться, художническая мартирологія, его постоянныя терзанія о томъ, какъ прожить настоящій день, соединенныя съ высшими заботами о необходимости «къ сроку» выполнить литературныя обязательства, взятыя на себя заранѣе. Я не могу, по объему этого этюда, привести и сотой доли примѣровъ, въ какихъ условіяхъ писалъ Достоевскій

свои лучшія произведенія: этими примѣрами полны сплошь его письма, писанныя къ разнымъ лицамъ по возвращеніи его изъ Сибири. Но двумя-тремя, наиболѣе выразительными выдержками изъ писемъ я воспользуюсь и передамъ читателямъ ихъ во всей неприкосновенности ихъ ужасающаго впечатлѣнія. Вотъ какъ описываетъ брату свое положеніе Достоевскій во время пребыванія въ Москвѣ, гдѣ, наконецъ, ему дозволено было жить послѣ долгихъ хлопотъ объ этомъ: «Теперь положеніе мое до того тяжелое, что никогда не бывалъ я въ такомъ. Жизнь угрюмая, здоровье еще слабое, жена (дѣло идетъ о *первой* женѣ) умираетъ совсѣмъ, по ночамъ отъ всего дня у меня раздражены нервы. Нуженъ воздухъ, моціонъ, а и гулять некогда и негдѣ (грязь). Мое теплое (слишкомъ ватное) пальто мнѣ уже тяжело (вчера было 17 градусовъ въ тѣни). Да что описывать! Слишкомъ тяжело. А главное, слабость и нервы разстроены. А, между прочимъ, только на тебя и надежда. Братъ, деньги у меня текутъ какъ вода. Повѣрь, что расходы огромные. *На себя копѣйки не трачу, лѣтнихъ калошъ не соберусь купить, въ зимнихъ хожу*». Эти строки относятся къ 1864 г.; Достоевскій въ это время уже былъ авторомъ такой изумительной вещи, какъ «Мертвый домъ» и тиски нужды, въ которой, по волѣ судьбы, ему приходилось работать, были столь тяжелы, что знаменитый писатель терпитъ отсутствіе самыхъ необходимыхъ вещей для него. Замѣтимъ при этомъ,

что онъ былъ больной человѣкъ, страдалъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ и самыхъ надламывающихъ недуговъ — падучей болѣзнью. Правда, онъ самъ пишетъ, что онъ *никогда не бывалъ* въ такомъ положеніи; но факты и его письма говорятъ, что онъ почти постоянно томился въ когтяхъ ежедневной нужды и лишь незадолго до своей смерти — года за два, за три — вырвался изъ этихъ когтей и получилъ возможность вести свою жизнь въ относительномъ спокойствіи и благосостояніи, получилъ возможность сосредоточиваться надъ своими художественными трудами, не заботясь о кускѣ хлѣба на настоящій и еще болѣе на завтрашній день. Черезъ пять лѣтъ, послѣ того какъ уже написано «Преступленіе и Наказаніе», — романъ, который покойный Тютчевъ ставилъ выше «Отверженныхъ» Виктора Гюго и который дѣйствительно представляетъ одно изъ самыхъ изумительныхъ и своеобразныхъ произведеній русской литературы — черезъ пять лѣтъ у Достоевскаго вырываются въ письмѣ къ одному изъ близкихъ друзей такія признанія: «какъ я могу писать, когда я голоденъ, когда я, чтобы достать два талера на телеграмму, штаны заложилъ! Да чортъ со мной и съ моимъ голодомъ! Но вѣдь жена кормитъ ребенка, что-жъ если она послѣднюю свою теплую шерстяную юбку идетъ *сама* закладывать! А вѣдь у насъ второй день снѣгъ идетъ, вѣдь она простудиться можетъ». Около того же времени онъ пишетъ: «прошу я его (редактора «Зари» г. Каш-

пирева, которому онъ посылаетъ свою превосходную повѣсть «Вѣчный мужъ») мнѣ выслать, если можетъ, пятьдесятъ рублей, ибо очень мнѣ тяжело. На рукопись надо пять талеровъ, но и намъ тоже надо. Ухъ, трудно. Если же нѣтъ пятидесяти, то *хоть сколько нибудь, хоть двадцать пять*».

Надѣюсь, приведенные примѣры краснорѣчивы, при всей своей простотѣ и краткости. Такихъ воплей о своей нуждѣ въ письмахъ Достоевскаго можно найти сколько угодно: они почти всѣ переполнены такими воплями. Слѣдуетъ взять во вниманіе, что писатель, имѣвшій всѣ права считаться однимъ изъ знаменитыхъ, однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, нуждался такъ не потому, что онъ мало работалъ. Нѣтъ, наоборотъ, онъ работалъ страшно много, онъ, несмотря на всѣ свои бѣдствія, несмотря на свою ужасную болѣзнь, на вѣчныя заботы о насущномъ днѣ, писалъ въ иные годы по три, по четыре печатныхъ листа въ мѣсяцъ, и притомъ какія вещи писалъ онъ такъ спѣшно, безъ всякаго отдыха: напримѣръ, романъ «Бѣсы!» Причина его нужды лежала не въ расходахъ на самого себя, не въ маломъ трудолюбіи, а въ томъ, что онъ взялъ на себя долгъ своего покойнаго брата, въ томъ, что онъ былъ опутанъ такими эксплоататорами-издателями, какъ г. Стелловскій, котораго имя должно покрыться вѣчнымъ позоромъ съ появленіемъ писемъ Достоевскаго, излагающихъ эксплоататорскія махинаціи этого «собственника» сочиненій раз-

ныхъ авторовъ, питавшагося на ихъ счетъ съ усердіемъ присосавшагося къ крови вампира.

Когда читаешь искреннія и какъ всегда страстныя и нервныя терзанія Достоевскаго, переполняющія его письма, то невольно изумляешься тому, какую нечеловѣческую энергію, какую преданную любовь къ искусству, какую великую потребность творчества нужно было имѣть, чтобы производить крупныя художественныя вещи въ столь бѣдственныхъ, поистинѣ невозможныхъ, условіяхъ. Никто изъ русскихъ крупныхъ литераторовъ, положительно никто не работалъ такъ много и горячо, съ такою, постоянно затянутою, петлею нужды на шеѣ. Развѣ только одинъ Бѣлинскій, этотъ не меньшій страстотерпецъ русской литературы, находился въ подобномъ же положеніи и кипѣлъ такою же могучей и порывистой литературной дѣятельностью. Но Бѣлинскій былъ гораздо моложе Достоевскаго, онъ терпѣлъ горчайшую нужду въ такой періодъ жизни, когда у человѣка еще свѣжи силы и есть надежды впереди. А Достоевскій переносилъ свои страшныя невзгоды уже въ такія лѣта, когда приближался къ старости. Какимъ же запасомъ нравственной энергіи, какою мощною душой, какой силой и неутомимостью мысли, какимъ желѣзнымъ характеромъ надѣленъ былъ этотъ человѣкъ, котораго разные либеральные и умѣренно-аккуратные «простраты» теперешней журналистики хотятъ выставить жалкимъ и слабымъ, антипатичнымъ именно въ качествѣ нравственной

личности. Нѣтъ, господа, дай Богъ, чтобы въ средѣ русскихъ писателей было побольше такихъ стойкихъ и неутомимыхъ въ борьбѣ съ жизнью характеровъ, такихъ преданныхъ мысли и творчеству писателей, такихъ избранныхъ «не отъ міра сего» натуръ. Нѣтъ, не «антипатію» такіе люди должны возбуждать, а удивленіе къ ихъ нравственной цѣльности и крѣпости: это образцовыя, исключительныя натуры, которыя посылаются рѣдко, которыя служатъ выраженіемъ народнаго генія. Это дѣятели творчества, приближающіеся къ великимъ мученикамъ-поэтамъ былыхъ временъ — Камо́энсу, Сервантесу. Можно, конечно, критически относиться къ человѣческимъ несовершенствамъ и промахамъ подобныхъ избранныхъ, крупныхъ людей; но не подобаетъ вамъ, недостойнымъ развязать ремень ихъ сапога, съ противнымъ высокомѣріемъ выставлять ихъ антипатичными, возбуждающими ваше мнимо-либеральное сожалѣніе. Это, господа, стыдно, это даже больше чѣмъ стыдно — это неблагородно.

ДРАМА ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО.

I.

Нашъ выцвѣтшій и выдохшійся либерализмъ въ добровольномъ союзѣ съ пронырливымъ жидовствомъ старается подорвать великое и глубокое значеніе тѣхъ творческихъ созданій гр. Л. Толстого, которыми обнаруживается его геній за послѣднее время. Либерализмъ и жидовство въ этомъ случаѣ сошлись въ преслѣдованіи одной и той же цѣли по очень простой причинѣ: основная этика произведеній великаго писателя зиждется на высшей правдѣ народной и на высшей христіанской правдѣ. Заемный и фальшивый нашъ либерализмъ всегда чуждался и старается чуждаться правды народной, видя въ ней грубую препону тому балаганному и литературному прогрессу, который составляетъ для нашихъ праховыхъ либераловъ альфу и омегу ихъ стремленій. Пронырливое жидовство, залѣзающее въ наши дни во всѣ щели и вылѣзающее изъ всѣхъ щелей, всегда ненавидѣло и

больше чѣмъ когда либо ненавидитъ теперь христіанскую правду потому, что эта правда вноситъ въ жизнь побѣду идеальнаго начала надъ жидовскою практичностью, надъ пошлымъ и грязнымъ матеріализмомъ и моральнымъ рабствомъ семитскаго племени. Вся борьба нашего либерализма въ общемъ сводится на борьбу съ народностью; вся борьба жидовства въ общемъ сводится на борьбу противъ высшей христіанской нравственности. Что-жъ мудренаго въ томъ, что эти два выродка, два ублюдка жизни, подаютъ другъ другу руку, идутъ въ дружномъ союзѣ противъ мощнаго борца за правду народности и высшей христіанской идеи?

Походъ противъ гр. Толстого такихъ двухъ союзниковъ, какъ либерализмъ и жидовство, представляетъ, съ одной стороны, очень характерное явленіе нашего времени, а съ другой—очень жалкое и комическое. Въ то время, когда либерализмъ и жидовство, «сплетясь какъ пара змѣй, обнявшись крѣпче двухъ друзей», шипятъ и кляузничаютъ, воображая шипѣньемъ и кляузами сокрушить великаго художника, въ то время, когда они выставляютъ для прельщенія читающей публики чахлые и гнилые плоды поэзіи, беллетристики и критики, порождаемые либеральными и жидовскими посредственностями,—въ это время могучій геній автора «Войны и Мира» даетъ одно за другимъ глубокія и великія созданія своего творчества. Свѣжее и здоровое дуновеніе жизненной правды и истиннаго реализма, вѣющее отъ этихъ созда-

нiй, быстро выметаетъ либеральную и жидовскую моль изъ современной литературы и очищаетъ литературную атмосферу. Художникъ идетъ своимъ прямымъ путемъ твердо и безъ остановки. Не успѣло еще изгладиться потрясающее впечатлѣнiе, произведенное «Смертью Ивана Ильича», какъ авторъ «Войны и мира» даетъ новую вещь, еще болѣе изумительную по художественной силѣ и правдѣ—народную драму «Власть тьмы».

Эта драма, какъ знаютъ уже читатели, еще до появленiя ея въ печати уже возбудила толки и шумъ не только въ литературныхъ кружкахъ, но и въ болѣе широкой средѣ читающаго общества. Какъ бывало въ дни появленiя поэмъ Пушкина и комедiи Грибоѣдова, рукописные списки предшествовали печатнымъ экземплярамъ «Тьмы». Когда пьеса появилась въ печати, она въ нѣсколько дней разошлась въ десяткахъ тысячъ. Только новыя изданiя Пушкина имѣли такой громадный, небывалый успѣхъ, показывающiй наглядно степень тѣхъ симпатiй, какими пользуется генiй Толстого у современныхъ читателей и въ то же самое время косвенно объясняющiй, на сколько влiятельно въ средѣ публики шипѣнiе жидовъ и либераловъ противъ великаго писателя. Успѣхъ этотъ, конечно, изумителенъ; но изумленiе исчезнетъ, когда ознакомишься съ новымъ произведенiемъ художника: въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было подобнаго образца истинно народной бытовой драмы. Въ своемъ родѣ превосходные опыты пьесъ изъ

народной жизни Островскаго, Писемскаго и А. Потѣхина совершенно блѣднѣютъ передъ пьесой Толстого. Такого безподобнаго реализма, такого изумительно точнаго народнаго языка, такого вѣрнаго и рельефнаго изображенія крестьянскаго быта, такой жизненной правды и простоты, такой силы въ изображеніи народныхъ типовъ и характеровъ до сихъ поръ не встрѣчалось у самыхъ крупныхъ писателей, разрабатывавшихъ народный бытъ. Толстой достигъ въ этой пьесѣ той высокой степени творчества, когда каждый самый малѣйшій ударъ кисти художника, кажется, дышетъ и трепещетъ всей выразительностью живой дѣйствительности, схваченной въ самыхъ ея законченныхъ и типическихъ чертахъ!

Первое дѣйствіе обработано мастерски во всѣхъ отношеніяхъ: завязка поставлена сразу, быстро, основной мотивъ драмы съ первыхъ же сценъ введенъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Всѣ главныя лица выступаютъ передъ читателями съ удивительной жизненностью, съ твердо опредѣленными чертами характеровъ и страстей каждаго, съ удивительною ясностью взаимныхъ отношеній. Общая бытовая картина и ея подробности — все это верхъ художественной простоты, правды и выразительности. Передъ нами крестьянская семья, полная внѣшнимъ довольствомъ и благосостояніемъ, но внутренно тронутая уже въ самой ея основѣ тою разъѣдающею «властью тьмы», которая неизбѣжно доведетъ свое злое дѣло до конца, разъ

она внѣдрилась въ жизнь. Глава семьи, богатый мужикъ Петръ, человѣкъ еще не старый, хозяйственный и добропорядочный, но подтачиваемый болѣзнью, причина которой, быть можетъ, лежитъ въ усиленныхъ заботахъ о внѣшнемъ благополучіи, подорвавшихъ прежде времени его силы. У Петра жена Анисья, молодая баба, въ полномъ развитіи страстныхъ инстинктовъ, пустая и безхарактерная, склонная къ щегольству, къ женскому кокетству и соблазну. Эта склонность съ одной стороны, съ другой—болѣзненность мужа уже создали ей шаткое положеніе: они толкнули Анисью по той скользкой покатости, которая должна довести ее и участника ея соблазна до полнаго и страшнаго паденія. Анисья въ связи съ молодымъ работникомъ Никитою, красивымъ парнемъ, деревенскимъ ловеласомъ, или, по простонародному выраженію, «бабникомъ», малымъ столь же безхарактернымъ, какъ и Анисья, не злымъ по натурѣ, но легкомысленнымъ и подчинившимся тѣмъ вѣяніямъ внѣшняго «прогресса» и внѣшней цивилизаціи, которыя отражаются и въ крестьянской средѣ, какъ въ средѣ, именующей себя интеллигентною, притомъ отражаются почти въ тѣхъ же формахъ и сохраняя ту же самую гнилую сущность. Бабникъ Никита обольстилъ своими ловеласническими качествами не только жену своего хозяина: и дочь Петра отъ перваго брака, шестнадцатилѣтняя «дурковатая» дѣвушка Акулина влечется къ молодому работнику и полна инстинктивной ненавистью къ

своей мачихѣ за ея преступный обманъ и за то, что она какъ бы отбиваетъ отъ нея Никиту. Пьеса превосходно открывается короткими сценами, въ которыхъ сразу обрисовываются враждебныя, ненормальныя отношенія членовъ семьи другъ къ другу. Петръ ропщетъ на лѣность работника и тоскуетъ о томъ, что хворь не позволяетъ ему избавиться отъ этого молодого лодыря, возмущающаго его семью. Несмотря на свою болѣзнь и усталость, Петръ еще держитъ довольно крѣпко въ рукахъ домъ. Въ отвѣтъ на заступническія слова жены, что онъ только съ людей взыскиваетъ, а самъ «съ печи да на лавку», Петръ сурово говоритъ: «Съ васъ не взыскивать, такъ въ годъ дома не найдешь. Охъ, народъ!» и прибавляетъ про Никиту: «Эхъ, кабы не хворь эта привязалась, и дня не сталъ бы держать». Анисья раздражается все больше и больше на намеки мужа о лодырствѣ и когда онъ уходитъ изъ избы, она вслѣдъ ему пускаетъ грубую брань, характерно выражающую всю ея женскую ненависть и отвращеніе отъ мужа: «гнилой чортъ, носастый!». Тутъ слѣдуетъ маленькая сцена, въ которой въ нѣсколькихъ словахъ ярко намѣчены взаимныя отношенія мачихи и падчерицы и звучитъ начальная нота будущаго трагическаго мотива:

АКУЛИНА.

Ты за что батю ругаешь?

АНИСЬЯ.

Ну тебя, дура. Молчи.

АКУЛИНА.

Знаю, чего ругаешь. Сама дура, песъ ты. *Не боюсь я тебя.*

АНИСЬЯ.

Ты чего? (Вскакиваетъ и ищетъ, чѣмъ бы ударить). Мотри, я тебя рогачомъ.

АКУЛИНА (отворивъ дверь).

Песъ ты, дьяволъ, вотъ ты кто. Дьяволъ, песъ, дьяволъ! (Убѣгаетъ).

Это первое столкновеніе двухъ женщинъ, которыхъ погубитъ деревенскій ловеласъ и изъ-за которыхъ погибнетъ самъ. Найдутся, конечно, цѣнители и судьи, которые скажутъ, что эта сценка только груба, что въ ней ничего, кромѣ дикой брани не обрѣтается. Нѣтъ, это не такъ: сцена схвачена живьемъ, она въ высшей степени правдива психологически и драматична: для хорошей исполнительницы, которая съумѣетъ подчеркнуть внутренній смыслъ недоговоренныхъ злобныхъ рѣчей падчерицы, она даетъ благодарный матеріалъ и въ художественномъ исполненіи должна отозваться сильнымъ впечатлѣніемъ на зрителей.

Дѣйствіе подвигается впередъ быстро. Анисья узнаетъ, что ея возлюбленнаго отецъ хочетъ женить на одной изъ жертвъ его донъ-жуанства. Въ объясненіи Анисьи и Никиты по этому поводу характеры обоихъ лицъ вырисовываются съ изумительной рельефностью и такими простыми, правдивыми чертами, что изумляешься, какъ художникъ съ такой сжатостью можетъ сказать такъ много. Языкъ Никиты, на которомъ лежитъ печать фабричной «галантерейности обращенія» съ разными

словечками въ родѣ «окончательно», «очень просто» выдержанъ превосходно. Сцена такъ художественна, что нельзя воздержаться, чтобы не привести ея во всей ея прелести:

НИКИТА (входитъ оглядываясь. Видя, что Анисья одна, быстро подходитъ къ ней. Шепотомъ).

Что, братецъ ты мой, бѣда! Пріѣхалъ родитель, снимать хочетъ,—домой идти велитъ. Окончательно, говоритъ, женимъ тебя и живи дома.

АНИСЬЯ.

Что же, женись. Мнѣ-то что?

НИКИТА.

Вотъ такъ—такъ! Я разсчитываю, какъ получше дѣло обсудить, а она вонъ какъ: жениться велитъ! Что-жъ такъ? (Подмигиваетъ). Аль забыла?..

АНИСЬЯ.

И женись. Очень нужно...

НИКИТА.

Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и погладиться не дается... Да ты чего?

АНИСЬЯ.

А того, что бросить хочешь... А хочешь бросить, такъ и я не нуждаюсь. Вотъ тебѣ и сказъ!

НИКИТА.

Да буде, Анисья. Развѣ я тебя забыть хочу? — Ни въ жизнь. Окончательно, значитъ, тебя не брошу. А я такъ разсчитываю: что и женятъ, такъ къ тебѣ же назадъ приду, только бы домой не бралъ.

АНИСЬЯ.

Очень ты мнѣ нуженъ, женатый-то.

НИКИТА.

Да какъ же, братецъ ты мой,—изъ отцовской воли опять-таки невозможно никакъ.

АНИСЬЯ.

На отца сворачиваешь, а умыслы—твои все. Давно ты подлаживаешь съ мазихой своей, съ Маринкой. Она тебѣ это намазала. Не даромъ намедни прибѣгала.

НИКИТА.

Маринка?! Очень она мнѣ нужна!.. Мало ихъ вѣшаются-то!..

АНИСЬЯ.

Зачѣмъ же отецъ прiѣхалъ? Ты велѣлъ! Обманывалъ ты!.. (Плачетъ).

НИКИТА.

Анисья, вѣришь ты Богу, аль нѣтъ? Ничего-то я и во снѣ не видалъ. Окончательно знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Все мой старикъ съ своей головы вздумалъ.

АНИСЬЯ.

Самъ не захочешь, такъ кто-жъ тебя, оселомъ что-ль притянетъ?

НИКИТА.

Тоже разсчитываю, невозможно супротивъ родителя будетъ и сдѣлать. А не охота мнѣ.

АНИСЬЯ.

Упрись, да и все.

НИКИТА.

Уперся одинъ такой то, такъ его въ волостной такъ вспрыснули... Очень просто. Тоже не хочется. Сказываютъ—щекотно...

АНИСЬЯ.

Буде шутить-то. Ты слушай, Никита: коли ты за себя Маринку возьмешь, я не знаю, что надъ собой сдѣлаю... Жизни рѣшусь! Согрѣшила я, законъ рушила, да ужъ не ворочаться стать. Коли да ты только уйдешь, я то сдѣлаю...

НИКИТА.

Мнѣ что же уходить? Кабы я уйти хотѣлъ, я бы давно ушелъ. Меня какъ намедни Иванъ Семенычъ приглашалъ въ кучера... А ужъ жизнь какая! Не пошелъ же. Потому, я такъ разсчитываю, что я всякому хорошъ. Если бы ты меня не любила, то другой разсчетъ.

АНИСЬЯ.

То-то и помни. Старикъ не нынче—завтра помретъ, думаю, всѣ грѣхи прикроемъ. Законъ приму, думала, будешь хозяиномъ.

НИКИТА.

И, что загадывать. Мнѣ что? Я работаю, какъ для себя стараюсь. Меня и хозяинъ любитъ, и баба его, значитъ, любитъ. А что меня бабы любятъ, такъ я въ этомъ не причиненъ,—очень просто.

АНИСЬЯ.

Будешь меня любить?

НИКИТА (обнимаетъ ее).

Во какъ! Какъ была ты у меня въ душѣ...

Появляется новое лицо, мать Никиты—Матрена, въ своемъ родѣ крестьянская лэди Макбетъ, злодѣйка драмы, но, конечно, нарисованная безъ малѣйшей фальши и съ трезвымъ реализмомъ. Грубая и застарѣлая безнравственность взглядовъ и стремленій Матрены отчасти умѣряется оттѣнкомъ душевной неразвитости и, если можно такъ выразиться, какою-то наивностью понятія о злѣ, отчасти тѣмъ, что главнымъ мотивомъ ея преступныхъ совѣтовъ, замысловъ и дѣйствій все-таки является желаніе устроить получше жизнь сына. Матрена видитъ начало удачной и счастливой карьеры въ близкихъ отношеніяхъ своего сына къ женѣ его хозяина. Она находитъ, что это въ порядкѣ вещей. «Отъ овса, вѣдаешь,—говоритъ Матрена Анисьѣ съ простодушнымъ цинизмомъ,—кони не рыщутъ, отъ добра добра не ищутъ... Вижу, ягодка, зачиврилъ, зачиврилъ твой-то старикъ. Съ чѣмъ тутъ жить? Его вилами ткни, кровь

не пойдетъ. Глядишь, на весну похоронимъ. Принять во дворъ кого нибудь да надо. А сынокъ чѣмъ не мужикъ. Не хуже людей». И чтобы ускорить неизбѣжную кончину мужа Анисьи, чтобы очистить дорогу сыну, Матрена даетъ его любовницѣ снадобья для отравы больного Петра, учитъ какъ надо отравлять...

Въ противоположность Матренѣ, лицо ея мужа, Акима, представляетъ въ драмѣ доброе нравственное начало. Акимъ въ пьесѣ играетъ роль классическаго хора: онъ осуждаетъ и изобличаетъ зло, сторонится отъ него, предвидитъ всѣ послѣдствія неправды, предрекаетъ ихъ, наконецъ, радуется раскаянію виновнаго въ преступленіи сына. Устами Акима авторъ изрекаетъ мораль пьесы. Обыкновенно подобные добродѣтельные персонажи, особенно въ драмахъ и повѣстяхъ изъ крестьянскаго быта, выходятъ всегда блѣдными, сочиненными, ходульными. По рутинѣ такихъ добродѣтельныхъ мужиковъ рисуютъ величественными, благообразными старцами, съ плавной рѣчью, пересыпанною мудрыми сентенціями житейскаго опыта, часто украшенною текстами изъ священнаго писанія. Вообще даже не заурядные авторы стараются украсить такихъ лицъ, что называется, поэтическимъ ореоломъ. Но вотъ именно тутъ-то въ обработкѣ этого представителя народной правды и сказывается весь геніальный талантъ гр. Толстого, вся глубина его пониманія народныхъ типовъ, вся оригинальность ихъ изображенія. Акимъ является въ

драмѣ въ образѣ «невзрачнаго богобоязненнаго мужика», какъ опредѣляетъ самъ авторъ въ краткой характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ. Этотъ невзрачный мужикъ говоритъ сбивчиво, путаясь въ словахъ, безпрестанно повторяясь, безпрестанно прибавляя комическое присловье «тае, тае». Онъ видимо робокъ, конфузливъ и, какъ всѣ конфузливые люди, отъ смущенныхъ смирныхъ рѣчей порой внезапно переходитъ въ торопливую горячность, свидѣтельствующую о глубокой сосредоточенности его чувства и мысли. По внѣшнему виду, по внѣшнему выраженію скрытой въ глубинѣ его души красоты и правды добра онъ почти комиченъ; но именно отъ контраста съ комической и невзрачной внѣшностью еще болѣе выступаетъ эта душевная красота и правда. Можно сказать, не рискуя ошибиться, что, послѣ Платона Каратаева въ «Войнѣ и мирѣ», гр. Толстой не создавалъ *положительнаго* типа болѣе народнаго, чѣмъ Акимъ, народнаго въ истинномъ и глубокомъ смыслѣ этого слова. Типъ этотъ необыкновенно трогателенъ своею простотою и прямотою непосредственнаго, инстинктивнаго разумѣнія высшихъ человѣческихъ идеаловъ и цѣлей жизни. Мораль и этика этого «невзрачнаго и богобоязненнаго мужика» не сложна; но онѣ заключаютъ въ себѣ такую полноту, что съ этой несложной этикой и моралью онъ идетъ прямо и твердо путемъ добра и не рискуетъ оступиться. И какой глубокій замыселъ художника сказывается въ томъ, что онъ придалъ пред-

ставителю хоровой народной правды такой невзрачный, такой смиренный внѣшній обликъ! Невольно при мысли объ этомъ смиренномъ обликѣ, приходятъ на память строки одного изъ самыхъ «проникновенныхъ» нашихъ поэтовъ:

Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Только въ этомъ «родномъ краю долготерпѣнья» могъ выработаться такой чудный типъ, въ которомъ подъ оболочкой «смиренной наготы» сквозитъ душевная красота и сила, и только въ этомъ краю могъ родиться такой художникъ, который, цѣня правду дѣйствительности, не боится опоэтизировать эту красоту въ чертахъ по внѣшности почти комическихъ. Для сценическаго исполнителя—замѣтить кстати—лицо Акима представляетъ трудную задачу: нужно обладать огромнымъ талантомъ и большой выработкой искусства, чтобы въ изображеніи этого «невзрачнаго и богобоязненнаго мужика» не перейти черту, отдѣляющую художественный сценическій реализмъ отъ реализма голаго, граничащаго съ шаржемъ...

Возвратимся, однако, къ послѣдовательному ходу драмы, отъ котораго я отдалился, увлекшись удивительнымъ типомъ Акима. Опять-таки слѣдуетъ сказать, что сцена, въ которой Акимъ убѣждаетъ сына жениться на одной изъ жертвъ его лове-

ласничества—выше всякой похвалы. Какъ все это просто, жизненно и вмѣстѣ съ этимъ какъ драматично! Какіе реальные мотивы для яркаго обозначенія характеровъ! Въ семейномъ совѣтѣ о женитьбѣ Никиты участвуетъ и его хозяинъ и тутъ онъ высказываетъ свою солидность, добропорядочность, разсудительность. Акимъ объясняетъ, что не нужно забывать Бога, что часто бываетъ, «думаемъ какъ лучше, анъ хуже много, безъ Бога-то». Онъ поясняетъ свою мысль оригинальнымъ и трогательнымъ выраженіемъ: «по закону, да по божьи, все какъ-то, тае, *оно тебя веселитъ. Манится*, значитъ. Такъ и угадывалъ, значитъ, женю, значитъ, малаго отъ грѣха, значитъ; онъ дома, значитъ, тае, какъ должно по закону»... Призываютъ Никиту.

НИКИТА.

Спрашивали? (Садятся, достаетъ табакъ).

ПЕТРЪ (тихо, укоризненно).

Что-жъ ты, аль порядка не знаешь. Тебя отецъ спрашивать будетъ, а ты табакомъ балуешь, да сѣлъ. Поди-ка сюда, встань.

(Никита становится у стола, развязно облокачиваясь и улыбаясь).

АКИМЪ.

Выходитъ, значитъ, тае, примѣрно на тебя, Микишка, жалоба, жалоба, значитъ.

НИКИТА.

Отъ кого жалоба?

АКИМЪ.

Жалоба? Отъ дѣвицы, отъ сироты, значитъ, жалоба есть. Отъ ней, значитъ, и жалоба на тебя, отъ Марины отъ этой самой, значитъ.

НИКИТА (посмѣиваясь).

Чудно, право. Какая же такая жалоба? Это кто же тебѣ сказывалъ; она, что ли?

АКИМЪ.

Я таперь, тае, спросъ дѣлаю, а ты, значитъ, тае, долженъ отвѣтъ произнесть. Обвязался ты съ дѣвкой, значитъ, то есть обвязался ты съ ней, значитъ?

НИКИТА.

И не пойму окончательно чего спрашиваете.

АКИМЪ.

Значитъ, глупости, тае, глупости, значитъ, были у тебя съ ней, глупости, значитъ?

НИКИТА.

Мало что было. Съ куфаркой отъ скуки и пошутишь, и на гармоніи поиграешь, а она попляшетъ. Какія же еще глупости?

ПЕТРЪ.

Ты, Никита, не костыляй, а что спрашиваетъ родитель, ты и отвѣчай толкомъ.

АКИМЪ (торжественно).

Никита! Отъ людей утаишь, а отъ Бога не утаишь. Ты, Микита, значитъ, тае, думай, не моги врать! Сирота она, значитъ, обидѣть можно. Сирота, значитъ. Ты говори получше какъ.

НИКИТА.

Да что, говорить-то нечего. Окончательно все и говорю, потому и говорить нечего. (Разгорячась). Она чего не скажетъ. Говори, что хошь, какъ на мертваго. Что жъ она на Ѳедьку Микишкина не сказывала? А это что-жъ по нынѣшнему времени, значитъ и пошутить нельзя. А ей вольно говорить.

АКИМЪ.

Ой, Никишка, мотри! Неправда наружу выйдетъ. Было, аль нѣтъ?

НИКИТА (въ сторону).

Вишь, привязались, право. Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня съ ней не было. (Со злобой). Вотъ те Христосъ,

не сойти мнѣ съ доски съ этой. (Крестится). Ничего знать не знаю. (Молчаніе, Никита продолжаетъ еще горячѣе). Что-жъ это вы меня на ней женить вздумали? Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, право скандалъ. Нынче и правовъ такихъ нѣтъ, чтобъ силкомъ женить. Очень просто. Да и побожился я — знать не знаю.

МАТРЕНА (на мужа).

То-то, глупая твоя башка дурацкая, что ему наболтаютъ. а онъ всему и вѣритъ. Только напрасно малаго оконфузилъ. А лучше какъ живетъ, такъ пускай и живетъ у хозяина. Хозяинъ намъ теперь на нужду десяточку дастъ. А время придетъ...

ПЕТРЪ.

Ну, какъ же, дядя Акимъ?

АКИМЪ (щелкаетъ языкомъ, къ сыну).

Мотри, Никита, обижена слеза, тае, мимо не канетъ. а все, тае, на человѣческу голову. Мотри, какъ бы не того.

Никита отвертѣлся отъ «богобоязненнаго» отца, отъ нежеланной женитьбы. Но онъ смущенъ въ душѣ, его очевидно пугаетъ мысль, что онъ крестился на образъ для обмана. «И какъ это меня, какъ толкнулъ кто, какъ я на образъ перекрестился. Такъ сразу всю канитель оборвалъ». Онъ старается оправдать себя, призвавъ на помощь тотъ напускной скептицизмъ, который по сущности одинъ и у мужика, и у интеллигента, воображающаго себя нигилистомъ — скептицизмъ пустыхъ фразъ. «Боязно, говорятъ, въ неправдѣ божиться — успокоиваетъ свою совѣсть деревенскій ловеласъ. — Все одна глупость. Ничего, одна рѣчь. Очень просто».

Однако, оно не такъ просто, и въ слѣдующей заключительной сценѣ перваго дѣйствія вопросъ объ «обиженной слезѣ», про который говорилъ отецъ

Никиты, является еще разъ передъ деревенскимъ ловеласомъ. Къ Никитѣ приходитъ Марина, обольщенная имъ женщина. Лицо этой женщины, точно такъ же какъ и лицо Акима — свѣтлый лучъ среди сгущенной и мрачной нравственной атмосферы всей пьесы. Марина очерчена вскользь: она появляется только два раза — въ первомъ и въ послѣднемъ дѣйствіи. Но какое это симпатичное и прекрасное лицо! Это идеальная женщина крестьянской среды, любящая и прощающая. Никита встрѣчаетъ Марину грубо. Она печально напоминаетъ ему о былой любви, она огорчена не тѣмъ, что онъ ее не хочетъ взять замужъ — «я на то бы не обижалась» — она огорчается тѣмъ, что «неповинна» передъ нимъ ничѣмъ, а онъ ее разлюбилъ. Никита ни мало не трогается ея кроткими рѣчами и гонитъ отъ себя. «Что-жъ попусту толковать», говоритъ онъ рѣзко и рѣшительно.

МАРИНА.

Такъ конецъ, значитъ, что было, то уплыло. Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою честь дѣвичью пуще глаза. Погубилъ ты меня ни за что, обманулъ. Не пожалѣлъ сироту (плачетъ), отрекся отъ меня. Убилъ ты меня, да я на тебя зла не держу. Богъ съ тобой. Лучше найдешь, позабудешь, хуже найдешь—воспомянешь. Воспомянешь, Никита! Прощай, коли такъ. И любила же я тебя! Прощай въ послѣдній. (Хочетъ обнять его и беретъ за голову).

НИКИТА (вырываясь).

Эхъ! Разговаривать съ вами. Не хочешь уходить, я самъ уйду, оставайся тутъ.

МАРИНА (вскрикиваетъ).

Звѣрь ты! (Въ дверяхъ.) Не дастъ тебѣ Богъ счастья. (Уходитъ плача).

АКУЛИНА (выходитъ изъ чулана).

А несъ ты, Никита!

НИКИТА.

А что?

АКУЛИНА.

Какъ взвыла-то она.

НИКИТА.

Ты-то чего?

АКУЛИНА.

Чего? Обидѣлъ ты ее. Ты такъ-то и меня обидишь... несъ ты. (Уходитъ въ чуланъ).

НИКИТА (Молчаніе).

То-то неразбериха. Люблю я этихъ бабъ, какъ сахаръ, а нагрѣшишь съ ними — бѣда!

Этими словами Никиты заканчивается первое дѣйствіе. Я не знаю въ нашей драматической литературѣ пьесы (за исключеніемъ «Ревизора»), которая была бы завязана съ такимъ мастерствомъ. какое мы находимъ въ этомъ первомъ дѣйствіи. Всѣ главныя дѣйствующія лица драмы стоятъ передъ зрителями во весь ростъ, опредѣленно и смѣло охарактеризованныя; ихъ довольно сложное взаимное положеніе вполнѣ выяснено передъ зрителями въ самыхъ, повидимому, обыденныхъ и краткихъ сценахъ. Отъ всѣхъ этихъ удивительныхъ по простотѣ и художественной сжатости сценъ вѣетъ глубокимъ изученіемъ и разумѣніемъ народнаго быта. О языкѣ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица, нечего распространяться: такая точность и выразительность языка дается только геніальнымъ писателямъ. У каждого лица свой характерный пошибъ рѣчи: Матрена говоритъ лукавымъ и

цинически-простодушнымъ языкомъ, рѣчь Никиты отдается деревенскимъ нигилизмомъ, рѣчь Петра проста и солидна и т. д. Словомъ, передъ вами не сочиненное дѣйствіе, а сама жизнь, не выдуманныя лица, а живые люди. И какими простыми средствами авторъ достигаетъ впечатлѣнія этой полной жизненности! Ни малѣйшаго поползновенія къ изученнымъ драматическимъ эффектамъ, ни малѣйшаго подчеркиванія въ фразахъ и монологахъ. Повторяю еще разъ: удивительное искусство и удивительная правда!

Второе дѣйствіе развивается такъ же свободно, живо и естественно, какъ первое. Не знаю какъ оно выйдетъ на сценѣ—это зависитъ отъ художественнаго исполненія—но въ чтеніи оно производитъ сильное впечатлѣніе. Умирающій Петръ ясно сознаетъ близость своей кончины и съ тоскою и страхомъ видитъ все, что дѣлается кругомъ него: измѣну жены, ожиданіе его смерти, столь желанной для жены и для ея любовника, разрушеніе своей семьи, своего хозяйства, своихъ трудовъ для дома. Эта скорбная фигура умирающаго производитъ глубоко-удручающее впечатлѣніе. Петръ не пугается малодушно своей близкой смерти, какъ пугаются люди интеллигенціи: онъ покорно встрѣчаетъ ея неизбѣжность. Его забота не о себѣ, его забота о томъ, что онъ «домъ собиралъ, а обдумать некому». Онъ твердо говоритъ: «пришла смерть моя», но горе и слезы слышатся въ его словахъ, когда онъ тоскуетъ, что «приказать не

кому», потому что его жена «необстоятельная баба, глупостями занимается, вѣдь все знаю я», потому что его дочь «дурковата, да и молода». Трогательны его заботы почти въ послѣднія минуты о разныхъ хозяйственныхъ нуждахъ, но еще трогательнѣе прощаніе съ человѣкомъ, который, какъ сознаетъ Петръ, разбилъ его семью и теперь, послѣ его смерти, долженъ захватить въ свои руки плоды его долголѣтнихъ трудовъ, — прощаніе съ работникомъ Никитой. Онъ проситъ прощенія у Никиты, онъ плачетъ, и легкомысленный работникъ-ловеласъ не выдерживаетъ этого плача. «Жалко мнѣ его! Какъ жалко. Заплакалъ какъ! Э-эхъ!» говоритъ Никита, самъ плача. Эта маленькая сцена прощанія Петра съ Никитой несравненна по силѣ драматическаго впечатлѣнія.

Картина смерти Петра кажется еще болѣе потрясающей отъ искусной группировки вокругъ умирающаго другихъ лицъ. Истомленный недугомъ, глава семьи напрягаетъ послѣдніе остатки жизни, чтобы сохранить свой домъ отъ разрушенія, а кругомъ этого человѣка, уже ступившаго на порогъ могилы, идетъ ужасающая суета преступленія, ужасающая забота его близкихъ о томъ, какъ бы вырвать у него деньги, нажитыя его кровнымъ трудомъ, деньги, которыя онъ хоронитъ отъ жены и хочетъ передать своей сестрѣ. Анисья, по совѣту матери Никиты, уже сдѣлавшая попытку отравленія мужа, передъ самой его смертью даетъ ему еще одинъ пріемъ снадобья, онъ умираетъ и

отравительница, наконецъ, овладѣваетъ деньгами мужа. Заключительныя сцены второго дѣйствія, гдѣ Анисья, потерявшись, отдаетъ деньги Никитѣ и у ней при этомъ вырывается сознаніе и предчувствіе близкаго наказанія за совершенное преступленіе — эти сцены обработаны такъ же хорошо, какъ все остальное. Закончено же второе дѣйствіе оригинальнымъ эффектомъ, если только слово эффектъ умѣстно для обозначенія того, что художникъ взялъ прямо и просто изъ воспроизводимой имъ дѣйствительности. На лицемѣрное вытье Анисьи объ умершемъ и ограбленномъ ею мужѣ сходится народъ.

ОДИНЪ ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

Старухъ позвать, убирать надо.

МАТРЕНА (засучиваетъ рукава).

Вода въ чугунѣ-то есть, что ли? А то самоваръ, я чай, еще не вылитъ. *Потружусь и я.*

Эти слова какъ бы звучатъ циническимъ надругательствомъ преступницы надъ ея жертвой: за нѣсколько минутъ Матрена «потрудилась» надъ тѣмъ, чтобы послѣднимъ пріемомъ отравы ускорить смерть Петра...

Первая половина драмы закончена. Три остальныя дѣйствія посвящены изображенію того, какъ наказаніе преступниковъ развивается неизбѣжно и послѣдовательно изъ самого преступленія.

II.

Въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ драмы художникъ въ живыхъ и яркихъ сценахъ показываетъ, какъ зародилось преступленіе и какъ оно было совершено. Участники преступленія—Матрена, Анисья, Никита извели Петра, овладѣли его благосостояніемъ, его домомъ. Петръ въ могилѣ, концы преступленія схоронены, никакой помѣхи больше нѣтъ: остается только пользоваться плодами дѣла, совершеннаго съ помощью «тьмы». Но вотъ тутъ и начинается ужасная, безпощадная власть этой тьмы. Кто разъ отдался этой власти, кто разъ вступилъ съ нею хотя въ самыя отдаленныя сношенія, тотъ неизбѣжно дѣлается ея полнымъ рабомъ, тотъ неизбѣжно отдается ей въ кабалу: она крѣпко захватываетъ его и съ неумолимой послѣдовательностью ведетъ отъ одного злого дѣла къ другому, отъ одной нравственной муки къ другой. Вторая половина драмы посвящена страшному по силѣ и вмѣстѣ съ этимъ по простотѣ реализма изображенію тѣхъ терзаній и тѣхъ путъ, которыми «власть тьмы» доводитъ свое роковое дѣло до конца.

Третье дѣйствіе открывается по прошествіи девяти мѣсяцевъ послѣ смерти Петра. Никита женился на его вдовѣ. То благополучіе, о которомъ мечтала Анисья, мать Никиты и онъ самъ, достигнуто: бывшій работникъ овладѣлъ всѣмъ добромъ покойнаго хозяина, его избой, его деньгами,

его женой и сдѣлался самъ хозяиномъ. У него въ домѣ теперь есть свой работникъ—старый отставной солдатъ Митричъ — одно изъ самыхъ характерныхъ лицъ пьесы, нарисованное такъ типически, какъ умѣетъ рисовать лица солдатской среды одинъ только гр. Толстой. То, что прежде дѣлалъ Никита, за него работаетъ старикъ наемникъ, а самъ новоиспеченный хозяинъ гуляетъ на неправедно присвоенныя деньги Петра. Да мало того, что онъ гуляетъ, — онъ гуляетъ не одинъ, а съ старшей дочерью покойнаго своего хозяина—Акулиной, которую онъ соблазнилъ, женившись уже на ея мачихѣ. Онъ ведетъ съ ней связь открыто, гласно, съ полнымъ презрѣніемъ къ правамъ жены, съ наглымъ бахвальствомъ своимъ развратомъ. Казнь Анисьи, думавшей на отравленіи Петра составить свое счастье, уже началась: ея положеніе въ домѣ ужасно; она терпитъ и отъ мужа, и отъ его любовницы — Акулины. Деньги Петра, добытыя Анисьей цѣною преступленія, Никита забралъ себѣ и тратитъ ихъ на попойки и на подарки любовницѣ. Нравственныя терзанія Анисьи тѣмъ болѣе жестоки, что она страстно привязана къ своему мужу, привязана рабскимъ чувствомъ, которое у иныхъ женскихъ натуръ сводится почти на животный инстинктъ. Она не можетъ сладить съ своимъ сердцемъ и преодолѣть рабскаго подчиненія мужу, который ругается надъ нею и гнететъ ее своимъ деспотизмомъ. По выраженію одной изъ своихъ деревенскихъ сосѣдокъ, она совсѣмъ «осла-

бла». Горько плачется она на свою долю, а ничего не можетъ сдѣлать. «Охъ, больно мнѣ,—говоритъ она: — зашибалъ онъ допрежде того, да все бывало хороша я ему была, а нынче какъ надуется, такъ и лѣзетъ на меня, стоптать ногами хочетъ. Намедни въ косѣ руками увязъ, насилу вырвалась. А ужъ дѣвка (т. е. Акулина) хуже змѣи, и какъ только такихъ злющихъ земля родитъ». На сожалѣнія своей сосѣдки, что «каково же терпѣть: нищаго приняла, да онъ надъ тобой такъ измываться будетъ», и на совѣтъ сдѣлать Никитѣ «укороту», она съ отчаяніемъ отвѣчаетъ: «Охъ, кумушка милая! Съ сердцемъ своимъ что сдѣлаю. Покойникъ на что строгъ былъ, а все же я какъ хотѣла, такъ и вертѣла, а тутъ не могу, кумушка. Какъ увижу его, такъ и сердце все сойдетъ. Нѣтъ у меня противъ него и смѣлости никакой». Она видитъ, что мужъ мотаетъ деньги, такъ дорого ей доставшіяся и переданныя ему, да не можетъ ничего сдѣлать: вѣдь деньги добыты преступленіемъ. Жалоба на Никиту для нея немыслима: обвиняя его, она должна обвинить и себя. Мать Никиты—устроительница всего ужаснаго дѣла — по весьма понятному разсчету, открыла сыну тайну отравленія Петра: владѣя этой тайной, Никита можетъ господствовать надъ женою вполнѣ. Но именно этимъ-то открытіемъ Матрена и отвратила мужа отъ жены: Никита (въ одномъ монологѣ четвертаго дѣйствія) объясняетъ это, какъ бы стараясь оправдать себя: «Померъ

хозяинъ, что-жъ, я и грѣхъ прикрылъ, какъ должно. Тутъ моей причины нѣтъ. Развѣ мало бываетъ такъ-то. А тутъ порошки эти. Развѣ я на это склонялъ ее? Да, кабы я зналъ, я бы ее, суку, убилъ тогда. Право, убилъ бы. Участникомъ въ этихъ пакостяхъ сдѣлала паскудница. И опостылѣла же она мнѣ съ этого разу. Какъ мнѣ мать сказала тогда, опостылѣла она мнѣ, не смотрѣли бы на нее глаза. Ну, какъ съ ней жить? И пошло это у насъ!.. Стала эта дѣвка вѣшаться»... Какъ все это вѣрно психологически и какъ драматически развито!

Казнь возмездія началась уже не для одной Анисьи, но и для самого Никиты. Наглыя беззаконія, на которыхъ онъ основалъ свою жизнь, разъѣдаютъ все его призрачное, формальное благосостояніе. Повидимому, онъ занялъ прочное и обезпеченное положеніе богатаго хозяина, главы семьи. Но его благосостояніе построено на шаткой опорѣ преступленія, его семья—на почвѣ безнравственнаго соблазна. Въ самой сущности его житейскаго и моральнаго положенія таится разлагающій элементъ зла, «власть тьмы» обняла его и давитъ неумолимо со всѣхъ сторонъ. Напрасно онъ хочетъ заглушить виномъ тотъ разладъ съ самимъ собой и съ окружающими, который идетъ crescendo съ каждымъ днемъ: ему нѣтъ спасенья, ему не уйти отъ душевной тоски. Въ третьемъ дѣйствіи превосходно нарисованы сцены возвращенія пьянаго Никиты домой, его самодурныя

надругательства надъ Анисьей, столкновеніе Анисьи съ любовницей, весь хаосъ и весь ужасъ семейнаго ада, въ который погрузилъ Никита самъ себя своей нравственной разнузданностью. Этотъ семейный адъ видитъ Акимъ, отецъ Никиты, зашедшій къ сыну, чтобы попросить у него денежной помощи, и правдивая душа старика не выдерживаетъ: онъ отказывается отъ помощи сына, изобличаетъ его беззаконія и бросаетъ ему пророческое слово о близкой погибели. Заключительная сцена третьяго дѣйствія, въ которой художникъ изображаетъ протестъ Акима, превосходна въ драматическомъ отношеніи и ея глубокая поучительность выражена авторомъ съ рѣдкой естественностью и силой. Вотъ эта удивительная сцена:

АКИМЪ (слѣзаетъ и надѣваетъ шубу. Подходитъ къ столу, кладетъ на него бумажку).

На̀ деньги твои. Прибери.

НИКИТА (не видитъ бумажки).

Куда собрался одѣмши-то?

АКИМЪ.

А пойду, пойду я, значитъ, простите Христа ради. (Беретъ шапку и кушакъ).

НИКИТА.

Вотъ-те на. Куда пойдешь-то ночнымъ дѣломъ?

АКИМЪ.

Не могу я, значитъ, тае, въ вашемъ домѣ, тае, не могу значитъ быть, быть не могу, простите.

НИКИТА.

Да куда же ты отъ чаю-то?

АКИМЪ (подпоясывается).

Уйду потому, значитъ, не хорошо у тебя, значитъ, тае, не хорошо. Микишка, въ домѣ, тае, не хорошо. Значитъ, плохо ты живешь, Микишка, плохо. Уйду я.

НИКИТА.

Ну, буде толковать, садись чай пить.

АНИСЬЯ.

Что-жъ это, батюшка, передъ людьми стыдно будетъ. На что-жъ ты обижаешься?

АКИМЪ.

Обиды мнѣ, тае, никакой нѣтъ, обиды нѣтъ, значитъ, а только что, тае, вижу я, значитъ, что къ погибели, значитъ, сынъ мой, къ погибели сынъ, значитъ.

НИКИТА.

Да какая погибель? ты докажь.

АКИМЪ.

Погибель-то, погибель, весь ты въ погибели. Я тебѣ лѣтось что говорилъ?

НИКИТА.

Да мало ты что говорилъ.

АКИМЪ.

Говорилъ я тебѣ, тае, про сироту, что обидѣлъ ты сироту Марину, значитъ, обидѣлъ.

НИКИТА.

Экъ помянулъ. Про старыя дрожжи не поминать дважды, то дѣло прошло...

АКИМЪ (разгорячась).

Прошло? Нѣ, братъ, это не прошло. Грѣхъ, значитъ, за грѣхъ цѣпляетъ, за собою тянетъ, и завязъ ты, Микишка, въ грѣхѣ. Завязъ ты, смотрю, въ грѣхѣ. Завязъ ты, погрузъ ты, значитъ.

НИКИТА.

Садись чай пить, вотъ и разговоръ весь.

АКИМЪ.

Не могу я, значитъ, тае, чай пить. Потому отъ скверны отъ твоей, значитъ, тае, гнусно мнѣ, дюже гнусно. Не могу я, тае, съ тобой чай пить.

НИКИТА.

И... канителитъ. Иди къ столу-то.

АКИМЪ.

Ты въ богатствѣ, тае, какъ въ сѣтяхъ, въ сѣтяхъ ты, значитъ. Ахъ, Микишка, душа надобна.

НИКИТА.

Какую ты имѣешь полную праву въ моемъ домѣ меня урекать? Да что ты въ самомъ дѣлѣ присталъ. Что я тебѣ мальчикъ дался, за виски драть. Нынче ужъ это оставили.

АКИМЪ.

Это точно, слыхалъ я, нынче что и, тае, что и отцовъ за бороды трясутъ, значитъ, да на погибель это, на погибель, значитъ.

НИКИТА (сердито).

Живемъ, у тебя не просимъ, а ты-жъ къ намъ пришелъ съ нуждой.

АКИМЪ.

Деньги? Деньги твои вонъ они. Побираться, значитъ, пойду, а не тае, не возьму, значитъ.

НИКИТА.

Да буде. И что серчаешь, компанію разстраиваешь. (Удерживаетъ за руку).

АКИМЪ (взвизгиваетъ).

Пусти, не останусь. Лучше подъ заборомъ переночую, чѣмъ въ пакости въ твоей. Тьфу, прости Господи. (Уходитъ).

НИКИТА.

Вотъ-на.

АКИМЪ (отворяетъ дверь).

Опамятуйся, Микита. Душа надобна. (Уходитъ).

АКУЛИНА (беретъ чашки).

Что-жъ наливать, что-ль? (Всѣ молчатъ).

МИТРИЧЪ (рычитъ).

О, Господи, помилуй мя грѣшнаго. (Всѣ вздрагиваютъ).

НИКИТА (ложится на лавку).

Охъ, скучно, скучно. Акулька! Гдѣ-жъ гармошка-то?

АКУЛИНА.

Гармошка-то? Ишь хватился. Да ее чинить отдалъ. Я налила, пей.

НИКИТА.

Не хочу я. Тушите свѣтъ... Охъ, скучно мнѣ, какъ скучно! (Плачетъ).

Какъ ярко, на ряду съ заблудшимъ во тьмѣ сыномъ, сіяетъ свѣтомъ непосредственнаго душевнаго добра его старикъ отецъ. Какъ просты и знаменательны его слова: «Опамятуйся, Никита. Душа надобна». Никита, какъ видно, понялъ эти слова, они его прошибли, въ душѣ его заговорилъ укоряющій голосъ и то, что онъ называетъ «скукой», есть невольное предчувствіе новыхъ золъ и расплаты за старое... Этотъ душевный вопль Никиты: «Тушите свѣтъ... Охъ, скучно мнѣ, какъ скучно», вырывается не даромъ. Да, душѣ Никиты нужна теперь та тьма, во власти которой онъ всецѣло находится, ему невыносимъ свѣтъ: онъ желалъ бы заснуть, успокоиться, забыться, угомонить въ себѣ невольное сознаніе своего мучительнаго положенія, угомонить въ себѣ невольное ожиданіе еще худшихъ послѣдствій отъ всѣхъ неправедныхъ дѣлъ, совершенныхъ имъ. Но если

можно заглушить такое сознаніе хотя на время сномъ, пьянствомъ, разгуломъ, обманнымъ самооправданіемъ, то нельзя отвратить рокового и неизбѣжнаго развитія одного злого проступка изъ другого, нельзя отвратить ничѣмъ, кромѣ раскаянія передъ людьми и Богомъ и принятія за нихъ праведной кары.

Въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ драмы съ ужасающей наглядностью художникъ развиваетъ эту простую старую, но вѣчно юную и вѣчно поучительную, истину. Четвертое дѣйствіе по своему внѣшнему содержанію самое ужасное. Въ этомъ дѣйствіи происходитъ убійство ребенка и притомъ съ такими жестокими и варварскими подробностями, какія развѣ можно встрѣтить только въ шекспировскихъ пьесахъ (напримѣръ, въ родѣ вырыванія глазъ Глостеру въ «Королѣ Лирѣ»). За упомянутыя жестокія подробности этого дѣйствія многіе упрекаютъ гр. Толстого и вообще выражаютъ сомнѣнія въ необходимости введенія въ драму убійства младенца. Съ этими упреками и сомнѣніями едва ли можно согласиться. Конечно, авторъ обставилъ убійство ребенка черезчуръ жестоко: можно было бы умѣрить кой-что въ реализмѣ этой сцены. Но противъ допущенія въ драму самаго мотива нельзя привести серьезныхъ доводовъ. Мотивъ этотъ даже и не новъ въ нѣкоторомъ отношеніи. Есть пьеса изъ простонароднаго же быта, гдѣ также убиваютъ ребенка (за сценой) и, пожалуй, не менѣе варварски: это «Горь-

кая судьбина» Писемскаго. Вѣдь выносятъ же нервы современныхъ зрителей эту сцену; почему же не вынесутъ они подобную же сцену въ драмѣ графа Толстого, какъ это говорятъ съ упрекомъ художнику слишкомъ щепетильные цѣнители и судьи. Порицать жестокость драматическаго мотива, утверждать его ненужность можно было бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы этотъ мотивъ не вытекалъ изъ условій дѣйствія и былъ чуждъ нравамъ и быту той среды, которая изображается. Но вѣдь ничего подобнаго нельзя сказать въ данномъ случаѣ. Это убійство ребенка вовсе не притянуто за волосы для мелодраматическаго эффекта: оно вполнѣ мотивировано въ пьесѣ. Что касается до его бытовой правдоподобности, то стоитъ заглянуть въ уголовную хронику крестьянской жизни, чтобы отыскать тамъ сколько угодно примѣровъ подобнаго рода преступленій. Къ слову замѣтимъ, вѣдь и вся внѣшняя основа драмы «Власть тьмы» заимствована авторомъ, кажется, изъ настоящаго судебнаго дѣла, а не выдумана. Художнику принадлежитъ только внутреннее освѣщеніе смысла реальныхъ событій и характеровъ, а не фабула. Гр. Толстой въ этомъ случаѣ, быть можетъ, безсознательно шелъ по слѣдамъ Шекспира: изъ готоваго, грубаго матеріала онъ выработалъ глубокую по внутреннему значенію и поучительную человѣческую драму.

Какъ бы тамъ ни было, даже и признавъ нѣкоторую справедливость упрека въ рѣзкости и же-

стокости указаннаго драматическаго мотива четвертаго дѣйствія, нельзя не изумляться художественной выразительности многихъ отдѣльныхъ эпизодовъ въ этомъ дѣйствіи. Сцена, въ которой Анисья съ дикой злобой заставляетъ мужа принять дѣятельное участіе въ убійствѣ его собственнаго ребенка отъ своей соперницы, одна изъ самыхъ выразительныхъ. Въ этой женщинѣ, которую Никита топталъ ногами, которая «ослабла» совсѣмъ отъ его «измывательства», которая его боялась, вдругъ просыпается энергія и сила: она чувствуетъ, что, втянувъ въ это новое преступленіе мужа, можетъ взять надъ нимъ власть и притомъ избавиться отъ ненавистной соперницы. Останется живъ ребенокъ, пойдетъ молва, просватанная Акулина лишится возможности выйти замужъ и каторга положенія Анисьи не только не перемѣнится, но усилится еще. Напротивъ: изведетъ ребенка Никита — и онъ въ ея рукахъ. Съ рѣшимостью приступаетъ она къ Никитѣ, побуждая его на новое злодѣйство, и когда мужъ, ужасаясь этого злодѣйства, видимо пасуетъ передъ ней, она издѣвается надъ нимъ. «На пакости-то лакомъ, а на раздѣлку-то слабъ, вижу», злорадно говоритъ Анисья. — «Да вы бы такъ какъ нибудь», старается увернуться Никита. — «Такъ какъ нибудь, — дразнитъ Анисья: — нельзя, видно, такъ-то. А ты бы загодя думалъ». Когда же струсившій и потерявшійся Никита не хочетъ исполнять того, что, по мнѣнію и его жены, и его матери,

онъ обязанъ сдѣлать, не хочетъ закопать новорожденнаго, Анисья приходитъ въ бѣшенство. «Не хочетъ!—кричитъ она.—А въ острогѣ вшей кормить хочетъ?!.. Сейчасъ пойду, все урядику скажу. Пропадать заодно. Сейчасъ все скажу!»

НИКИТА (оторопѣвши).

Что скажешь-то?

АНИСЬЯ.

Что? Все скажу! Деньги кто взялъ? Ты! (Никита молчитъ) А яду кто давалъ? Я давала! Да ты зналъ, зналъ, зналъ! Съ тобой въ согласіи была!

МАТРЕНА.

Да будетъ. Ты, Микишка, что костришься? Ну, что-жъ дѣлать? Потрудиться надо. Иди, ягодка.

АНИСЬЯ.

Ишь ты, чистякъ какой! Не хочетъ! Надругался ты надо мной, да будетъ. Поѣздилъ ты на мнѣ, да и мой чередъ пришелъ. Иди говорю, а то я тò сдѣлаю!.. Нà скребку-то, нà! Иди!

НИКИТА.

Да ну-же, что пристала? (Беретъ скребку, но жмется). Не захочу, не пойду.

АНИСЬЯ.

Не пойдешь? (Начинаетъ кричать). Народъ! Э-э!

МАТРЕНА (закрываетъ ей ротъ).

Что ты! Очумѣла! Онъ пойдетъ... Иди, сынокъ, иди роженый.

АНИСЬЯ.

Сейчасъ караулъ закричу.

НИКИТА.

Да будетъ! Эхъ, народъ этотъ. Да вы живѣй, что ли. Ужъ заодно. (Идетъ къ погребу).

МАТРЕНА.

Да ужъ дѣло такое, ягодка, умѣй гулять, умѣй и концы хоронить.

АНИСЬЯ (все въ волненіи).

Измывался онъ надо мной съ висюгой своей! Да будетъ! Пусть не я одна. Пусть-ка и онъ душегубецъ будетъ. Узнаетъ каково.

МАТРЕНА.

Ну, ну, распалилась. А ты, дѣвушка, не серчай, а потихоньку, да помаленьку, какъ получше. Иди къ дѣвкѣ-то. Онъ потрудится. (Идетъ за нимъ съ фонаремъ. Никита влѣзаетъ въ погребъ).

АНИСЬЯ.

Ему и задушить велю отродье свое поганое. (Все въ волненіи). Измучилась я одна Петровы кости-то дергаючи. Пускай и онъ узнаетъ. Не пожалѣю себя; сказала не пожалѣю.

Варіантъ сцены убійства, приложенный къ четвертому дѣйствію, въ чтеніи превосходенъ. Это одна изъ самыхъ поэтическихъ картинъ изъ крестьянскаго быта даже у гр. Толстого. Лицо отставного солдата Митрича выступаетъ тутъ необыкновенно рельефно, точно такъ же какъ и лицо дѣвочки Анютки. Мотивъ сцены чрезвычайно оригиналенъ: дѣвочка, которая все знаетъ, все замѣчаетъ и принимаетъ невольное пассивное участіе въ событіяхъ, кругомъ нея совершающихся, ночью не можетъ заснуть отъ тайнаго страха, ее обуявшаго. Она слышитъ, что дѣлается за стѣною—а тамъ дѣлается ужасное дѣло убійства незаконнаго ребенка — и въ страхѣ и тоскѣ выражаетъ старому «дѣдушкѣ» и свои сомнѣнія, и свою боязнь, и свою тоску. И въ отвѣтъ дѣтской тревогѣ зву-

чатъ добродушныя, успокоительныя рѣчи Митрича, который на своемъ долгомъ вѣку видѣлъ столько грѣха и зла... Какъ чудесно схвачены торопливая душевная тревога чуткаго ребенка, страхъ, доходящій до наивнаго желанія смерти. Тутъ что ни черта — то психическая тонкость, постигнутая и выраженная съ геніальнымъ проникновеніемъ. Я не стану приводить въ цѣломъ эту безподобную сцену, но не могу воздержаться, чтобы не привести заключительныхъ страницъ:

АНЮТКА.

А вотъ, дѣдушка, тоже батя, я помню, какъ помиралъ. Ты еще не жилъ у насъ. Такъ онъ позвалъ Микиту, да и говоритъ: прости меня, говоритъ, Микита... а самъ заплакалъ. (Вздыхаетъ). Тоже, какъ жалостно.

МИТРИЧЪ.

А вотъ то-то и оно-то...

АНЮТКА.

Дѣдушка, а дѣдушка. Вотъ опять шумятъ чтой-то въ погребѣ. Ай, матушки, сестрицы-голубушки. Охъ, дѣдушка, сдѣлаютъ они что надъ нимъ. Загубятъ онѣ его. Махонькій вѣдь онъ. — О, о! (Закрывается съ головой и плачетъ).

МИТРИЧЪ (прислушивается).

И впрямь что-то пакостятъ, дуй ихъ горой. А пакостницы же бабы эти. Мужиковъ похвалить нельзя, а ужъ бабъ... Эти, какъ звѣри лѣсные. Ничего не боятся.

АНЮТКА (поднимается).

Дѣдушка, а дѣдушка!

МИТРИЧЪ.

Ну, чего еще?

АНЮТКА.

Намедни прохожій ночевалъ — сказывалъ, что младенецъ помретъ — его душка прямо на небо пойдетъ. Правда это?

МИТРИЧЪ.

Кто е знаетъ. Должно такъ. А что?

АНЮТКА.

Да хоть бы и я померла. (Хнычетъ).

МИТРИЧЪ.

Помрешь, изъ счета вонъ.

АНЮТКА.

До десяти годовъ все младенецъ, душа къ Богу, може, еще пойдетъ, а то вѣдь изгадишься.

МИТРИЧЪ.

Еще какъ изгадишься-то. Вашей сестрѣ какъ не изгадиться? Кто васъ учитъ? Чего ты увидишь? Чего услышишь? Только гнусность одну. Я хоть немного ученъ. А кое-что да знаю, не твердо, а все не какъ деревенская баба. Деревенская баба что? Слякоть одна. Вашей сестры въ Россіи большіе милліоны, а всѣ какъ кроты слѣпые, — ничего не знаете. Какъ коровью смерть опахивать, привороты всякіе, да какъ подъ насѣстъ ребятъ носить къ курамъ — это знаютъ.

АНЮТКА.

Мамушка и то носила.

МИТРИЧЪ.

А то-то и оно-то. Милліоновъ васъ сколько бабъ, да дѣвокъ, а всѣ какъ звѣри лѣсные. Какъ выросла, такъ и помретъ. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужикъ, тотъ хоть въ кабакѣ, а то и въ замкѣ, случаемъ, али въ солдатствѣ, какъ я, узнаетъ кое-что. А баба что? Она не то, что про Бога, она и про пятницу-то не знаетъ толкомъ какая такая? Пятница, пятница, а спроси какая — она и не знаетъ. Такъ, какъ щенята слѣпые ползаютъ, головами въ навозъ тычатся... Только и знаютъ пѣсни свои дурацкія: го-го, го-го... А что го-го? — сами не знаютъ...

АНЮТКА.

А я, дѣдушка, Вотчу до половины знаю.

МИТРИЧЪ.

Знаешь ты много! Да и спросить съ васъ тоже нельзя. Кто васъ учитъ? Только пьяный мужикъ поучитъ когда возжами. Только и ученья. Ужъ и не знаю кто за васъ отвѣчать будетъ. За рекрутовъ, такъ съ дядьки или съ старшаго спросятъ. А за вашу сестру и спросить не съ кого. Такъ, безпастушная скотина озорная самая, бабы эти—самое глупое ваше сословіе. Пустое самое ваше сословіе.

АНЮТКА.

А какъ же быть-то?

МИТРИЧЪ.

А такъ и быть... Завернись съ головой и спи. О, Господи! (Молчаніе—сверчокъ).

АНЮТКА (вскакиваетъ).

Дѣдушка! кричитъ кто-то, не путемъ кто-то! Ей-Богу, право, кричитъ. Дѣдушка, милый, сюда идетъ.

МИТРИЧЪ.

Говорю, съ головой укройся.

Затѣмъ, Анютка узнаетъ изъ разговора Никиты и Матрены, что ребенка дѣйствительно убили.

АНЮТКА.

Дѣдушка, милый, голубчикъ, задушили они его!

МИТРИЧЪ (сердито).

Спи, говорю. Ахъ ты, лягай тебя лягушки. Вотъ я тебя вѣникомъ. Спи, говорю.

АНЮТКА.

Дѣдушка, золотой. Хватаетъ меня ктой-то за плечушки, хватаетъ ктой-то, лапами хватаетъ. Дѣдушка милый, однова дыхнуть, пойду сейчасъ. Дѣдушка, золотой, пусти ты меня на печь! Пусти ты меня ради Христа... Хватаетъ... хватаетъ... А-а! (Бѣжитъ къ печкѣ).

МИТРИЧЪ.

Ишь натращали дѣвченку какъ, — то-то пакостницы, лягай ихъ лягушки. Ну, пролѣзай, что-ль.

АНЮТКА (лѣзетъ на печь).

Да ты не уходи.

МИТРИЧЪ.

Куда я пойду? Лѣзь, лѣзь! О, Господи, Микола угодникъ! Матерь пресвятая Богородица Казанская... Натращали дѣвченку какъ. (Прикрываетъ ее). То-то дурочка, право дурочка... Натращали, право, паскудницы, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ.

Повторяю: въ чтенiи эта сцена производитъ потрясающее впечатлѣнiе. Какъ она выйдетъ на театрѣ — угадать трудно. Но можно предполагать, однако, что выйдетъ слабѣе, чѣмъ въ чтенiи. И вотъ почему: во-первыхъ, дiалогъ Митрича и Анютки слишкомъ длиненъ, затянутъ; во-вторыхъ: гдѣ найти актрису надлежащую для исполненiя роли дѣвочки? Роль эта требуетъ не только таланта, но самаго тщательнаго изученiя и пониманiя. Между тѣмъ, по возрасту Анютки роль придется дать неопытной воспитанницѣ...

Въ пятомъ дѣйствiи развязка всей драмы, конечно, условная: раскаянiе Никиты. Условность развязки, однако, не завлекла художника въ ту рутинную сочиненность, которую обыкновенно обнаруживаютъ драматурги съ среднимъ талантомъ. Гр. Толстой справился съ своей задачей мастерски до конца; въ его пьесѣ все идетъ естественно и просто, мораль пьесы вытекаетъ свободно изъ всего предыдущаго дѣйствiя. Торжество нравственнаго начала прекрасно выражено восторгомъ Акима, который, слыша искреннее раскаянiе сына въ его грѣхахъ и преступленiяхъ, не унываетъ,

не поникаетъ духомъ отъ этого удара, но радуется, что «божье дѣло» совершилось, что его сынъ спасенъ отъ гибели покаяніемъ. Акимъ поощряетъ Никиту: «Говори, дитятко, все говори, — легче будетъ. Кайся Богу, не бойся людей. Богъ-то, Богъ-то! Онъ во!» И отецъ въ умиленіи обнимаетъ раскаявшагося сына и сулитъ ему прощеніе: «Богъ проститъ, дитятко родимое. Себя не пожалѣлъ, Онъ тебя пожалѣетъ, Богъ-то, Богъ-то! Онъ во!» Это трогательный христіанскій восторгъ, это радостныя слова: «Богъ-то! Богъ-то! Онъ во!», т. е. Онъ проявилъ себя, Онъ разбудилъ добро въ заблудшей душѣ раскаяніемъ, — эти слова несравненны по силѣ выраженія и глубокому значенію. Не смотря на грубую простоту и краткость этихъ словъ, въ нихъ звучитъ великая душа, душа народа, постигнутая великою душою геніальнаго художника.

Такова драма гр. Толстого. Ея художественныя достоинства какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ неоспоримы. Въ ряду шедевровъ русской драматической литературы она, безъ сомнѣнія, займетъ очень скоро подобающее ей видное мѣсто. Кромѣ безусловныхъ внутреннихъ достоинствъ новаго созданія автора «Войны и мира», оно имѣетъ еще и другое значеніе: пьеса «Власть тьмы» показала наглядно,—Богъ знаетъ въ который разъ,—что для геніальнаго писателя не существуетъ ограниченной области творчества: онъ можетъ первенствовать во всѣхъ родахъ. Гр. Тол-

стой никогда не былъ драматургомъ, онъ сдѣлалъ опытъ въ новомъ для него родѣ уже на склонѣ лѣтъ и вотъ этотъ опытъ выходитъ поразительнымъ, превосходнымъ. Но такъ какъ и въ солнцѣ есть пятна, то и въ новомъ созданіи геніальнаго писателя есть недочеты. Первый и самый важный недостатокъ пьесы съ точки зрѣнія условной рутины драматическихъ произведеній—это ничтожество характера главнаго ея героя Никиты. Вѣдь смыслъ драмы заключается въ нравственномъ паденіи этого героя передъ силою зла, передъ «властію тьмы» и затѣмъ въ его раскаяніи. По установленной драматической теоріи, паденіе должно совершаться при непремѣнномъ условіи борьбы: только тогда герой можетъ возбудить участіе въ зрителяхъ. Въ героѣ пьесы гр. Толстого мы не видимъ никакой борьбы, да ея и не можетъ быть, такъ какъ личность Никиты принадлежитъ къ категоріи совершенно ничтожныхъ: у него тряпичный, то что называется бабій, характеръ и даже темпераментъ отчасти бабій, податливый, похотливый, но лишенный глубокой и сильной страстности. Картина нравственнаго паденія Никиты, изображенная художникомъ — превосходна, и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ; но она много теряетъ въ впечатлѣніи и интересѣ отъ душевнаго ничтожества Никиты. «Власть тьмы» опутываетъ легко этого «бабника» и посредствомъ бабьихъ рукъ сталкиваетъ его въ омутъ преступленій почти безъ всякаго противодѣйствія съ его стороны. Заклю-

чительный аккордъ драмы — раскаяніе Никиты вытекаетъ очень естественно: раскаяніе и сожалѣніе, какъ справедливо сказалъ одинъ изъ истинныхъ нашихъ поэтовъ, составляютъ принадлежность «слабыхъ душъ». Но именно вслѣдствіе того, что передъ зрителями терзается раскаяніемъ слабая душа, упавшая въ бездну порока и преступленій почти безъ всякой борьбы, упомянутый заключительный аккордъ пьесы теряетъ свою выразительность: герой драмы не возбуждаетъ сострадания ни за свое паденіе, ни своимъ раскаяніемъ.

Не менѣе существенна другая ошибка драмы: главное орудіе паденія Никиты, главная дѣятельница «власти тьмы», мать Никиты, Матрена, поставлена въ пьесѣ недостаточно опредѣленно и ясно. Она руководитъ всѣми преступленіями, ея руками «власть тьмы» раскидываетъ свои темныя путы надъ душой Анисьи и Никиты; но она является въ пьесѣ именно какъ бы какимъ-то бездушнымъ орудіемъ, какъ бы какой-то стороннею исполнительницей силы зла. Такая сторонняя роль Матрены проведена до конца. Всѣ, кто такъ или иначе повиненъ въ драмѣ нравственною виной, наказываются передъ зрителями по мѣрѣ своей вины; а главную злодѣйку авторъ оставляетъ безъ всякаго внутренняго возмездія. Положимъ, признаніе Никиты въ преступленіяхъ неизбѣжно поведетъ за собой уголовную кару Матрены, какъ главной подстрекательницы и пособницы: для зри-

теля это ясно. Но вѣдь уголовная кара — это дѣло постороннее драмѣ, дѣло формальное. А гдѣ же душевная кара Матрены, этой крестьянской лэди Макбетъ? Этой душевной кары, именно подлежащей вѣдѣнію суда художника-драматурга, мы и не видимъ въ пьесѣ. Матрена въ самые ужасные моменты своихъ преступныхъ дѣяній, въ самые ужасные моменты нравственныхъ терзаній остальныхъ дѣйствующихъ лицъ остается почти безстрастною, какъ настоящее орудіе какой-то посторонней, фаталистической силы, орудіе, послушно и холодно выполняющее свое назначеніе. И авторъ столь страннымъ отношеніемъ къ этому лицу какъ будто утверждаетъ зрителя въ такомъ значеніи Матрены: онъ оставляетъ ея злыя дѣянія безъ видимаго возмездія.

Можно бы указать и еще нѣсколько уже не общихъ, но частныхъ недостатковъ пьесы. Но этого не стоитъ дѣлать въ виду ея великихъ и существенныхъ достоинствъ. Мелкіе недостатки присущи самымъ великимъ произведеніямъ и авторамъ, особенно въ драматической области: и у Шекспира критическіе крохоборы могутъ выискать сколько угодно мелкихъ недостатковъ. Оставляя выискиваніе подобныхъ недостатковъ упомянутымъ критическимъ крохоборамъ, слѣдуетъ желать только одного: новыхъ сценическихъ созданій гр. Толстого, столь же оригинальныхъ и сильныхъ, какъ «Власть тьмы». Для нашего театра, захирѣвшаго въ послѣднее время отъ изобилія дряб-

лыхъ плодовъ драматической посредственности и рутины, необходимо экстренное оживленіе. Геній автора «Войны и мира» можетъ въ этомъ случаѣ оказать великую услугу: онъ выведетъ на новый путь сценическіе таланты и дастъ толчекъ къ пробужденію истиннаго художественнаго вкуса публики, онъ заставитъ драматическую рутину и посредственность, которыя теперь такъ гордо развѣваютъ свой изношенный стягъ, сойти со сцены въ буквальномъ значеніи этого выраженія. Появленіе «Власти тьмы» на сценѣ и ея успѣхъ, по моему, должны имѣть значеніе *событія* для современнаго русскаго театра; и дай Богъ, чтобы вслѣдъ за этимъ произведеніемъ гр. Толстой далъ и еще другія пьесы, столь же оригинальныя, сильныя и свѣжія по замыслу и по концепціи...

ЖУРНАЛЬНЫЙ ПОХОДЪ ПРОТИВЪ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО.

I.

Тревоги «вѣстниковъ Европы» за отступничество гр. Толстого отъ европейскаго прогресса. — Несостоятельная параллель между гр. Толстымъ и Тургеневымъ. — Разсказъ «Смерть Ивана Ильича».

I.

Въ нашей журналистикѣ за послѣднее время появляются нерѣдко статьи и статейки о гр. Л. Н. Толстомъ и по поводу его «ученія», изложеннаго въ извѣстной, хотя и скрываемой подъ спудомъ, «Исповѣди» и другихъ сочиненіяхъ, аналогическихъ съ «Исповѣдью». Разные юные и почтенные литераторы наѣзжаютъ къ знаменитому романисту, сдѣлавшемуся теперь чѣмъ-то въ родѣ «учителя» и повѣствуютъ о томъ, какъ онъ живетъ, или подъ видомъ бесѣды съ нимъ излагаютъ «содержаніе» его «запрещенныхъ» произведеній. Дру-

гіе литераторы, свѣтскіе и духовные, полемизируютъ съ авторомъ «Исповѣди», причемъ приводятъ изъ нея и изъ прочихъ «запретныхъ» статей отрывки. Третьи пристегиваютъ собственную чепуху будто бы къ идеямъ Толстого, а на самомъ дѣлѣ просто спекулируютъ ловкимъ гешефтомъ на счетъ извѣстнаго имени. Однимъ словомъ, въ журналистикѣ происходитъ маленькая журнальная оргія по поводу очень большого писателя, его религіозно-нравственныхъ взглядовъ и даже его личнаго поведенія съ тѣхъ поръ, какъ онъ промѣнялъ перо романиста на перо «учителя». Начинаютъ мало-по-малу проблескивать и нѣкоторыя выходочки противъ автора «Исповѣди» за его «измѣну» прогрессу и единой спасающей «истинной европейской» наукѣ. Разумѣется, выходочки идутъ отъ нашихъ выдохшихся и вывѣтрившихся въ конецъ доктринеровъ либерализма. Какой нибудь г. Скабичевскій, сѣявшій когда-то рецензентскую труху въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и теперь начавшій ее сѣять съ прежнимъ рвеніемъ въ еврейскомъ органѣ г. Нотовича, уже раза два-три пытался пригласить россіянъ пренебречь идеями и взглядами Толстого, ибо эти взгляды и идеи не соотвѣтствуютъ либерализму, фабрикуемому г. Скабичевскимъ и «ужасно умнымъ» г. Нотовичемъ. Начинаютъ и другіе сѣятели журнально-либеральной трухи понемножку возставать противъ «ученія» гр. Толстого, понемножку, ради либеральныхъ соображеній и пользъ, передергивать его идеи, фа-

бриковать рутинныя опроверженія мнимыхъ несообразностей и непослѣдовательностей, искусно подтасовываемыхъ и сочиняемыхъ самими сѣятелями либеральной трухи. Такъ, напримѣръ, въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы» находимъ подобнаго рода опроверженія, замаскированныя яко бы почтительно безпристрастною критикою философіи автора «Исповѣди», на самомъ дѣлѣ имѣющія въ виду указанія непрогрессивности его морали и косвенное зачисленіе его въ ряды отсталыхъ ретроградовъ, забывающихъ завѣты либеральной политики и науки, той политики и науки, которыя, по мнѣнію доктринеровъ либерализма, дѣлаются въ Европѣ, подобно тому, какъ по мнѣнію Аксентія Ивановича Поприщина, луна дѣлалась въ Гамбургѣ.

II.

Заподозрѣваніе гр. Толстого въ предосудительномъ отступничествѣ отъ прогресса производится «Вѣстникомъ Европы» по всѣмъ правиламъ и традиціямъ, унаслѣдованнымъ отъ временъ древнихъ благовѣстителей прогресса на Руси. Статья такъ прямо съ этого и начинается—съ указанія на отступничество графа отъ прогресса; а заканчивается статья намеками на то, что только въ западноевропейской наукѣ должно искать настоящихъ истолкователей нравственно-религіозныхъ вопросовъ, Толстой же по этой части куда плохъ: пу-

тается въ сѣтяхъ схоластики, говоритъ вздоръ и противорѣчитъ себѣ. Вся статья выдержана немного въ ироническомъ тонѣ, хотя тонъ этотъ тщательно скрывается подъ личиною вѣжливости и почтительности. Сначала разсказывается, какъ авторъ «Исповѣди» дошелъ, по его признаніямъ, до потери вѣры въ прогрессъ и тутъ же Толстой ловко сопоставляется съ Тургеневымъ, который будто бы тоже подвергался такому же искушенію, но всетаки остался вѣрнымъ любовникомъ спасительнаго европейскаго прогресса. «Графъ Толстой»,—такъ дѣлаетъ первый свой «подходъ» авторъ статьи «Вѣстника»,—съ необычайною искренностью объясняетъ весь ходъ мыслей и чувствъ, приведшій его къ настоящимъ воззрѣніямъ. Общепринятая вѣра въ прогрессъ не долго держалась въ немъ; онъ убѣдился, что это только суевѣріе, которымъ люди заслоняютъ отъ себя непониманіе жизни. «Такъ,—разсказываетъ онъ,—въ бытность мою въ Парижѣ, гильотина обличила мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ, что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка и что еслибы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно, и что потому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣ-

лаютъ люди и не прогрессъ, а я съ своимъ сердцемъ». Приводя эти слова гр. Толстого, авторъ статьи «Вѣстника» спѣшитъ прибавить: «извѣстно, что почти то же самое чувствовалъ и Тургеневъ при казни Тропмана; но онъ не дѣлалъ вывода о прогрессѣ по поводу такого факта, который издавна осуждается и все болѣе ограничивается лучшими прогрессивными элементами человѣчества». Какимъ образомъ смертная казнь «ограничивается лучшими прогрессивными элементами человѣчества» — предоставимъ разумѣніе сего автору; но ради чего тутъ пристегнутъ Тургеневъ? Прежде всего, кому это «извѣстно», что Тургеневъ въ своей статьѣ чувствовалъ при казни гильотиною то же самое, что гр. Толстой. Въ прекрасно написанной статьѣ о казни Тропмана, Тургеневъ больше всего заботится о выясненіи читателямъ, какъ онъ, зритель казни, знаменитый писатель Ив. С. Тургеневъ, былъ интересенъ, какъ онъ страдалъ и мучился тонкими гуманными ощущеніями и какъ, несмотря на свои гуманныя страданія, подмѣтилъ всякія подробности, даже звукъ спускающагося на голову ножа гильотины художественнымъ сравненіемъ опредѣлилъ. Въ заключеніе же отчета объ интересности своихъ ощущеній, Тургеневъ прибавляетъ нѣсколько казенныхъ фразъ о томъ, что публичная смертная казнь совсѣмъ не то впечатлѣніе производитъ, на какое она разсчитана, что ее слѣдуетъ отмѣнить, какъ объ этомъ уже давно говорятъ разные прогрессивные писа-

тели. Вотъ и все. Разница въ впечатлѣніи Тургенева и Толстого отъ гнуснаго факта гильотинированія очевидна такъ же, какъ и разница двухъ натуръ этихъ писателей. Тургеневъ былъ натурой женственной, т. е. нервной и неглубокой. Увидавъ гильотинированіе, онъ понервничалъ, пококетничалъ самъ съ собою и съ читателями по поводу ужасныхъ и отвратительныхъ ощущеній, закрылъ глаза, какъ женщина, въ минуту отдѣленія ножемъ головы отъ тѣла и затѣмъ успокоился на самомъ обычномъ разсужденіи, на одномъ изъ общихъ мѣстъ всѣхъ поклонниковъ доктринерской теоріи: это-де непріятная частность, которая нисколько не относится къ общему торжественному ходу прогресса. И вотъ именно эту-то женскую логику и поверхностность впечатлѣнія Тургенева ставятъ въ примѣръ гр. Толстому: вотъ, дескать, какъ настоящіе-то европейскіе люди, обладавшіе, по ихъ собственному заявленію, «истиннымъ знаніемъ» — вотъ какъ они относились къ такимъ вещамъ, которыя автора «Исповѣди» потрясли до глубины души, до потери вѣры въ общепринятыя прогрессивныя теоріи морали и заставили признать въ этой морали ложь.

III.

Сопоставленіе Тургенева въ видѣ упрека гр. Толстому не ограничивается только приведеннымъ примѣромъ. Немного далѣе опять подставляется Тур-

геневъ какъ образецъ для автора «Исповѣди». Вся пессимистическая философія гр. Толстого, по мнѣнію автора, происходитъ отъ того, что онъ на склонѣ своихъ дней началъ, подобно Тургеневу, ощущать боязнь смерти. «Тургеневъ, «совершившій въ предѣлахъ земныхъ все земное» (ужъ будто бы все?) не отрывалъ глазъ отъ бездны въ послѣдніе годы своей жизни; онъ чувствовалъ, что «холодокъ вѣетъ отъ могилы» и призракъ смерти рисовался ему съ мучительной ясностью, облекаясь въ привычные поэтическіе образы. То же самое случилось съ Л. Н. Толстымъ... Разница между обоими только въ одномъ: первый не строилъ на своемъ чувствѣ никакой общей теоріи, а второй занялся лихорадочнымъ исканіемъ выхода и созданіемъ цѣлаго ученія о системѣ жизни». Да, разница только въ этомъ одномъ, но это громадная разница и никакъ нельзя говорить, что съ Тургеневымъ случилось «то же самое». Тургеневъ въ поздній періодъ своей жизни дѣйствительно боялся «холодка могилы» и эта боязнь порождала у него жалобы, похожія, по правдѣ сказать, на обычное нытье всѣхъ престарѣлыхъ романтиковъ, нытье, которое могло бы быть въ сущности забавнымъ, еслибы оно не окрашивалось поэтическимъ колоритомъ. Мнимо-пессимистическія сокрушенія тургеневскаго художника, въ извѣстномъ лирическомъ отрывкѣ «Довольно», или причитанія его: ахъ! смерть неизбѣжна, ахъ! она близка, ахъ! мы всѣ

должны умереть, въ прозаическихъ стихотвореніяхъ, вызваны далеко не «тѣмъ же самымъ», чѣмъ вызвана «Исповѣдь» гр. Толстого. Всѣ тургеневскія разочарованія въ жизни и ея благахъ похожи на сантиментальныя сѣтованія старой дѣвицы, тоскующей о томъ, что «не сбылись пророчества пылкой юности ея». Отъ такихъ романтическихъ разочарованій и сокрушеній, знакомыхъ всѣмъ «чувствительнымъ сердцамъ», не совершаются душевные перевороты. Такія разочарованія и сокрушенія не потрясаютъ глубоко человѣка и представляютъ родъ нѣкоторой усладительной меланхоліи. Эта меланхолія въ старости, при хорошей обезпеченности, даже наполняетъ жизнь и скорѣй примиряетъ съ общимъ жизненнымъ строемъ, чѣмъ возбуждаетъ противъ него. Понятно, что, услаждаясь этого рода разочарованіемъ, Тургеневъ не ощущалъ никакой потребности искать выхода изъ своей пріятной меланхоліи въ переформированіи всѣхъ своихъ моральныхъ воззрѣній, въ созданіи цѣлаго ученія для религіозно-нравственнаго руководства и себѣ самому, и другимъ. «Холодокъ могилы», вѣявшій на Тургенева, былъ, конечно, для него непріятенъ и заставлялъ его иногда нервно вздрагивать, какъ заставляетъ вздрагивать всѣхъ, кто идетъ уже не на гору, а подъ гору своей жизни. Но этотъ холодокъ для нашего нервнаго, женственнаго художника въ значительной степени умѣрялся тепломъ, вѣявшимъ на него отъ разныхъ сантиментовъ, въ которые онъ вѣрилъ: отъ кра-

соты, природы, всякихъ сладостныхъ воспоминаній, пережитыхъ тонкихъ чувствъ и ощущеній и т. п.

IV.

Не таковы были разочарованія гр. Толстого и поэтому не такой результатъ они имѣли у автора «Исповѣди». Гр. Толстой разочаровался не въ эстетическихъ и иныхъ сантиментахъ, какъ Тургеневъ, онъ разочаровался въ *законности* всего того строя жизни, который утверждается и поддерживается современной моралью и современной наукой и это разочарованіе привело его къ отрицанію современной лживой морали и современной лживой науки, къ признанію и выясненію ихъ обмана и, наконецъ, къ утвержденію взамѣнъ ея иной морали, позабытой людьми, искаженной шарлатанами теологіи и шарлатанами мнимаго знанія. Тургеневу съ его причитаніями и сожалѣніями о бренности и суетѣ эстетическихъ и иныхъ сантиментовъ и въ голову не приходили тѣ вопросы, надъ которыми такъ мучительно работала пытливая мысль Толстого и которые онъ такъ рѣзко ставитъ въ своихъ нравственно-религіозныхъ трактатахъ и такъ оригинально и глубоко разрѣшаетъ. Ставить Тургенева образчикомъ гр. Толстому, какъ мыслителю — просто смѣшно. Тургеневъ всю свою жизнь съ удовольствіемъ пробавлялся той ложью мнимой европейской науки и философіи, которую,

какъ большинство «образованныхъ» людей, онъ схватилъ поверхностно; гр. Толстой подвергъ эту ложь самой неумолимой критикѣ, ясно доказывающей, что онъ изучалъ мнимую науку и философію не для одного только пріобрѣтенія лоска «европейской образованности».

Нашимъ доктринерамъ либерализма, которые въ большинствѣ тоже скользятъ по верхамъ современнаго знанія, очень не нравится въ гр. Толстомъ его безпощадная критика «признанныхъ всѣми» теорій и отрицаніе этихъ новыхъ и прогрессивныхъ теорій. Помилуйте, можно ли простить гр. Толстому смѣлость, нѣтъ, не смѣлость, а дерзость хотя бы такихъ сужденій: «я убѣжденъ, что черезъ нѣсколько вѣковъ исторія такъ называемой научной дѣятельности нашихъ прославляемыхъ послѣднихъ вѣковъ европейскаго человѣчества будетъ составлять неистощимый предметъ смѣха и жалости будущихъ поколѣній. Нѣсколько вѣковъ ученые люди западной малой части большого материка находились въ повальномъ съумасшествіи, воображая, что имъ принадлежитъ вѣчная блаженная жизнь, и занимались всякаго рода элукубраціями о томъ, по какимъ законамъ наступитъ для нихъ эта жизнь, сами же ничего не дѣлали и не думали никогда ничего о томъ, какъ сдѣлать эту жизнь лучше». Какъ! говорить такимъ образомъ объ ученыхъ европейскихъ людяхъ! Помилуйте, вѣдь графъ Толстой «нашъ вѣкъ обидѣлъ, ихъ обидя» и ужъ, конечно, обидѣлъ

«вѣстниковъ Европы», въ родѣ гг. Арсеньевыхъ и Стасюлевичей. И вотъ они журятъ дерзкаго русскаго писателя, иронизируютъ надъ его дикими «русскими» идеями и снисходительно ему совѣтуютъ оставаться великимъ художникомъ и не пускаться въ чуждую яко бы ему мыслительную и научную область, ибо онъ тутъ уже никакъ не можетъ сравняться съ привиллегированными адептами настоящаго «европейскаго» патентованнаго знанія. «Гдѣ и когда, — съ хорошо разыграннымъ недоумѣніемъ вопрошаетъ «Вѣстникъ Европы»,— гдѣ и когда господствовало въ наукахъ «повальное съумасшествіе и въ чемъ именно заключалось оно — понять трудно». Недоумѣніе «Вѣстника Европы» хотя и хорошо разыграно, но совершенно излишне: въ статьѣ гр. Толстого «О назначеніи науки и искусства» очень ясно и очень толково указано, гдѣ и когда это съумасшествіе выдавалось и выдается до сихъ поръ за истинное, и притомъ самое новое знаніе. Въ этой статьѣ гр. Толстой на нѣсколькихъ страничкахъ геніально резюмируетъ сущность теорій, считаемыхъ въ наше время за послѣднее слово науки и геніально уясняетъ ихъ основную вздорность. Господамъ вѣстникамъ Европы слѣдуетъ только вникнуть безъ предубѣжденія въ критику гр. Толстого и они, быть можетъ, тогда уразумѣютъ, что онъ такой же геніальный мыслитель, какъ и художникъ и что, во всякомъ случаѣ, среди нашихъ и евро-

пейскихъ цеховыхъ и журнальныхъ ученыхъ, философовъ, соціологовъ онъ возвышается какъ колоссъ среди пигмеевъ...

V.

Все предыдущее было мною уже написано, когда я прочиталъ въ двѣнадцатомъ томѣ сочиненій гр. Толстого послѣдній его разсказъ «Смерть Ивана Ильича». Это «самый значительный и самый ужасный разсказъ» въ нашей литературѣ. Но слѣдуетъ прибавить къ такой общей оцѣнкѣ новаго произведенія еще вотъ что: это самый поучительный изъ всѣхъ разсказовъ, когда либо написанныхъ и самый потрясающій. Въ этомъ новомъ произведеніи гр. Толстой далъ образчикъ такого глубокаго реализма и такой глубокой, неприкрашенной правды, какіе едва ли отыщутся у величайшихъ художниковъ слова. Даже въ прежнихъ произведеніяхъ самого автора «Войны и мира» не отыщете ничего столь правдиваго и простого и вмѣстѣ съ этимъ столь глубокаго по содержанію. Въ этомъ изумительномъ разсказѣ съ страшной сжатостью и силою нарисована цѣлая картина одной изъ самыхъ обыкновенныхъ и въ то же время самыхъ типическихъ человѣческихъ жизней и выставлена вся внутренняя и вся ея обыденная пошлость, пустота, безсмысліе, словомъ, та нравственная ея «незаконность», которая такъ сокрушаетъ нашего художника и которую онъ разъясняетъ съ

такою глубиною и безпощадностью въ своихъ последнихъ сочиненіяхъ. Гр. Толстой, какъ реалистъ, достигаетъ въ «Смерти Ивана Ильича» апогея своего художественнаго творчества. Простота содержанія разсказа равняется только его оригинальности, жизненности и поучительности. Тысячи Ивановъ Ильичей, тысячи обыкновенныхъ людей, читая этотъ простой, мѣстами даже до грубости простой разсказъ, содрогнутся отъ его поученія и задумаются надъ своей жизнью, какъ никогда не задумывались они. Трезвый анализъ художника въ «Смерти Ивана Ильича» исполненъ какой-то почти религіозной суровости: онъ казнитъ жизненную-ложь во имя неумолимой нравственной правды, казнитъ ужасомъ смерти... Но эта казнь производится съ выстраданною сердечной болью и скорбью мыслителя-художника, который глубоко заглянулъ въ бездну вседневнаго зла, опутавшаго человѣческую жизнь, и желаетъ, чтобы и другіе люди заглянули въ эту бездну и ужаснулись за свою душу...

Внѣшнее содержаніе разсказа геніально и просто и обыденно до послѣдней степени. Жилъ-былъ самый обыкновенный, самый «средній» человѣкъ, чиновникъ Иванъ Ильичъ. Жизнь Ивана Ильича сложилась и шла какъ жизнь многихъ: въ дѣтствѣ и молодости онъ извѣдалъ самыя общепринятыя горести, радости и наслажденія, выучился чему слѣдуетъ, поступилъ на службу, служилъ «какъ надо, какъ извѣстно», въ мѣру волновался

служебнымъ самолюбіемъ, и къ сорока пяти годамъ достигъ солиднаго положенія, обзавелся женой, дѣтьми, устроился съ извѣстнымъ среднимъ комфортомъ и благосостояніемъ. И вдругъ, отъ ничтожной, случайной причины — отъ ушиба, который онъ получилъ при отдѣлкѣ своей квартиры, вмѣшавшись лично въ работу обойщика, Иванъ Ильичъ заболѣлъ. Эта болѣзнь начала медленно и постепенно развиваться и свела Ивана Ильича въ могилу. Изображеніе постепеннаго умиранія, во время котораго Иванъ Ильичъ приходитъ неизбѣжно къ сознанію ничтожества и нравственной незаконности его приличнаго во всѣхъ отношеніяхъ существованія, составляетъ существеннѣйшую часть разсказа. Съ какимъ поистинѣ страшнымъ своею правдою искусствомъ обработана изложенная, нехитрая, повидимому, тема — этого нѣтъ возможности передать, это надобно прослѣдить въ самомъ разсказѣ. Страница за страницей геніальный художникъ раскрываетъ передъ нами мучительную, предсмертную казнь, посланную человѣку, жившему такою жизнью, какою живемъ всѣ мы, обыкновенные люди. Никакія мелодраматическія терзанія преступниковъ, въ родѣ, напримѣръ, терзаній героя В. Гюго въ «Послѣднемъ днѣ осужденнаго», не произведутъ на васъ впечатлѣнія, столь потрясающаго и столь скорбно-поучительнаго, какъ эти простыя, грубыя, самыя будничныя подробности умиранія обыкновеннаго человѣка, подробности, воспроизведенныя художни-

комъ·реалистомъ съ правдивостью поистинѣ изумительной. Послѣдняя глава разсказа, изображающая муки наступающей агоніи, затѣмъ просвѣтленіе на краткій мигъ и освобожденіе отъ гнета смерти — это такія захватывающія душу страницы, какихъ не отыщете ни въ одной литературѣ... Сердобольные либералы, напѣвавшіе графу Толстому о необходимости вернуться съ пути теоретическаго мыслителя на путь художника и при этомъ выражавшіе опасенія и сожалѣнія, что онъ истощаетъ свой талантъ несоотвѣтствующими ему работами, могутъ теперь успокоиться: разсказъ о смерти Ивана Ильича показываетъ, что художественное творчество гр. Толстого, если только это возможно, выросло еще больше и стало, такъ сказать, сконцентрированнѣе. Не безъ основанія можно предположить, что этотъ ростъ великаго дарованія и сконцентрированность творчества въ значительной степени обусловливаются глубокими «теоретическими» исканіями правды, которымъ знаменитый писатель въ послѣдніе годы отдалъ такъ много труда.

II.

Протесты современной лживой посредственности противъ духа правды послѣднихъ произведеній гр. Толстого.—Какую науку и какое искусство отрицаетъ гр. Толстой и какія требованія онъ предъявляетъ для истинной науки и истиннаго искусства.

I.

Я опять возвращаюсь къ гр. Л. Н. Толстому и послѣднему тому его сочиненій. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ томъ въ данную минуту составляетъ настоящее литературное событіе. Кромѣ новой повѣсти «Смерть Ивана Ильича», въ двѣнадцатомъ томѣ собраны всѣ тѣ народные разсказы и легенды, которые печатались въ малораспространенныхъ изданіяхъ, затѣмъ помѣщены «Мысли, вызванныя переписью», появлявшіяся до сихъ поръ отдѣльными главами, и статья «Въ чемъ счастіе?». Весь этотъ матеріалъ двѣнадцатаго тома полонъ глубокаго значенія и интереса. Какъ мыслитель, гр. Толстой высказываетъ здѣсь свои взгляды по вопросамъ моральнымъ, общественнымъ и эстетическимъ, какъ художникъ — онъ даетъ образцы поучительныхъ произведеній, проникнутыхъ тѣмъ духомъ правды, которому онъ служитъ, и который руководитъ имъ въ творчествѣ его послѣдняго періода.

Этотъ духъ правды очень не по вкусу приходится и буржуазному меньшинству и выразите-

телямъ этого меньшинства въ современной либеральной журналистикѣ. Ужъ мало-по-малу начинаются жалкіе протесты противъ столько же простыхъ, сколько истинныхъ въ своей простотѣ идей гр. Толстого о лживости, пустотѣ и тупости того теоретическаго и художественнаго вздора, который выдаютъ у насъ столько лѣтъ за самую «послѣднюю» науку и за самое «послѣднее» искусство. Гр. Толстой съ геніальной прямотой осмѣлился сказать, что эта современная наука по своей сущности лживая и сектантская наука празднаго меньшинства, что это современное искусство, въ соотвѣтствіе наукѣ, его оправдывающей, есть результатъ «празднаго ума и чувства», что цѣль этого искусства не возбужденіе въ людяхъ чувства добра, правды и нравственной красоты, а щекотаніе чувственныхъ инстинктовъ незначительной кучки обезпеченныхъ паразитовъ, живущихъ на счетъ народнаго труда, развлеченіе этихъ паразитовъ отъ скуки, главная причина которой заключается именно въ ихъ обезпеченномъ чужимъ трудомъ бездѣльѣ. Это «слово правды безпристрастной», высказанное художникомъ и мыслителемъ съ искренностью и простотою геніальности, тотчасъ же возбудило противъ себя крикъ разныхъ убогихъ посредственностей, разныхъ шаблонныхъ представителей шаблоннаго знанія и шаблонной критики. Какъ всегда бываетъ, эти господа свои мнимыя возраженія начали съ того, что передернули безпристрастное и вѣрное слово крупнаго писателя, исказили его своими мел-

кими умишками, до такой степени привыкшими ко лжи, что они не могутъ шагу ступить, чтобы не переврать все на свѣтѣ. Шаблонныя посредственности современной лживой или, какъ называетъ ее гр. Толстой, «научной науки» и современнаго празднаго искусства тотчасъ же объявили, что авторъ «Войны и мира» отрицаетъ совершенно науку, отрицаетъ совершенно искусство и что такое отрицаніе у него зародилось отчасти отъ мистицизма, отчасти отъ малаго знакомства его съ «европейскимъ» знаніемъ. «Гр. Толстой,—заговорили посредственности,—конѐчно, великій художникъ: въ этой области онъ занимаетъ высокое мѣсто и «произошелъ» все, что нужно; но онъ плохой мыслитель и ученый, ибо никакихъ дипломовъ не имѣетъ и никакими научными трактатами и диссертаціями себя не заявлялъ. Къ тому же, на склонѣ лѣтъ, онъ вслѣдствіе боязни смерти впалъ въ мистицизмъ. Ну вотъ отъ этого всего онъ и дошелъ до полнаго отрицанія науки и искусства. Такое явленіе вполнѣ понятно и мы видѣли даже подобные, достойные сожалѣнія примѣры и прежде. Припомнимъ хотя бы Гоголя: вѣдь онъ тоже ничего не зналъ, не способенъ былъ къ роли мыслителя, и какъ только вздумалъ играть эту роль, такъ, подобно гр. Толстому, впалъ въ мистицизмъ, въ отрицаніе науки и прогресса, въ служеніе обскурантизму, и кончилъ тѣмъ, что погубилъ свой художественный талантъ. Съ гр. Толстымъ то же самое случится, вотъ увидите: его

талантъ также погибнетъ, уже начинаетъ погибать, начинаетъ служить мистицизму, начинаетъ противодѣйствовать всему, что признано либеральнымъ и прогрессивнымъ». Такъ говорятъ, покачивая своими премудрыми и исполненными шаблонныхъ свѣдѣній головами, приверженцы либеральной посредственности, такъ сокрушаются они о заблудшемъ художникѣ и рекомендуютъ ему оставить погибельный путь, на который онъ вышелъ, не соразмѣривъ свои силы и, главное, не спросясь ихъ, либеральныхъ посредственностей.

II.

Всѣ эти забавныя тревоги за талантъ великаго художника, всѣ эти обвиненія его въ отрицаніи науки и искусства оказываются пустымъ и жалкимъ вздоромъ. Талантъ гр. Толстого, какъ это доказываютъ его послѣднія художественныя работы, собранныя въ двѣнадцатомъ томѣ его сочиненій, не только не ослабѣлъ, но достигъ теперь такой высокой степени, что по глубинѣ мысли, по силѣ и простотѣ художественной выразительности каждое его произведеніе, даже самое незначительное по объему, является чѣмъ-то такимъ, что уже превышаетъ одноличное творческое созданіе и приближается къ созданіямъ коллективнаго народнаго генія. Такіе изумительные по художественной законченности и по внутреннему замыслу разсказы,

какъ «Смерть Ивана Ильича», «Чѣмъ люди живы», «Упустишь огонь не потушишь», «Два старика», «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ», «Три старца», «Много ли человѣку земли нужно»—такіе разсказы какъ нельзя яснѣе свидѣтельствуютъ о томъ, что творчество гр. Толстого именно теперь-то и достигло высшаго развитія. Только у величайшихъ художниковъ въ величайшихъ ихъ созданіяхъ найдете такую сжатость и силу формы, такую полноту, глубину и поучительность содержанія, такое органическое соединеніе и полное соотвѣтствіе между формой и идеей, такую почти «народную» простоту и правду. Лица и характеры у гр. Толстого въ его теперешнихъ разсказахъ выступаютъ сразу, съ первыхъ сценъ, съ первыхъ словъ, какими они начинаютъ свое дѣйствіе. Подобную чудесную обрисовку лицъ и характеровъ двумя-тремя первыми художественными штрихами можно встрѣтить только въ геніальнѣйшихъ созданіяхъ, если такъ можно выразиться, въ созданіяхъ высшей школы, напримѣръ, въ «Юліи Цезарѣ» Шекспира, въ «Скупомъ рыцарѣ» Пушкина. Гр. Толстой достигъ въ своемъ творчествѣ сосредоточенности и твердости, которыя служатъ признакомъ величайшаго художественнаго мастерства. Не видѣть этого въ его послѣднихъ разсказахъ могутъ только люди совсѣмъ близорукіе и не чувствующіе настоящей красоты и силы искусства, или же тѣ сухіе доктринеры фальшиваго либерализма, которымъ попытка художника оживить творчество правдой и

глубиной христіански-народнаго міросозерцанія кажется суевѣрной теологіей, мистицизмомъ...

Еще болѣе нелѣпа и смѣшна тревога за гр. Толстого какъ мыслителя, который, будто бы по недостаточности научныхъ философскихъ и эстетическихъ свѣдѣній, ополчился на науку и искусство и принялся ихъ отвергать и уничтожать. Начать съ того, что каждая строка «теоретическихъ» разсужденій гр. Толстого ясно убѣждаетъ безпристрастнаго и внимательнаго читателя, что авторъ «Войны и мира», по научнымъ и философскимъ знаніямъ и по глубокому усвоенію ихъ, представляетъ явленіе почти исключительное среди современныхъ писателей художниковъ, не только нашихъ, но и европейскихъ. Въ этомъ отношеніи гр. Толстой приближается къ тѣмъ «героямъ» поэзіи, какъ ихъ называлъ Карлейль, которые являлись въ былые годы: онъ знаетъ все, что знаетъ его вѣкъ, какъ Шекспиръ, Дантъ, Гёте знали все, что знало ихъ время. И знаніе великаго художника не то педантическое, попугайное знаніе съ чужихъ словъ, которымъ такъ кичатся передъ художниками мнимые жрецы науки, равно какъ и не диллетантское знаніе поверхностныхъ приверженцевъ всякихъ «послѣднихъ словъ» и «новѣйшихъ выводовъ», фабрикуемыхъ «въ Европѣ». Нѣтъ, знаніе гр. Толстого есть знаніе геніальнаго и крупнаго мыслителя, который своимъ великимъ умомъ воспринялъ самую сущность, ядро того, что̀ надо знать, и отбросилъ негодную шелуху, которая прикрываетъ

всякое знаніе и для обыкновенныхъ рутинныхъ умовъ кажется такъ прельстительной, усвоивается ими прежде всего. Геніальная критическая проницательность, которая у крупныхъ художниковъ замѣняетъ самую усидчивую и изобильную эрудицію, помогаетъ нашему писателю ясно видѣть все, что въ наукѣ и философіи можетъ быть признано за истину и смѣло отбрасывать и отрицать то, что является ложью, замаскированною именемъ науки.

III.

Было бы странно, еслибы такой крупный и образованной умъ отрицалъ истинную науку, было бы еще страннѣе, еслибы такой геніальный художникъ отрицалъ искусство. Гр. Толстой и не отрицаетъ ни первой, ни второго: этотъ вздоръ взвели на него педанты и диллетанты науки и искусства, прихвостни рутиннаго либерализма и формальнаго прогресса. Но онъ дѣйствительно отрицаетъ и отрицаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ ту модную науку, которою обманываютъ себя и другихъ разные мнимые мудрецы, онъ дѣйствительно отрицаетъ то искусство, которое служитъ праздности обезпеченныхъ людей и сдѣлалось теперь господствующимъ. Что бы ни говорили наши либеральные критики, но критика основныхъ началъ и основныхъ цѣлей этой науки и этого искусства сдѣлана гр. Толстымъ (въ статьѣ «О назначеніи на-

уки и искусства») съ такою силою, ясностью и правдою, какихъ въ наше время всяческой мнимо-научной болтовни, конечно, не отыщешь ни у одного патентованнаго ученаго. Вмѣсто того, чтобы снисходительно иронизировать надъ художникомъ по поводу его воззрѣній, вмѣсто передергиванія и искаженія его идей объ искусствѣ, нашимъ журнальнымъ шарлатанамъ слѣдовало бы вникнуть повнимательнѣе въ ту правду, которую онъ высказываетъ такъ прямо и смѣло и поблагодарить его за эту правду, да порадоваться за то, что въ наше время и въ нашемъ обществѣ, живущемъ всякаго рода путаницей и обманами, возведенными въ догмы знанія, наконецъ явился человѣкъ, который громко возвысилъ голосъ противъ этой путаницы, который стремится уяснить обманъ. То немногое, что говоритъ гр. Толстой по поводу мнимой современной науки и фальшиваго современнаго искусства должно быть начертано золотыми буквами въ сознаніи каждаго, кто искренно жаждетъ и ищетъ честнаго и здравомыслящаго слова. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не великую правду говоритъ онъ, когда разъясняетъ значеніе настоящей, истинной науки и настоящаго искусства? «Въ древнія времена,—объясняетъ глубокій мыслитель и художникъ,—даже не очень давно, до тѣхъ поръ, покуда появилась научная наука, высшая мудрость людей всегда состояла въ томъ, чтобы найти ту руководящую нить, на которой должны быть расположены знанія людей. Какія изъ нихъ пер-

вой, какія меньшей важности. И это-то руководящее другими знаніями,—знаніе, люди всегда называли наукою въ тѣсномъ смыслѣ. И такая наука всегда и до нашего времени была въ людскихъ обществахъ, выходившихъ изъ первоначальнаго дикаго состоянія. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку въ этомъ тѣсномъ смыслѣ: науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо человѣка и всѣхъ людей. Эта-то наука и служила руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній. Такова была наука Конфуція, Будды, Сократа, Магомета и другихъ». Вотъ такую истинную науку не только не отвергаетъ, но о ея возрожденіи, о постановкѣ ея на ея престолъ, узурпированный современной, ложной наукой, заботится гр. Толстой. А отвергаетъ онъ такую науку, которая является не результатомъ разумной дѣятельности всего человѣчества, а результатомъ дѣятельности маленькаго кружка людей, имѣющихъ монополію занятій наукой и потому извратившихъ самое понятіе о ней, потерявшихъ смыслъ своего призванія и «занятыхъ только тѣмъ, чтобы забавлять и спасать отъ удручающей скуки свой маленькій кружокъ». «Вѣрный научный» методъ этой науки такой: если вы хотите знать въ чемъ ваше назначеніе и благо и назначеніе и благо всего человѣчества и всего мі-

ра, то вы прежде всего должны перестать слышать голосъ и требованія своей совѣсти и разума, заявляющія себя и въ васъ самихъ, и въ подобныхъ вамъ; вы должны перестать вѣрить всему тому, что говорили великіе учители человѣчества о своемъ разумѣ и совѣсти, считать все это пустяками и начать все съ начала. И чтобы понять все, съ начала вамъ надо смотрѣть въ микроскопъ на движенія амёбъ и клѣточекъ въ глистахъ, или еще покойнѣе вѣрить во все то, что вамъ будутъ говорить объ этомъ люди съ дипломомъ непогрѣшимости. И, глядя на движеніе этихъ амёбъ и клѣточекъ, или читая про то, что видѣли другіе, приписывать этимъ клѣточкамъ свои человѣческія чувства и разсчеты о томъ, чего они желаютъ, куда стремятся, что соображаютъ и разсчитываютъ и къ чему привыкли, и изъ этихъ наблюденій (въ которыхъ что ни слово, то ошибка мысли или выраженія) по аналогіи заключать о томъ, что вы такое, какое ваше назначеніе и въ чемъ благо ваше и другихъ подобныхъ вамъ клѣточекъ? Вы должны, чтобы понять себя, изучать не только глисту которую вы видите, но и микроскопическія существа, которыхъ вы почти что не видите, и трансформаціи изъ однихъ существъ въ другихъ, которыхъ никто никогда не видѣлъ, и вы навѣрно никогда не увидите».

Такъ вотъ противъ какой науки вооружается графъ Толстой, вотъ какую науку онъ отвергаетъ. Понятно, почему наши вѣрные рыцари зазубрен-

ныхъ безсмысленно фразъ объ истинности и спасительности «европейскаго» знанія,—понятно, почему они съ важной улыбкой скептицизма относятся къ великому художнику за его безпощадную критику любезной и вполнѣ доступной ихъ «короткимъ умамъ такъ, называемой естественно-научной рутины. Эти господа подобны тому попугаю, который кричалъ свое обычное: «Ѣдемъ! Впередъ!» даже тогда, когда его за хвостъ схватила кошка. Они давнымъ давно отупѣли съ своимъ «европейскимъ» и «современнымъ» знаніемъ, отупѣли до того, что въ состояніи только твердить заученныя фразы и толочься на одномъ мѣстѣ: ихъ крѣпко удерживаетъ за хвостъ ихъ любезная «европейская» рутина; а они все-таки, не примѣчая своего комически-жалкаго положенія, вопіютъ по усвоенной привычкѣ: «Впередъ! во имя прогресса! ѣдемъ!» И попробуйте сказать имъ отрезвляющія слова, попробуйте объяснить имъ прямо и откровенно ихъ положеніе: они только усмѣхнутся съ идіотскимъ снисхожденіемъ къ ограниченности вашихъ свѣдѣній и посовѣтуютъ остерегаться софизмовъ и парадоксовъ. Съ нашимъ геніальнымъ художникомъ это уже не первый примѣръ, что рутинеры мнимагб «европейскаго» знанія на его отрезвляющія слова отвѣчаютъ сомнѣніемъ въ способности его къ настоящему, правильному мышленію и приглашеніемъ возвратиться на путь художника, съ котораго онъ, впрочемъ, и не сходилъ въ сущности, потому что всякій ге-

ніальный художникъ есть въ то же время и геніальный мыслитель. Да, это не первый примѣръ съ графомъ Толстымъ. Болѣе десяти лѣтъ тому, въ разгаръ у насъ самыхъ «европейскихъ» педагогическихъ теорій, когда усердные педагоги плодили разные «эвристики» и «дидактики», наживали себѣ капиталы на счетъ народа изданіемъ для его дѣтей глупыхъ руководствъ съ объясненіями крестьянскимъ ребятамъ гдѣ полъ, гдѣ потолокъ,—въ это время графъ Толстой произнесъ свое трезвое слово противъ нелѣпости и непригодности на нашей почвѣ подобныхъ идіотскихъ теорій нѣмецкой педагогики. Господа педагоги заговорили тогда противъ графа Толстого то же самое, что говорятъ теперь премудрые критики по поводу его отрицаній современной науки: онъ парадоксалистъ и софистъ, онъ не мыслитель, суется не въ свою сферу, ему нужно оставаться художникомъ и т. п. И однако, тогда правъ-то былъ художникъ, а не кричавшіе противъ него педанты, какъ ни старались исказить они слова художника, критически отнесшагося къ вздору, принятому ими на вѣру и усердно разработывавшемуся по рутинѣ. То же вотъ и теперь...

IV.

Не менѣе справедливы взгляды графа Толстого на современное ложное искусство, которое онъ отрицаетъ такъ же, какъ современную ложную науку.

Его сужденія объ этомъ, какъ всякая истина, необыкновенно просты, ясны и опредѣленны. Нужно обладать тупостью или притворствомъ поборниковъ либеральнаго прогресса, чтобы найдти въ этихъ сужденіяхъ отрицаніе искусства вообще. «Истинное искусство, — говоритъ гр. Толстой, — всегда было тамъ, гдѣ была истинная наука, оно всегда было выраженіемъ этой истинной науки. Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, они изъ всей дѣятельности выраженія разнообразныхъ знаній выдѣляли главное выраженіе знанія о назначеніи и благѣ человѣка и выраженіе-то этого знанія и было искусство въ тѣсномъ смыслѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, были тѣ особенно чуткіе и отзывчивые на ученіе о благѣ и назначеніи человѣка, которые на гусляхъ и тимпанахъ, въ изображеніяхъ и словами, выражали свою и людскую борьбу съ обманами, отвлекавшими ихъ отъ ихъ назначенія, свои страданія въ этой борьбѣ, свои надежды на торжество добра, свое отчаяніе о торжествѣ зла и свои восторги въ сознаніи этого наступающаго блага. Съ тѣхъ поръ, какъ были люди, — истинное искусство то, которое высоко цѣнилось людьми, не имѣло другого значенія, какъ выраженіе науки о назначеніи и благѣ человѣка. Всегда, и до послѣдняго времени, искусство служило ученію о жизни, — только тогда оно было тѣмъ, что̀ такъ высоко цѣнили люди. Но одновременно съ тѣмъ, какъ на мѣсто истинной науки о назначеніи и благѣ стала наука обо всемъ, о

чемъ вздумается, съ тѣхъ поръ и исчезло искусство, какъ важная дѣятельность человѣческая. Искусство во всѣхъ народахъ существовало и существуетъ до тѣхъ поръ, пока то, что теперь у насъ презрительно называется религіей, считалось единой наукой. Въ нашемъ европейскомъ мірѣ пока была церковь, какъ ученіе о назначеніи и благѣ, и ученіе церкви считалось единой истинной наукой, искусство служило церкви и было истинное искусство; но съ тѣхъ поръ, какъ искусство вышло изъ церкви и стало служить наукѣ, наука же служила чему попало, искусство потеряло свое значеніе, и несмотря на заявляемыя по старой памяти права и на нелѣпое, доказывающее только потерю призванія, утвержденіе, что искусство служитъ искусству, оно сдѣлалось ремесломъ, доставляющимъ людямъ пріятное, и какъ такое искусство неизбѣжно сливается съ хореографическими, кулинарными, парикмахерскими и косметическими искусствами, производители которыхъ съ такимъ же правомъ называютъ себя артистами, какъ и поэты, живописцы и музыканты нашего времени». Художникъ, по мнѣнію графа Толстого, только тогда можетъ съ полнымъ правомъ считаться художникомъ, когда онъ смотритъ на дѣло своего творчества, какъ на подвигъ самоотверженія, когда онъ страдаетъ вмѣстѣ съ людьми, «чтобы найти спасеніе или утѣшеніе» посредствомъ своихъ произведеній». «Духовная дѣятельность и выраженіе ея дѣйствительно нужныя для другихъ — есть самое

тяжелое призваніе человѣка,—крестъ, какъ выражено въ Евангеліи. И единственный, несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собой, для проявленія вложенной въ человѣка на пользу другимъ силы. Безъ мукъ не рождается духовный плодъ. Учить тому сколько козявокъ на свѣтѣ, разсматривать пятна на солнцѣ, писать романы и оперу — можно не страдая; но учить людей ихъ благу, которое только въ отверженіи отъ себя и служеніи другимъ, и выражать сильно это ученіе, нельзя безъ отреченія».

Вотъ глубокій и справедливый взглядъ на истинное искусство и вотъ основная точка зрѣнія, съ которой гр. Толстой отвергаетъ современное праздное и растлѣвающее искусство, служащее современной праздной и болтающей наукѣ. Господа поборники этой отрицаемой нашимъ художникомъ науки и этого отрицаемаго имъ искусства, вмѣсто осужденія великаго художника и иронизированія надъ недостаточностью его свѣдѣній и неподготовленностью къ роли мыслителя, должны бы были сперва немножко подумать о томъ, какихъ безсовѣстныхъ шарлатановъ представляютъ они сами съ своей рутинерской тупой и безстыдной ложью. Можетъ быть эта дума о себѣ заставила бы ихъ немножко очнуться и покаяться...

III.

Укоры гр. Толстому, исходящіе отъ гг. Мещерскихъ, Гиляровыхъ, Михайловскихъ. — Главныя причины нападокъ на гр. Толстого. — Желаніе людей толпы унизить генія и низвести его, какъ человѣка, до своего уровня.

I.

Въ то время, какъ европейская критика вообще и французская въ особенности все больше и больше проникается удивленіемъ и уваженіемъ къ художественному и мыслительному генію гр. Л. Н. Толстого, наши доморощенные критиканы ополчаются дружнымъ походомъ противъ знаменитаго писателя, ополчаются какъ бы въ подтвержденіе той истины, что пророкомъ нельзя быть въ своемъ отечествѣ. Въ журнальныхъ нападеніяхъ или, вѣрнѣе, въ журнальныхъ попрекахъ и намекахъ, направленныхъ на гр. Толстого, подаютъ другъ другу руку цѣнители и судьи самыхъ разнообразныхъ направленій. Quasi-радикалъ г. Михайловскій сходится съ прославленнымъ ультраконсерваторомъ кн. Мещерскимъ, фальшивый либералъ Григорій Градовскій обнимается съ правовѣрно-семинарскимъ патріотомъ Гиляровымъ-Платоновымъ. Всѣ эти «представители» разныхъ «партій» одинаково недовольны той правдой, которую смѣло высказалъ авторъ «Исповѣди» въ своихъ поучительныхъ статьяхъ послѣдняго періода, и тѣмъ направленіемъ, которое выражается въ названныхъ

статьяхъ; всѣ эти поставщики шаблоннаго журнализма, уподобляясь Расплюеву, «охотно привираютъ» въ своихъ ратованіяхъ противъ правды, высказываемой геніальнымъ художникомъ и мыслителемъ, и не менѣе охотно бросаютъ въ него комками своей грязной ироніи и насмѣшки, своего мелочного и порой сплетническаго недомыслія и суемыслія.

Эти господа Михайловскіе, Мещерскіе, Градовскіе, Гиляровы, недостойные развязать ремень сапога гр. Толстого, тѣмъ не менѣе нисколько не церемонятся въ грубыхъ намекахъ и попрекахъ писателю, который своими произведеніями поднялъ русскую литературу на высоту литературы всемірной и заставилъ европейскую критику отнестись къ этой литературѣ съ такимъ серьезнымъ вниманіемъ, какого прежде въ помянутой критикѣ не замѣчалось. Они конечно тоже признаютъ величіе Толстого какъ художника, они даже любятъ его, ахъ, какъ искренно и горячо его любятъ, но признаніе геніальнаго таланта въ авторѣ «Войны и мира» и пламенная любовь не мѣшаютъ имъ относиться къ Толстому-мыслителю такимъ образомъ, какъ будто бы они, поставщики журнальнаго радикализма, консерватизма и либерализма, необыкновенно просвѣщенные, привиллегированные умы, а онъ, хоть и великій талантъ, да за то малосвѣдущій и чуть ли даже не свихнувшійся немного. Они, видите ли, соглашаются, что прямое дѣло гр. Толстого писать романы и повѣсти и что въ

этомъ дѣлѣ онъ дѣйствительно далеко ушелъ; только этимъ дѣломъ они и совѣтуютъ заниматься великому писателю: тутъ-де онъ полный хозяинъ; но разъ онъ выходитъ изъ области художественнаго творчества и вступаетъ въ область мыслителя — о, тутъ онъ сейчасъ же становится ниже не только всякой критики, а даже всякихъ критиковъ, тутъ ужъ они полные хозяева и учителя, а Толстой передъ ними не только ученикъ, но даже юродивый. Тутъ геній великаго писателя разомъ упадаетъ до того, что какой нибудь бездарный кропатель мнимо-великосвѣтскихъ романовъ князь Мещерскій начинаетъ сожалѣть Толстого, а умъ автора «Смерти Ивана Ильича» вдругъ затмѣвается до такой степени, что надъ нимъ превосходствуютъ такіе философы, какъ гг. Михайловскій и Григорій Градовскій! Паденіе генія и затмѣніе ума гр. Толстого при выходѣ его въ роли мыслителя такъ велико, что гг. Мещерскіе, Михайловскіе, Градовскіе, Гиляровы при всей своей любви къ нему, какъ къ художнику, начинаютъ искренно сожалѣть его, начинаютъ надъ нимъ глумиться, какъ надъ школьникомъ, начинаютъ даже ругаться.

II.

Посмотрите какъ это дѣлается и проникнитесь уваженіемъ къ этимъ твердымъ и просвѣщеннымъ мыслителямъ, которые не обинуясь уясняютъ вамъ, что великій писатель въ качествѣ мыслителя не

стоитъ ни гроша. Князь Мещерскій—этотъ клоунъ ультра-консерватизма на подкладкѣ самаго лицемѣрнаго ханжества — обращается съ теплой и искренней молитвой къ Творцу, чтобы Творецъ возвратилъ Толстого къ писанію превосходныхъ романовъ и отвлекъ его отъ писанія статей въ проповѣдническомъ духѣ, ибо, занявшись писаніемъ такихъ статей, авторъ «Войны и мира» очевидно впалъ въ «искушеніе», подчинился дьяволу. «Духъ гордости положилъ безсиліе на данный графу Толстому Богомъ чудный даръ романиста, — и онъ замолкъ... но тотъ же духъ далъ крылья его пытующему и испытывающему Бога уму и нѣтъ предѣла его полету... Боже сохрани, гордо или зло судить такого ближняго, какимъ для всякаго изъ насъ былъ, есть и будетъ графъ Левъ Толстой, или осуждать его... Слишкомъ любишь его родственно и благодарно, чтобы иначе относиться къ нынѣшнему періоду его жизни, какъ съ молитвою, полною любви за него, и съ горючимъ желаніемъ — да пріидетъ скорѣе день, когда, очищенный и возвышенный подвигомъ искушеній и испытаній, онъ вернется къ святому дѣлу--воспитанія Россіи продолженіемъ «Войны и мира», «Дѣтства и Отрочества», «Анны Карениной». Какой богомольный человѣкъ, подумаешь, этотъ г. Мещерскій. Только едва ли его молитва нужна Толстому, ибо «горючее» желаніе этой молитвы нелѣпо: «Войну и миръ», «Анну Каренину» продолжать нельзя, потому что эти романы вполнѣ

закончены, а продолженіе «Дѣтства» и «Отрочества» уже существуетъ въ повѣсти «Юность», такъ что г. Мещерскому молиться объ этомъ продолженіи поздно.

Г. Гиляровъ-Платоновъ, который тоже принадлежитъ къ числу богомольныхъ журналистовъ и постоянно печатаетъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» передовыя статьи о новыхъ московскихъ колоколахъ, на этотъ разъ, однако, не съ молитвами къ Творцу обращается, какъ князь Мещерскій, а просто сквернословитъ и сплетничаетъ. Устами какого-то безшабашнаго фельетониста г. Гиляровъ въ своей газетѣ не посовѣстился назвать графа Толстого Иваномъ Яковлевичемъ Корейшею, то есть помѣшаннымъ, такъ какъ Корейша былъ субъектомъ съумасшедшаго дома. Вотъ какими грубостями и наглостями обнаруживаютъ себя эти господа, которые обыкновенно кричатъ о рѣзкости въ полемикѣ, когда полемика направлена противъ журнальныхъ ничтожностей, подобныхъ имъ. А тутъ, видите, этимъ порицателямъ полемической рѣзкости ничего не стоитъ обозвать именемъ грязнаго съумасшедшаго такого писателя, какъ Толстой! Да еще мало того, что они такъ грубо обзываютъ крупнѣйшаго изъ современныхъ художниковъ слова, они попрекаютъ его и сплетничаютъ о немъ совершенно во вкусѣ московскихъ просвиренъ. Г. Гиляровъ уже не отъ лица своего безшабашнаго и безстыднаго фельетониста, но отъ собственнаго редакторскаго лица злословитъ автора «Войны» слѣ-

дующимъ образомъ: «Въ народномъ словоупотребленіи «юродивымъ» или «блаженнымъ» называютъ того, кто надѣваетъ на себя личину идіота, на дѣлѣ вполнѣ обладая умственными способностями. Но графъ Толстой вполнѣ искрененъ: онъ личины не носитъ. Это есть первое отличіе. Другое отличіе отъ настоящихъ блаженныхъ то, что настоящій блаженный, надѣвая рубище, отказывается вполнѣ отъ стяжаній и, вообще, отъ благъ міра. Графъ же Л. Н. Толстой, хотя употребляетъ полушубокъ, но не гнушается собольею шубою; ходитъ пѣшкомъ исполнять обязанности дровокола (занятіе гимнастически полезное), но не отказывается и ѣздить на дорогихъ рысакахъ; кушаетъ на серебрѣ и выстроилъ себѣ въ Хамовникахъ домъ одновременно съ тѣмъ, какъ, участвуя въ московской переписи, уговаривалъ другихъ состоятельныхъ лицъ къ раздачѣ имѣнія нищимъ. Графъ Толстой играетъ въ винтъ, по крайней мѣрѣ игралъ съ любовью, и притомъ въ то самое время, когда сочинялъ новую свою теорію этики и толковалъ по своему евангеліе. Комментаріемъ же къ нестяжательности его служитъ недавняя продажа сочиненій за 56,000 рублей. Правда, авторъ «Войны и мира» не самъ торгуется и заказываетъ, а предоставляетъ это семейству, какъ ему же предоставляетъ и пользоваться зломъ, отсюда пріобрѣтаемымъ, то есть деньгами (деньги, по теоріи Толстого, есть зло). Словомъ, знаменитый авторъ новой этической теоріи и новой вѣры поступаетъ въ данномъ случаѣ по

рецепту злостныхъ банкротовъ, которые переводятъ имѣнія на жену и кредиторамъ добродушно отвѣчаютъ: «у меня ничего своего нѣтъ».

III.

Подобнаго же рода попреками гр. Толстому отличился и г. Михайловскій. Почтенный критикъ ужасно огорчился тѣмъ, что ему, ради двѣнадцатаго тома сочиненій Толстого, пришлось купить все послѣднее изданіе, такъ какъ отдѣльными томами оно не продается. «Пришлось, — съ грустью заявляетъ г. Михайловскій, — платить 18 рублей за «Смерть Ивана Ильича», да еще за напечатанный въ третьемъ томѣ разсказъ «Холстомѣръ», потому что старое изданіе сочиненій Толстого у меня уже раньше было, равно какъ и «Анна Каренина» и сказки, изданныя фирмою «Посредникъ». Это показалось мнѣ (я думаю, не мнѣ одному) немного дорого».

Положимъ это не совсѣмъ точно. Кромѣ «Смерти Ивана Ильича» и «Холстомѣра», въ новомъ изданіи сочиненій Толстого есть еще статья о переписи и другія статьи, написанныя гр. Толстымъ въ послѣднее время. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Допустимъ, что за 18 рублей г. Михайловскій пріобрѣлъ только «Смерть Ивана Ильича» и «Холстомѣръ». Почему же это ему кажется такъ дорого? Вѣдь беретъ же онъ самъ за каждый томъ своихъ

сочиненій по два рубля: это въ общемъ за всѣ доселѣ изданные имъ томы составитъ тоже порядочную сумму. И, вѣроятно, эта сумма не кажется ему дорогою. А между тѣмъ, уплачивая за сочиненія г. Михайловскаго крупную сумму, читатели не пріобрѣтаютъ въ сущности ничего, кромѣ мнимо-критическаго, мнимо-публицистическаго и мнимо-философскаго вздора, разведеннаго на огромное количество печатныхъ листовъ; пріобрѣтая же «Смерть Ивана Ильича» и «Холстомѣръ», читатели пріобрѣтаютъ два поучительнѣйшія произведенія, надъ которыми не разъ могутъ пораздумать не только они, но даже и ихъ дѣти, а, быть можетъ, даже и ихъ внуки. Я ужъ не говорю о томъ, что въ придачу къ этимъ новымъ разсказамъ, гр. Толстой даетъ за тѣ же 18 рублей еще одиннадцать томовъ, наполненныхъ его прежними произведеніями. И г. Михайловскому все это кажется «немного дорого». Какъ въ этомъ выразился обычный взглядъ россійскаго читателя! Ему книгу купить всегда тяжело, всегда книга ему кажется дорогою покупкой. Дать 18 рублей за ложу въ опереткѣ или въ балетѣ и за эти деньги въ продолженіи трехъ часовъ услышать сотню пошлостей и сальностей, увидѣть откровенный корсажъ опереточной дивы или откровенныя юбки балерины— это ничего, недорого. Но дать 18 рублей за сочиненія геніальнаго писателя — охъ, дорого, охъ, жаль, «лишнихъ» денегъ нѣтъ, потому что книги

покупаются у насъ только на лишнія деньги, а оперетки и балеты часто смотрятся на послѣднія...

Затрата 18 рублей на сочиненія гр. Толстого такъ огорчила г. Михайловскаго, что онъ совсѣмъ потерялся. Какъ это такъ, въ самомъ дѣлѣ, Толстой «проповѣдникъ высокой нравственности и въ частности презрѣнія къ деньгамъ» и вдругъ отдай 18 рублей за его сочиненія. Состояніе Толстого, по его собственнымъ признаніямъ, равняется 600,000 рублей и все-таки онъ беретъ 18 рублей. О домѣ въ Хамовникахъ, собольей шубѣ, дорогихъ рысакахъ г. Михайловскій не упомянулъ и не попрекнулъ ими Толстого, очевидно, только потому, что, быть можетъ, не имѣлъ о нихъ такихъ точныхъ свѣдѣній, какія имѣетъ г. Гиляровъ-Платоновъ. Но въ сущности вѣдь упреки г. Михайловскаго совершенно одинаковы съ упреками редактора «Современныхъ Извѣстій», хотя первые болѣе общи, а вторые подетальнѣе. И по всей вѣроятности и г. Михайловскій, и г. Гиляровъ, да и многое множество господъ изъ публики чрезвычайно какъ довольны, что они расточаютъ такіе упреки гр. Толстому съ похвальною цѣлью, такъ сказать, немножечко его запачкать, осадить, низвести съ той высоты, на которой онъ стоитъ, благодаря его генію и уму, и въ концѣ концовъ принизить до того мелкаго уровня, подъ который они подходятъ сами. Это извѣстное явленіе. Его можно наблюдать у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Какъ только геніальный человѣкъ достигнетъ такой

власти и такой независимости мысли, что начнетъ говорить людямъ рѣзкую и прямую правду, не стѣсняясь шаблоннымъ лицемѣріемъ, начнетъ поучать ихъ жить, что называется, по-божески, тотчасъ выскочатъ посредственные и мелкіе прислужники толпы, всегда готовые заступиться за ея пошлость, всегда готовые отстаивать ненарушимость этой пошлости. Эти прислужники съ величайшимъ усердіемъ «колютъ глаза» генію: «что ты насъ учишь, что ты намъ проповѣдуешь, ты вѣдь и самъ такой, какъ мы, ты въ винтъ играешь, ты состояніе большое имѣешь, ты на рысакахъ ѣздишь, у тебя тѣ же слабости, что и у насъ у всѣхъ, значитъ тебѣ нечего очень-то заноситься. Коли мы пошляки и лицемѣры, такъ будь и ты пошлякомъ и лицемѣромъ, иди по общей показанной колеѣ и не смѣй разоблачать передъ нами ложь нашей жизни. Да, не смѣй: не то мы дружно возстанемъ и не только изобличимъ тебя въ твоихъ человѣческихъ слабостяхъ, но постараемся даже такъ тебя оплевать, чтобы ты казался толпѣ лицемѣромъ, спекулирующимъ проповѣдью добра и правды. Вѣдь для насъ такое дѣло не трудно, потому что къ намъ, прислужникамъ толпы, примкнетъ тотчасъ же вся толпа и, поддерживаемые ея сочувствіемъ, мы одолѣемъ тебя и заставимъ твою правдивую рѣчь замолкнуть въ общемъ гомонѣ «всѣми принятой лжи».

Въ этомъ обычномъ и излюбленномъ крикѣ прислужниковъ толпы, руководящихся сознательно или

безсознательно подлымъ инстинктомъ и подлою цѣлью принизить выдающагося среди толпы генія, всего противнѣе одна, также очень обычная, черта. Прислужники толпы, стараясь подставить ногу генію и повалить его въ грязь той лжи и того лицемѣрія, въ которомъ они копошатся сами, при этомъ всегда увѣряютъ, что они дѣйствуютъ такъ изъ любви къ генію и изъ желанія возвратить его на путь истиннаго его призванія. Мы видѣли выше примѣръ изъясненія въ любви къ гр. Толстому князя Мещерскаго: князь любитъ Толстого «родственно и благодарно», но эта любовь, однако, не мѣшаетъ князю объявлять, что Толстой обуянъ сатанинскимъ духомъ и что ему необходимо раскаяться и возвратиться на путь того ханжества и лицемѣрія теологическаго и моральнаго, которымъ услаждается самъ князь. Г. Михайловскій тоже заявляетъ, что онъ любитъ гр. Толстого, ужасно любитъ, «почти лично» и «никому не уступитъ» въ любви къ автору «Войны и мира»; что онъ, г. Михайловскій, «имѣлъ честь познакомиться съ гр. Толстымъ, имѣлъ съ нимъ долгія бесѣды и на себѣ испыталъ свойственное ему обаяніе». И тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, онъ теперь «имѣетъ честь» глумиться надъ гр. Толстымъ и заподозривать его въ неискренности и ломаньи, въ фиглярскомъ представленіи роли проповѣдника нестяжанія и правды. Не знаю, какъ кому, а мнѣ кажется до омерзенія противной эта обычная манера всѣхъ посредственностей, собира-

ясь укусить геніальнаго человѣка, тутъ же порисоваться своей любовью къ нему и похвастать съ нимъ знакомствомъ.

IV.

Однако, оставивъ въ сторонѣ всѣ наглости, грубости и низости, расточаемыя посредственностями въ походѣ противъ геніальнаго писателя, не безъинтересно опредѣлить, чѣмъ вызвалъ этотъ походъ гр. Толстой, въ чемъ онъ провинился за послѣднее время, какъ предъ лже-консервативными, такъ равно и предъ лже-либеральными партіями или кликами нашей журналистики. О, его вина несомнѣнна, его «преступленія довольно велики», какъ выразился когда-то поэтъ-омонимъ автора «Войны и мира». Предъ лже-консерваторами онъ провинился тѣмъ, что дерзнулъ назвать лицемѣріемъ ихъ ханжеское формальное благочестіе, дерзнулъ прямо и рѣзко заявить, что это фарисейское благочестіе очень далеко отъ христіанскаго идеала, дерзнулъ указать этотъ христіанскій идеалъ во всей его настоящей чистотѣ и простотѣ... Предъ лже-либералами онъ провинился еще больше. Онъ дерзнулъ высказать, что то, что они выдаютъ за раціональную науку. отъ которой они ждутъ всякихъ соціальныхъ и моральныхъ благъ, на самомъ дѣлѣ есть безплодное и мертвое формальное знаніе пустыхъ системъ и мнимыхъ наблюденій надъ явленіями природы. Высказавъ это,

онъ обидѣлъ всѣхъ россійскихъ прихвостней «европейской» учености, подвизающихся въ мнимо-научной болтовнѣ на страницахъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Онъ дерзнулъ заявить, что то великое и руководящее всѣми лже-либеральными стремленіями божество, которое они зовутъ прогрессомъ и предъ которымъ отбиваютъ лбы въ поклоненіи ему — что это великое божество не болѣе, какъ пустой идолъ. Онъ не только заявилъ, но и доказалъ очень резонно, а главное очень толково и просто, безъ всякихъ фиглярствъ мнимаго знанія, что понятіе прогресса не подкрѣпляется никакими фактами, что это понятіе—одна изъ самыхъ вздорныхъ фантасмагорій, изобрѣтенныхъ либеральными мудрецами для собственнаго утѣшенія и услажденія. Заявивъ такую ужасную вещь и доказавъ ее, графъ Толстой, такъ сказать, отнялъ у поборниковъ либерализма самую красивую и самую нарядную куколку, которой они привыкли забавляться столько времени сами и забавляли такъ удачно простодушныхъ людей, вѣрившихъ, что игра этой куколкой—серьезное служеніе благу и пользѣ человѣчества. Графъ Толстой разъяснилъ и твердо установилъ, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней христіанской морали, принципъ «непротивленія злу». Установленіемъ этого принципа онъ отнялъ у лже-либераловъ одно изъ самыхъ легкихъ и въ то же самое время одно изъ самыхъ существенныхъ ихъ занятій — стремленіе къ насильственнымъ реформамъ и къ такъ называемой

оппозиціи. Наконецъ—о, тягчайшее изъ всѣхъ преступленій, которому нѣтъ и не будетъ прощенія ни въ здѣшнемъ мірѣ, ни въ будущемъ!—графъ Толстой заявилъ, что прямое и высшее назначеніе женщины—рожать и вскармливать дѣтей, что для этого истинно женскаго дѣла женщинамъ нѣтъ надобности стремиться къ такъ называемой равноправности съ мужчинами, что вообще для нихъ не требуется изученія естественныхъ и неестественныхъ наукъ на разныхъ «высшихъ курсахъ», а достаточно только душевнаго проникновенія тою моралью, которую онѣ найдутъ въ евангеліи. Говорить ли о томъ, что заявленіе такой анти-прогрессивной и анти-либеральной ереси окончательно уронило гр. Толстого въ глазахъ всѣхъ «честныхъ» либераловъ? Именно послѣ этого-то заявленія и воспрянули на гр. Толстого съ мечами и дрекольемъ гг. Григоріи Градовскіе и Михайловскіе, именно послѣ этого-то заявленія и начался походъ на гр. Толстого, посыпались упреки ему въ склонности къ усиленному стяжательству и даже въ презрѣніи къ народу и развращеніи его вреднымъ мистицизмомъ.

IV.

Несостоятельность упрековъ гр. Толстому за то, что его идеальныя поученія не сходятся съ житейской его практикою. — Слѣдуютъ ли на практикѣ своимъ теоретическимъ проповѣдямъ порицатели гр. Толстого. — Традиціонные пріемы либеральной критики по отношенію къ великимъ русскимъ художникамъ.

I.

Кампанія противъ гр. Толстого, предпринятая нашей «прессой», продолжается. Бойцы различныхъ «органовъ» подбодряютъ и самихъ себя, и своихъ соратниковъ и, подобно хористамъ въ оперѣ, храбро и дружно кричатъ: «Идемъ! идемъ! идемъ, идемъ впередъ!», но никуда не двигаются и толкутся на одномъ мѣстѣ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ бойцовъ начинаютъ уже конфузиться, если не самихъ себя, то кой-кого изъ своихъ сотоварищей. Такъ, г. Михайловскій сконфузился за двухъ своихъ соратниковъ, появившихся въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» и въ «Русскомъ Курьерѣ». Почтенный публицистъ находитъ, что «протестъ противъ поученій Толстого» у такихъ «бойцовъ» принимаетъ дикій, безобразный характеръ, наличности котораго (что такое: наличность характера?) ни въ какомъ смыслѣ и ни съ какой точки радоваться нельзя». Какъ образчикъ подобнаго «протеста», онъ приводитъ уподобленіе Толстого Ив. Яковлев. Корейшѣ, уподобленіе, которымъ бле-

снулъ мудрый г. Гиляровъ-Платоновъ; на ряду съ этимъ уподобленіемъ г. Михайловскій ставитъ еще болѣе милый комплиментъ, брошенный автору «Войны и мира», какой-то идіотическою дамой изъ «Русскаго Курьера». Эта идіотическая дама до того разошлась въ защитѣ особъ прекраснаго пола противъ Толстого, что изрекла нижеслѣдующее: «когда женщинѣ скажутъ: «сударыня, вы—драгоцѣнный черноземъ; то, по моему, она, «отрожавшись» и если у нея еще есть силы», должна размахнуться и закатить звонкую пощечину тому, кто этими словами смѣлъ оскорбить ея человѣческое достоинство». Г. Михайловскій, цитируя выходки редактора «Современныхъ Извѣстій» и курьерской дамы, потупляетъ взоры и лепечетъ: «мнѣ стыдно». Какой, подумаешь, стыдливый мужчина. Однако, отчего же онъ такъ застыдился? Въ сущности идіотическая дама и г. Гиляровъ-Платоновъ дѣлаютъ то же самое, что и г. Михайловскій, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль: имъ хочется такъ или иначе «донять» Толстого и при этомъ выставить свою мизерную особу въ качествѣ протестантовъ за либеральныя идеи, будто бы униженныя Толстымъ. Гораздо было бы раціональнѣе со стороны г. Михайловскаго, еслибы онъ постыдился за самого себя. Что курьерская дама сказала грубую глупость — или глупую грубость — это вовсе не важно: эту идіотическую даму никто не знаетъ, она не принадлежитъ къ журналистикѣ, она Богъ вѣдаетъ откуда выскочила на страницы «Курье-

ра», можетъ быть прямо съ какой нибудь базарной площади. Точно также не удивительно въ редакторѣ «Современныхъ Извѣстій», что онъ донимаетъ гр. Толстого бранью и аргументируетъ противъ его идей сплетнями: въ органѣ московскихъ просвиренъ и салопницъ можетъ быть такъ и слѣдуетъ поступать. Гораздо хуже и гораздо стыднѣе для журналистики, что г. Михайловскій, считающій себя либеральнымъ публицистомъ, полемику съ Толстымъ началъ сплетнями и попреками Толстому за то, что Толстой проповѣдуетъ бѣдность и нестяжательность, а самъ пользуется всѣми благами, имѣетъ большое состояніе, беретъ деньги за свои сочиненія и т. д. Гораздо хуже и стыднѣе, что такими же сплетнями и попреками вслѣдъ за г. Михайловскимъ отличаются и другіе органы, считающіе себя тоже либеральными и порядочными, какъ, напримѣръ, «Русская Мысль», которая тоже сплетнически попрекаетъ гр. Толстого: «нигдѣ въ писаніи-де не сказано: отдавай земли въ наймы и положи капиталы въ банкъ, или передай тѣ и другіе своей супругѣ и поучай о суетности и вредѣ богатства».

Лицемѣріе и несостоятельность такихъ упрековъ осуждается даже самими либеральными противниками гр. Толстого. Такъ, въ «Вѣстникѣ Европы» находимъ по этому поводу соображенія, которыя слѣдуетъ намотать себѣ на усъ гг. Михайловскому, Гилярову-Платонову и тѣмъ представителямъ «Русской Мысли», которые указываютъ соломенку въ

глазу своего брата, а въ собственномъ не замѣчаютъ бревна. «Конечно,—говоритъ въ упомянутомъ журналѣ одинъ изъ критиковъ Толстого, — самъ Левъ Толстой далъ противъ себя оружіе своимъ оппонентамъ: онъ считаетъ деньги зломъ и раскаявается въ «Исповѣди» по поводу продажи его сочиненій за деньги, а между тѣмъ новое изданіе его продается за болѣе дорогую цѣну и публику заставляютъ платить 18 рублей за одинъ XII томъ, не продающійся отдѣльно; онъ отвергаетъ собственность и богатство, восхваляетъ блага бѣдности и простого труда, проповѣдуетъ всѣмъ воздержаніе и работу на самихъ себя, а самъ остается крупнымъ землевладѣльцемъ и капиталистомъ, располагающимъ трудомъ и плодами чужихъ рукъ. Нѣтъ ничего легче, какъ уличать проповѣдника въ этихъ очевидныхъ для всякаго несоотвѣтствіяхъ между словомъ и дѣломъ, пользуясь его собственными признаніями. Но справедливо ли сводить вопросы, поднятые гр. Толстымъ, на личную полемику, на мелочные укоры и нападки? Кто можетъ быть судьей чужой жизни, даже имѣя въ рукахъ подробнѣйшую и чистосердечную исповѣдь? Многіе ли могутъ сказать, положа руку на сердце, что убѣжденія, проводимыя ими въ печати, примѣняются ими въ жизни съ полною послѣдовательностью? Мы видимъ сплошь и рядомъ, что люди, озабоченные общественными и народными интересами на словахъ, оказываются заурядными эгоистами на практикѣ; что проповѣдники соціаль-

ныхъ добродѣтелей руководятся самолюбіемъ и разными прозаическими соображеніями; и, однако, мы не удивляемся этому, зная хорошо, что идеальная чистота жизни и дѣйствительное согласіе ея съ исповѣдуемыми принципами составляетъ удѣлъ весьма рѣдкихъ натуръ, призванныхъ служить свѣточами и образцами для обыкновенныхъ смертныхъ. Разница между Львомъ Толстымъ и другими писателями заключается въ томъ, что первый раскрылъ предъ публикою свои душевные недуги и личныя слабости, а другіе не дѣлаютъ этого и, напротивъ, стараются, быть можетъ, выставлять себя передъ читателями въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Не нужно забывать, что графъ Л. Н. Толстой самъ неоднократно признается въ своемъ безсиліи и въ неспособности осуществить идеалъ, выработанный имъ на склонѣ лѣтъ. Нѣкоторые упреки, дѣлаемые Л. Н. Толстому, могли бы быть устранены весьма простымъ житейскимъ предположеніемъ. Если ближайшіе родственники, жена и дѣти, не раздѣляютъ идей о превосходствѣ бѣдности предъ богатствомъ и о презрѣніи къ деньгамъ, то всякая попытка раздать имущество или отказаться отъ возможныхъ доходовъ, въ ущербъ интересамъ семьи, повлекла бы за собою назначеніе опеки, по существующимъ законамъ. Почему не допустить, что именно это обстоятельство лишаетъ автора безконтрольнаго права распоряжаться своимъ достояніемъ и своими доходами по личному усмотрѣнію? Л. Н. Толстой подлежитъ критикѣ не въ

томъ, какъ онъ поступаетъ въ частной жизни, а въ томъ, что онъ проводитъ въ своихъ поученіяхъ».

II.

Пріятно слушать подобныя резонныя рѣчи, хотя авторъ такихъ рѣчей, какъ увидимъ далѣе, не всегда такъ разсудителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи разные гг. Гиляровы и Михайловскіе требуютъ отъ гр. Толстого, чтобы его жизнь была осуществленіемъ его этическихъ теорій, когда сами они живутъ отнюдь не соображаясь съ тѣмъ, что проповѣдуютъ въ печати. Г. Михайловскій, напримѣръ, печатно объявлялъ съ великимъ апломбомъ, что его сочувствіе къ меньшимъ братьямъ простирается даже до готовности «претерпѣвать всякія невзгоды», лишь бы облегчили невзгоды меньшихъ братьевъ. И однако, объявляя о таковой великодушной готовности, онъ спокойно получилъ гонораръ за тѣ строки, въ которыхъ разводилъ о своей любви къ меньшимъ братьямъ, и еще спокойнѣе на этотъ же гонораръ ѣлъ и пилъ, по мѣрѣ своего благосостоянія, и услаждался удовольствіями, пристойными для каждаго средняго петербуржца, т. е. ходилъ въ Аркадію, въ Александринку и т. д. Такія «невзгоды», безъ сомнѣнія, имѣютъ очень мало общаго съ любовью къ меньшимъ братьямъ и съ готовностью «претерпѣвать» за нихъ. Другой примѣръ съ тѣмъ же г. Михайловскимъ еще

ярче: почтенный публицистъ, радѣя о радикальномъ прогрессѣ и равноправности съ «народомъ», заявилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», что коли у насъ мужика сѣкутъ, такъ онъ, г. Михайловскій, согласенъ, чтобы и его сѣкли. Однако, полагать надо, на практикѣ онъ едва ли бы допустилъ совершить надъ собой операцію сѣченія... Что касается до г. Гилярова-Платонова, то сей мудрый мужъ, попрекающій Толстого малымъ согласіемъ слова съ дѣломъ, самъ образчиковъ такого согласія тоже не представилъ до сихъ поръ. Напримѣръ, чрезвычайно заботясь въ своей газетѣ о прибавленіи колоколовъ на московскихъ колокольняхъ, онъ ограничивалъ это радѣніе только платоническими одобреніями тѣхъ, кто жертвовалъ на колокола, а самъ не проявлялъ ни малѣйшей охоты къ такимъ благочестивымъ пожертвованіямъ. Такъ-то, господа: геніальнаго, крупнаго человѣка попрекаете въ разладѣ слова съ дѣломъ, заподозрѣваете искренность его проповѣди, прямо кричите, что онъ лицемѣръ, фарисей, а сами-то... сами-то не оглянетесь на себя. А стоило бы только оглянуться и тогда бы вы отнеслись къ Толстому такъ, какъ онъ того достоинъ и какъ къ нему относятся, помимо васъ, большинство русскихъ людей, т. е. какъ къ мыслителю по глубинѣ и искренности послѣ Гоголя у насъ небывалому. Кстати, такъ какъ я упомянулъ о Гоголѣ, невольно приходитъ на память отношеніе къ нему Бѣлинскаго въ случаѣ, аналогичномъ съ тѣмъ, какой мы ви-

димъ теперь. Бѣлинскій тоже не преминулъ заподозрѣть Гоголя послѣ «Переписки» въ неискренности и лицемѣріи, не преминулъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю намекнуть послѣднему, что его «Переписка» вызвана желаніемъ подслужиться властямъ и получить педагогическую должность при дворѣ. Это ужъ, вѣрно, такъ самимъ Богомъ устроено, что даже лучшіе изъ поборниковъ либерализма всегда готовы внести въ свои отношенія къ великимъ талантамъ самую бабью подозрительность и мелочность, всегда готовы повѣрить гнуснѣйшимъ сплетнямъ и упрекнуть, на основаніи этихъ сплетенъ, геніальнаго писателя, если только этотъ писатель выскажется противъ любезной ихъ сердцу либеральной рутины. Этотъ пріемъ, какъ видно, утвердился у нашихъ либераловъ и сдѣлался традиціоннымъ!

Другой ихъ, тоже не менѣе традиціонный, пріемъ — признаніе великихъ художниковъ невѣждами, профанами въ наукѣ и отрицаніе у такихъ художниковъ ума, способности къ логикѣ, къ философскому мышленію. По мнѣнію нашихъ журнальныхъ мыслителей, русскій геніальный художникъ, не смотря на величіе своего таланта, можетъ быть человѣкомъ не особенно высокаго ума, можетъ создавать геніальныя художественныя произведенія, не обладая образованіемъ. Пушкинъ — говорятъ наши журнальные мыслители — былъ далеко не умный человѣкъ, образованіе имѣлъ довольно поверхностное, такъ что по уму и образованію его

далеко превышалъ Надеждинъ, писавшій подъ необыкновенно изящнымъ и остроумнымъ псевдонимомъ Недоумки, необыкновенно изящныя, остроумныя и глубокія статьи. Гоголь тоже былъ не уменъ и ужъ совсѣмъ, совсѣмъ не образованъ. По уму его далеко превосходилъ Бѣлинскій, да и по образованію также, несмотря на то, что Бѣлинскій (какъ сознаются сами либералы), тоже не получилъ правильнаго и широкаго образованія, но всетаки же необыкновенно просвѣтился «отъ друзей». Вотъ и гр. Толстой также: геніальный художникъ, что и говорить; но нелогичный умъ, не просвѣщенъ образованіемъ, однимъ словомъ, профанъ и чрезвычайно плохой мыслитель, особенно въ сравненіи съ такими глубокими и высокими умами и съ такими учеными людьми, какъ, напримѣръ, г. Михайловскій или г. Слонимскій, который въ «Вѣстникѣ Европы» такъ-таки прямо и заявляетъ, что авторъ «Войны и мира» въ наукѣ большой невѣжда. «Весьма многое въ разсужденіяхъ графа Л. Н. Толстого — пишетъ ученый г. Слонимскій — становится понятнымъ и естественнымъ, если принять въ разсчетъ, что онъ началъ заниматься науками сравнительно недавно, и что въ этой области онъ соединяетъ въ себѣ характерныя черты новичка и самоучки. Заглянувъ въ обширный храмъ науки, онъ съ чутьемъ художника схватываетъ внѣшнія особенности зданія и, какъ человѣкъ свѣжій, дѣлаетъ нѣсколько вѣрныхъ и мѣткихъ наблюденій; но въ то же время онъ не можетъ оріен-

тироваться въ непривычномъ ему мірѣ, не различаетъ главнаго отъ второстепеннаго, общепризнанныхъ положеній — отъ спорныхъ, видитъ науку въ каждой отдѣльной теоріи, открываетъ вновь азбучныя истины и, такимъ образомъ, постоянно попадаетъ въ просакъ». Бѣдный графъ Толстой, бѣдный самоучка и недоучка! Какъ онъ, несмотря на всю высоту своего художественнаго таланта, малъ сравнительно съ настоящими, истинными жрецами знанія гг. Слонимскими и Михайловскими, которые съ раннихъ лѣтъ вступили въ «обширный храмъ науки» и оріентировались тамъ такъ хорошо, что гуляютъ совершенно свободно, не спотыкаются и не натыкаются ни на какія препятствія и только самодовольно радуются, что путь ихъ такъ гладокъ и что ихъ мысль такъ же свѣтла, какъ стертая монета.

III.

Но позвольте, г. Слонимскій, позвольте, новоявленный ученый, о долгомъ служеніи въ храмѣ науки котораго до сихъ поръ что-то не было слышно, откуда вамъ извѣстно, что гр. Толстой началъ заниматься науками «сравнительно недавно»? Судя по тѣмъ даннымъ, какія обнаруживалъ великій художникъ съ самыхъ первыхъ своихъ произведеній, гр. Толстой началъ просвѣщать свою мысль наукою съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ началъ

мыслить, и просвѣщаетъ ее и до сихъ поръ съ пытливостью и упорствомъ геніальнаго мыслителя. Повидимому, нѣтъ отрасли знанія, который бы онъ не извѣдалъ въ той мѣрѣ, какая необходима для усвоенія ея сущности. Что мысль геніальнаго художника выработалась въ школѣ самаго широкаго просвѣщенія, что онъ знаетъ рѣшительно все то, что знаетъ его время — это доказываютъ столько же его художественныя, сколько мыслительныя работы. Не видѣть этого, отрицать это могутъ только тупые педанты, которые судятъ объ образованіи человѣка и писателя не на основаніи его произведеній, а на основаніи свѣдѣній о томъ, прошелъ ли онъ *формальную* школу науки. Г. Толстой не окончилъ университетскаго курса — вотъ фактъ, на которомъ господа педанты, господа Слонимскіе строятъ свое заключеніе, что онъ самоучка, что онъ профанъ въ наукѣ. Но истинно ученые люди совсѣмъ другого мнѣнія объ образованіи гр. Толстого: они признаютъ его исключительно образованнымъ человѣкомъ, какимъ можетъ быть только великій, геніальный умъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ одинъ изъ настоящихъ «ученыхъ» русскихъ людей, одинъ изъ настоящихъ русскихъ мыслителей Н. Н. Страховъ: «Мы ничего и не знаемъ объ *образованіи* гр. Л. Н. Толстого, кромѣ только того, что, какъ писатель съ высокимъ настроеніемъ ума, онъ никогда ни въ одной строчкѣ своихъ произведеній не вздумалъ ни похвалиться малѣйшей чертой своего образованія, ни въ какомъ бы

то ни было смыслѣ унизить дѣйствительно умныя вещи. Что же касается до *истиннаго знанія*, то чрезвычайное обиліе этого знанія у гр. Л. Н. Толстого есть дѣло, не подлежащее никакому сомнѣнію и для всякаго очевидное. Чего только не знаетъ этотъ человѣкъ!.. Сверхъ художественной геніальности мы должны признать за гр. Л. Н. Толстымъ огромную способность знанія, сверхъ поэтическаго дара—философскій талантъ, сверхъ изумительнаго умѣнья понимать смыслъ того, что пишется въ книгахъ, видѣть и то, что еще ни въ какихъ книгахъ не написано».

Такъ судятъ о знаніяхъ и научномъ образованіи гр. Толстого люди, которыхъ серьезность и компетентность въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть заподозрѣна. Не забавны ли послѣ этого самозванные приговоры, что геніальный художникъ — самоучка и недоучка, новичекъ и профанъ въ знаніи? И отъ кого, подумаешь, исходятъ такіе приговоры? Отъ журнальныхъ заурядностей, которые строчатъ ежемѣсячно статейки, не успѣвая часто порядочно обдумать той мнимо-научной полемики, съ какою они храбро напускаются на мыслителя, изложившаго въ своихъ писаніяхъ плоды глубокихъ изслѣдованій и размышленій, провѣренныхъ долгимъ жизненнымъ опытомъ. Они, эти журнальные заурядности, изволите видѣть, истинные и признанные жрецы «въ обширномъ храмѣ науки» и мы должны относиться къ срочной скрипотнѣ ихъ бойкихъ перьевъ съ гораздо большимъ довѣріемъ,

чѣмъ къ выстраданнымъ писаніямъ геніальнаго ума! Они авторитеты во всевозможныхъ наукахъ, они обладаютъ твердыми и основательными свѣдѣніями и въ философіи, и въ политической экономіи и въ естествознаніи, они мыслятъ логически и правильно, а гр. Толстой школьникъ, новичокъ во всемъ, что касается науки, его мысль непривычна къ логикѣ, его умъ недостаточно культивированъ, чтобы проникнуть въ глубину тѣхъ безднъ премудрости, въ которыя проникли гг. Михайловскіе и Слонимскіе! Для нихъ даже «скучно» останавливаться на «тѣхъ удивительныхъ открытіяхъ», какія дѣлаетъ гр. Толстой «въ чуждой ему сферѣ науки». Эти открытія вызываютъ въ нихъ, людяхъ, «имѣющихъ отношеніе къ наукѣ» только «улыбку». Такъ изъясняютъ намъ они сами, забывая, что, для всѣхъ посредственныхъ и ограниченныхъ педантовъ и рутинеровъ знанія, «открытія» геніальнаго ума всегда, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, казались смѣшными, нелѣпыми и дѣтскими, и что, въ концѣ концовъ, однако, «улыбка» доставалась на долю не геніальныхъ людей, повѣдавшихъ людямъ эти открытія, а именно тупыхъ педантовъ, глумившихся надъ этими открытіями съ высоты своей мнимой учености.

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

ı пятидесятилѣтнюю годовщину его смерти.

...«И вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: «Кончена жизнь»... «Жизнь кончена!» повторилъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давитъ!» были послѣднія слова его».

Эти послѣднія слова поэта, слышанныя и записанныя другимъ поэтомъ, прозвучали полстолѣтія тому назадъ съ одра смерти. Горькія, потрясающія слова, воспоминаніе о которыхъ сжимаетъ сердце болью и теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ со дня насильственной кончины человѣка, простившагося съ жизнью такимъ скорбнымъ прощаньемъ. Человѣкъ этотъ былъ необычайнымъ явленіемъ своего времени и своего народа: въ его геніальной душѣ и въ его геніальномъ умѣ сосредоточивались неисчерпаемыя сокровища поэзіи и мысли. Въ продолженіе недолгаго срока своего су-

ществованія, онъ разсыпалъ свои сокровища въ изумительномъ изобиліи, съ изумительной щедростью. Онъ столько далъ этихъ сокровищъ, что въ теченіе полувѣка ихъ хватило для цѣлаго ряда поколѣній, жившихъ послѣ поэта; онъ столько далъ этихъ сокровищъ, что они никогда не будутъ исчерпаны грядущими вѣками и поколѣніями.

Къ ужасу и горю его современниковъ, къ ужасу и горю всей тогдашней образованной Россіи, безжалостная смерть скосила его въ полномъ расцвѣтѣ мужества, въ то время, когда его геній достигъ наибольшаго развитія и готовился дать и родинѣ, и всему міру созданія творческой мысли еще болѣе высокія и прекрасныя, чѣмъ тѣ, которыя были уже даны этимъ могучимъ геніемъ. Онъ умеръ насильственною смертью, онъ былъ убитъ рукою пустого и пошлаго представителя той пустой и пошлой среды, которая «давила» поэта, въ которой ему было «тяжело дышать». Настоящая причина его гибели не въ роковой семейной драмѣ, бывшей внѣшнимъ, окончательнымъ поводомъ дуэли, а въ томъ, что его сильный и свободный геній не могъ примириться съ ложью и надменнымъ деспотическимъ пренебреженіемъ такъ называемаго «высшаго общества» или «свѣта». Онъ, какъ истинный поэтъ, какъ провозвѣстникъ и жрецъ высшихъ поэтическихъ идеаловъ, былъ олицетворённымъ протестомъ противъ низменныхъ и фальшивыхъ стремленій этого общества, противъ его пустоты и безнародности, противъ его «заемнаго

блеска», черстваго эгоизма и мелкаго деспотизма. «Общество» чувствовало инстинктивно неумолимый и постоянный протестъ поэта и, стараясь избыть его, раздражало его «позоромъ мелочныхъ обидъ», скрытно, лукаво и безчестно боролось съ нимъ. Эта взаимная борьба окончилась печальной катастрофой для поэта: онъ былъ убитъ, онъ погибъ страдальческой смертью.

Но не погибла его высокая дѣятельность, не погибла поэзія. Чѣмъ дальше живетъ русскій народъ, чѣмъ шире распространяется въ немъ свѣтъ образованія, тѣмъ съ большей живостью воскресаетъ эта изумительная поэзія, тѣмъ благотворнѣе и глубже становится ея вліяніе, тѣмъ ярче блещетъ въ ней та красота и правда, которую вложилъ въ нее поэтъ, — красота и правда, бывшія отраженіемъ красоты и правды его великой души. Геній Пушкина тѣмъ и превосходитъ всѣхъ представителей русскаго искусства, что ни у кого изъ нихъ не проявляется въ творчествѣ такое гармоническое сліяніе красоты и правды, что никто съ такою чуткостью не уразумѣлъ красоту и правду русской жизни, русскихъ народныхъ идеаловъ и никто не выразилъ ихъ въ такой ясности, опредѣленности, въ такой искренней простотѣ и полнотѣ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ представляетъ поистинѣ чудесное, изумительное явленіе, особенно если взять во вниманіе тѣ жизненныя условія, при которыхъ воспитался и проявилъ себя его геній.

Расцвѣтъ поэтической дѣятельности Пушкина совпадаетъ съ расцвѣтомъ въ европейской литературѣ и жизни романтизма—направленія чрезвычайно смутнаго, полнаго искусственнымъ броженіемъ, ложнымъ блескомъ,—направленія, по преимуществу кричащаго и лишеннаго ясности, простоты и правды. Русское образованное общество въ то время жило исключительно подражательными европейскими идеалами, понимало и принимало красоту и мнимую истину только этихъ идеаловъ, подчинялось имъ, поверхностно и легко увлекаясь ими, и было исполнено почти презрительнымъ отношеніемъ къ родной жизни, къ простой и, по тогдашнему мнѣнію, грубой и неразвитой русской дѣйствительности. Презрительное это отношеніе простиралось до того, что за поверхностнымъ европейничаньемъ русскіе люди не хотѣли и не могли даже и представить себѣ, какимъ образомъ возможно отыскать въ «сѣрой» и скромной русской жизни поэзію въ томъ блестящемъ смыслѣ, какой считался непремѣнно обязательнымъ для настоящей поэзіи. Даже русскій языкъ, богатѣйшій и выразительнѣйшій, казался недостаточно выработаннымъ и гибкимъ, недостаточно нѣжнымъ и благозвучнымъ въ качествѣ формы такой поэзіи, да не только казался, но даже отчасти и былъ такимъ до Пушкина.

И вдругъ явился поэтъ, явился вѣщій чародѣй, который какъ будто прикоснулся волшебнымъ жезломъ своего творчества къ русской жизни, къ рус-

ской природѣ, русской душѣ, къ родному языку и все это оживилъ дивнымъ поэтическимъ блескомъ, всему далъ силу и выразительность, краски и гармонію. Только на первыхъ шагахъ своего поэтическаго поприща онъ увлекся тѣмъ вѣяніемъ, которое представлялъ тогдашній европейскій романтизмъ, да и то больше увлекся по внѣшности. Въ немного «приподнятыхъ» и позирующихъ фигурахъ его первыхъ романтическихъ поэмъ уже чувствуются носители русской правды. Въ «Цыганахъ», позднѣйшей и совершеннѣйшей изъ всѣхъ поэмъ, задуманныхъ подъ вліяніемъ байроновской романтики, уже вложено одно изъ завѣтнѣйшихъ началъ народной русской жизни: требованіе смиренія личныхъ страстей, указаніе на то, что душевная правда и свобода даются только подвигомъ личнаго самоусовершенствованія, а не погоней за блестящими и фантастическими призраками внѣшней свободы. Въ «Онѣгинѣ» — лучшемъ созданіи Пушкина—поэтъ уже твердо сталъ на родную почву: весь смыслъ этого глубокаго созданія заключается въ любовномъ поэтическомъ превознесеніи русской природы и жизни въ ея скромныхъ, простыхъ и тусклыхъ по формѣ, но прекрасныхъ, глубокихъ и свѣтлыхъ по сущности проявленіяхъ. Въ лицѣ Онѣгина развѣнчанъ навѣянный, заемный типъ русскаго романтика-либерала, который со всѣмъ своимъ европейскимъ просвѣщеніемъ и блескомъ, со всѣми красивыми позами въ «Гарольдовомъ плащѣ», со всѣмъ протестомъ скитальца,

оторваннаго отъ почвы, поставленъ поэтомъ въ приниженное положеніе передъ истинною носительницею родной правды и естественности, предъ этой чистой и прекрасной дѣвушкой, «бѣдной Таней», деревни, развившейся потомъ еще въ болѣе возвышенную русскую женщину, въ дивный «образъ чистой красоты».

Какъ это всегда бываетъ, современники поэта не могли вполнѣ уяснить глубокаго и необычайнаго значенія его поэзіи, не могли обнять взоромъ всю широту его творчества, не могли вглядѣться въ тѣ далекія перспективы, которыя открывалъ передъ ними его геній. Они были увлечены первыми шумными и протестующими его произведеніями, первыми сладкими звуками его чудныхъ лирическихъ пѣсенъ, блестящими картинами его поэтической живописи, гармоническимъ и чуднымъ стихомъ. Первые тревожные, быстрые поэтическіе порывы Пушкина и дали ему тотъ ореолъ славы, въ которомъ онъ сіялъ въ глазахъ своихъ современниковъ. Но чѣмъ далѣе шелъ поэтъ, чѣмъ глубже становилось его творчество, чѣмъ правдивѣе, опредѣленнѣе и народнѣе дѣлались его идеалы, тѣмъ менѣе понятнымъ казался онъ людямъ своего времени, тѣмъ сдержаннѣе выражалось ихъ поклоненіе и восхищеніе. Поэтъ, какъ извѣстно, замѣчалъ это охлажденіе, понималъ, что онъ переросъ свое время и въ гордомъ сознаніи своего совершенствованія считалъ себя самого своимъ «высшимъ судомъ» и, уединясь отъ толпы, въ по-

слѣдніе годы своей жизни «про себя таилъ души высокія созданья». Разумѣется, онъ страдалъ отъ близорукости и охлажденія современниковъ, но однако же не впадалъ въ уныніе. Какъ мощный геній, онъ вѣдь понималъ жизнь въ самомъ возвышенномъ смыслѣ: онъ хотѣлъ «жить, чтобъ мыслить и страдать».

Потомство поправило то, что̀ было предосудительнымъ въ отношеніяхъ современниковъ къ Пушкину въ послѣдніе годы его жизни, годы, полные для поэта высшимъ проявленіемъ творческой дѣятельности, и въ то же самое время полные тѣхъ «мелочныхъ обидъ», которыя довели его геніальную душу до рокового взрыва, окончившагося печальной катастрофой. Потомство, пройдя цѣлый рядъ колебаній, несправедливыхъ и легкомысленныхъ оцѣнокъ, признало его наконецъ величайшимъ геніемъ, истиннымъ основателемъ русской поэзіи, въ настоящемъ и высшемъ значеніи этого слова, зачинателемъ всего того, чѣмъ гордится теперь наша литература, чѣмъ славится она и у другихъ народовъ, великимъ учителемъ всѣхъ крупнѣйшихъ представителей русскаго творчества за полвѣка, протекшіе со времени смерти великаго учителя. Нагляднымъ выраженіемъ такого торжественнаго признанія служитъ та «мѣдная хвала», которая воздвигнута на одной изъ площадей русской столицы тому, кто ранѣе самъ себѣ воздвигъ «памятникъ нерукотворный»...

Все это такъ и, однако, слѣдуетъ сказать по

справедливости, что мы еще не достаточно оцѣнили Пушкина, что и теперь, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его кончины, мы еще не вполнѣ разумѣемъ его геній, не вполнѣ выразумѣли всю глубину его высокихъ созданій и всю прелесть ихъ, что въ этомъ направленіи еще много и много остается работать въ будущемъ. Какъ и при жизни Пушкина, какъ потомъ въ позднѣйшую недавнюю эпоху общественнаго броженія, русское общество и наша литература и теперь еще не достигли въ своемъ почитаніи поэта того дружнаго согласія, какое замѣчаемъ мы у нашихъ европейскихъ сосѣдей по отношенію къ ихъ національнымъ геніямъ. Съ одной стороны, мы все еще какъ будто боимся признать Пушкина поэтомъ, равнымъ съ поэтами міровыми; съ другой—мы еще не сдѣлали почти ничего для ознакомленія съ его созданіями народной массы... Будемъ думать и надѣяться, что ко дню его столѣтняго юбилея, который уже не долго ждать, Пушкинъ будетъ разъясненъ и усвоенъ русскому народу такъ, какъ заслуживаетъ его колоссальный геній. А покуда, въ печальный день пятидесятилѣтія смерти поэта, почтимъ его великую память съ тѣмъ благоговѣніемъ, котораго требуютъ его неисчислимыя заслуги русскому сознанію и развитію, русскому искусству, его творческое подвижничество и его страданія, которыя, по нашему народному идеалу, всегда нераздѣльны съ истиннымъ подвижничествомъ во имя высшей правды...

ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ періодъ шестидесятыхъ годовъ, когда происходила довольно безалаберная ломка и перетряска прежнихъ идей и воззрѣній — въ этотъ бурностремительный періодъ россійскаго прогресса—Лермонтовъ былъ, какъ выражаются у насъ, развѣнчанъ, низведенъ съ своего высокаго пьедестала, низведенъ до степени поэтика свѣтскихъ хлыщей и безшабашныхъ юнкеровъ. Въ числѣ многихъ глупостей помянутаго періода, эта глупость была одною изъ самыхъ капитальныхъ и выразительныхъ. Автора этой глупости Вареоломея - Зайцева до сихъ поръ помнятъ только за нее: всѣ остальныя его критическія упражненія и мысли радикально забыты, но радикальное мнѣніе о ничтожествѣ личности и поэзіи Лермонтова памятно. Подобно тому, какъ Менцель, покусившійся съ точки зрѣнія формальнаго цивизма и либерализма низвести геніальность Гёте до уровня ретроградства и пошлости, связалъ воспоминаніе о

себѣ съ такимъ нелѣпымъ покушеніемъ,—подобно этому и Зайцевъ завѣщалъ свое имя, какъ покуситель на лермонтовскую поэзію. Изъ этихъ двухъ примѣровъ, да еще, пожалуй, изъ примѣра извѣстныхъ статей Писарева о Пушкинѣ, можно вывести поучительное зрѣлище того, какъ геніальные поэты, несмотря на кривыя и лживыя толкованія ихъ дѣятельности и поэзіи, не только не терпятъ ущерба отъ такихъ кривыхъ и лживыхъ толкованій, но даже авторамъ толкованій надолго даютъ извѣстность, правда, печальную,—извѣстность геростратовъ, но все таки же даютъ.

Впрочемъ, не одинъ Зайцевъ покушался на «развѣнчаніе» Лермонтова и его поэзіи. Не помню хорошо, раньше или позднѣе Зайцева, подобную же «развѣнчательную» оцѣнку «Героя нашего времени» и вообще лермонтовской поэзіи сдѣлалъ Водовозовъ въ своей исторіи русской литературы, теперь тоже позабытой, но во время оно пользовавшейся извѣстностью и даже авторитетомъ. Да, наконецъ, если я не ошибаюсь, даже и г. Пыпинъ, въ статьѣ, приложенной къ глазуновскому изданію Лермонтова 1873 года, отчасти сохранилъ нѣкоторый отголосокъ зайцевскихъ и водовозовскихъ воззрѣній на личность поэта и на его поэзію. Почтенный критикъ въ своемъ критическо-біографическомъ этюдѣ все какъ будто старается отнестись поснисходительнѣе къ Лермонтову, старается объяснить обстоятельствами времени, средою, дурнымъ воспитаніемъ и неполнымъ обра-

зованіемъ какъ личность поэта, такъ и его поэзію, которыя, по мнѣнію г. Пыпина, могли бы «тяжело поражать недодуманностью непривлекательныхъ идеаловъ», еслибы не находили себѣ оправданія въ помянутыхъ сейчасъ условіяхъ. Объясняя восхищеніе прежней критики протестующею и художественною силой поэзіи Лермонтова, г. Пыпинъ намекаетъ, что прежняя критика слишкомъ увлекалась именно вторымъ элементомъ, т. е. художественностью, и лермонтовскій протестъ освѣщала по-своему, видѣла въ немъ то, чего на самомъ дѣлѣ въ немъ не было и не могло быть потому, что Лермонтовъ былъ все же свѣтскій фатъ и офицеръ, не получившій солиднаго, настоящаго образованія. Замѣчу здѣсь кстати отъ себя, что въ періодъ шестидесятыхъ годовъ образованіе не признавалось и у Пушкина тоже, и у Гоголя, да не только образованіе не признавалось, но даже «умъ» настоящій у нихъ отвергался: въ то время, какъ извѣстно, умнымъ человѣкомъ считался только тотъ, кто «семинарію проходилъ», а всѣ непроходившіе семинаріи признавались легкомысленными «свѣтскими умами». Объясняя увлеченіе Лермонтовымъ со стороны прежней критики, г. Пыпинъ замѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ, что, «съ другой стороны, въ новѣйшей литературѣ не разъ высказывались самыя строгія (слѣдовало бы прибавить и самыя глупыя) сужденія о Лермонтовѣ. Критики, останавливаясь преимущественно на извѣстнѣйшихъ идеалахъ Лермонтова, — находили

въ его отрицаніи только мало понимаемаго Байрона, въ «Демонѣ»—слабую копію Люцифера, въ Печоринѣ—балованнаго свѣтскаго фата, напрасно старающагося прикрыть свою пустоту и бездушіе притязаніемъ на байроновское разочарованіе. Въ идеалахъ Лермонтова, въ его отрицаніи они находили непослѣдовательность, которая свидѣтельствовала, что въ нихъ *(въ идеалахъ или въ критикахъ?)* не было содержанія серьезнаго или достаточно продуманнаго». Далѣе г. Пыпинъ дополняетъ это строгое сужденіе еще болѣе точнымъ и еще болѣе строгимъ мнѣніемъ новыхъ критиковъ: «Нѣкоторые изъ новыхъ критиковъ вообще считали взглядъ Лермонтова очень узкимъ, указывали, какъ странно его скептицизмъ мѣшался съ его свѣтскими и офицерскими вкусами, указывали, какъ при этомъ скептицизмѣ онъ не выходилъ изъ рутины ходячихъ понятій и т. д.». Затѣмъ г. Пыпинъ занимается какъ бы нѣкоторымъ снисходительнымъ оправданіемъ Лермонтова и его поэзіи отъ односторонности такого воззрѣнія новыхъ критиковъ, но въ своемъ оправданіи, однако, признаетъ «порчу» въ характерѣ и понятіяхъ поэта и увѣряетъ, что такъ называемая разочарованность Лермонтова, какъ и Печорина, «была разочарованность великосвѣтская, соединявшаяся съ тѣмъ дендизмомъ, примѣръ котораго подавалъ Байронъ, но который конечно имѣлъ гораздо меньше смысла и права въ нашемъ обществѣ. Дендизмъ вовсе не такъ мѣшалъ дѣятельности Байрона, какъ нѣко-

торые у насъ полагали; но въ Лермонтовскомъ герое (быть можетъ и въ самомъ Лермонтовѣ) онъ высказался, кажется, главнымъ образомъ только большею степенью свѣтской наглости». Видите, въ концѣ концовъ, оправданіе Лермонтова, сдѣланное г. Пыпинымъ, сводится на признаніе въ немъ свѣтской пустоты, порчи, наглости...

Я заговорилъ о «развѣнчиваніи» Лермонтова и его поэзіи, практиковавшемся лѣтъ пятнадцать назадъ и, какъ мы видимъ, позднѣе имѣвшемъ вліяніе даже совсѣмъ не на легкомысленныхъ критиковъ, — я заговорилъ объ этомъ для того, чтобы показать, какъ у насъ вообще легко обращаются съ оцѣнкой геніальныхъ талантовъ. Вмѣсто того, чтобы стараться вникнуть сколько можно глубоко въ тѣ поистинѣ изумительныя сокровища ума и поэтическаго вдохновенія, которыя завѣщаны этими великими талантами, мы прежде всего спѣшимъ бросить нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на ихъ личность и потомъ на значеніе ихъ поэзіи. У насъ очень обыкновенны не только въ критикѣ, но даже и въ читающей публикѣ мнѣнія въ такомъ родѣ: «да, конечно, Пушкинъ былъ поэтъ крупный, великій непосредственный талантъ, но жаль ума-то вотъ не имѣлъ, образованіе получилъ поверхностное, дворянско-барское и потомъ, еще хуже того, камеръ-юнкерскимъ мундиромъ и большимъ свѣтомъ увлекался; да, разумѣется, Гоголь былъ геніальный писатель, основатель реалистической школы, но, вотъ бѣда, вѣдь неучъ почти былъ,

мистикъ неразвитый, къ разнымъ аристократамъ льнулъ и, чего ужъ никакъ ему простить нельзя, письма къ калужской губернаторшѣ писалъ; да, кто споритъ, Лермонтовъ былъ яркій, блестящій поэтическій талантъ, но, скверно то, что юнкерскія замашки пріобрѣлъ, наглый дендизмъ гвардейскихъ фатовъ обнаруживалъ и, вообще, по части общественныхъ и гражданскихъ идеаловъ никакой выдержки не имѣлъ». Да это еще хорошо, коли только на такія отрицательныя стороны укажутъ, какъ отсутствіе ума, развитія и якшаніе съ аристократами и большимъ свѣтомъ; а то иногда особенно проницательные цѣнители и судьи прямо выпалятъ: тотъ былъ пьяница, тотъ скрытымъ порокомъ занимался, а этотъ прямо былъ злой дебоширъ. И не только такъ о своихъ, русскихъ талантахъ судятъ, но и объ иностранныхъ. Еще недавно, съ годъ тому назадъ, мнѣ случилось прочитать въ одномъ либеральномъ журналѣ, — помнится, я въ свое время указывалъ на это читателямъ, — что Альфредъ де Мюссе былъ просто-напросто горькій пьяница, пошлый волокита и распутникъ. Такъ-то, съ одной стороны, любятъ у насъ судить о великихъ талантахъ; съ другой стороны, «новая критика», карая сурово легкомысліе, неразвитость, отсутствіе настоящихъ общественныхъ идей въ крупнѣйшихъ представителяхъ прошедшаго, отличается какою-то особенною снисходительностью къ такимъ посредственностямъ въ современномъ вкусѣ, которыя хоть «немножечко

дерутъ» и даже иногда хмѣльное въ ротъ берутъ, но съ аристократами зато не якшались, мундировъ не надѣвали никакихъ. Нерѣдко приходится слышать отзывы о посредственностяхъ новѣйшихъ въ такомъ родѣ: «да, конечно, Сидоровъ (или Карповъ) онъ ничего особенно яркаго и выработаннаго не далъ, но зато у него гражданскія идеи-съ были, да еще то въ разсчетъ возьмите, что вѣдь его съ восьми лѣтъ въ родительскомъ домѣ полѣномъ по головѣ колотили, а потомъ въ семинаріи чуть не ежедневно пороли: такъ тутъ, батюшка, генія-то не разовьешь; это не то, что ваши Пушкины да Лермонтовы: хорошо имъ, баловникамъ, было на всемъ готовомъ, какъ говоритъ одинъ семинаристъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго».

Снисходительность относительно Сидоровыхъ и Карповыхъ хотя отчасти и курьезна, все-таки она вполнѣ понятна; но строгость относительно крупнѣйшихъ дарованій, свѣтилъ таланта, отрицаніе у нихъ высоты ума и развитія, глубины и нравственной красоты характера — этакое отрицаніе, признаюсь, возмутительно. У насъ какъ-то взять не могутъ въ толкъ той истины, что для такихъ исключительныхъ, выдающихся колоссальныхъ дарованій, каковы Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, такъ сказать, не писанъ законъ формальнаго правильнаго образованія и развитія. Такія геніальныя натуры усвоиваютъ себѣ съ легкостію все то и даже во сто разъ больше того, что для обыкновен-

ныхъ смертныхъ требуетъ долгихъ годовъ серьезнаго ученія и образованія. Это именно тѣ люди, которые, по пословицѣ, съ неба звѣзды хватаютъ, у которыхъ дѣйствительно, какъ выражается Печоринъ, «силы необъятныя», такія силы, что при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и вліяніяхъ среды, при всемъ внѣшнемъ легкомысліи или нерадѣніи о своемъ развитіи, они внутренно работаютъ надъ расширеніемъ своего ума, надъ усвоеніемъ себѣ надлежащаго знанія жизни, работаютъ съ упорствомъ и постоянствомъ генія, влекущагося безсознательно къ возможно - совершенному выраженію той идеи, которую онъ призванъ выразить. Они берутъ свои уроки не отъ учителей и профессоровъ, не отъ развивающихъ друзей и кружковъ — они берутъ уроки у своего генія, у жизни, которую они проникаютъ до глубины, они берутъ свои уроки у природы, которой непосредственное созерцаніе дается имъ въ высшей степени. За что бы они ни принимались — за изученіе созданій геніевъ другихъ литературъ, за углубленіе въ историческое прошлое народа, за анализъ человѣческой души и страстей, за философское обобщеніе идей времени — все они легко постигаютъ силою своего проницательнаго ума и великаго вдохновенія, постигаютъ гораздо вѣрнѣе, точнѣе, глубже, чѣмъ обыкновенные люди при самой правильной и тщательной школѣ, постигаютъ затѣмъ, чтобы потомъ поучать другихъ долгое время, поучать цѣлыя поколѣнія. Какъ это у нихъ дѣ-

лается — это тайна ихъ генія. И, право, гораздо лучше стараться вникать въ глубины ихъ развитія, чѣмъ сомнѣваясь въ немъ, говорить: «гм... да, конечно, талантъ; но мало развитъ, мало учился, съ нашимъ пѣтухомъ, къ сожалѣнію, не былъ знакомъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ и условій среды».

Я, разумѣется, не имѣю намѣренія разбирать въ настоящемъ этюдѣ заново поэзію Лермонтова, такъ какъ это не для чего дѣлать: о красотахъ и значеніи его поэзіи достаточно было говорено Бѣлинскимъ и, право, къ его превосходнымъ эстетическимъ объясненіямъ нечего прибавить не только намъ, газетнымъ рецензентамъ, но даже и современнымъ критикамъ, претендующимъ на титулъ серьезныхъ. Но не безъинтересно будетъ указать на нѣкоторыя данныя въ сочиненіяхъ Лермонтова, прямо опровергающія навѣты на него новыхъ критиковъ. Новые критики, какъ мы видѣли, казнятъ Лермонтова за его преверженность къ аристократизму, его, какъ и Пушкина, любятъ обвинять въ сословныхъ предразсудкахъ. Однако, въ своей поэзіи, да и въ глубинѣ души Лермонтовъ презиралъ и ненавидѣлъ сословный эгоизмъ, что называется, отъ младыхъ ногтей. Будучи еще пятнадцатилѣтнимъ барченкомъ, баловнемъ богатой дворянской семьи, онъ выражалъ на этотъ счетъ такія протестующія идеи, которыя никакъ не вяжутся съ сословными аристократическими понятіями. Въ отроческомъ стихотвореніи «Жалоба

Турки» поэтъ спрашиваетъ: ты знаешь край, гдѣ

Являются порой
Умы и хладные и твердые какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!..
Другъ! этотъ край — моя отчизна!

Въ этихъ стихахъ пятнадцатилѣтняго мальчика опредѣлилась вся натура будущаго поэта, вся его судьба, все его будущее положеніе и основной смыслъ его будущей поэзіи. Что бы ни толковали новѣйшіе критики о его юнкерскомъ направленіи и нагломъ дендизмѣ, этотъ юнкеръ и денди глубоко ненавидѣлъ тотъ сословный, мелочной эгоизмъ, который угнеталъ его жадную къ свободѣ душу, какъ и души многихъ другихъ его современниковъ. Онъ энергически протестовалъ противъ этого эгоизма и его ненависть и протестъ начались почти съ дѣтскихъ дней, а позднѣе выразились съ поражающею силой въ его первомъ, получившемъ широкую гласность, стихотвореніи на смерть Пушкина. Любопытно прослѣдить, такъ сказать, первые, ранніе всходы помянутаго протеста. Въ драмѣ «Странный человѣкъ», написанной Лермонтовымъ на семнадцатомъ году, онъ изображаетъ гибель молодого человѣка, обусловливающуюся эгоизмомъ и бездушіемъ близкихъ ему людей. Въ краткомъ предисловіи къ этой драмѣ

встрѣчаются слѣдующія выразительныя строки: «Справедливо ли описано у меня общество — не знаю, по крайней мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хоть малѣйшая искра небеснаго огня». Въ припискѣ къ другому стихотворенію юноша-поэтъ выражаетъ такую мысль: «благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся, дабы не увидѣли, что они еще хуже его». Тамъ же у него записанъ такой сюжетъ предполагаемой трагедіи: «молодой человѣкъ въ Россіи, который не дворянскаго происхожденія, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальниками. Онъ былъ изъ поповичей или мѣщанъ, учился въ университетѣ и вояжировалъ на казенный счетъ. Онъ застрѣливается». Вотъ какія мысли и сюжеты тревожили еще шестнадцатилѣтняго Лермонтова и вотъ какъ онъ смотрѣлъ на «общество», увлеченіе пустотою котораго ему ставятъ въ вину новые критики. Впослѣдствіи, когда онъ достигъ громкой извѣстности, какъ поэтъ, когда «большой свѣтъ» призналъ его одной изъ своихъ звѣздъ, онъ, повѣствуя о своихъ великосвѣтскихъ успѣхахъ въ письмѣ къ другу-женщинѣ, говоритъ, что находитъ «невыносимымъ» вниманіе большого свѣта, но прибавляетъ, что опытность въ этомъ свѣтѣ ему полезна: «она мнѣ дала оружіе противъ того общества, которое *непремѣнно будетъ меня пре-*

слѣдовать своими клеветами, и тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ *не встрѣчается столько низостей* и странностей, какъ тутъ». Какъ видите, двадцатичетырехлѣтній Лермонтовъ остался при томъ же взглядѣ на общество, какой зародился у него еще въ отрочествѣ. Какъ видите, для Лермонтова не было только звонкой фразой его извѣстное желаніе «смутить веселье» свѣтскаго общества и бросить ему въ лицо

Желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Да, возражаютъ на это строгіе цѣнители и судьи, все это такъ: пусть онъ въ душѣ искренно презиралъ и ненавидѣлъ то эгоистическое общество, въ которомъ онъ вращался, однако же онъ былъ самъ его ревностнымъ членомъ, не выражалъ никакихъ поползновеній сходиться съ тогдашнею неаристократическою литературною средою, не интересовался своими успѣхами въ ней и, напротивъ, очень былъ занятъ своими успѣхами въ большомъ свѣтѣ. Вотъ обвиненіе поистинѣ курьезное. Тѣ же самые критики, восхищаясь поэзіей «печальника народнаго горя» Некрасова, не ставятъ ему въ вину, что онъ не жилъ среди мужиковъ и предпочиталъ обществу народа знакомство тузовъ англійскаго клуба. Любопытно было бы спросить обвинителей поэта въ исключительной приверженности къ аристократическому кругу, что̀ могъ для себя интереснаго найти Лермонтовъ въ той средѣ,

которую ему настойчиво рекомендуютъ, за пренебреженіе которой его упрекаютъ? Для своего литературнаго образованія онъ не могъ заимствовать ничего и ни у кого изъ тогдашнихъ литераторовъ средняго круга: онъ несомнѣнно былъ начитаннѣе и литературно-образованнѣе большинства изъ нихъ, онъ былъ знакомъ съ образцами западныхъ литературъ непосредственно, въ то время, какъ многіе изъ тогдашнихъ литераторовъ средняго круга, и въ томъ числѣ самъ Бѣлинскій, знали эти образцы по наслышкѣ и въ переводахъ. Что Лермонтовъ, при всей своей разсѣянной свѣтской жизни, серьезно занимался изученіемъ и русскихъ, и иностранныхъ литературъ и вообще много читалъ, много работалъ надъ своимъ умственнымъ развитіемъ, на это есть свидѣтельства его современниковъ и притомъ такихъ серьезныхъ, какъ, напримѣръ, кн. Васильчиковъ; да еслибы и не было такихъ свидѣтельствъ—это лучше всего и ярче всего доказываютъ сочиненія Лермонтова. Просмотрите два объемистыхъ тома стиховъ и прозы Лермонтова, возьмите въ разсчетъ, что почти все имъ написанное написано въ какія нибудь шесть-семь лѣтъ, возьмите въ разсчетъ, что онъ умеръ еще въ юношескомъ возрастѣ, затѣмъ сообразите, сколько нужно было потратить времени на такой серьезный и обильный трудъ,—и вы увидите, что на разсѣянную жизнь онъ потратилъ времени гораздо менѣе, чѣмъ объ этомъ толкуютъ критики-моралисты. Эти господа вообра-

жаютъ, что поэтъ только тогда можетъ создавать настоящія плодотворныя произведенія, когда онъ сидитъ за книжками, на лекціи извѣстныхъ профессоровъ ходитъ и съ умными литераторами бесѣдуетъ. Эти господа, для которыхъ кабинетъ и библіотека, трудъ буквоѣднаго чтенія и потъ бумагомаранія представляются настоящими и единственными элементами умственнаго и поэтическаго развитія,—эти господа никакъ не могутъ понять, что поэту иногда быть можетъ гораздо нужнѣе кропанья въ библіотекахъ и книгахъ, нужнѣе умныхъ бесѣдъ съ учеными и литераторами непосредственное участіе въ жизни, даже разсѣянной «свѣтской» жизни. Чтобы воспроизводить жизнь въ поэзіи нужно окунуться съ головой въ ея омутъ, что̀ и дѣлаютъ и всегда дѣлали, не щадя своихъ силъ, съ безумнымъ увлеченіемъ, геніальные представители поэзіи. Скромныя дарованія, въ родѣ, напримѣръ, Соути и у насъ Жуковскаго, были примѣрнаго поведенія, «нравственные» и трудолюбивые люди, а крупные геніи, какъ Байронъ или Пушкинъ, были безумные расточители своихъ силъ, особенно въ годы кипучей юности. Для сильныхъ натуръ страсти и ихъ тревоги служатъ такимъ же возбуждающимъ стимуломъ творчества, какъ и трудъ, и иногда гораздо бо̀льшимъ, чѣмъ умѣренность и воздержаніе. У Байрона есть любопытное признаніе объ этомъ: онъ говоритъ, что воздержаніе погружаетъ его въ умственную апатію. «Бѣшеныя страсти для меня лучше. Когда я находился

подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ—странно, но я всегда былъ взволнованъ, а не апатиченъ». Лермонтовъ принадлежалъ къ категоріи такихъ же темпераментовъ и осуждать его за разсѣянную жизнь и увлеченіе страстями по меньшей мѣрѣ странно: онъ и въ томъ и въ другомъ почерпалъ оживленіе для трудовъ своего творчества и, стало быть, ему было необходимо то и другое. Только новѣйшіе протоколисты въ искусствѣ утверждаютъ, что для поэта и вообще художника необходимо примѣрное поведеніе, сидячая домашняя жизнь, непремѣнно законное супружество и даже писаніе по заказу, опредѣленное количество строкъ въ день; только эти господа увѣряютъ, что безъ такихъ условій поэтъ немыслимъ. Зато вѣдь, руководствуясь рецептомъ примѣрнаго поведенія и кабинетнаго трудолюбія, они производятъ не художественно-поэтическія созданія, а «протоколы», иногда такъ-таки прямо руководствуясь, напримѣръ, полицейскими отчетами о нравахъ и бытѣ проституціи...

Да не подумаютъ, однако же, что я рекомендую въ качествѣ школы таланту *одну* разсѣянную жизнь и увлеченіе страстями. Я хочу сказать, что, нечего упрекать за то и другое крупный талантъ, если онъ, какъ это всегда бываетъ у настоящихъ талантовъ, совершаетъ при этомъ и въ области серьезнаго труда такъ много, что остается только дивиться обыкновеннымъ смертнымъ, когда и какъ онъ успѣлъ сдѣлать то, что̀ имъ сдѣлано. Нельзя

прилагать къ необыкновеннымъ людямъ, полнымъ «необъятными силами», мѣрку буржуазной морали и вагнеровскаго трудолюбія. Недобросовѣстно, скажу даже болѣе, просто низко стараніе умалить большое дарованіе маленькими, мелочными слабостями его натуры. Еще прежде можно было толковать вкривь и вкось объ офицерскихъ замашкахъ и дурачествахъ Лермонтова, о нагломъ его дендизмѣ, о великосвѣтскихъ стремленіяхъ Пушкина и камеръ-юнкерскомъ его мундирѣ: такіе толки, по разнымъ обстоятельствамъ, казались либеральными, имѣли «гражданскую» подкладку. Теперь эта пѣсня стара, ее бросить пора. Мы знаемъ изъ поэтическихъ признаній, изъ писемъ того и другого поэта, что помянутыя ихъ слабости были чисто формальными слабостями, что въ глубинѣ своей души они смотрѣли и на большой свѣтъ, и на успѣхи въ немъ совершенно правильно; мы знаемъ, что они въ сущности тяготились всѣмъ этимъ, мы знаемъ, что они никогда не были пустыми людьми и не увлекались пустою жизнью настолько, чтобы ставить ее выше своего творчества, выше той идеи искусства, которой служилъ упорно, твердо и энергически ихъ геній. Самая ихъ разсѣянная жизнь, какъ и для Байрона, какъ и для Гёте въ его молодости, какъ и для Шекспира, какъ и для всякаго геніальнаго поэта, вовсе не была для нихъ источникомъ умаленія ихъ силъ, а, напротивъ, оживленіемъ. Разные шелопаи изъ аристократовъ, точно такъ же какъ и изъ плебеевъ, разумѣется,

въ такъ называемой разсѣянной жизни находятъ только одно: пошлое удовлетвореніе своихъ животныхъ влеченій и мелкихъ самолюбій. Но благородные умы и души высокихъ дарованій и въ своихъ мелкихъ заблужденіяхъ отыскиваютъ цѣнный матеріалъ для своего творчества, почерпаютъ уроки для себя, чтобы передавать ихъ другимъ; благороднымъ и высокимъ душамъ эти заблужденія *нужны* для ихъ поэзіи, для ихъ художественнаго творчества почти столько же, сколько ученье и трудъ...

БЕЛЛЕТРИСТЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Разница положенія писателей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. — Литературныя вліянія двухъ періодовъ. — Изданіе сочиненій г. Глѣба Успенскаго.

Судьба нѣкоторыхъ беллетристовъ шестидесятыхъ годовъ была очень печальна: они выступили на литературное поприще съ шумомъ и блескомъ, возбудили въ началѣ своего появленія живыя надежды и очень скоро «увяли, не успѣвши расцвѣсть». Вспомните Помяловскаго, Слѣпцова, Левитова, Рѣшетникова; какіе все это были даровитые люди, какъ много обѣщали они, какъ быстро надломилась ихъ жизнь и какъ преждевременно сошли они въ могилу. По силѣ и свѣжести таланта эти писатели, безъ сомнѣнія, были не ниже многихъ своихъ предшественниковъ — крупныхъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ; но ихъ участь была далеко не столь свѣтлая, ихъ литературная

дѣятельность порвалась на первыхъ же шагахъ ея развитія, имъ не суждено было достигнуть зрѣлаго возраста, вполнѣ развить посланный имъ небомъ даръ творчества; имъ не суждено было «бросить вѣкамъ»

Ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда,

какъ это удалось ихъ предшественникамъ, именами и произведеніями которыхъ гордится русская литература и гордится справедливо, такъ какъ это такія имена и такія произведенія, какихъ немного не только въ ихъ отечествѣ, но даже и въ Европѣ. Эта разница въ судьбѣ и значеніи писателей двухъ поколѣній, конечно, не случайна: она обусловливалась извѣстными причинами. Почти всѣ крупные писатели-художники сороковыхъ годовъ, начавшіе свою дѣятельность въ до-реформенный періодъ, были продуктомъ дворянской, помѣщичьей среды. Они въ полномъ смыслѣ представляли цвѣтъ русскаго образованнаго сословія. Они развились и воспитались и матеріально, и нравственно, пользуясь исключительными преимуществами, въ какихъ стояло это сословіе, обезпеченное народнымъ трудомъ и имѣвшее всѣ средства для воспріятія и усвоенія себѣ умственныхъ и эстетическихъ благъ. Извѣстно, что эти блага для настоящаго культивированія ихъ требуютъ очень многаго и прежде всего благопріятнаго досуга, свободы отъ угнетеній нужды, особенно въ раннемъ возрастѣ дѣтства и въ свѣтломъ возрастѣ юности, когда происходитъ

первоначальная подготовка мыслительныхъ и творческихъ силъ, когда развивается, такъ сказать, ихъ закваска. Такимъ благопріятнымъ досугомъ, такою свободою, такою подготовкою писатели-художники до-реформеннаго періода обладали въ значительной мѣрѣ, а иные изъ нихъ даже сверхъ мѣры. Прослѣдите біографіи Герцена, Тургенева, Огарева, Алексѣя Толстого, этихъ птенцовъ «дворянскихъ гнѣздъ», вы увидите, что въ дѣтствѣ и «на зарѣ цвѣтущей юности» этимъ счастливцамъ предоставлены были судьбой всѣ способы для развитія въ нихъ литературныхъ склонностей, вы увидите, что на ихъ жизненномъ пути отсутствовали тѣ надламывающія моральный и физическій организмъ бѣдствія мелкой будничной борьбы за существованіе, которыя такъ губительны именно въ пору расцвѣта души и тѣла. Правда, не всѣ писатели до-реформеннаго періода воспитались въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Есть между этими писателями такіе, которые вытерпѣли и выстрадали много отъ нужды и, несмотря на это, все-таки успѣли достигнуть огромнаго значенія и дали крупныя произведенія. Таковы, напримѣръ, Некрасовъ и Достоевскій. Но все-таки же обстановка первоначальнаго развитія и этихъ двухъ писателей далеко не можетъ идти въ рядъ съ тою обстановкой, какую мы находимъ у писателей послѣдовавшаго поколѣнія, у писателей шестидесятыхъ годовъ. Некрасовъ до семнадцати лѣтъ, когда онъ ушелъ изъ родного дома въ Петербургъ, воз-

росъ въ помѣщичьей семьѣ, въ которой, при всѣхъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, не было однако же тѣхъ ужасовъ голоданія и одичалой бѣдности, какими сопровождалось дѣтство хотя бы Рѣшетникова или Левитова; эти ужасы онъ извѣдалъ позднѣе, въ ранніе годы юности. Къ тому же, примѣръ Некрасова до нѣкоторой степени служитъ доказательствомъ того, насколько для таланта губительна тяжелая первоначальная обстановка и отсутствіе благопріятныхъ условій для развитія и образованія. Еслибы Некрасовъ, при его огромномъ дарованіи и умѣ, получилъ въ дѣтствѣ и юности такое же образованіе и развитіе, какое получили Тургеневъ, Герценъ, онъ, конечно, стоялъ бы въ ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Именно отсутствіе развитія и образованія и помѣшало ему создать что-либо вполнѣ художественно-законченное: онъ является въ своей поэзіи только сильнымъ лирикомъ и протестантомъ и безпрестанно обнаруживаетъ слабость какъ поэтъ-художникъ. Въ его стихахъ, при всей ихъ оригинальности, такъ много грубаго, банальнаго и безвкуснаго, что на людей съ тонкимъ эстетическимъ пониманіемъ они производятъ непріятное впечатлѣніе и только немногія, вылившіяся у поэта прямо изъ души, лирическія пьесы и строфы признаются знатоками за поэтическіе перлы. Что касается Достоевскаго, то бѣдствія его жизни, борьба съ нуждой начались собственно тогда, когда онъ уже выступилъ на литературное поприще; до этого времени онъ вос-

питался въ обстановкѣ не особенно мрачной и, во всякомъ случаѣ, получилъ въ дѣтствѣ и въ ранней юности очень порядочную подготовку.

Писатели шестидесятыхъ годовъ, за очень немногими исключеніями, являются продуктомъ или разночинской, или мѣщанской и крестьянской среды, или среды провинціальнаго духовенства. Если между ними и встрѣчается кой-кто изъ дворянъ, то по большей части изъ такихъ обѣднѣвшихъ дворянскихъ семей, которыя, несмотря на свою родовую привиллегированность, низошли на степень пролетаріата. Условія первоначальнаго воспитанія и образованія почти всѣхъ писателей шестидесятыхъ годовъ по большей части самыя тяжелыя, не только неблагопріятныя для развитія и выработки художественныхъ вкусовъ и стремленій, но зачастую просто невозможныя, убивающія и физически, и нравственно условія. Прочтите біографію Левитова, происходившаго изъ духовнаго сословія, прочтите біографію Рѣшетникова, вышедшаго прямо изъ крестьянской среды. Какое чувство явится у васъ прежде всего при чтеніи этихъ біографій? Чувство жалости, чувство сожалѣнія о томъ, что такія даровитыя личности съ самыхъ раннихъ дней дѣтства подпали подъ страшный гнетъ безобразной и одичалой житейской обстановки. И на ряду съ этимъ чувствомъ у васъ невольно возникнутъ вопросы: какимъ чудомъ, находясь въ такомъ ужасномъ положеніи съ первыхъ лѣтъ душевнаго и умственнаго развитія, они могли

сохранить въ себѣ искру таланта, вложеннаго въ нихъ Богомъ? Какимъ образомъ они были въ состояніи дать литературѣ произведенія, столь свѣжія и оригинальныя, хотя и недоразвившіяся? Какимъ образомъ они не погибли гораздо раньше, еще въ дѣтствѣ, еще при самомъ началѣ жестокой борьбы съ гнетомъ нужды, съ безобразіемъ воспитанія, съ грязью жизни? Поистинѣ, природа вложила въ нервные и хрупкіе организмы этихъ людей огромную силу выносливости и могучее, непреоборимое стремленіе къ тому призванію, которое помогло имъ вынести всѣ матеріальныя бѣдствія и невзгоды, всѣ нравственныя извращенія, всѣ нравственныя калѣченія, какимъ они подвергались почти отъ колыбели и до могилы. На этихъ литературныхъ личностяхъ легла, очевидно, та печать упорнаго нравственнаго преобладанія надъ всякими угнетеніями, которой надѣленъ нашъ,

Терпѣньемъ изумляющій народъ.

Литературная эпоха, въ которую выступили писатели сороковыхъ годовъ, была также болѣе благопріятной для выработки художественныхъ дарованій сравнительно съ литературною эпохой годовъ шестидесятыхъ. Періодъ сороковыхъ годовъ соприкасался съ блестящимъ періодомъ великой художественно-поэтической дѣятельности Пушкина. Гоголь, совершившій переворотъ въ нашей повѣствовательной литературѣ и указавшій ей новый путь, находился тогда въ апогеѣ своей славы и его геній достигъ высшаго развитія въ «Мертвыхъ Ду-

шахъ». Уроки и творческіе завѣты двухъ крупнѣйшихъ наставниковъ, двухъ представителей поэзіи и правды творчества были еще столь свѣжи, вѣяли такою живою, возбуждающею струей и въ литературѣ, и въ обществѣ, что невольно сообщались молодымъ тогдашнимъ талантамъ, такъ сказать, непосредственнымъ своимъ воздѣйствіемъ на ихъ духъ. Цензурныя стѣсненія, замыкавшія печать въ извѣстныя ограниченныя рамки, болѣе всего остального давали простору беллетристикѣ, эстетической критикѣ и такимъ образомъ заставляли литературу усиленно сосредоточиваться именно въ художественныхъ работахъ, заставляли читающую публику искать именно тутъ, въ этомъ ограниченномъ кругѣ печати, все, что давала тогдашняя русская мысль, отнимали и у читателей, и у авторовъ возможность разбрасываться въ разныя стороны, напримѣръ, въ сторону политической публицистики, преобладаніе которой — что бы ни говорили приверженцы «гражданскаго» направленія въ литературѣ — всегда вредитъ какъ поэзіи, такъ и художественной беллетристикѣ.

Совершенно иное видимъ мы въ литературной области въ періодъ шестидесятыхъ годовъ. Этотъ періодъ былъ, безъ сомнѣнія, періодомъ оживленія нашей литературы, но оживленія отнюдь не въ направленіи эстетическо-художественномъ. Въ шестидесятые года ожили и получили широкое и главенствующее значеніе собственно журналистика и публицистика. Художественное творчество было

отодвинуто на второй планъ, значеніе его старалась принизить тогдашняя критика, увлекавшаяся исключительно публицистическими цѣлями. Самою любимою и самою выдающеюся беллетристикой въ то время считалась беллетристика обличительная, т. е. наиболѣе фальшивая и наименѣе обработанная въ художественномъ отношеніи. Уроки и завѣты пушкинской и гоголевской школы не только сдѣлались смутнымъ преданіемъ, но надъ Пушкинымъ и его поэзіей прямо издѣвались лучшіе изъ тогдашнихъ критиковъ, напримѣръ, Добролюбовъ, Писаревъ. Гоголь былъ какъ-то позабытъ, до того позабытъ, что съ тѣхъ поръ пребываетъ въ забвеніи даже и до нашихъ дней, когда многіе цѣнители и судьи серьезно предпочитаютъ великому и глубокому творчеству автора «Мертвыхъ Душъ» фельетонно-сатирическое творчество въ новѣйшемъ вкусѣ. Отъ молодыхъ беллетристовъ и поэтовъ прежде всего требовалось, чтобы они были «съ прекраснымъ направленіемъ» и затѣмъ имъ великодушно прощалось, если они «немножечко дерутъ». Писатели сороковыхъ годовъ и ихъ художественныя и поэтическія работы, за немногими исключеніями, объявлялись продуктами «барской», «помѣщичьей» эстетики. Самыя слова поэзія, эстетика, имѣвшія въ предшествовавшій литературный періодъ такое уважаемое, почти священное значеніе, теперь нерѣдко считались презрительными. Взамѣнъ прежняго эстетическаго принципа, требовавшаго отъ художника поэтическаго воз-

созданія жизни, былъ выставленъ новый, будто бы, реалистическій принципъ: послѣдователи этого принципа провозглашали, что «живое яблоко всегда лучше нарисованнаго» и рекомендовали внѣшнюю фотографическую копировку дѣйствительности, подъ извѣстнымъ, впрочемъ, условно-либеральнымъ, «гражданскимъ» освѣщеніемъ.

Молодые писатели шестидесятыхъ годовъ, выступившіе въ литературу, какъ я уже говорилъ, безъ должной умственной и образовательной подготовки, которая была немыслима при условіяхъ ихъ воспитанія, легко и охотно подчинялись требованіямъ времени: вѣдь эти требованія подходили какъ нельзя лучше къ положенію молодыхъ писателей матеріальному и умственному. Эти требованія въ сущности освобождали писателей шестидесятыхъ годовъ отъ литературной выработки ихъ произведеній, эти требованія давали имъ возможность бросать свои наблюденія надъ дѣйствительностью почти въ первобытной, въ необдѣланной формѣ, въ формѣ фотографическихъ снимковъ, небрежныхъ эскизовъ, въ формѣ отрывковъ изъ своихъ записныхъ книжекъ, случайныхъ замѣтокъ, діалоговъ, сценъ. Надъ сырымъ матеріаломъ наблюденій дѣйствительности не требовалось никакого иного труда, кромѣ легкой подбавки къ нему дешеваго юмора и рутиннаго «направленія», весь либерализмъ и цивизмъ котораго нерѣдко заключался въ томъ, что писатели старались выбирать для своихъ фотографій дѣйствительность помизер-

нѣе, побезобразнѣе, иногда пожалостнѣе, иногда посмѣшнѣе. Беллетристамъ, писавшимъ по большей части для того, чтобы жить, а не жившимъ для того, чтобы писать, беллетристамъ, задавленнымъ нуждой, погоней за насущнымъ кускомъ хлѣба, не дававшей имъ времени на обдумываніе своихъ работъ, на прилежный долгій трудъ надъ ними, были на руку упражненія въ поверхностномъ наблюденіи и списываніи дѣйствительности, которое провозглашалось истиннымъ реализмомъ, новымъ, правдивымъ, «трезвымъ» искусствомъ. Они бросились на эту легкую работу съ понятною въ ихъ положеніи ревностью, довели ее не только до невѣроятной небрежности, но даже до невѣроятнаго неряшества, и нѣкоторые изъ нихъ (вспомнимъ, напримѣръ, г. Николая Успенскаго, какъ яркій образчикъ въ тогдашнемъ литературномъ родѣ) истощили свое недюжинное дарованіе чрезвычайно скоро, такъ скоро, что ихъ расцвѣтъ почти совпалъ съ ихъ увяданіемъ. Винить за это иныхъ писателей шестидесятыхъ годовъ почти нельзя: слишкомъ много смягчающихъ, или, вѣрнѣе, слишкомъ много печальныхъ обстоятельствъ было въ ихъ молодой авторской карьерѣ: требовалось обладаніе необыкновенной, выдающейся силой таланта, ума и характера, чтобы не спотыкнуться на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, чтобы не пойти по ложной дорогѣ, чтобы не ослабѣть, не измельчать въ ремесленномъ трудѣ и не пасть окончательно. Немного счастливцевъ вынырнуло изъ мут-

наго потока, въ которомъ имъ пришлось закружиться съ самаго выступленія на служеніе искусству; да и такіе вынырнувшіе счастливцы все-таки сохранили на плодахъ своего творчества слѣды той мути, въ которой, волей-неволей, имъ довелось купаться въ періодъ бурнаго стремленія «обличительнаго» прогресса.

Къ числу такихъ немногихъ вынырнувшихъ счастливцевъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ г. Глѣбъ Успенскій, собраніе сочиненій котораго недавно издано г. Павленковымъ. Изданіе это, конечно, заслуживаетъ полнаго успѣха и, вѣроятно, оно будетъ имѣть такой успѣхъ. Я, по крайней мѣрѣ, отъ души желаю этого успѣха даровитому беллетристу. Желаю, во-первыхъ, потому, что его сочиненія вполнѣ заслуживаютъ этого и, во-вторыхъ, потому, что, быть можетъ, благодаря ихъ успѣху, авторъ «Нравовъ Растеряевой улицы» и «Разоренія» получитъ возможность работать съ большею самостоятельностью, съ большею свободой отъ разныхъ срочно-журнальныхъ требованій и, главное, съ большей обдѣлкою своего сырого матеріала. Г. Успенскій воспринимаетъ этотъ матеріалъ съ замѣчательной наблюдательностью, но нерѣдко эксплоатируетъ его съ поспѣшностью, обусловливающейся не внутреннимъ порывомъ творчества, а чисто внѣшними обстоятельствами. Г. Успенскій самъ, въ предисловіи къ первому тому своихъ сочиненій, сознается въ томъ, что ему приходилось очень часто печатать свои

очерки и разсказы «вовсе не въ томъ видѣ, какой они имѣли въ рукописи» и не въ той послѣдовательности, въ какой они были задуманы съ цѣлью представить нѣчто цѣлое, характеризующее извѣстный циклъ воспроизводимыхъ въ нихъ жизненныхъ явленій. Авторъ довольно смутно объясняетъ причины, заставлявшія его поступать такимъ образомъ и притомъ, какъ кажется, нѣчто тутъ не договариваетъ. Не договариваетъ онъ именно вотъ что: вѣроятно, и въ рукописи его произведенія далеко имѣли бы не тотъ видъ, еслибы онъ могъ выдерживать ихъ подолѣе въ своемъ портфелѣ, еслибы онъ, побуждаемый разными обстоятельствами, не спѣшилъ ихъ печатать, часто не придавши имъ надлежащей обработки, надлежащей законченности. Но то, чего не договариваетъ авторъ, довольно ясно выдаютъ многія страницы его очерковъ и даже, порою, цѣлые очерки. На г. Успенскомъ, несмотря на значительность дарованія, все-таки очень ярко отразились тѣ неблагопріятныя условія, въ которыя, по волѣ судьбы, поставлены были почти всѣ писатели шестидесятыхъ годовъ и онъ, очевидно, прошелъ рядъ разныхъ неблагополучныхъ вліяній тогдашняго времени, вліяній и литературныхъ, и житейскихъ. Можетъ быть, отъ этихъ вліяній онъ не освободился еще и теперь и они могутъ грозить ему еще въ будущемъ... Впрочемъ, объ этомъ подробнѣе я скажу потомъ. Теперь же повторяю еще разъ: я радуюсь и, думаю, что со мной порадуются и многіе читатели по-

явленію сочиненій даровитаго автора въ возможно цѣлостномъ и полномъ видѣ, въ той послѣдовательности, которая придаетъ его отдѣльнымъ очеркамъ общій широкій смыслъ, соединяетъ ихъ руководящею нитью. Теперь представляется возможность и для читателей, и для критики выяснить, такъ сказать, общую литературную физіономію автора, которая въ продолженіе его, если не ошибаюсь, двадцатилѣтней литературной дѣятельности мелькала слишкомъ дробно, по частямъ, въ разныхъ журналахъ и въ отдѣльныхъ собраніяхъ нѣкоторыхъ его очерковъ. Попробуемъ же вглядѣться въ тотъ литературный обликъ, который является намъ въ сочиненіяхъ одного изъ младшихъ по времени своего вступленія на литературное поприще и тѣмъ не менѣе самыхъ типическихъ представителей беллетристики, народившейся въ шестидесятые годы, укрѣпившейся съ тѣхъ поръ и, какъ кажется, все развивающейся, иногда болѣзненно и фальшиво, но, во всякомъ случаѣ, развивающейся. Попробуемъ, не мудрствуя лукаво, обозрѣть тотъ довольно обширный и характерный матеріалъ, который лежитъ передъ нами въ четырехъ томахъ, заключающихъ въ себѣ около ста печатныхъ листовъ.

II.

Начало литературной дѣятельности г. Глѣба Успенскаго. — Два слова о его положеніи въ «Отечественныхъ Запискахъ. — Г. Успенскій какъ изобразитель мѣщанства.—Основная тема его очерковъ изъ жизни мѣщанства. — «Нравы Растеряевой улицы».

I.

Г. Глѣбъ Успенскій, если не ошибаюсь, началъ свою литературную дѣятельность въ шестьдесятъ второмъ или шестьдесятъ третьемъ году. Начальныя беллетристическія работы молодого автора отдавали подражаніемъ его омониму г. Николаю Успенскому, теперь почти забытому, но въ то время пользовавшемуся репутаціей одного изъ самыхъ даровитыхъ представителей новой реалистической школы. Первые фельетоны и очерки г. Гл. Успенскаго, помнится, появившіеся въ московскомъ юмористическомъ журналѣ «Зритель», имѣли характеръ безпритязательныхъ фотографій будничной дѣйствительности, главная цѣль которыхъ была повеселить читателя курьезными сценами и нравами, а главное качество — вѣрность и точность копировки. Затѣмъ г. Гл. Успенскій продолжалъ свою дѣятельность въ петербургскихъ журналахъ — «Современникѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ», кажется въ «Библіотекѣ для чтенія» (редакціи г. Боборыкина) и, наконецъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ», когда они перешли подъ редакцію Некрасова и Салты-

кова. Въ названномъ сейчасъ журналѣ даровитый беллетристъ, такъ сказать, установился окончательно и здѣсь его талантъ сформировался и принялъ то опредѣленное направленіе, которое составляетъ отчасти его силу, отчасти, если такъ можно выразиться, угнетаетъ его. Въ своемъ мѣстѣ я распространюсь подробнѣе и яснѣе о томъ, что̀ я разумѣю подъ угнетеніемъ таланта г. Успенскаго извѣстнымъ журнальнымъ направленіемъ. Теперь же, къ слову, замѣчу вотъ о чемъ: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что «Отечественныя Записки» очень много обязаны своимъ успѣхомъ беллетристическимъ работамъ г. Гл. Успенскаго, всегда выдававшимся среди прочаго беллетристическаго матеріала почтеннаго журнала. Въ этомъ отношеніи только сатиры г. Щедрина и стихи Некрасова превышали значеніе для журнала очерковъ и этюдовъ г. Успенскаго, которые постоянно встрѣчались публикою съ особеннымъ вниманіемъ, всегда читались съ особеннымъ интересомъ. Между тѣмъ г. Успенскій, несмотря на выдающееся значеніе его литературныхъ работъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», не числился въ категоріи столповъ изданія и рядомъ съ г. Салтыковымъ стоялъ не онъ, а гг. Елисеевъ и Михайловскій. Названные два публициста раздѣляли всѣ выгоды основныхъ подпоръ журнала, подпирая его на самомъ дѣлѣ далеко не столь крѣпко, какъ авторъ «Разоренья». Я указываю на это обстоятельство, какъ на характерную черту нравовъ нашихъ ежемѣсячныхъ

органовъ, гдѣ нерѣдко капраломъ бываетъ не тотъ, кто имѣетъ дѣйствительное право на капральство, а тотъ, «кто раньше всталъ». Впрочемъ, г. Михайловскій, напримѣръ, даже и не раньше г. Успенскаго всталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»; но, какъ ловкій фразеръ либерализма, съумѣлъ пріобрѣсти себѣ капральство; а г. Успенскій, какъ скромный талантъ, несмотря на всѣ свои заслуги журналу, капральствомъ не пользовался и до сихъ поръ принужденъ писать въ неблагопріятныхъ для беллетриста условіяхъ, до сихъ поръ принужденъ насиловать свое дарованіе спѣшной работой.

Я сказалъ, что первые очерки нашего автора носили на себѣ характеръ безпритязательной фотографичности съ оттѣнкомъ не менѣе безпритязательнаго юмора. Но скоро однако же талантъ г. Успенскаго началъ рости и въ его очеркахъ постепенно выступала черта нѣкоторой серьезной вдумчивости во внутренній смыслъ тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя онъ фотографировалъ повидимому только съ внѣшней стороны. Продолжая развиваться, продолжая идти все дальше и дальше, даровитый авторъ намѣтилъ себѣ довольно опредѣленную общую цѣль, намѣтилъ ее, быть можетъ, инстинктивно, покоряясь непосредственнымъ впечатлѣніямъ своего творчества. Цѣль эта, какъ теперь она обрисовывается въ собранныхъ въ одно цѣлое очеркахъ г. Успенскаго, было воспроизведеніе того явленія жизни, которое въ европейскомъ смыслѣ называется пролетаріатомъ, а въ русскомъ

не имѣетъ точнаго названія, соотвѣтствующаго европейскому, но приблизительно должно быть обозначено именемъ мѣщанства. Это слово — спѣшу оговориться — у насъ понимается въ нѣсколько искаженномъ смыслѣ: обыкновенно мы подъ мѣщанствомъ разумѣемъ буржуазію. Но русское мѣщанство совсѣмъ не то, что европейская буржуазія, третье сословіе. На Западѣ съ представленіемъ о буржуазіи соединяется понятіе объ общественной средѣ, пользующейся нѣкоторой обезпеченностью и нѣкоторымъ жизненнымъ довольствомъ и заматерѣлой въ узкихъ и ограниченно-матеріальныхъ понятіяхъ, воззрѣніяхъ и привычкахъ, часто восходящихъ до степени животной самоудовлетворенности. Русское мѣщанство нѣчто совсѣмъ иное по своему соціальному и моральному складу. Основная черта русскаго мѣщанства—жизненная необезпеченность и моральное и матеріальное одичаніе. Среда русскаго мѣщанства въ указанныхъ отношеніяхъ приближается къ средѣ европейскаго пролетаріата; но элементы, составляющіе эту среду, нѣсколько иные. Европейскій пролетаріатъ состоитъ по преимуществу изъ рабочаго класса. Въ русскомъ пролетаріатѣ, или въ русскомъ мѣщанствѣ перемѣшиваются самыя разнообразныя составныя части: тутъ и рабочіе, и мѣщане въ сословномъ значеніи этого слова, и мелкіе кулаки-собственники, и мелкое чиновничество, и мелкій торговый людъ, и низшее духовенство. Изображенію быта и типовъ этой въ высшей степени своеобразной среды посвящены

очерки перваго періода дѣятельности г. Успенскаго. Подобно тому, какъ Тургеневъ считается Гомеромъ нашего средняго дворянства, авторъ «Нравовъ Растеряевой улицы» и «Разоренья» можетъ считаться Гомеромъ нашего мѣщанства. Онъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности глубоко заглянулъ въ мѣщанскую сферу и впослѣдствіи воспроизвелъ ее въ цѣлой серіи очерковъ, имѣющихъ общее значеніе въ цѣломъ. Онъ полный хозяинъ въ названной сферѣ. Онъ, очевидно, знаетъ ея жизнь такъ же хорошо, какъ зналъ Тургеневъ помѣщичью жизнь, какъ знаетъ Островскій свое «темное царство». Онъ изучилъ эту жизнь не въ качествѣ случайнаго наблюдателя съ одной только внѣшней стороны: нѣтъ, онъ глубоко вникъ во внутренній строй этой, очевидно знакомой ему еще изъ дѣтскихъ впечатлѣній, жизни, онъ понялъ ее вполнѣ со всѣмъ ея своеобразнымъ складомъ, со всѣми ея страстями, радостями и бѣдствіями. Мѣщанскій міръ, наблюдаемый г. Успенскимъ, быть можетъ ужасенъ не менѣе «темнаго царства» Островскаго. Воспроизведенъ этотъ міръ нашимъ авторомъ хотя и не столь типически, не столь крупно и рельефно и, главное, не столь художнически, какъ это находимъ мы у Островскаго; но, во всякомъ случаѣ, очень обстоятельно и со многихъ разнообразныхъ сторонъ. Само собой разумѣется, что рисуя характерныя явленія мѣщанской среды и представляя въ живыхъ сценахъ и образахъ тѣ условія, при которыхъ складываются

ея нравы и люди, г. Успенскій волей-неволей постоянно держится очень печальной общей темы. Скажу даже больше: тема его не только печальна— она, порой, просто возмущаетъ душу. Резюмировать эту тему можно вкратцѣ слѣдующимъ образомъ: мѣщанская среда въ своихъ частныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ стоитъ на степени такой матеріальной и моральной одичалости, при которой почти немыслимо существованіе одного изъ самыхъ первыхъ инстинктовъ общественности — инстинкта къ объединенію насущныхъ личныхъ побужденій въ интересѣ взаимной помощи, въ интересѣ мало-мальски человѣческаго сожительства. Каждый отдѣльный субъектъ живетъ въ этой средѣ самъ не понимая для чего; стремленія каждаго не идутъ дальше насущныхъ потребностей. Мелочность личныхъ интересовъ и полное отсутствіе интересовъ общихъ порождаетъ то, что каждый отдѣльный членъ среды и всѣ ея члены въ совокупности толкутся на одномъ мѣстѣ какой-то безобразной, безсмысленной кучей и въ этой нелѣпой толкотнѣ, не имѣющей даже смысла борьбы за существованіе, угнетаютъ и иногда заѣдаютъ другъ друга и самихъ себя даромъ, безъ всякаго резона, неизвѣстно ради чего. Отъ этого постояннаго толченія на одномъ мѣстѣ, узкомъ и ограниченномъ, нравственная атмосфера среды пропитывается удушливой затхлостью, человѣческія чувства и стремленія ея несчастныхъ индивидуумовъ принимаютъ характеръ нѣкоторой одурѣлости, нѣкотораго помраче-

нія. Эта одурѣлость выражается или въ безплодномъ, въ безпомощномъ маханіи рукою на все, въ одеревенѣніи и отчужденности отъ всего, кромѣ удовлетворенія животныхъ инстинктовъ, или же въ пассивномъ, рабскомъ ожесточеніи, которое обнаруживается срываніемъ сердца надъ ближними, еще болѣе слабыми и беззащитными. Подобное состояніе мѣщанской среды, состояніе столь несвойственное человѣческой природѣ, столь анормальное по своей сущности является непрерывной мучительной пыткой, несмотря на всю умственную и моральную пришибленность и притупленность тѣхъ, кто подвергается этой пыткѣ.

Упомянутую основную тему г. Успенскій развиваетъ въ двухъ обширныхъ картинахъ, состоящихъ изъ цѣлаго ряда очерковъ, подъ двумя общими заглавіями: «Нравы Растеряевой улицы» и «Разоренье». Обѣ картины рисуютъ мѣщанскую среду въ два различные момента ея положенія; въ чемъ заключается это различіе и какія существенныя черты выступаютъ въ картинахъ, нарисованныхъ авторомъ, это выяснится при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи.

II.

«Нравы Растеряевой улицы» состоятъ изъ двадцати-пяти небольшихъ очерковъ. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ связаны между собою, впрочемъ, довольно внѣшнею связью: они приложены къ

біографіи одного изъ типичнѣйшихъ представителей растеряевской жизни, нѣкоего Прохора Порфирыча. По правдѣ сказать, эта внѣшняя связь сдѣлана неискусно и представляется даже излишнею. Авторъ могъ бы нарисовать и безъ посредства Прохора Порфирыча всѣ тѣ отдѣльные типы и сцены, которые втиснуты имъ въ рамку біографіи упомянутаго героя совершенно произвольно. Для полной обрисовки самого Прохора Порфирыча вовсе не требовалось помѣщать окончаніе его біографіи въ видѣ заключенія цѣлой серіи очерковъ. Напротивъ, было бы резоннѣе закончить ее въ своемъ мѣстѣ и не прерывать эпизодами и лицами, не имѣющими никакого отношенія къ Прохору Порфирычу. Впрочемъ, искусственность связи отдѣльныхъ очерковъ растеряевской жизни обусловливается, кажется, тѣмъ, что эта связь сдѣлана авторомъ впослѣдствіи, а первоначально они писались и печатались безъ опредѣленнаго порядка, первоначально авторъ не имѣлъ въ виду той общей рамы, въ которую вставилъ ихъ потомъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторая отрывочность, небрежность и необработанность и цѣлаго и, отдѣльныхъ очерковъ «Растеряевой улицы» должна быть поставлена на счетъ не столько недостаточной обдуманности со стороны автора, сколько на счетъ разныхъ, чисто внѣшнихъ условій, при которыхъ ему приходилось эксплоатировать матеріалъ, воспринятый его наблюдательностью. Вотъ какія признанія дѣлаетъ самъ авторъ по этому поводу:

«Времена, пережитыя русскою журналистикою за послѣднія двадцать лѣтъ, были преисполнены всевозможныхъ случайностей, безпрестанно разстраивавшихъ правильное ея теченіе и развитіе. Мои очерки много пострадали отъ этихъ невзгодъ журнальнаго дѣла... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти очерки вышли бы рельефнѣе, полнѣе, осмысленнѣе, еслибы журнальная жизнь была устойчивѣе... Укажу на одинъ примѣръ. «Нравы Растеряевой улицы», задуманные мною въ 1866 году, только-что начали печататься въ «Современникѣ», какъ журналъ этотъ былъ закрытъ. Продолженіе этихъ очерковъ, приготовленное для «Современника», должно было явиться въ сборникѣ «Лучъ», изданномъ редакціей «Русскаго Слова», которое также было прекращено, причемъ все, что имѣло «связь» съ очерками, напечатанными въ «Современникѣ», надо было уничтожить, обрѣзать, выкинуть, для того, чтобы продолженіе имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной; вотъ почему дѣйствующія лица были переименованы въ другихъ, имъ «сдѣлана» иная обстановка и самое названіе измѣнено». Авторъ разсказываетъ далѣе другіе случаи «передѣлокъ» для разныхъ журналовъ своихъ произведеній и, кромѣ того, признается, что много изъ матеріала, приготовленнаго имъ для общей картины «Растеряевой улицы», онъ принужденъ былъ волей-неволей разбрасывать по всевозможнымъ газетамъ и листкамъ. Естественное дѣло, что при такихъ условіяхъ у него не могла выработаться

цѣлая картина въ томъ видѣ, какъ бы онъ желалъ и какъ бы это слѣдовало для приданія ей полной законченности и выразительности. Скажу больше: естественное дѣло, что внѣшніи условія, ради которыхъ даровитый авторъ принужденъ былъ насиловать свое творчество, имѣли вліяніе на самую сущность этого творчества, невольно пріучили его къ отрывочности, къ незаконченнымъ художественнымъ комбинаціямъ, къ искусственнымъ и, что называется, невытанцовавшимся обобщеніямъ. Всѣ эти черты искаженія замѣчательнаго таланта г. Успенскаго очень замѣтны въ его первыхъ произведеніяхъ и обнаруживаются, пожалуй, еще болѣе въ самыхъ послѣднихъ. Быть можетъ, именно въ этомъ невольномъ дробленіи своего творчества, разбрасываніи по частямъ произведеній еще не вполнѣ вызрѣвшихъ заключается для г. Успенскаго нѣчто роковое: при всей живости и силѣ дарованія, нашъ авторъ до сихъ поръ не создалъ еще ничего вполнѣ крупнаго и цѣльнаго, не далъ образовъ вполнѣ типичныхъ, законченныхъ, образовъ, которые по художественной обработкѣ могли бы стать на ряду съ образами Тургенева, Гончарова, Островскаго и другихъ корифеевъ литературы.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ отсутствіе закругленности и цѣлостности въ общей картинѣ растеряевскихъ нравовъ и приглядимся къ отдѣльнымъ чертамъ и фигурамъ той трагикомедіи жизненнаго одичанія и оскудѣнія, которую развиваетъ передъ нами авторъ. Дѣйствіе этой трагикомедіи

происходитъ въ провинціальномъ городѣ, означаемомъ авторомъ то буквой Т., то буквой N. Растеряева улица принадлежитъ къ числу захолустныхъ стогновъ города. Очертивъ убогую внѣшнюю физіономію этой захолустной улицы, авторъ поясняетъ, что она «покорно несетъ свое бремя—нужду», несетъ повидимому въ полномъ оцѣпенѣніи, въ полной тишинѣ, похожей на сонъ. Но это только повидимому: «въ этой тишинѣ—говоритъ наблюдатель растеряевскихъ нравовъ — нѣтъ минуты покоя, въ этомъ такъ упорно вѣющемъ отовсюду безмолвіи и снѣ нѣтъ минуты покойнаго сна». Среди многочисленныхъ обитателей сонной улицы разыгрываются мелкія, глухія драмы «всеобщаго унынія и отчаянія» и только одинъ человѣкъ съ совершенно спокойной совѣстью говоритъ: «чего-жъ мнѣ еще отъ Христа моего желать». Человѣкъ этотъ — кулакъ, эксплуататоръ жалкаго растеряевскаго люда, возникшій какъ ядовитый грибъ на грязной почвѣ дикаго пролетаріата мѣстнаго населенія. Этого счастливца среди унывающихъ и отчаянныхъ, среди «униженныхъ и оскорбленныхъ», зовутъ Прохоромъ Порфирычемъ. Авторъ сообщаетъ довольно подробно его біографію, изъ которой мы узнаемъ, какимъ путемъ онъ добился счастія, за которое возсылаетъ благодарность небесамъ. Счастливый человѣкъ, происхожденія «благороднаго», хотя косвенно, но все-таки благороднаго: онъ порожденъ отставнымъ полицейскимъ чиновникомъ, котораго вся Растеряева улица считала за «барина», по-

рожденъ въ незаконномъ сожительствѣ съ мѣщанкою. Кой-какъ этотъ отпрыскъ «благородства» былъ выученъ грамотѣ и по двѣнадцатому году отданъ въ обученіе одному растеряевскому ремесленнику. Нужно прочитать въ изложеніи г. Успенскаго собственный разсказъ Прохора Порфирыча о годахъ его обученія: этотъ разсказъ хорошо рисуетъ «школу», проходимую чуть ли не большинствомъ нашихъ рабочихъ. Въ этой школѣ онъ обучался не своему ремеслу, а прежде всего воровству; затѣмъ онъ въ изобиліи пользовался наглядными уроками пьянства и бѣдствованія, которые ему преподавалъ ежедневно его хозяинъ. Лицо этого хозяина, брошенное въ разсказѣ стороной и, какъ нерѣдко бываетъ у г. Успенскаго, чучь-чуть намѣченное, тѣмъ не менѣе очень выразительно: это типъ россійскаго пролетарія, который «сколько зароковъ на себя не клади», а не можетъ удержаться отъ безпробуднаго пьянства. И это пьянство, дикое, порывистое и безобразное, обусловливается не порочною натурою пролетарія, — нѣтъ, по натурѣ онъ кроткій и даже хорошій человѣкъ — а тѣмъ, что въ его положеніи нѣтъ никакой возможности трезво опознаться: разъ опознайся человѣкъ — онъ почувствуетъ себя такимъ безпомощнымъ, онъ увидитъ свою жизнь такою голою и безрадостною, что невольно явится въ немъ желаніе отвернуться отъ этого созерцанія своей забитой личности и своей горькой, безрадостной жизни. Къ тому же и его воля, то-есть главный

стимулъ дѣятельности, съ раннихъ лѣтъ надломлена въ конецъ, парализована до-нельзя. «Какъ малаго ребенка можно меня обмануть, лишь бы только единую минуточку предоставить мнѣ по моему желанію» — говоритъ онъ справедливо самъ о себѣ. Авторъ рисуетъ очень характерную и ужасающую въ своей будничной обыкновенности сцену изъ жизни этого пролетарія, сцену, въ которой пролетарій рѣшается на попытку исправить свою бѣдственную жизнь и оканчиваетъ эту попытку полнымъ паденіемъ. Сцена такъ рельефно и такъ правдиво написана, что я приведу ее читателямъ сполна. Разсказывается сцена устами Прохора Порфирыча. Мастеру, у котораго онъ былъ въ ученикахъ, навернулся хорошій заказъ.

Выпросилъ хозяинъ задатку и (удивленіе!) трезвый домой пришелъ. Сейчасъ началъ онъ на образъ креститься и передъ всѣми нами каялся:

— Вотъ разрази меня громъ, ежели я только дохну на него, на мучителя моего (на вино, то есть)! Жена! Ребятушки! Всѣмъ вамъ теперича я удовольствіе сдѣлаю...

Сейчасъ отпускаетъ женѣ на расходы цѣлковый; на свѣчку Казанской Божіей Матери тоже рубль серебра, остальное себѣ на матеріалъ. Самоваръ закипѣлъ, всѣ мы радуемся, Бога благодаримъ; только и слышно:

— Слава Богу! Слава тебѣ Господи, заступнику!.. Ахъ, какъ мы, ребятушки, наголодались съ вами!..

Пошелъ хозяинъ въ кабакъ инструменты выручать и насъ взялъ съ собой: такая дружба у насъ. Идемъ и разговариваемъ. Входимъ въ кабакъ. Все чинно... Выручилъ инструменты. Вина ни-ни... Хочемъ мы уходить, а цѣловальникъ такъ между дѣломъ и говоритъ:

— Игнатьичъ, говоритъ, что это мы слышали, кабысь у тебя разстройка по работѣ-то?

Хозяинъ ка-акъ на него зарычитъ:

— Разстройка-а?.. Изъ какихъ же это мѣстовъ слухи такіе?..

И сейчасъ онъ, чтобы кабацкой компаніи на удивленіе было, вываливаетъ деньги на стойку и продолжаетъ:

— Разстройка! Деньги-то вотъ они... Сла-ва Богу!.. У меня работы не быть? да гдѣ же это ты по нашей сторонѣ такого мастера сыщешь, чтобы въ полномъ комплектѣ?..

Сейчасъ онъ полу откинулъ, картузъ заломилъ, какъ есть милліонщикъ!..

— Какая же можетъ у меня быть разстройка, когда я вотъ всѣ эти деньги въ пропой отдѣлилъ.

— Ну, говорилъ цѣловальникъ... въ пропой!

Тутъ дяденька отъ обиды такой весь зеленый сдѣлался и потребовалъ сразу «монастырскій», то есть ужъ самый превосходительный стаканъ...

Ну и пошло!

Только поддаетъ, только поддаетъ, и такой форсъ въ немъ проявился, что даже на удивленіе:

— У мене, говоритъ, работы навалено! У мене всегда безъ остановки! У мене на двадцати станахъ идитъ!

Истинно глазамъ моимъ не вѣрю! А дяденька только покрикивалъ: «д-давай!.. Полно зубы-то полоскать. Разстройка!..»

Подъ конецъ того инструменты эти онъ опять же въ прежнее мѣсто препроводилъ и очень виномъ нагрузился; сидитъ на лавкѣ, еле держится, и все бормочетъ:

— Я, ггрю, васскорродіе, по двадц-пять цалковыхъ въ сутки... Я ггрю, васскорродіе... можетъ, по всей имперіи...

Эта сцена, по моему, превосходна. Это одна изъ типичныхъ, родныхъ нашихъ сценъ. Тутъ «русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ», и притомъ русскій духъ со всей его своеобразной психологіей. Какія чудесныя, мѣткія черты — это отдѣленіе рубля изъ задатка на свѣчку, это роковое слово лукаваго цѣловальника о «разстройкѣ», это заламываніе картуза и потомъ пьяный бредъ о томъ, что онъ «можетъ по всей имперіи»! И въ такомъ родѣ правдивыхъ сценъ въ очеркахъ г. Успенскаго не

мало. Именно эти-то, повидимому, мелкія сцены даютъ понятіе о силѣ его дарованія и о мѣткости его наблюдательности.

III.

Я, впрочемъ, отвлекся. Возвратимся къ Прохору Порфирычу. Пройдя печальную школу ученика русскаго мастера, наглядѣвшись на примѣры безсилія, безволія и безобразнаго бѣдствованія рабочаго пролетаріата, Прохоръ Порфирычъ съ раннихъ дней осѣнился идеей о необходимости эксплоатаціи ближняго-бѣдняка и о легкости этой эксплоатаціи. Онъ сообразилъ и понялъ, что бѣдствующій растеряевскій людъ находится постоянно въ нѣкотораго рода отупѣніи, въ нѣкотораго рода волевой разшатанности, въ «полоумствѣ», какъ своеобразно выражается сообразительный кулакъ. Онъ разсудилъ, что этому люду «надо по крайности десять годовъ пьянствовать, чтобы въ настоящее понятіе войти». А въ это время «умному человѣку не околѣвать... не изъ чего... Лучше же я его въ полоумствѣ захвачу, потому полоумство это мнѣ разсчетъ составляетъ... Вмѣстѣ съ этими дьяволами умному человѣку издыхать? Это ужъ пустое дѣло. Лучше же я потрафлю, да, Господи благослови, самъ ему на шею сяду».

И разсудивъ такъ, онъ начинаетъ захватывать своихъ ближнихъ въ полоумствѣ, онъ начинаетъ

садиться имъ на шею. Различные опыты этого захватыванія и осѣдланія шеи растеряевскаго люда изображаются нашимъ авторомъ въ разсказахъ «Первый опытъ», «Дѣла и знакомства» и «Суббота». Было бы утомительно слѣдить за всѣми «опытами», изображаемыми г. Успенскимъ не всегда съ равной правдивостью и выразительностью. Но въ разсказѣ объ этихъ «опытахъ» растеряевскаго кулака разбросаны такія сцены, отъ которыхъ читателю становится «страшно за человѣка», несмотря на то, что онѣ, какъ это постоянно бываетъ у нашего автора, переполнены юморомъ, къ слову сказать, для писателей шестидесятыхъ годовъ столь же привычнымъ, какъ привычна была сантиментальность для писателей карамзинской эпохи. Къ числу самыхъ ужасныхъ и самыхъ выразительныхъ сценъ относится, напримѣръ, описаніе рабочаго «понедѣльника», — дня, когда очумѣлый отъ воскреснаго пьянства россійскій пролетарій «поправляетъ» себя тѣмъ же средствомъ, отъ котораго очумѣлъ, то есть выпивкой. Поистинѣ ужасно изображеніе того, какъ ожирѣлый цѣловальникъ, точно паукъ, готовитъ для рабочихъ свою омерзительную паутину и какъ потомъ онъ высасываетъ несчастныхъ мухъ, слетающихся въ кабакъ десятками. Я не могу удержаться, чтобы не привести въ pendant цитированной выше сценѣ въ кабакѣ другую, происходящую въ томъ же притонѣ бѣдствій и золъ русскаго простолюдина. Авторъ рисуетъ утро понедѣльника. Здоровая фи-

гура цѣловальника Данилы Григорьича давно красуется на высокомъ кабацкомъ крыльцѣ.

Поправляя на животѣ поясокъ, исписанный словами какой-то молитвы, онъ солидно раскланивается съ «стоющими» людьми, или, понимая смыслъ понедѣльника, принимается набивать стойку цѣлыми ворохами *перемѣнокъ*. Подъ этимъ именемъ разумѣется всякая «ношебная» рвань, совершенно негодная ни для какого употребленія: старые халаты, сто лѣтъ тому назадъ пущенные семинаристами въ закладъ и прошедшіе огонь и воду, лишившись въ житейской битвѣ полы, рукавовъ, цѣлаго квадрата въ спинѣ и проч., и проч.; какія-то непостижимыя комбинаціи воротника съ полою и рукавомъ; сюртукъ, отъ котораго остались двѣ заднія пуговицы на суконномъ лоскутѣ, къ каковому лоскуту силою суровыхъ нитокъ привлечены синіе военные рукава съ нашивкой, и т. д. Вся эта рвань предназначается для несчастныхъ птицъ понедѣльника, которыя то и дѣло залетаютъ сюда, оставляя въ закладъ чуйки, жилетки и облачаясь въ это уродское тряпье для того, чтобы хотя въ чемъ нибудь добраться домой. Весело похаживаетъ Данило Григорьичъ; по временамъ онъ запѣваетъ какую нибудь духовную пѣснь: «Господи, помилуй»... и т. д., или идетъ за перегородку, откуда скоро, вмѣстѣ съ его смѣхомъ, слышится захлебывающійся женскій смѣхъ...

— Грѣхъ! слышно за перегородкой.

— Эва!.. баситъ Данило Григорьичъ.

На крыльцѣ кто-то оступился отъ слишкомъ быстраго вбѣга, и передъ Даниломъ Григорьичемъ, солидно обдергивающимъ подолъ ситцевой рубахи, выростаетъ полуобнаженная и словно на морозѣ трясущаяся фигура. Данило Григорьичъ спокойно помѣщается за стойкой.

— Сдѣлл... милость! хрипитъ фигура, подсовывая жилетку и болѣе ничего не въ силахъ сказать.—Сдѣлл... милость!

— Покажь-ка, за что миловать-то еще?

Начинается самая мучительная ревизія всѣхъ дыръ жилетки. Данило Григорьичъ третъ ее мокрымъ пальцемъ, разсматриваетъ на свѣтъ, словно фальшивую бумажку.

— Сдѣлл... милость! Ахъ ты, Боже мой! а? царапая всклокоченную голову, хрипитъ фигура. — Данило Григорьичъ! Сдѣлл... милость... Ахъ тты, Боже мой!

Мучитель швыряетъ жилетъ подъ стойку и говоритъ мастеровому, тыкая себя пальцемъ въ грудь:

— Только един-ствен-но моя одна доброта!

— Отецъ!... Да развѣ... Ахъ ты, Боже мой!

Данило Григорьевичъ съ сердцемъ откупориваетъ кривымъ шиломъ полштофъ, съ тѣмъ же ожесточенiемъ суетъ маленькій стаканишко, склеенный и сургучемъ, и замазкой, почему потерявшій очень много въ своемъ и безъ того незначительномъ объемѣ.

Ужасъ охватываетъ мастерового.

— Данило Григорьичъ! Побойся Бога!

— Я говорю, истинно такъ изъ одной жалости... Повѣрь ты мнѣ... Я съ тебя Богъ знаетъ чего не возьму божиться... Для того, что видѣть я не могу этого вашего мученія.

— Данило Григорьичъ! Отецъ! Да ты что же это мнѣ?.. Опять, стало быть, на недѣлю испорченъ? Данило Григорьичъ!

Цѣловальникъ молча ставитъ полштофъ на прежнее мѣсто.

— Данило Григорьичъ! умоляя, хрипитъ мастеровой.—Ради самого Господа Бога... Данило Григорьичъ!..

— Я теб-бѣ говорю,—хочешь, а не хочешь...

— Сто-сто-стой! Что ты? Сдѣлай милость!... Ахъ ты, Господи...

Не правда ли, эта сцена такъ живо и правдиво написана, что вамъ кажется будто вы слышите мучительскій тонъ жирнаго цѣловальника и мученическій тонъ его жертвы, терзающейся болѣзненной жаждой своихъ внутренностей, прожженныхъ алкоголемъ. Но это только начало мучительной сцены. Она продолжается еще ужаснѣе. Несчастный мастеровой, раззадоренный ничтожнымъ пріемомъ водки, проситъ еще «маленькую», но цѣловальникъ, нарядивъ его въ *перемѣнку*, выталкиваетъ изъ кабака.

— Маленькую! отецъ!

— Ступ-пай!.. Ступай съ Богомъ!

— Полрюмочки!

— Ступай, ступай!...
— Какъ же быть-то?
— Думай!
— Думать? Вѣдь и то пожалуй надо думать?
— Дѣло твое!
— Надо думать!... Ничего не подѣлаешь!..

Черною тучей вваливается мастеровой въ свою лачугу и, не взглянувъ на омертвѣвшую жену, нетвердыми ногами направляется къ кровати, предварительно съ размаху налетая на уголъ печки и далеко отбрасывая пьянымъ тѣломъ люльку съ ребенкомъ, висящую тутъ же на покромкахъ, прицѣпленныхъ къ потолку. Не успѣла жена всплеснуть руками, не успѣла сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ прошептать: «разбойникъ!»—какъ супругъ ея, съ какимъ-то ворчаньемъ бросившійся ничкомъ на постель, уже заснулъ мертвымъ сномъ и храпѣлъ на всю лачугу. Испуганный этимъ храпомъ ребенокъ вздрагивалъ ногами и плакалъ. Оцѣпенѣніе бѣдной бабы разрѣшается долгими слезами и причитаньями. А мужъ все храпитъ... Наконецъ рыдающая жена рѣшается на минуточку сходить къ сосѣдкѣ. Наскоро она разсказываетъ пріятельницѣ въ чемъ дѣло, занимаетъ до вечера хлѣба и тотчасъ же возвращается домой. Прямо подъ ноги ей бросаются изъ избы три собаки, съ явными признаками молока на мордѣ. Чуя погибель молока, припасеннаго ребенку, она дѣлаетъ торопливый шагъ черезъ порогъ и наталкивается на пустой сундукъ съ отломанной крышкой; въ сундукѣ нѣтъ платья, на стѣнѣ нѣтъ старой чуйки, на кровати нѣтъ мужа, а люлька съ ребенкомъ описываетъ по избѣ чудовищные круги, попадая то въ печку, то въ стѣну.

Я знаю, что найдутся многіе читатели и даже цѣнители и судьи, которые назовутъ эти щемящія сердце сцены безобразными и при семъ удобномъ случаѣ выразятъ такое мнѣніе, что беллетристъ, рисующій кабакъ и пьянство рабочаго люда, отнюдь не можетъ сравняться съ беллетристами, рисующими драмы изъ жизни образованнаго общества, напримѣръ, драмы барскихъ амуровъ. Но такимъ

читателямъ, цѣнителямъ и судьямъ не мѣшаетъ имѣть въ виду вотъ что: во-первыхъ, кабакъ быть можетъ играетъ въ жизни русскаго пролетарія гораздо болѣе трагическую роль, чѣмъ амуры въ жизни баръ; во-вторыхъ, г. Глѣбъ Успенскій, какъ увидимъ далѣе, умѣетъ глубоко наблюдать и рисовать не однѣ только кабацкія сцены.

III.

Нѣсколько словъ по поводу мнѣній желтоперчаточной критики и эстетики о томъ, что писатели, занимающіеся наблюденіемъ «низкой» среды, принижаются сами въ уровень съ ней и принижаютъ искусство.—Растеряевскіе нравы и люди.—Выдающіеся разсказы перваго тома сочиненій г. Успенскаго.

I.

Прежде обзора дальнѣйшихъ очерковъ г. Успенскаго, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ относительно того упрека, который дѣлала ему критика, претендующая на какую-то, если такъ можно выразиться, великосвѣтскую эстетику. Эта критика, въ лицѣ г. Авсѣенки, считающаго себя, по удачному выраженію, кажется, Достоевскаго, желтоперчаточнымъ беллетристомъ, упрекала автора «Разоренья» за то, что онъ изображаетъ «безмѣрно-темныя стороны» русской жизни и занимается въ качествѣ героевъ «прощалыгами, пробившимися подтибриваніемъ гривенъ и булокъ»,

представляющими «скверный продуктъ нищенства и невѣжества». По мнѣнію желтоперчаточно-эстетической критики, изображеніемъ такой «низкой» среды г. Успенскій низводитъ литературу до степени «письменности». По мнѣнію желтоперчаточно-эстетической критики, писатели, посвящающіе свое творчество возсозданію мѣщанской жизни, жизни русскаго пролетаріата, сами невольно принижаются, приравниваются, такъ сказать, къ этому мѣщанству. «Напрасно думаютъ,—философствуетъ желтоперчаточная критика,—что для литературы безразлична среда, въ ней отражающаяся и ею наблюдаемая. Чѣмъ ниже мы спускаемся сами, тѣмъ ниже встрѣчаемые нами интересы и понятія». Занимаясь «низкой» средой, «беллетристика необходимо должна была усвоить себѣ отпечатокъ нравственнаго мѣщанства, который и легъ на нее до такой степени, что читатель, привыкшій къ общенію съ интересами болѣе высокаго порядка, задыхается въ ней. Его обступаютъ бѣснующіеся самодуры, ругающіеся и плюющіеся фабричные, озлобленные причетники, пьяные глашатаи соціальныхъ идей, всевозможная паразитная тля, соприкосновеніе съ которою можетъ дѣйствовать въ анти-художественномъ и анти-воспитательномъ смыслѣ».

Это мнѣніе желтоперчаточной критики выражено было по поводу писаній г. Успенскаго очень давно и если я привожу его, то отнюдь не ради того, что оно имѣетъ какое-либо резонное и серьезное

значеніе, а исключительно ради того, что съ подобными мнѣніями вы можете еще и теперь встрѣтиться: они не вывелись ни въ извѣстной части нашей журналистики, ни въ извѣстной части читателей. А между тѣмъ, такимъ мнѣніямъ пора бы вывестись окончательно. Пора бы вывестись окончательно такимъ мнѣніямъ потому, что почти полвѣка назадъ Гоголь назвалъ такія мнѣнія «лицемѣрно - безчувственнымъ современнымъ судомъ» и геніально объяснилъ право художника заниматься наблюденіемъ и воспроизведеніемъ именно той дѣйствительности, которая считается этимъ «лицемѣрно-безчувственнымъ судомъ» низкой, презрѣнной, недостойной вниманія настоящаго искусства. У насъ все забываютъ очень скоро и всего скорѣй забываютъ геніальныя откровенія избранныхъ умовъ, брошенныя для нашего поученія. Вслѣдствіе этой забывчивости нашей, желтоперчаточная критика и желтоперчаточная читающая публика не стыдятся до сихъ поръ лѣзть съ своими тупыми и наглыми поученіями и осужденіями писателей, добросовѣстно трудящихся по части разработки такихъ сторонъ русской дѣйствительности, которыя, будучи по внѣшности презрѣнными и грязными, тѣмъ не менѣе являются существенными ея сторонами, требующими тщательнаго изученія. Еслибы упомянутая забывчивость не была нашей характерной чертой, то развѣ могли бы предлагаться въ качествѣ серьезныхъ мнѣнія желтоперчаточной эстетики о томъ, что

писатели, наблюдающіе человѣка въ какомъ бы то ни было «низкомъ состояніи», принижаютъ самихъ себя и свое творчество? Вѣдь даже во всѣхъ хрестоматіяхъ приводится геніальная тирада творца «Мертвыхъ Душъ», въ которой съ такимъ лирическимъ просвѣтлѣніемъ онъ истолковываетъ, что «равно чудны стекла, озаряющія солнце и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ»; что «много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья». «Лицемѣрно-безчувственному современному суду», какъ прежде, такъ и теперь слѣдовало бы зарубить себѣ на память это объясненіе Гоголя и оставить напрасныя попытки къ формальной сортировкѣ произведеній искусства на высшія и низшія, обусловливающейся не внутреннимъ содержаніемъ, а внѣшними сюжетами воспроизводимыхъ художникомъ картинъ. Эти попытки, сказать прямо, просто безсмысленны и отзываются очень затхлымъ педантизмомъ. Но еще хуже этихъ попытокъ попытка, также подмѣченная Гоголемъ, навязывать писателю «качества имъ же изображаемыхъ лицъ». Такая попытка, практикуемая и до сихъ поръ, со стороны читателей, конечно, только смѣшна, а со стороны представителей желтоперчаточной эстетики и смѣшна, и вмѣстѣ съ тѣмъ неразсчетлива. Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ этихъ господъ сами занимаются кропаніемъ весьма обширныхъ мнимо-великосвѣтскихъ романовъ, въ которыхъ на ряду съ добродѣтель-

ными графами и князьями, графинями и княжнами фигурируютъ негодяи-хлыщи и продувныя кокотки, занимающіеся грязнымъ посредничествомъ по части любовныхъ дѣлъ, и т. п. непривлекательныя твари. Что если критика, не претендующая на желтыя перчатки, вздумаетъ къ создателямъ этихъ непривлекательныхъ тварей приложить правило, по которому художники, обрисовывающіе такихъ или иныхъ лицъ, сами проникаются понятіями этихъ лицъ, сами принижаются до ихъ моральнаго уровня? Выгодно ли будетъ это для поклонниковъ беллетристики, рисующей «фраки, бѣлые жилеты, тальи, стянутыя мило, комплименты, поцѣлуи» и прочіе «интересы высшаго порядка»?

Да и что такое, если разобрать хорошенько, разумѣетъ желтоперчаточная критика и эстетика подъ жизненными интересами «болѣе высокаго порядка»? Почему мастеровой, фабричный, пропивающій въ грязномъ кабакѣ жилетку, представляетъ «интересъ» низшій, а какой нибудь петербургскій аристократическій хлыщъ, прокучивающій занятыя подъ фальшивый вексель деньги у Дюссо или Бореля, является высшимъ интересомъ? Почему описаніе великосвѣтскаго бала непремѣнно должно быть выше описанія мѣщанской вечеринки? Почему жизнь уличной потерянной женщины ниже жизни потерянной великосвѣтской кокотки? На эти вопросы фальшивая желтоперчаточная эстетика и критика, конечно, не можетъ дать никакого резоннаго отвѣта. Она сама не знаетъ почему. Но

за то она хорошо знаетъ, почему ей хочется свести искусство, занимающееся «мѣщанами и мужиками», на низшую ступень сравнительно съ искусствомъ, занимающимся «благородными людьми». Она знаетъ, что и прежде она напрасно старалась и теперь напрасно старается лишить кредита у публики талантливыя произведенія авторовъ, посвящающихъ свои труды изображенію «низшей» русской жизни. Въ то время, какъ фальшивая «великосвѣтская» беллетристика, фабрикуемая по рутиннымъ правиламъ желтоперчаточной эстетики, несмотря на всѣ свои претензіи, пользуется у насъ очень слабымъ успѣхомъ, беллетристика демократическая съумѣла себѣ завоевать видное мѣсто въ литературѣ и искреннія симпатіи наиболѣе развитой читающей публики. Демократическая струя, такъ живо и ярко бьющая въ нашемъ искусствѣ со временъ Пушкина и Гоголя, никогда не изсякала въ выдающихся созданіяхъ этого искусства и никогда не изсякнетъ въ немъ, потому что здоровый демократизмъ есть одно изъ нашихъ основныхъ національныхъ качествъ. Русскій народъ—по преимуществу чуждый аристократическихъ претензій народъ. Наша земля — «мужицкая» земля и это прекрасно. Что бы ни говорили желтоперчаточные эстетики и какъ бы ни вожделѣли они къ высшимъ аристократическимъ интересамъ, низшіе народные интересы всегда будутъ намъ болѣе близки къ сердцу. Въ этихъ низшихъ интересахъ сосредоточивается наша мораль-

ная и политическая сила, они составляютъ настоящую основу нашего развитія; а всѣ остальные интересы представляютъ только поверхностную, призрачную накипь. Это, быть можетъ, инстинктивно сознаютъ наши лучшіе писатели и такое сознаніе заставляетъ ихъ упорно тяготѣть къ упомянутымъ интересамъ, заставляетъ ихъ напрягать всѣ свои силы для пристальнаго наблюденія именно той дѣйствительности, которая желтоперчаточнымъ эстетикамъ представляется только мутнымъ отстоемъ жизни...

Приведенныя мною замѣчанія, конечно, далеко не новы, можетъ быть, даже избиты и общеизвѣстны; но я счелъ нужнымъ напомнить ихъ читателямъ, такъ какъ очерки г. Успенскаго подаютъ къ нимъ нѣкоторый поводъ. Извѣстная часть критики не разъ осуждала г. Успенскаго именно за «низменность интересовъ» его творчества и, по всей вѣроятности, запоетъ еще громче прежняго ту же пѣсню и теперь, когда плоды этого творчества появляются уже не въ отдѣльныхъ отрывкахъ, а въ цѣломъ. Въ виду возможности такой назойливой пѣсни слѣдовало выяснить ея основную фальшивую ноту, что, полагаю, до нѣкоторой степени сдѣлано мною. Исполнивъ по моему разумѣнію то, что представлялось необходимымъ, я могу оставить вводныя разсужденія и снова возвратиться къ той «низкой» средѣ, которую воспроизводитъ авторъ «Растеряевой улицы».

II.

На ряду съ страшными картинами бѣдственной жизни рабочаго люда, образчики которыхъ я приводилъ нъ прошломъ этюдѣ, г. Успенскій не менѣе правдивъ и не менѣе ярко рисуетъ въ «Растеряевой улицѣ» картины пролетаріата мелкаго чиновничества. Въ очеркахъ «Семейство Перетерпѣевыхъ», «Осиротѣлая семья», «Жизнь и ндравъ Толоконникова», «Семенъ Ивановичъ въ хорошемъ расположеніи духа», «Знакомство», «Семенъ Ивановичъ у пристани» передъ нами возникаетъ въ типрическихъ фигурахъ и сценахъ оскудѣніе и одичаніе человѣческихъ отношеній подъ воздѣйствіемъ своеобразныхъ вліяній растеряевской жизни. Подобно тому, какъ предыдущіе очерки пріурочены къ біографіи рабочаго-кулака, Прохора Порфирыча, названные сейчасъ этюды связаны съ фигурой мелкаго, дикаго самодура-чиновника Толоконникова. Біографія этого самодура и вообще его личность очерчены съ не меньшей, если еще не съ большей, выразительностію, чѣмъ біографія и личность Прохора Порфирыча. Основная черта чиновника Толоконникова—мелкій, ничтожный деспотизмъ, который однако, несмотря на всю мизерность его практическаго приложенія, достигаетъ почти чудовищныхъ размѣровъ, доходитъ до своего рода нравственнаго злодѣйства. Г. Успенскій въ рядѣ сценъ «полусмѣшныхъ, полупечальныхъ»

показываетъ намъ, въ какую безобразную и непрерывную пытку могутъ обратиться людскія отношенія вслѣдствіе дикости и мелочности нравственныхъ интересовъ, вслѣдствіе глухой замкнутости въ безпривѣтномъ углу невѣжества и будничной нищеты. Каждому человѣку для того, чтобы чувствовать въ себѣ человѣческую душу, надобно, по выраженію одного несчастнаго героя Достоевскаго, сознавать возможность куда нибудь пойдти; когда онъ роковымъ образомъ долженъ биться о глухую стѣну своего угла, онъ деревенѣетъ, теряетъ человѣческій образъ и становится или безпомощнымъ, угнетеннымъ рабомъ, или мелкимъ, но въ своей мелочности тѣмъ не менѣе звѣрскимъ угнетателемъ, деспотомъ, грызуномъ чужой жизни, поругателемъ чужой личности. Въ исторіи перетерпѣевской семьи и въ исторіи отношеній къ этой несчастной, обездоленной семьѣ чиновника Толоконникова авторъ развиваетъ эту тему иногда съ глубокою наблюдательностію и съ глубокимъ проникновеніемъ въ печальный смыслъ той трагикомедіи, которая называется будничною жизнью. Семья Перетерпѣевыхъ, вслѣдствіе роковой для нея попытки заглянуть немного подалѣе глухого угла Растеряевской улицы, вызываетъ раздраженіе послѣдней, дѣлается отверженной семьей и впадаетъ въ страшную нищету, въ невыносимое одичаніе. Въ этомъ состояніи несчастную семью захватываетъ Толоконниковъ, тупой и жалкій самодуръ, котораго его, сравнительно обезпеченное, положе-

ніе и копошащійся въ его душѣ дрянной эгоизмъ влекутъ невольно къ продѣлыванію экспериментовъ своего «ндрава» надъ человѣческими существами, поставленными въ условія, удобныя для такихъ экспериментовъ. Онъ дѣлается «благодѣтелемъ» отверженной и обнищавшей семьи и терзаетъ ее съ виртуозностью маленькаго, но поистинѣ безобразнаго тирана. Исторія благодѣтельствованія кончается тѣмъ, что благодѣтель доводитъ бѣдствія нищенствующей семьи до апогея, придавливаетъ ее до того, что забитые, обездоленные члены семьи, несмотря на всю свою нравственную приниженность, не выдерживаютъ, наконецъ, угнетеній благодѣтеля и свергаютъ его иго. Этотъ подвигъ имъ стоитъ дорого: они окончательно погибаютъ. А благодѣтель окончательно формируетъ свой «ндравъ» до степени животнаго отупѣнія и разгулявшійся въ немъ инстинктъ дикаго эгоизма безвозбранно и ежеминутно удовлетворяетъ на безвинномъ существѣ, нарочно подысканномъ имъ для себя. Существо это — его жена. Онъ женится на какомъ-то уродливомъ, жалкомъ, загнанномъ до степени идіотической безотвѣтственности созданіи и вволю тѣшится своимъ господствомъ надъ нимъ. Я приведу маленькую заключительную сцену, въ которой авторъ рисуетъ, какъ растеряевскій самодуръ показываетъ свою вполнѣ «застращенную» супругу пріятелю Хрипушину:

Они пришли къ воротамъ квартиры Семена Иваныча.

— Иванъ Алексѣевъ! сказалъ онъ шепотомъ, держась за

кольцо калитки,—ты погляди-ко вотъ, что я тебѣ говорилъ... какъ напугана-то!..

— Съ великимъ удовольствіемъ!

Едва только шаги Семена Иваныча раздались въ передней, какъ изъ сосѣдней комнаты выскочила испуганная женщина со свѣчкой въ рукѣ.

— Вотъ жена! сказалъ Толоконниковъ.

Хрипушинъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе.

Жена Толоконникова было существо истинно жалкое: вся физіономія ея носила слѣды какого-то нечеловѣческаго утомленія и ужаса, который громадностью своихъ размѣровъ не давалъ возможности обратить вниманія на ея безобразіе. Человѣкъ, впервые попавшій въ Растеряевскую [1]) улицу, словомъ—человѣкъ свѣжій, при взглядѣ на эту женщину, неминуемо долженъ былъ чувствовать боль въ сердцѣ и глубокую грусть, но растеряевецъ и на этотъ разъ Семенъ Иванычъ засіялъ какъ солнце, когда увидѣлъ, что Хрипушинъ раздѣляетъ его мысли. Съ какимъ-то удовольствіемъ подставилъ онъ женѣ спину для того, чтобы она сняла шинель и изъ снисходительности не допустилъ ее снять съ себя калоши, къ которымъ она было уже бросилась.

— Самоваръ! пропѣлъ онъ, входя въ комнату.

Жена мгновенно исчезла въ кухню.

— Видѣлъ? шепнулъ хозяинъ.

— То есть, вотъ какъ: лучше не надо!

— А?

— Золото! какъ есть золото!

— Что еще будетъ! Ты погляди-ка!

Самоваръ явился мгновенно. Жена Семена Иваныча съ тѣмъ же испугомъ суетилась около чашекъ и ложекъ. Мужъ съ удовольствіемъ поглядывалъ на этотъ испугъ. Наконецъ онъ, не торопясь, опустился на диванъ и, мигнувъ Хрипушину, произнесъ:

---

[1]) У автора тутъ улица названа «Томилинской», но очевидно слѣдуетъ читать Растеряева. Подобное переименованіе однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей и даже лицъ встрѣчается въ очеркахъ г. Успенскаго не разъ и, по правдѣ сказать, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой *внѣшней* неряшливости его «произведеній». Конечно, при болѣе внимательномъ ихъ пересмотрѣ, эти неряшливости могли бы быть легко устранены.

— Маша-а!

Жена вздрогнула и чуть не выронила чашки.

— А что я тебѣ сегодня сказалъ?..

Семенъ Иванычъ подмигивалъ Хрипушину и указывалъ головою на жену, которая безумными глазами бѣгала по стѣнамъ, очевидно торопясь что-то вспомнить...

— Я... Семенъ Иванычъ... все...

— Что я сказалъ?

Сцена тянулась мучительно долго. Наконецъ, когда зрители увидѣли, что бѣдная женщина окончательно выбилась изъ силъ, Семенъ Иванычъ подозвалъ ее къ себѣ и сурово произнесъ:

— Гребешокъ! Я сказалъ: приду изъ бани, чтобы гребешокъ...

Но жены уже не было въ комнатѣ, она бросилась за гребешкомъ.

— Видѣлъ? произнесъ хозяинъ.

— Самъ Богъ вамъ посылаетъ! Истинно: слава Богу.

Семенъ Иванычъ былъ доволенъ и тѣшился забитостью жены до усталости.

Авторъ прибавляетъ, что подобные маневры растеряевскій самодуръ устраивалъ передъ всѣми своими знакомыми, и всѣ они, въ качествѣ истинныхъ растеряевцевъ, хвалили Семена Иваныча за его умѣнье обращаться съ женой. Такова семейная мораль и таковы представители этой морали въ томъ заглохшемъ, затянутомъ тиной болотѣ, въ томъ затхломъ и темномъ углѣ, который авторъ освѣщаетъ передъ читателями по частямъ свѣтомъ своей наблюдательности. И, вглядываясь въ эти, освѣщаемыя авторомъ черты растеряевскихъ нравовъ и характеровъ, вы сначала поражаетесь ихъ мелочностью, пожалуй, незначительностью, но потомъ, мало-по-малу, видите, что въ этихъ чертахъ и характерахъ, «какъ солнце въ

малой каплѣ водъ», отражается общій складъ русской жизни извѣстнаго періода, когда соціальныя и нравственныя отношенія исказились до чудовищной степени подъ вліяніемъ «прижимки» (характерное слово, усвоенное и истолкованное очень хорошо г. Успенскимъ въ его «Разореньи»). Растеряевскіе мелкіе тираны, растеряевскіе мелкія пытки, производимыя надъ своимъ «меньшимъ братомъ» людьми далеко не сильными духомъ, но сильными только потерей совѣсти, растеряевскія дикія семейныя отношенія, которыя разъѣдаютъ всякую человѣчность и взаимность, ставя на мѣсто ихъ грубый и пошлый эгоизмъ—все это, являясь въ маленькихъ и какъ будто случайныхъ очеркахъ, въ отрывочныхъ кусочкахъ фотографій жизни, въ концѣ концовъ развертывается довольно широкой картиной, удручающей душу безотраднымъ впечатлѣніемъ. Картина эта не выдумка, не односторонняя фантазія, не болѣзненно настроенное воображеніе художника, а настоящая, неприкрашенная правда, настоящая дѣйствительность. Въ очеркахъ перваго тома, дѣйствительность, наблюдаемая авторомъ, взята въ моментъ ея, такъ сказать, первобытнаго, еще не тронутаго никакими новыми вѣяніями состоянія. Во второмъ томѣ, въ очеркахъ, озаглавленныхъ общимъ именемъ «Разоренье», мы встрѣчаемся съ этой дѣйствительностью въ иной, болѣе сложный и тревожный моментъ. Тутъ являются нравы и люди, нравственная искалѣченность которыхъ от-

тѣняется еще своеобразнѣе и выразительнѣе вслѣдствіе того, что жизненное болото, ихъ затянувшее, всколыхнулось отъ дна и до поверхности.

Съ «Разореньемъ» я ознакомлю читателей въ слѣдующей главѣ моего этюда. Теперь же, кромѣ уже указанныхъ очерковъ перваго тома, отмѣчу, какъ наиболѣе выдающіеся и наиболѣе талантливо и цѣльно обработанные еще слѣдующіе: «Нужда пѣсенки поетъ», «Парамонъ юродивый», «Про одну старуху». Все это вещи очень продуманныя и согрѣтыя теплымъ и гуманнымъ чувствомъ. Въ первомъ очеркѣ разсказъ бѣдствующаго фокусника про свою жизнь написанъ съ необыкновенною простотою и силою. Мѣстами въ этомъ очеркѣ г. Успенскій возвышается до настоящаго художественнаго мастерства и страницы, на которыхъ переданъ потрясающій эпизодъ о пляскѣ жены фокусника на вечерѣ откупщика, могутъ поравняться съ тѣми страницами «Преступленія и Наказанія» Достоевскаго, гдѣ выступаетъ пьяный Мармеладовъ. Въ «Парамонѣ юродивомъ» очень хороша основная мысль, но фигура юродиваго только намѣчена и мало выработана. Разсказъ «Про одну старуху» по основной темѣ нѣсколько сходенъ съ извѣстнымъ тургеневскимъ «Муму». Тутъ также дѣло вертится на привязанности къ животному, единственной привязанности, которая осталась для человѣческаго существа, являющагося, такъ сказать, выморочнымъ даже среди «униженныхъ и

оскорбленныхъ». Существо это — несчастная, нищая старуха, изливающая свое душевное горе передъ такимъ же какъ и она сама заброшеннымъ созданьемъ — собакой Дурдилкой. Нельзя безъ надрывающаго чувства читать жалобы нищей, изливающей передъ любимымъ животнымъ свое горе, свои жизненныя потери, безпомощный плачъ о своей безпріютности. По глубинѣ содержанія и по яркой выразительности нѣкоторыхъ частностей, очеркъ г. Успенскаго, пожалуй, сильнѣе прекраснаго тургеневскаго разсказа; но, разумѣется, въ изяществѣ, въ общей художественной обработкѣ онъ далеко уступаетъ тому образцу, которымъ онъ, по всей вѣроятности, навѣянъ.

Считаю нужнымъ замѣтить также, что въ первомъ томѣ есть нѣчто лишнее, недостойное таланта г. Успенскаго. Напримѣръ, юмористическій этюдъ «Задача» могъ бы быть г. Успенскимъ выкинутъ безъ ущерба для его беллетристической репутаціи, даже съ выгодой для нея. Нѣсколько фривольная «фабула» этого очерка уже подавала поводъ къ упрекамъ автору въ стремленіи къ скабрезности. Конечно, и теперь разные строгіе моралисты не преминутъ поставить на видъ рискованное содержаніе «Задачи» и затянутъ свои лицемѣрныя поученія о склонности современнаго беллетристическаго реализма къ скандалу. Устраненіемъ изъ собранія своихъ сочиненій этого злосчастнаго очерка г. Успенскій устранилъ бы и

возможность придирки къ нему съ такой стороны, которая является въ его талантѣ и направленіи случайною соринкой.

IV.

«Разоренье». — Значеніе этого этюда. — Типъ Михаила Ивановича. — Трагикомедія русскаго протестантства въ періодъ нашего «возрожденія».—Интеллигентный Михаилъ Ивановичъ.

I.

Тотъ пресловутый прогрессъ, который такъ прославлялся въ началѣ періода нашего «возрожденія», при первыхъ шагахъ своихъ по темнымъ дебрямъ русской жизни отразился въ ней явленіемъ, очень характерно обозначеннымъ г. Успенскимъ словомъ «Разоренье». Нашъ авторъ посвятилъ изученію этого явленія три большіе этюда: «Наблюденія Михаила Ивановича», «Тише воды, ниже травы» и «Наблюденія одного лѣнтяя»; среда, въ которой онъ изучаетъ названное явленіе, все та же, что и въ «Нравахъ Растеряевой улицы»: это среда провинціальнаго мѣщанства, мелкаго чиновничества и только отчасти, въ послѣднемъ этюдѣ, крестьянская среда. Очерки, составляющіе, такъ сказать, трилогію «Разоренья», довольно отрывочны, неполны и незаконченны; но, во всякомъ случаѣ, они заключаютъ въ себѣ не мало интересныхъ данныхъ для исторически-бытовой характеристики

теперь уже отживающаго періода нашего «возрожденія». Мы знаемъ изъ произведеній другихъ, болѣе крупныхъ, чѣмъ г. Успенскій, художниковъ, какъ выразился россійскій «прогрессъ» въ той части нашего общества, которая присвоила себѣ названіе интеллигенціи: Тургеневъ, Гончаровъ, Л. Толстой, Достоевскій дали намъ цѣлый рядъ живыхъ образовъ и картинъ, достаточно исчерпывающихъ эту тему. Авторъ «Разоренья» прибавляетъ къ этимъ образамъ и картинамъ свои эскизы, рисующіе воздѣйствіе россійскаго прогресса на темную массу, на тотъ хоръ, который стоялъ въ періодъ «возрожденія» на заднемъ планѣ, въ глубинѣ сцены. Пусть эти эскизы мелки и иногда небрежно выработаны, пусть наряду съ широкими и яркими картинами жизни интеллигенціи, созданными упомянутыми крупными дарованіями, они кажутся не столь блестящими, даже мутными. Но при полной характеристикѣ русской жизни указаннаго періода ихъ нельзя обойти, они достойны самаго пристальнаго вниманія, они представляютъ необходимое дополненіе въ общей панорамѣ этой жизни. И, конечно, художникъ, или, если хотите, талантливый иллюстраторъ, давшій намъ такіе дополнительные эскизы, имѣетъ всѣ права на извѣстное мѣсто въ литературѣ, имѣетъ ихъ хотя бы уже потому одному, что онъ даетъ нѣчто оригинальное, нѣчто свое, нѣчто такое, чего вы не найдете у предшествовавшихъ ему беллетристовъ.

Возьмите хотя бы фигуру рабочаго Михаила Ивановича: по внутреннему замыслу и по своеобразному складу она принадлежитъ вполнѣ нашему автору и вы не найдете ни у одного изъ корифеевъ «дворянской» литературы ничего похожаго на любопытный типъ, изображенный авторомъ въ главномъ героѣ первой части «Разоренья». Фигура Михаила Ивановича является едва ли не наиболѣе выработанной въ ряду отрывочныхъ образовъ, воспроизводимыхъ г. Успенскимъ. Въ этой фигурѣ, помимо ея живости и реальности въ художественномъ отношенiи, есть своего рода особая поучительность: Михаилъ Ивановичъ въ первобытной формѣ представляетъ многiя существенныя черты общаго типа россiйскаго протестанта, зародившагося въ начальные годы реформъ. Авторъ съ надрывающимъ сердце юморомъ, устами самого героя, разсказываетъ исторiю «просiянiя ума» Михаила Ивановича и изображаетъ результаты этого «просiянiя»: зарожденiе инстинктивной вражды къ средѣ, его окружающей, критически-озлобленное, хотя смутное отношенiе къ ней, стремленiе найти правду и, въ концѣ концовъ, оторванность отъ всякаго настоящаго дѣла и полное нравственное обезсиленiе. «Просiянiе ума» совершилось у Михаила Ивановича, благодаря одному пьяному семинаристу, отъ котораго онъ еще мальчишкой «получилъ вдохновенiе» въ формѣ весьма оригинальной: въ формѣ энергической таски. По примѣру всѣхъ окружающихъ, будущiй пролетарiй-

протестантъ въ младенческомъ возрастѣ занялся эксплоатаціей одного изъ своихъ сверстниковъ, принадлежавшаго къ породѣ барчуковъ. Эта эксплоатація шла очень гладко, еслибы она не была случайно подмѣчена семинаристомъ и не заслужила внезапное возмездіе. Однажды маленькій эксплоататоръ... но предоставимъ разсказъ объ этомъ случаѣ самому герою г. Успенскаго:

«Лежу я съ барчукомъ на печкѣ и дѣлаю съ нимъ подлый поступокъ: продаю ему кошелекъ, а въ обмѣнъ требую съ него серебряную цѣпочку... Кошельку цѣна копѣйка, а цѣпочка стоитъ пять серебромъ. Желаю я ее получить. Барчукъ ничего не смыслитъ, взялъ да помѣнялся, а потомъ разсмотрѣлъ и въ слезы... «Отдай!» плачетъ. А я ему: «нѣтъ, говорю, не отдамъ, потому что ты видѣлъ, что покупалъ. Назадъ не ворочаютъ. Гдѣ у тебя глаза были?..» По базарному поступаю. . Максимъ Петровичъ (семинаристъ) пьяный сидѣлъ, сидѣлъ, слушалъ, слушалъ, да шарахъ меня за волосы съ печи... «Мошенникъ! воръ!.. Съ какихъ лѣтъ мошенничаешь!.. И безъ тебя много мошенниковъ!..» Да за ухо... за ухо... Тутъ онъ меня щекотурилъ... Цѣпочку отнялъ, швырнулъ: «краденую воруешь!..»

Такимъ оригинальнымъ образомъ было получено будущимъ протестантомъ «вдохновеніе» и началось «просіяніе его ума». Но, конечно, этотъ случай былъ только внѣшнимъ толчкомъ, устремившимъ мысль ребенка на несправедливость тѣхъ порядковъ и стремленій, какіе предъявляла окружающая его жизнь и невольно заставляла предъявлять и его. Въ сущности же, съ самыхъ раннихъ дней онъ на себѣ самомъ испыталъ ужасы несправедливости этихъ порядковъ и разъ только стоило упасть лучу свѣта въ его искалѣченную

душу, испытанные имъ порядки озарились во всемъ ихъ безобразіи. Вотъ какую картину этихъ порядковъ рисуетъ онъ, объясняя, какъ «большая прижимка и обдерка была напущена» надъ всѣми подобными ему рабами и мучениками пролетаріата:

«Городской разбой пуще деревенскаго былъ... Тутъ простому человѣку совсѣмъ дыханія не было... Привела меня тетка въ городъ, нашлись добрые люди—мѣщане, взяли меня жить къ себѣ. Дѣвушка была у нихъ одна, что за умница! Грамотѣ меня стала обучать и, можетъ, Господь бы далъ, въ люди бы я вышелъ, человѣкомъ бы былъ. Человѣкомъ бы! Такъ вѣдь—нѣтъ! Не дали! Словно они дожидались меня сироту. Потому, только было я въ тепло-то къ мѣщанину попалъ, а ужъ изъ кварталу бѣжитъ скороходъ. «А гдѣ здѣсь заблуждающій мальчишка?..»—«А что?»—«А то—пожалуйте его въ часть».—А зачѣмъ? что я преступилъ? А то, что солдату трубочки надо покурить, водочки хлебнуть, вотъ онъ и волочетъ меня въ кварталъ, потому знаетъ: придутъ, выкупятъ... Да еще что-о! Везетъ меня въ фарталъ на извозчикѣ, да и съ извозчика-то колупнетъ: «Гдѣ билетъ? Былъ у исповѣди, у причастія?» Да не на одномъ извозчикѣ-то везетъ, а норовитъ отъ биржи до биржи, по закону, и со всѣхъ получить на свое прожитіе; потому всѣмъ имъ, окромѣ мужика, не съ кого взять; безъ мужика-то имъ нечего старшему дать, а старшему-то надоть помазать квартальнаго, а квартальному частнаго... Всѣ на нашъ счетъ; доброму человѣку дня было не изжить. Вонъ мѣщанинъ-то мнѣ пользу хотѣлъ сдѣлать, добро, такъ они на него набросились какъ скорпіи. Придетъ выкупить меня изъ части, всѣхъ одѣлитъ. Опять меня везутъ тѣмъ же порядкомъ на извозчикѣ, а черезъ двое сутокъ опять: «Гдѣ заблуждающій малютка?» Мѣщанина-то розорили, другъ ты мой, меня по извозчикамъ-то истрепали ровно щепку»...

II.

Можно представить себѣ, какое озлобленіе вскормилъ въ своей душѣ человѣкъ, который съ младенчества, въ качествѣ «заблуждающаго малютки», перетерпѣлъ такія бѣдствія отъ «прижимки», основывавшей свои права на формальномъ законѣ. Разъ въ немъ пробудилось сознаніе, разъ онъ почувствовалъ и понялъ, что порядокъ, тяготѣющій надъ нимъ и ему подобными «простыми людьми» не есть нѣчто нормальное, а «прижимка» и «обдерка», онъ, естественно, не могъ войдти въ обычную колею и надломился не только нравственно, но и физически. Съ своимъ озлобленіемъ, съ своими осужденіями всякой неправды, выражаемыми въ формѣ ругательствъ, бросаемыхъ въ лицо всѣмъ и каждому, кто, по его мнѣнію, является представителемъ «прижимки», онъ отбился отъ всякаго дѣла и, отчасти вслѣдствіе голоднаго и бѣдственнаго существованія, отчасти вслѣдствіе разъѣдавшей его душу тоски, впалъ въ чахотку. А тутъ какъ разъ подоспѣли новыя времена, принесшія съ собою нѣкоторое разстройство «прижимкѣ». Какъ извѣстно, новыя времена наступили съ окончаніемъ крымской войны. «Прошла война — разсказываетъ Михаилъ Ивановичъ—налетѣли ревизоры, всѣхъ взяточниковъ повязали... Тутъ пошло швырянье—упаси Богъ! Одинъ воръ, другой ополченцамъ сапоги на кардонной подошвѣ дѣлалъ,

третій въ рекруты забривалъ безъ закону... Стали кидать, швырять подлецами: одинъ внизъ, другой вверхъ, третій торчмя головой»... Созерцаніе небывалой дотолѣ картины «киданія подлецами» укрѣпило въ Михаилѣ Ивановичѣ его протестантскія стремленія и онъ окончательно сдѣлался пропагандистомъ правды, злымъ, надорваннымъ разоблачителемъ всѣхъ мерзостей прижимки, оказался, какъ онъ выражается, «бунтовщикомъ». Всѣмъ и каждому онъ назойливо принялся разъяснять «разбойничью механику» ненавистной ему «прижимки», передъ всѣми и каждымъ началъ высказывать неясную надежду на новые порядки. Жажда пропаганды доводила его до того, что онъ не только передъ разными растеряевцами, но даже, за неимѣніемъ слушателей, иногда передъ неодушевленными предметами надсѣдался со своими озлобленными рѣчами. Авторъ рисуетъ Михаила Ивановича проповѣдующимъ передъ кулькомъ съ капустой такія негодующія истины:

— Пора простому человѣку дать дыханіе! Довольно надъ нимъ потѣшаться разбойникамъ!.. Дайте ходъ!.. Что вы-съ?.. Докуда вамъ разбойничать,—пора и вамъ охнуть...

Купцы и чиновники возбуждаютъ усиленное негодованіе Михаила Ивановича:

— Купецъ-то вонъ въ гробъ просится, заройте меня живого!.. Эва! новые порядки, вишь, ему не по вкусу... А все потому, что ему съ приказными нельзя оболванивать простого человѣка!.. И слава Богу! И даже такъ, что поздоровѣе бы Господь-батюшка ихъ хлестанулъ... Очень великолѣпно! Потому заморили, задушили простого человѣка. Черезъ ихъ обиранье простой человѣкъ дуракомъ сталъ... болваномъ.

Про «господъ чиновниковъ» онъ поетъ еще болѣе рѣзкую пѣсню:

— Я увѣдомился, сколь они съ чужихъ денегъ ошалѣли: пиры, да банкеты, да кувырканья — весь и сказъ!.. Голодны они — мужикъ, простой человѣкъ, терпитъ, дай имъ кормъ, а покормитъ онъ ихъ — опять также ему вредъ и отъ эфтаго... Теперича, посуди, жилъ я у мѣщанина, жена у него померла; осталось у него три дочки... То есть, я тебѣ говорю, дѣвушки!.. Что же, братъ? Выбѣгутъ это на улицу погулять, анъ ужъ тутъ съ сытыми утробами погуливаютъ разные... Вотъ и колесятъ: «Мы васъ замужъ возьмемъ, благородныя будете»... А тѣмъ и любо! Потому, благородными превосходнѣе быть, не чѣмъ этакъ-то, какъ онѣ по ночамъ иглой точать, слѣпнуть... Ну — и... Теперь вонъ на! поди! глянь!.. давно какъ рваныя тряпки по лужамъ валяются! Полюбопытствуй — поди!.. Можетъ, теперь бы у меня такая ли супруга-пособница была, коли-бъ не сытость-то эта краденая. Я почему полгода добивался, чтобъ она на меня, на чумарзаго, взглянула, да по ночамъ ворочалъ на заводѣ, въ огнѣ да въ пламени, чтобъ мнѣ лишній рубь достать, ей купить жамочку, значитъ, конька полакомиться... А чиновникъ-то налетѣлъ съ мадерой, да съ гитарой, да съ шелковымъ платкомъ—онъ и взялъ!.. И шишъ подъ носъ! Нашъ братъ, ободранный человѣкъ — пѣсню-то поетъ ровно рѣжетъ ножомъ, потому голосъ-то нашъ въ огнѣ перекипѣлъ, а тотъ запоетъ пѣсенку любо-два—ай-люли! Потому, въ огнѣ онъ не горѣлъ, а больше нашего брата очищалъ... И бѣлъ онъ, и мадера, и на гитарѣ, примѣрно... А нашего брата по скулѣ! Онъ шваркнулъ ее, Аннушку-то, разорвалъ ее, словно собака тряпку завалящую, да и побегъ къ осьмому часу къ кіатру, а нашъ братъ только жилы свои въ работѣ изсушилъ попусту, потому намъ ее ужъ взять нельзя, Аннушку-то! ужъ намъ невозможно этого, ужъ она набалована! Ей ужъ дай платочекъ шелковый... Онъ, шелковый-то платокъ и нашему брату подходитъ къ лицу, да намъ объ этомъ надо бросить думать... Вотъ! Потому, мы обязаны быть дураками, ошалѣлыми, коркой дорожить, по собачьи жить... Потому, нашъ хлѣбъ другимъ надобился... Другіе нашъ хлѣбъ ѣли.

Въ этихъ скорбныхъ рѣчахъ пролетарія, полу-

чившаго «просіяніе ума», очень ярко высказывается вся горькая ненависть, накипѣвшая въ его душѣ подъ вліяніемъ долгой «прижимки», которая держала и держитъ его въ своихъ когтяхъ. И вотъ, сознавъ всю «разбойничью механику» этой «прижимки», онъ начинаетъ чувствовать неодолимую потребность борьбы съ ней. Озлобленная пропаганда передъ кулями съ капустой и передъ растеряевскими обитателями, равнодушными къ своей участи и глухими къ рѣчамъ пропагандиста почти такъ же, какъ кули,—эта пропаганда уже не удовлетворяетъ его. У него зарождается мечта, что ему необходимо пробраться въ Петербургъ, что тамъ онъ можетъ найти способъ заступиться за «простого человѣка». Что онъ тамъ будетъ дѣлать — онъ этого не сознаетъ хорошенько. Онъ знаетъ, что въ Петербургѣ проживаетъ тотъ Максимъ Петровичъ, отъ котораго въ дѣтствѣ онъ получилъ «вдохновеніе» въ формѣ таски, онъ предполагаетъ обратиться къ нему, а ужъ тотъ научитъ что̀ дѣлать дальше, куда идти въ качествѣ заступника «за простой народъ». Смутныя стремленія и надежды соединяются у Михаила Ивановича съ ожиданіемъ открытія желѣзной дороги, которая дастъ ему способъ отправиться въ Петербургъ. «Чугунка» представляется ему какимъ-то новымъ путемъ къ общему спасенію. Въ то время какъ растеряевцы, приверженные къ «прижимкѣ» или покорившіеся безмолвно ей, смотрятъ подозрительно на «чугунку», — Михаилъ Ивановичъ ра-

дуется ей, какъ будущей благодѣтельницѣ «простого человѣка». И вотъ, наконецъ, настаетъ вожделѣнный мигъ: чугунка готова. Судьба, видимо, благопріятствуетъ Михаилу Ивановичу: какой-то купецъ снабжаетъ его деньгами на проѣздъ въ Петербургъ. У купца коварная цѣль: онъ жаждетъ подобрать въ свои руки казенный заводъ, находящійся въ рукахъ нѣмца-арендатора. Купцу нужно, чтобы Михаилъ Ивановичъ нашумѣлъ въ Питерѣ, явившись представителемъ рабочихъ, и такимъ образомъ бросилъ тѣнь подозрѣнія на заводскіе порядки. Нашъ пропагандистъ ничего такого не подозрѣваетъ. «За простого человѣка въ гробъ пойду!» вопіетъ онъ, угощенный купцомъ; а тотъ его еще подзадариваетъ: «И чудесное дѣло!.. Производите ваше роптанье въ аккуратѣ, и отъ насъ будетъ вамъ взаимно». Наконецъ, Михаилъ Ивановичъ достигаетъ Петербурга, восхищаясь дорогою вѣжливостью обращенія съ нимъ кондукторовъ, свидѣтельствующаго, по его мнѣнію, о томъ, что «простой человѣкъ» начинаетъ заслуживать уваженіе. Но въ Петербургѣ онъ, разумѣется, не знаетъ что дѣлать, не находитъ даже передъ кѣмъ свое «роптаніе производить», какъ онъ производилъ его въ родномъ захолустьѣ. Сначала его восхищаетъ Петербургъ, ибо въ лицѣ столичнаго городового онъ встрѣчаетъ поощреніе своимъ надеждамъ и воззрѣніямъ. «Кто насъ угощаетъ, говоритъ Михаилу Ивановичу городовой, тому мы не препятствуемъ. У насъ слободно... съ

вѣжливостью ежели... Потому у насъ порядокъ... Въ нашей сторонѣ мы дозволяемъ человѣку... Ну, чтобы по распредѣленію выходило—только всего... У насъ все распредѣлено: ежели васъ въ одномъ мѣстѣ повреждаютъ, то въ другомъ вамъ дѣлаютъ починку; выхватили вамъ руку на Невскомъ, а лечить повезутъ на Обуховъ пришпектъ. Распорядокъ повсемѣстно... Выздоровѣлъ, иди опять на Невскій, запрету не будетъ... Хочешь — иди въ кабакъ. Только чтобы съ вѣжливостью»... Поощреніе городового, въ которомъ, какъ поясняетъ авторъ, «простосердечный Михаилъ Ивановичъ видѣлъ представителя самого Петербурга» и котораго своеобразная философія дѣйствительно имѣетъ отношеніе къ общему настроенію петербургскихъ «сферъ»,—поощренія городового, однако, не приводятъ ни къ чему: Михаилъ Ивановичъ съ своимъ «роптаніемъ» пропадаетъ въ Петербургѣ задаромъ...

III.

Къ сожалѣнію, г. Успенскій круто обрываетъ первый эпизодъ «Разоренія» и оставляетъ въ неизвѣстности читателей насчетъ окончательной судьбы Михаила Ивановича; еще къ бо̀льшему сожалѣнію, авторъ, на ряду съ хорошо задуманною и хорошо обработанною фигурою этого протестанта-пролетарія выставляетъ рядъ другихъ, почти ненужныхъ фигуръ, увлекается разсказомъ о нихъ,

путаетъ нить повѣствованія вводными эпизодами. По всегдашней своей привычкѣ, авторъ, теряя изъ виду цѣлое, водворяетъ въ немъ нѣкоторый хаосъ разбросанными и тамъ и тутъ частностями, которыя онъ привязываетъ къ цѣлому чисто внѣшнимъ образомъ. Указанные недостатки, конечно, ослабляютъ общее впечатлѣніе разсказа; но за всѣмъ тѣмъ, этюдъ объ Михайлѣ Ивановичѣ имѣетъ значеніе гораздо болѣе широкое, нежели это можетъ показаться съ перваго раза. Въ самомъ дѣлѣ, не отражается ли въ этомъ этюдѣ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ трагикомическихъ эпизодовъ нашего періода возрожденія, не выступаетъ ли въ немъ подъ образомъ рабочаго-пропагандиста одно изъ самыхъ типическихъ лицъ этого періода? Развѣ мало появлялось такихъ Михаиловъ Ивановичей въ то время? Ими кишѣли всѣ сферы тогдашней жизни. Различные Михайлы Ивановичи «производили роптаніе» въ то время подъ видомъ беллетристовъ-обличителей, подъ видомъ публицистовъ и финансистовъ, подъ видомъ ораторовъ и администраторовъ, наконецъ, нѣсколько позднѣе, даже подъ видомъ агитаторовъ. Типъ, обрисованный г. Успенскимъ, тѣмъ особенно и любопытенъ, что онъ взятъ, если такъ можно выразиться, изъ самыхъ нѣдръ русской почвы. Черты этого типа, такъ рѣзко и угловато выступающія въ такомъ первобытномъ героѣ, какъ Михаилъ Ивановичъ, являются, быть можетъ, нѣсколько смягченными въ интеллигентныхъ его представителяхъ; траги-

комедія его судьбы, его «роптаній», его отношеній къ дикой растеряевской средѣ и его положеніе въ ней представляется не столь наивной и грубой въ тѣхъ формахъ, какія она принимала въ сферахъ интеллигенціи періода «возрожденія»; но, по своей сущности, эта трагикомедія имѣла тотъ же смыслъ, тѣ же перипетіи, тотъ же конецъ. Сознаніе «прижимки», вызванное возмутительными фактами ея господства и новыми вѣяніями жизни — вотъ основная завязка этой трагикомедіи; озлобленный протестъ противъ «прижимки», назойливое изобличеніе ея неправдъ — вотъ ея развитіе; неумѣнье провести въ дѣйствительность теоретическія стремленія протеста—вотъ ея развязка. Въ первомъ этюдѣ автора «Разоренья» все это хорошо осмыслено и хорошо выражено и потому этотъ этюдъ, повторяю, глубоко поучителенъ и можетъ быть поставленъ смѣло въ рядъ исторически-бытовыхъ документовъ еще не совсѣмъ и теперь изжитаго нами прошлаго. Слѣдуетъ прибавить, впрочемъ, что этюдъ г. Успенскаго былъ бы еще поучительнѣе, еслибы авторъ строже выдержалъ его въ цѣломъ и не ослабилъ основную его мысль, и отчасти фигуру главнаго героя вводными эпизодами и картинами.

Признавая эти эпизоды и картины вредящими нѣсколько впечатлѣнію главной идеи и главнаго лица, я долженъ, однако же, замѣтить, что взятые сами по себѣ, отдѣльно, они, если и не всѣ сплошь, то частью, набросаны съ большимъ та-

лантомъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ разсказа о похожденіяхъ растеряевскаго рабочаго-протестанта г. Успенскій выводитъ другого Михаила Ивановича, уже изъ интеллигентныхъ, изъ среды не мѣщанскаго, а такъ называемаго «умственнаго пролетаріата». Лицо это обрисовано слегка, но тѣмъ не менѣе это лицо глубоко жизненное и живое. Въ сотняхъ разсказовъ о пресловутыхъ «новыхъ людяхъ» шестидесятыхъ годовъ разные наши второстепенные беллетристы тогдашняго времени старались нарисовать нравственный обликъ и выставить причины трагическаго положенія этихъ нѣкогда новыхъ людей, теперь уже состарѣвшихся и въ большинствѣ характерныхъ экземпляровъ почти сошедшихъ со сцены жизни; но едва ли кому изъ второстепенныхъ беллетристовъ удалось такъ ярко намѣтить весь складъ развитія и всю жизненную борьбу «новыхъ людей» въ періодъ «возрожденія», какъ это сдѣлано г. Успенскимъ. А сдѣлано это имъ на двухъ-трехъ страничкахъ, въ формѣ задушевной исповѣди одного изъ такихъ людей передъ главнымъ героемъ разсказа. Михаилъ Ивановичъ въ Петербургѣ находитъ того самаго «барчука», котораго онъ когда-то эксплоатировалъ въ дни своего дѣтства. Барчукъ этотъ происходилъ изъ семьи растеряевцевъ, жившей на счетъ «простого человѣка», являвшей собою организованное гнѣздо хищниковъ народнаго труда и хлѣба. Онъ отбился отъ своей семьи, отъ своего гнѣзда, подобно Михаилу Ивановичу почувствовавъ

«просіяніе». Но мало было почувствовать необходимость оторваться отъ той хищнической среды, которая воспитала его; надо было еще выработать въ себѣ характеръ и способность на иную, честную и справедливую жизнь. Ему это не удалось, какъ многимъ ему подобнымъ въ то время. Въ непосильной, поднятой имъ, нравственной борьбѣ съ самимъ собою и съ окружающими его обстоятельствами онъ надломился и погибъ, придя къ извѣстному, безпрестанно практикуемому русскими неудачниками концу — къ исканію душевнаго забвенія въ пьянствѣ. И вотъ къ этому-то человѣку пришелъ Михаилъ Ивановичъ съ просьбой объ указаніи и совѣтѣ, какимъ образомъ ему, темному и неразвитому, инстинктивному искателю правды, начать дѣло помощи «простому человѣку», дѣло, о которомъ такъ мечтательно, но ревностно сокрушался растеряевскій рабочій въ своемъ захолустьѣ. Но не полезнымъ и разумнымъ совѣтомъ, не твердой поддержкой, а горькой исповѣдью о своемъ собственномъ горькомъ безсиліи отвѣчаетъ интеллигентный человѣкъ своему не интеллигентному собрату. Въ этой исповѣди, написанной г. Успенскимъ съ надрывающей задушевностью, освѣщены глубоко и вѣрно моральные недуги и душевныя исканія цѣлаго поколѣнія, игравшаго тревожную роль въ развитіи русской жизни. Я приглашаю читателей прочесть эту исповѣдь въ самомъ разсказѣ автора, потому что выдержки изъ нея, хотя бы и наиболѣе характерныя, не могутъ дать по-

нятія о ея глубокомъ содержаніи и объ ея прекрасно выдержанномъ и прочувствованномъ общемъ тонѣ.

V.

Вторая часть «Разоренья». — Изнаночная сторона прогресса, водвореннаго на родной почвѣ.

I.

Во второй части «Разоренья», озаглавленной авторомъ «Тише воды, ниже травы», мы встрѣчаемся уже съ нѣкоторыми, возросшими на почвѣ русской захолустной дѣйствительности, плодами прогресса. Плоды эти: народная школа, новый судъ «скорый, правый и милостивый», земскія учрежденія, предоставившія освобожденному мужику право голоса за его нужды, пріобщившія его къ самоуправленію. Формально, съ казовой стороны, темныя дебри русской дѣйствительности пользуются этими благими плодами, волей-неволей вкушаютъ ихъ и *водворенный* прогрессъ шествуетъ торжественно и мирно, исполненный добрыхъ стремленій, въ числѣ которыхъ главнымъ образомъ, конечно, стоитъ первымъ:

Да благоденствуетъ русскій народъ.

Но за казовой стороной благоденствія народа и преобразованія «жестокихъ нравовъ» захолустной дѣйствительности проглядываетъ другая сторона,

внутренняя, изнаночная, и вотъ эту-то сторону и старается показать г. Успенскій со всѣми ея своеобразными прелестями. Вамъ угодно убѣдиться воочію, насколько проникъ въ народную массу прогрессъ и насколько просвѣтилъ онъ темныя дебри тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыхъ масса обрѣталась споконъ вѣка—вамъ угодно полюбопытствовать на этотъ счетъ? Ну, такъ извольте, вотъ маленькая, но очень выразительная картинка истиннаго народнаго просвѣтлѣнія и благоденствія, картинка, будто ненарочно оброненная авторомъ на вступительныхъ страницахъ второй части «Разоренья»:

Во время дороги сюда въ (провинціальное захолустье) случилось намъ остановиться близь новой строющейся желѣзной дороги. У одного изъ деревянныхъ бараковъ я замѣтилъ цѣлую толпу мужиковъ, которые валялись ничкомъ, разбросавъ руки и ноги какъ попало; съ перваго взгляда ихъ можно было принять за мертвецки пьяныхъ, но оказалось, что они скорѣе напоминаютъ рыбу, выброшенную на берегъ, обезсилѣвшую и изнывающую на солнцѣ.

— Что съ вами, ребята? спросилъ я ихъ.

— Ослабши!... еле проговорилъ одинъ изъ нихъ, старикъ, съ великимъ трудомъ поднимаясь на локтѣ и стараясь согнуть колѣно... Дюже асс-лабши! кровь пущали...

Старикъ повалился на спину, не удержавшись на локтѣ, и я долго ждалъ, покуда онъ снова придетъ въ себя.

Должно быть, много очень крови вамъ выпустили?

— Да, надо быть, что перепустилъ... передалъ...

— Какъ же это такъ? Докторъ-то есть у васъ?

— Охъ, да есть онъ... О-о-о... Да свой у насъ докторъ-то, неученый... простой... У яво положенная препорція, насчетъ эфтого... кровопролитія... примѣрно... Есть стаканъ у него въ гривенникъ... и есть у него въ двугривенный стаканъ... О-о-оххъ... Ну-ну... хочешь ежели ты фунтъ крови твоей от-

лить, ну,—гривеннишный стаканъ нальетъ... А ежели ты два фунта пожелалъ... О-охъ... Осслабши... Перпустилъ...

Замѣтьте, что это происходитъ именно въ то миновавшее и такъ прославленное «настоящее время, когда и проч.», происходитъ въ той счастливой странѣ, въ которой проснулись всѣ «производительныя силы», которая озарилась «яркимъ солнцемъ просвѣщенія», однимъ словомъ, происходитъ, какъ пѣлъ въ оны дни поэтъ Конрадъ Лиліеншвагеръ:

Тамъ, гдѣ строютъ дороги желѣзныя,
Пароходство ростетъ каждый часъ,
Предпріятья заводятъ полезныя,
Поощряютъ промышленный классъ,
Гдѣ оковы съ народа снимаются,
Гдѣ свободный рождается трудъ,
Воспитаніе гдѣ возвышается,
Къ дѣлу жизни всѣ силы зовутъ.

И вотъ какъ разъ въ видѣ прекрасной иллюстраціи къ рожденію свободнаго труда вамъ представляется толпа полумертвыхъ работниковъ, воспользовавшихся этимъ новооткрывшимся тогда благомъ, у которыхъ посредствомъ двугривеннишнаго стакана отбавляютъ кровь съ спеціальною цѣлью облегчить нѣкоторое утомленіе отъ занятій на пользу прогресса...

II.

Вамъ угодно полюбопытствовать, какимъ оригинальнымъ сознаніемъ на счетъ своихъ «правъ» просвѣтилась народная масса? Вотъ вамъ другая

картинка, не менѣе выразительная и не менѣе своеобразная. Баба привезла въ полицейское управленіе мужика, который оказывается воромъ: онъ укралъ двухъ лошадей. Мужикъ лежитъ въ телѣгѣ подъ полушубкомъ и на разные упреки гнѣвной бабы добродушно откалываетъ такую реплику: «Нич-чево!.. Авось!.. Ты думаешь, Богъ-то для васъ только?.. Нѣтъ, очнись! Ты думаешь, вора привезла, и все тутъ?.. Нѣтъ, погоди маленько! У н-насъ тоже противъ васъ штучка есть! Нѣтъ, шельма, погоди! Такъ бы я тебѣ, шельмѣ, и дался, кабы у меня эфтаго не было. Такъ бы я тебѣ и легъ въ телѣгу-то, какъ же, сдѣлай одолженіе! Нашла дурака! Кабы эфтой штучки у меня противъ васъ, чертей, не было, нашла бы ты меня... держи!» Баба недоумѣваетъ, какъ недоумѣваетъ, конечно, и читатель, какую штучку имѣетъ пойманный конокрадъ для явнаго доказательства къ нему Божіей милости, и проситъ мужика объяснить «чѣмъ онъ можетъ ей во вредъ?» Мужикъ откидываетъ полушубокъ и показываетъ затылокъ, весь запекшійся въ крови.

— А это что, живодерная шельма? зарычалъ онъ, стиснувъ зубы, и сталъ тыкать себя въ затылокъ пальцемъ.—Что это-о?

Затылокъ былъ у него разбитъ и волоса запекшись въ крови.

— Что? что? что, гнусавая? ревѣлъ человѣкъ, держась обѣими руками за край телѣги.—Ай, присѣла? Нѣтъ, еще за эту штучку-то тебя, шельму, надо разстрѣлять!.. Аннаѳему!

Баба злилась, но молчала, и видимо оторопѣла.

— Ты ловить вора — лови, а оглоблей его громыхать въ это мѣсто не показано! продолжалъ мужикъ.

— Что въ законѣ сказано?.. Шельма! Такъ бы я вамъ, чертямъ, и дался, ежели-бъ вы мнѣ не повредили! Ду-ура! Вѣдь и мы съ умомъ! Я тебѣ, дурѣ, нарочно затылокъ-то подставилъ! Потому намъ за это снисхождаютъ! Съешь вотъ!..

Сказавъ это, мужикъ снова юркнулъ подъ полушубокъ, снова закутался съ головой, и въ то время, какъ баба не знала, что отвѣчать, весело говорилъ оттуда:

— Х-ха!.. А то дурака нашли! Нѣтъ, братъ, эта штучка—мое почтеніе! Вотъ какъ я тебѣ скажу... Шельма!.. Я тебѣ покажу мои права!»

Какъ видите: прогрессъ, даровавшій мужику новыя «права», въ числѣ ихъ даровалъ ему совершенно неожиданное и непредусмотрѣнное никакимъ кодексомъ — право разбитаго оглоблей затылка, на которое онъ крѣпко уповаетъ и которымъ надѣется парализовать обвпненіе въ совершенномъ имъ воровствѣ. Вотъ какой своеобразный складъ принимало на первыхъ порахъ водвореніе прогресса, вотъ какимъ оригинальнымъ образомъ отражалось въ темной массѣ понятіе о «милости» новаго суда! Для того, чтобъ воспользоваться новымъ правосудіемъ, затылокъ подставляется подъ оглоблю и этой «штучкой» подготовлена защита, завоевано, такъ сказать, заранѣе снисхожденіе присяжныхъ. Такъ какъ мы вступили въ область особенныхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ мужику прогрессомъ, то пойдемте далѣе по тому же пути, руководясь тѣмъ матеріаломъ, который представляютъ намъ наблюденія автора: полюбуемся еще двумя-тремя картинками, иллюстрирующими практическое приложеніе новыхъ судебныхъ порядковъ къ жизни народной

массы. Авторъ рисуетъ осенній день въ уѣздномъ городишкѣ, одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ дней русской осени, когда одинъ видъ непогоды и слякоти способенъ довести глухую душевную тоску до отчаянія: «Уѣздная нищета еще унылѣе влачитъ свои отребья и недуги по грязи и слякоти, вся промоченная до нитки проливными дождями и продрогшая отъ холоднаго, безпрерывно-ревущаго вѣтра. Не хочется ни выйдти, ни взглянуть въ окно». И вотъ въ такой-то чудесный день, въ кухню бѣднаго чиновничьяго семейства заходитъ мужикъ, весь промоченный и продрогшій. Его знакомка кухарка разспрашиваетъ, ради чего это онъ прибрелъ по такому ненастью.

Ничего не сдѣлаешь, матушка! Моченьки нѣту! И съ низу и съ верху—такая страсть идетъ, не приведи Богъ! отряхая армякъ, говоритъ усталымъ голосомъ мужикъ. — Двадцать верстъ по эдакому мученью обмолотить не больно сладко! продолжаетъ онъ, хлопая шапкой не то о притолку, не то объ стѣну; затѣмъ уходитъ въ сѣни, гдѣ долго шаркаетъ сапогами и возвращается отдуваясь и кряхтя.

— О, Боже мой!

— Пѣшкомъ, што ли, вы?

— Да, пѣшкомъ, матушка, пѣшкомъ, что сдѣлаешь-то?

— Что же это вы лошадку-то жалѣете?

— О-о, матушка, кабы жалѣли... Нѣту ее, лошадки-то, пятый день вытребовали по казенной части, нѣту, матушка. Господь ее знаетъ, когда отпустятъ оттедова? А приказъ былъ такой, чтобы отнюдь не умедлить, поспѣшить чтобы въ городъ... Ну, и пошли пѣшкомъ.

— Что-жъ это васъ, по какому дѣлу? суетясь и раздувая самоваръ, спрашивала кухарка. — Вытребываютъ васъ, али какъ?

— Вытребываютъ, кормилица!.. Сказывали, которые же изъ деревень шли по эвтому, по выпискѣ, сказывали, будто кара-

улъ хотятъ держать изъ насъ... Ну, а на постояломъ дворѣ такъ объяснили, будто бы судить, что ли, кого-то.

— За что-жъ это судить-то?

— Да Господь ее знаетъ! Сказывали, будто бабу, что ли-то, какую присуждаютъ къ Сибири, за ребенка, ну и пріумножаютъ... Это самое, караулы. Господь ее знаетъ, матушка! Тамъ безъ насъ разберутъ... Я ужъ у тебя, кормилица, заночую? Попытай у господъ, не будетъ-ли какой милости на печку мнѣ? Вѣришь, пришелъ въ чужую сторону, хошь что хошь! Куда пойдешь-то? Иззябъ весь... вымокъ...

— Вотъ чайку выпьешь, сказала кухарка.

Гость поблагодарилъ и, помявшись, сказалъ:

— А ты вотъ что, родная,—чайку, чайку... а ты бы... Нѣтъ ли, голубушка, хошь хлѣбца бы? Попытай у господъ, матушка... Передъ Богомъ сказать, и дома-то ребятишкамъ почесть-что корки не оставилъ,—вѣрное слово! Стыдно сказать, шли дорогой—побирался, ей-ей! Да покуда чего объявятъ, такъ и тутъ пойдешь по міру ходить, вѣрно тебѣ говорю!

Этотъ промокшій, продрогшій и голодный прохожій не кто иной, какъ представитель общественной совѣсти на судѣ, это одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей. Прогрессъ, совершая свое побѣдное теченіе по деревнямъ и весямъ русской земли, привлекаетъ къ служенію юстиціи по установленнымъ и выработаннымъ «европейскимъ» основаніямъ сотни и тысячи такихъ невольныхъ странниковъ. Голодные, промокшіе, побирающіеся Христа ради, они идутъ безропотно на служеніе прогрессу, покинувъ родные кровы, гдѣ оставили свои полуголодныя семьи. Угодно вамъ посмотрѣть, ради чего они идутъ, ради какихъ «дѣлъ» прогрессъ заставляетъ ихъ прогуливаться за десятки верстъ? Угодно вамъ посмотрѣть, какъ производится раз-

боръ этихъ «дѣлъ», посмотрѣть не съ казовой только стороны, не сквозь либеральныя очки, а прямо, просто и правдиво?

III.

Мы въ храмѣ Ѳемиды. Производится гласный судъ надъ бабой, которая обвиняется въ утопленіи своего ребенка. Публика, конечно, заранѣе заражена энтузіазмомъ. Судьи, конечно, важные и внушительные на видъ. Присяжные засѣдатели, ведомые ундеромъ, занимаютъ свои мѣста. «Въ лицахъ крестьянъ-присяжныхъ — пишетъ разсказчикъ—я замѣтилъ уныніе и страхъ; проходя по комнатѣ, они старались ступать на цыпочкахъ, причемъ, однако, все-таки оставались лужи такихъ размѣровъ, что можно было потерять разсудокъ, особливо если принять въ разсчетъ суровые взоры ундера, который какъ будто хотѣлъ сказать: «эхъ, вы, судьи! вамъ въ свиномъ корытѣ хрюкать, а не то что касаться къ мебели!» Присяжные, видимо, понимали какъ справедливость суровыхъ взглядовъ ундера, такъ и то, что надъ головами ихъ сію минуту что-то должно разразиться». Священникъ держитъ присяжнымъ, приводя ихъ къ присягѣ, «увѣщаніе», въ которомъ грозитъ имъ карою неба, если они не будутъ судить «по сущей чести», предсѣдатель объясняетъ «возмездія», могущія ихъ постичь за ложный судъ въ сей жизни.

Выразители «общественной совѣсти», отхватавшіе десятки верстъ подъ осенней непогодой, изморенные физически, теперь подвергаются нравственному изморенію; подъ впечатлѣніемъ столь обстоятельно разъясняемыхъ имъ каръ небесныхъ и земныхъ, они только понуриваютъ головы и вздыхаютъ. Начинается дѣло. Подсудимая — баба въ арестантскомъ полушубкѣ. Изъ свидѣтельскихъ показаній выясняется, что она утопила своего ребенка. Она проживала у мѣщанки, которая «нехорошимъ дѣломъ» занималась. Вышло ей мѣсто и она рѣшилась поступить на это мѣсто. Но такъ какъ на мѣсто нельзя было поступить съ ребенкомъ, то она рѣшилась его отдать куму и снесла, по ея словамъ, къ этому куму. А потомъ ребенокъ оказался въ проруби. Та самая мѣщанка, у которой она проживала, настаиваетъ въ качествѣ свидѣтельницы на томъ, что ребенокъ непремѣнно утопленъ самой подсудимой и приводитъ довольно резонные доводы. Объясненіе подсудимой столь же просто, какъ свидѣтельскія показанія противъ нея. Она дѣйствительно проживала у мѣщанки, но не чаяла, какъ вырваться оттуда: «Въ полночь, заполночь,—все пируютъ. Я лежу больная, хворая, а кругъ тебя пляшутъ»... Во время болѣзни подсудимая не могла работать много, но все-таки ее понукали и она черезъ силу принуждена была ходить на поденщину. Деньги эти отъ нея отбирали. Среди такихъ мученій, услыхавъ, что есть мѣсто, подсудимая до того обрадовалась, что со-

лгала, будто бы къ ней пріѣхалъ кумъ, а на самомъ дѣлѣ побѣжала отыскивать человѣка, который бы взялся принять ея ребенка на воспитаніе. Пометавшись часа два по улицамъ совершенно напрасно, она хотѣла было подкинуть ребенка, но пожалѣла, подумавъ, что онъ можетъ замерзнуть, такъ какъ въ вечернюю пору народу на улицѣ не бываетъ и его могутъ не увидѣть. Наконецъ, ей встрѣтилась старуха, лицо которой она припомнить не можетъ; они разговорились, и старуха предложила взять ребенка съ тѣмъ, чтобы подсудимая отдала ей полушубокъ. Подсудимая готова была на все, и отдала полушубокъ, но въ это время старуха пожелала узнать, сколько могутъ дать за полушубокъ, а подсудимая осталась ждать съ ребенкомъ на рукахъ и въ одномъ платьѣ. На дворѣ была вьюга, метель... Старуха воротилась уже безъ полушубка, проклиная какого-то человѣка, который не хотѣлъ подождать за ней долга и, оцѣнивъ полушубокъ, удержалъ его у себя. Съ ругательствомъ старуха взяла ребенка и говорила: «Еще замерзнетъ — хоронить надо. Гдѣ возьму?» Однако, взяла и сказала гдѣ живетъ, но подсудимая у нея не была.

— Почему же вы не были у нея?

— Недосугъ, ваше благородіе. Да опять и скоро объявился онъ мертвымъ.

— Какимъ же образомъ ребенокъ очутился въ рѣкѣ?

— Да надо быть, что замерзъ онъ у нея на рукахъ, она его и бросила.

— Не помните ли, по крайней мѣрѣ, лица старухи?

— Не упомню! кормилецъ, въ ту пору голова кругомъ шла. Не упомню! Не чаяла, какъ мнѣ вылѣзти изъ вертепу...

Вотъ простая и ужасающая въ своей простотѣ судебная драма. Отнеситесь къ ней формально, какъ требуетъ прогрессивный кодексъ, и вы не будете знать, какой отвѣтъ дать относительно обвиняемой: ея показаніе точно такъ же правдоподобно, какъ и уличающія ее въ преступленіи показанія свидѣтелей. Какой же отвѣтъ даютъ присяжные, которымъ, по мнѣнію одного изъ призванныхъ представителей администраціи — ундера, слѣдовало бы не въ судѣ засѣдать, а въ «свиномъ корытѣ хрюкать»? Они, эти изморенные и запуганные «увѣщаніями» мужики, отвѣчаютъ «не виновата» и двумя словами мотивируютъ свой отвѣтъ: «Господь съ ней». За такой не юридическій мотивъ очень претендуетъ одинъ изъ членовъ суда: «я имъ говорю — «да» или «нѣтъ»? — больше ничего не нужно, больше ничего! А они: «Богъ съ ней!» Да поймите вы, господа, что тутъ не Богъ съ ней, не Господь съ ней, а виновата или нѣтъ?» Молчатъ. «Ну, какъ же?» — «Господь съ ней!» Почтенный представитель казенной Ѳемиды не подозрѣваетъ глубины и великой справедливости этихъ словъ, внушенныхъ тою народною мудростью, которая основывается не на хитрыхъ, писанныхъ кодексахъ, а на истинномъ христіанскомъ милосердіи, на кроткой душевной человѣчности. Эту непосредственную народную мудрость не можетъ извратить даже никакая декоративная

обстановка комедіи прогресса. Но — вѣроятно, къ огорченію разныхъ либеральныхъ прогрессистовъ, подобныхъ служителю Ѳемиды — авторъ «Разоренья» это понимаетъ: среди удручающихъ душу картинъ и сценъ, которыя проходятъ передъ глазами героя его разсказа, записывающаго свои горькія впечатлѣнія, онъ заставляетъ его вздохнуть отраднымъ вздохомъ подъ вліяніемъ указаннаго народнаго рѣшенія. Г. Успенскій влагаетъ въ уста своему герою утѣшительное признаніе въ томъ, что «подъ громадою бѣдъ, забитости, темноты народа, таятся свѣтлыя надежды, прячется живое, хорошее слово».

IV.

Да, и вотъ въ томъ-то и бѣда, что эти «свѣтлыя надежды глушитъ на родной почвѣ не только темнота и забитость, но и тотъ формальный, казовой прогрессъ, который, не справляясь съ духомъ и складомъ народной жизни, налегъ на нее какъ поверхностный, но тѣмъ не менѣе удушливый туманъ. Что же мудренаго въ томъ, что этотъ прогрессъ отразился на первыхъ порахъ въ жизни темной народной массы своего рода «разореніемъ», что онъ и до сихъ поръ еще спутываетъ нерѣдко своими внѣшними, неприложимыми къ народной жизни путами непосредственное народное сознаніе, принуждаетъ волей-неволей народную правду обращаться въ мнимо-цивилизованную ложь. Въ

разсказахъ г. Успенскаго, между прочими лицами, выступаетъ одно чрезвычайно типическое и оригинальное лицо: зажиточный крестьянинъ Иванъ Николаевичъ. Это мужикъ, свѣтлымъ и крѣпкимъ мужицкимъ умомъ пришедшій къ сознанію безтолковости и неприложимости къ почвѣ формальнаго прогресса. Онъ очень хорошо разъясняетъ всю безтолочь и ложь порядковъ, повидимому направленныхъ къ благоденствію темной массы, а въ сущности разстраивающихъ ея жизнь, кое-какъ сложившуюся подъ вліяніемъ освободительной реформы, разстраивающихъ новыми неправдами, нисколько не лучшими старыхъ неправдъ.

— Теперь вотъ онъ—говоритъ Иванъ Николаевичъ про мужика—отъ суда отбился, выпустили его изъ присяжныхъ... теперь того и гляди, потянутъ его къ земству... оглянуться не успѣетъ! Еще когда надо бы выборку дѣлать, да у насъ все такъ «какъ нибудь!» Что посредникъ скажетъ, такъ тому и быть, а мужика только таскаютъ: изъ деревни въ уѣздъ, изъ уѣзда въ губернію... Да хорошо, коли хлѣбушко есть, а то... Да вонъ одинъ баринъ нашелся, на свой счетъ повезъ гласнаго въ губернію, такъ тотъ и то вылъ!

— Отчего же выть?

— Да оттого выть, что померъ было въ городѣ-то... Посиди-ка па постояломъ дворѣ, или бы въ гостинницѣ безъ дѣла... небось! Спалъ-спалъ, пошелъ подъ ворота посидѣлъ, потомъ опять въ номеръ... Ну-ко-ся? Мужикъ-то пріѣхалъ оттудова—ровно щепка худой...

Я упомянулъ было о томъ, что мужикъ, какъ гласный, могъ бы и долженъ бы былъ интересоваться губернскимъ собраніемъ, могъ бы тамъ говорить о своихъ нуждахъ.

— Ахъ, вы, господа, господа!.. да нешто онъ умѣетъ это?.. чудаки вы, ей-Богу... Тамъ нешто по-мужицки надо?... Да ежели онъ какое нибудь слово выворотитъ, такъ вѣдь ему въ самое горло звонокъ-то запустятъ да тамъ и зазвонятъ! Да и говорить-то ему не о чемъ.

— Какъ?

— А такъ! У нихъ, у членовъ-то, вѣдь все кругомъ родня,— всѣ они другъ-дружкѣ либо братъ, либо сватъ... Ужъ они всѣ дѣла знаютъ! Одинъ другому «шу-шу», ужъ они не продадутъ! Будемъ такъ говорить: остался ты тутъ недоволенъ, пошелъ въ губернію, — опять же они самые сидятъ... такъ, аль нѣтъ? Стало быть, какой же тутъ разговоръ,—изволишь видѣть?... Ну, и пойдешь въ номеръ спать.

Вотъ вамъ и участіе народа въ земскомъ самоуправленіи! Г. Успенскій заключаетъ вторую часть «Разоренья» небольшой сценкой выбора гласныхъ, сценкой, очень хорошо изображающей, какъ просто и мило производятся эти выборы: гласный, котораго должны выбирать крестьяне, «привозится» съ собою, рекомендуется избирателямъ послѣ предварительной долгой выдержки ихъ у крыльца волостного правленія и потомъ имъ предлагается, въ знакъ согласія на избраніе именно этого гласнаго, надѣть шапки и идти по домамъ. Крестьяне такъ и дѣлаютъ.

— Готово-о-о!

— Ай будя?

— Будя-а-а!

— Шаба-ашъ.

Согласитесь: не «разоренье» ли, въ самомъ дѣлѣ, такое изумительное насажденіе лучшихъ плодовъ прогресса въ черноземную русскую почву?

VI.

Преобладаніе тенденціи въ произведеніяхъ г. Успенскаго, послѣдовавшихъ за его начальными работами. — Примѣры фальшиваго сочинительства.—Заключеніе.

Изъ предыдущихъ главъ моего этюда читатели могли достаточно ознакомиться съ характеромъ и внутреннимъ содержаніемъ тѣхъ очерковъ г. Успенскаго, которыми опредѣлился его талантъ въ періодъ начальной дѣятельности. Эти очерки, несмотря на внѣшнюю разбросанность и малую связь межъ ними, несмотря на ихъ отрывочность и, порою, небрежность, воспроизводятъ, какъ я уже говорилъ, любопытнѣйшія черты одичанія русской жизни въ фазисѣ ея застоя и затѣмъ черты смутнаго и хаотическаго ея броженія, начавшагося въ эпоху реформъ. Надо сказать правду: по живости и яркости, по реалистической, если такъ можно выразиться, искренности матеріалъ, собранный г. Успенскимъ въ его начальныхъ очеркахъ, представляется наиболѣе цѣннымъ въ художественномъ отношеніи. Тенденція если и сквозитъ кой-гдѣ въ этихъ очеркахъ, то, во всякомъ случаѣ, она не достигаетъ еще той степени, на которой непосредственныя наблюденія дѣйствительности, подъ вліяніемъ авторскаго разсчета, обращаются въ дѣланныя, искусственныя картины и сцены; тенденція еще не показывается тутъ въ своемъ голомъ видѣ— въ формѣ разсужденій полукритическаго, полупубли-

цистическаго характера, въ формѣ явно намѣченныхъ *программъ* для развитія разсказа. На первоначальныхъ очеркахъ г. Успенскаго лежитъ свѣжій и выразительный колоритъ впечатлѣній, навѣянныхъ жизнью и не подвергнутыхъ насильственной переработкѣ ради условныхъ шаблоновъ извѣстнаго направленія, ради требованій того журнализма въ искусствѣ, который такъ настойчиво въѣлся въ нашу беллетристику шестидесятыхъ годовъ и такъ много перепортилъ искреннихъ и яркихъ художественныхъ талантовъ.

Въ произведеніяхъ, послѣдовавшихъ за «Нравами Растеряевой улицы» и «Ра́зореньемъ», г. Успенскій постепенно началъ подчинять свое творчество тѣмъ тенденціознымъ настроеніямъ, которыя предъявляло не время, — удовлетвореніе общимъ настроеніямъ времени не вредитъ истинному дарованію, а напротивъ придаетъ ему свѣжесть, выразительность и силу, — даже не читающая публика въ широкомъ смыслѣ этого слова, а извѣстная литературная партія, или, точнѣе, извѣстный журнальный кружокъ. Въ талантѣ г. Успенскаго, конечно, было слишкомъ достаточно *своихъ* данныхъ; стремленіе этого таланта къ правдивости въ воспроизведеніи жизненныхъ явленій залегло въ немъ слишкомъ глубоко и крѣпко, чтобы узкія требованія кружковаго журнализма могли овладѣть имъ всецѣло, могли сгладить въ немъ всякую самостоятельность, заставить его пойти по легкому пути беллетристическихъ поддѣлокъ жизненныхъ

впечатлѣній, поддѣлокъ, практикованныхъ во множествѣ въ дни оны и практикуемыхъ и теперь посредственностями. Но несомнѣнно, однако же, что талантъ автора «Разоренья» нѣсколько тронулся, по крайней мѣрѣ со стороны своей свѣжести и искренности. Несмотря на то, что въ разсказахъ, слѣдующихъ за «Растеряевой улицей» и «Разореньемъ», г. Успенскій является менѣе разбросаннымъ, несмотря на большую опредѣленность и цѣлостность содержанія этихъ разсказовъ, онъ мало-по-малу начинаетъ въ нихъ подгонять свое творчество къ извѣстной програмности, выходить изъ роли иллюстратора подмѣченныхъ имъ явленій живой дѣйствительности и, порой, явно смѣнять роль художника-созерцателя на роль критика и даже публициста. Картины и сцены онъ не стѣсняясь заслоняетъ разсужденіями, можетъ быть изрѣдка очень проницательными, мѣткими, даже глубокими, въ извѣстной степени отвѣчающими болѣзненному настроенію «тревожить язвы» современной жизни, но, тѣмъ не менѣе, имѣющими внутреннее значеніе весьма относительное. Какъ бы ни были серьезны и напряженны подобныя разсужденія, въ беллетристической формѣ ихъ содержательность и выразительность никогда не можетъ стать на ряду съ содержательностію и выразительностію непосредственныхъ жизненныхъ впечатлѣній художника, высказывающихся въ живыхъ образахъ.

Я не стану пересматривать подробно тотъ беллетристическій матеріалъ, который даютъ третій

и четвертый томы сочиненій г. Успенскаго, для подтвержденія высказанныхъ сейчасъ общихъ замѣчаній. Такой подробный пересмотръ увеличилъ бы мой этюдъ до слишкомъ обширныхъ размѣровъ, а онъ и безъ того уже распространился болѣе, чѣмъ я предполагалъ. Ограничусь лишь указаніемъ нѣсколькихъ примѣровъ.

Въ той серіи очерковъ, которая озаглавлена общимъ заглавіемъ «Новыя времена, новыя заботы», мы встрѣчаемъ съ первыхъ же страницъ прекрасный разсказъ «Книжка чековъ». Въ разсказѣ этомъ очень вѣрно намѣчена взаимная путаница отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, завязавшаяся послѣ освободительной реформы и заканчивающаяся поглощеніемъ той и другой путающейся стороны представителемъ кулаческаго капитализма. Я говорю: намѣчена, потому что дѣйствительно, за исключеніемъ фигуры кулака, обрисованной довольно опредѣленно, все остальное только набросано въ самыхъ небрежныхъ чертахъ. Разсказъ представляетъ какъ бы программу какого-то широко задуманнаго произведенія, кратко записанную авторомъ для памяти и пересыпанную лишь мѣстами кой-какими сценами изъ записной книжки. Между тѣмъ, еслибы г. Успенскій развилъ какъ слѣдуетъ эту программу, елибы онъ все то содержаніе, которое излагаетъ «своими словами», въ формѣ объясненій и разсужденій, исчерпалъ въ живыхъ лицахъ и сценахъ, въ живыхъ типахъ и бытовыхъ подробностяхъ, — небольшой, разсказанный имъ,

какъ онъ выражается, «эпизодъ изъ жизни недоимщиковъ» могъ бы превратиться въ широкій романъ. При условіяхъ тщательной и законченной художественной обработки, романъ, съ тѣмъ содержаніемъ, какое находимъ въ «програмномъ» разсказѣ, несомнѣнно явился бы однимъ изъ самыхъ серьезныхъ общественно-бытовыхъ произведеній литературы послѣдняго періода. Къ сожалѣнію, вмѣсто заботъ о томъ, чтобы облечь въ выработанныя и опредѣленныя художественныя формы глубокій и содержательный замыселъ, навѣянный наблюденіемъ надъ интереснымъ и характернымъ явленіемъ дѣйствительности, г. Успенскій бросается на заботы, совершенно постороннія и неподходящія творчеству художника. Едва намѣтивъ въ мелкихъ чертахъ двѣ три живыхъ картинки поглощенія капиталомъ реформировавшихся отношеній крестьянина и душевладѣльца, онъ начинаетъ въ промежутки къ этимъ картинамъ вклеивать поясненія, замѣчанія. Мало того: онъ къ краткому бытовому эскизу присоединяетъ еще цѣлый хвостъ, который является болѣе головы и уже совсѣмъ выходитъ изъ предѣловъ беллетристики, обращаясь поминутно въ трактатъ критически-экономическаго характера. Этотъ трактатъ, безъ сомнѣнія, очень интересенъ и показываетъ въ авторѣ глубокую наблюдательность и отчетливое пониманіе тѣхъ явленій, которыя онъ обсуживаетъ; притомъ въ разсужденіяхъ автора вездѣ блещетъ характерный языкъ, вездѣ слышится беллетристическая под-

кладка, пріемы художника, вырывающіеся невольно и въ чуждомъ ему дѣлѣ: но за всѣмъ этимъ является невольное сожалѣніе о томъ, зачѣмъ авторъ вдался въ это чуждое дѣло, зачѣмъ вмѣсто разсужденій онъ не даетъ живыхъ картинъ, зачѣмъ обсуждаемыя темы онъ не выражаетъ наглядными иллюстраціями, взятыми изъ дѣйствительности.

Въ слѣдующемъ разсказѣ «Хочешь не хочешь» дѣло выходитъ наоборотъ: тутъ голова въ видѣ трактата, объясняющаго замыселъ разсказа, и къ ней придѣланъ беллетристическій хвостъ, который заключаетъ въ себѣ очень оригинальную житейскую драму, не лишенную, впрочемъ, нѣкоторой «приподнятости» и по фабулѣ, и по ея разработкѣ. Драма по замыслу глубока, но не выдержана и не производитъ надлежащаго впечатлѣнія потому, что она является какъ бы пояснительнымъ дополненіемъ тенденціознаго предисловія къ ней. Правда, авторъ и самъ предупреждаетъ читателя, что онъ не въ состояніи выразить въ подходящихъ цѣльныхъ образахъ и фигурахъ тѣ общія жизненныя явленія, какія имъ подмѣчены; что это дѣло «большого художника, съ большимъ—въ два обхвата—сердцемъ»; что онъ, авторъ, «по силѣ возможности» представляетъ «только сценку, замѣтку или случайно встрѣченный фактъ», которые выуживаетъ изъ своей «растрепанной подруги»—записной книжки. Но, во-первыхъ, читателю ни мало не легче отъ подобнаго сознанія, да и автору, я думаю, тоже, а, во-вторыхъ, тутъ, по моему крайнему уразумѣнію,

происходитъ со стороны автора нѣкоторый самообманъ, заключающійся въ томъ, что онъ не по недостаточности своего таланта ограничивается «случайными замѣтками», а по недостаточности художественной выработки, да еще по нетерпѣливому желанію хоть какъ нибудь, хоть поверхностно разбередить «язвы ранъ» современности, но только поскорѣй бы, только бы къ случаю приладить спектакль ихъ разбереживанія. Беллетристическій журнализмъ тутъ сказывается тѣмъ болѣе досаднымъ образомъ, что его жертвою является живое, искреннее и глубокое дарованіе.

Г. Успенскій, какъ мы видѣли изъ отрывковъ «Разоренья», обладаетъ способностью художественно воспроизводить языкъ дѣйствующихъ лицъ его разсказовъ, вообще выдерживать вѣрно тонъ; но упомянутый сейчасъ журнализмъ заставляетъ его иногда впадатъ въ поддѣлку, въ фальшь языка. Такую, напримѣръ, поддѣлку мы встрѣчаемъ въ очеркѣ «На старомъ пепелищѣ». Тутъ есть, между прочимъ, разсказъ одной старой уѣздной обитательницы про дѣвушку, погибшую вслѣдствіе порыва къ новой жизни, несоотвѣтствовавшаго ея моральнымъ силамъ и моральной подготовкѣ. Разсказъ этотъ почти сплошь сочиненъ и уѣздная обитательница говоритъ *авторскимъ* языкомъ. Какая разница—этотъ сочиненный языкъ и языкъ монологовъ Михаила Ивановича изъ «Разоренья»! Тамъ все характерно, все дышетъ правдой и задушевностью, а тутъ все холодно, блѣдно и надуманная авторская тенденція

сквозитъ такъ назойливо, что невольно возбуждаетъ подозрѣніе въ фактической правдивости разсказываемаго авторомъ, хотя онъ и ссылается на свою «растрепанную подругу» — записную книжку въ доказательство того, что не сочиняетъ, не фантазируетъ. Плодомъ беллетристическаго журнализма является также разсказъ «Голодная смерть», очевидно сдѣланный съ большою напряженностью и съ претензіей какъ можно глубже анализировать одну изъ болѣзней времени. На этомъ разсказѣ можно прослѣдить очень наглядно, какъ правдивъ и реаленъ талантъ г. Успенскаго, когда онъ пишетъ съ натуры, воспроизводитъ дѣйствительно-жизненныя впечатлѣнія, и въ какую фальшь вдается онъ, когда журнальная тенденція увлекаетъ его своимъ задоромъ, своею пикантною раздражительностью. Въ началѣ разсказа авторъ изображаетъ одного несчастнаго мальчика, капризомъ судьбы толкнутаго на путь болѣзненнаго развитія, несоотвѣтствовавшаго той дикой обстановкѣ, въ которой онъ родился и росъ. Тутъ много разсѣяно авторомъ вѣрныхъ и характерныхъ бытовыхъ и психическихъ чертъ, которыми фигура героя опредѣляется довольно отчетливо. Но вотъ, далѣе, по требованію журнальной тенденціи, авторъ дѣлаетъ этото мальчика поэтомъ-самоучкой и притомъ поэтомъ съ «гражданскимъ» направленіемъ, высказывающимъ въ своей поэзіи (конечно, въ смыслѣ искусства представлявшей младенческій лепетъ) идеи правды и добра, идеи о несправедливости

отношеній между богатыми и бѣдняками и т. п. Съ этой поэзіей г. Успенскій приводитъ своего самоучку къ столичному редактору.

Вотъ какъ принимаетъ столичный редакторъ несчастнаго поэта:

— Это все—одинъ стихъ? стоя полуоборотомъ къ Ѳедору и тыкая въ корявую рукопись пальцемъ, небрежно спрашивалъ редакторъ.

— Все, одинъ...

— И это онъ же тянется?

— Это? Онъ, онъ.

— Какой же это—стихъ? Развѣ такіе бываютъ стихи? Это—шестъ, а не стихъ!... Этимъ шестомъ только голубей гонять.

Самоучка - поэтъ уходитъ, глубоко огорченный, начинаетъ изучать стихосложеніе, добивается того, что выучивается писать короткими и приличными стихами и является, наконецъ, снова съ плодами своей музы къ редактору.

Не скрывая презрѣнія, редакторъ съ перваго же слова почти завопилъ на Ѳедора.

— Да что вы хотите? Что такое вы тутъ выводите? Что вамъ хочется сказать?

— Я...

— Что богатые богаты, бѣдные—бѣдны? Да?

— Я...

— Что бѣдные — такіе же люди, какъ и богатые? Такъ? а? да?

— Такъ...

— Что несправедливо обижать, заѣдать? Да? Это? Потомъ—кисельные берега, молочныя рѣки... Всеобщій лимонадъ газесъ? Такъ?

— Я этого не писалъ... Я тамъ...

— Такъ я вамъ скажу, внѣ себя завопилъ редакторъ, *чуть не по носу хлопая Ѳедора его рукописью:* — Что, во-первыхъ,

все это надоѣло и безъ вашей белиберды, а, во-вторыхъ, за эти идеи... вы знаете — что за это?

И онъ прибавилъ внушительнымъ шопотомъ такихъ два словечка, отъ которыхъ Ѳедоръ вновь ощутилъ приступъ необычайнаго испуга и едва не закричалъ какъ помѣшанный: «боюсь!»

Для каждаго, кто хотя немного знакомъ съ нравами петербургской журналистики, ясно, что обѣ эти сцены — *сочиненіе* и притомъ самое грубое. Г. Успенскій, конечно, знаетъ не хуже кого другого, что такихъ редакторовъ, какой изображенъ у него, не бываетъ въ дѣйствительности, что такъ редакторы не станутъ обращаться съ пришедшимъ къ нимъ самоучкой-поэтомъ. Если стихи самоучки дѣйствительно оказались белибердой — самое большое, что редакторъ сказалъ бы ему — это была бы сухая фраза: неудобны, не могу помѣстить. Сравненіе стиха съ шестомъ, которымъ гоняютъ голубей, тыканіе рукописью въ носъ, вопли внѣ себя, наконецъ угроза тѣмъ, что «за эти идеи вы знаете, что» — все это черты несомнѣнно сочиненныя и притомъ сочиненныя грубо, даже пошло. Для чего же такому правдивому реалисту, такому тонкому наблюдателю, какъ г. Успенскій, понадобилось сочинить всю эту грубую фальшь? А вотъ для чего: чтобы выполнить журнальную тенденцію разсказа, автору необходимо было довести героя до самоубійства, вызваннаго безнадежнымъ сознаніемъ, что всѣ его усилія послужить правдѣ оказываются мыльнымъ пузыремъ. Для устройства этого тенденціознаго и искусственнаго самоубійства г. Успен-

скій, что называется, «не щадя ни трудовъ, ни издержекъ», напрягся изъ всѣхъ силъ и сдѣлалъ сочиненіе на либеральную задачку. Героя-то разсказа онъ точно довелъ до самоубійства, но впечатлѣнія это самоубійство не производитъ на читателя не только потрясающаго, но даже ровно никакого; потому что вся эта яко бы скорбная исторія, повторяю, оказывается неловкой выдумкой, дурно и фальшиво мотивированной, даже пошловатой...

Не буду останавливать вниманіе читателей на другихъ примѣрахъ подобныхъ фальшивыхъ выдумокъ, которыми, на ряду съ художественной правдой, г. Успенскій роковымъ образомъ принужденъ разбавлять свои разсказы. Говорю: роковымъ образомъ, потому что тотъ, кто разъ поступилъ на службу тенденціи и надѣлъ — простите за курьезное сравненіе — форму журналиста либеральнаго или охранительнаго, это все равно — тотъ невольно долженъ подчинить себя казеннымъ уставамъ и требованіямъ, сопряженнымъ съ ношеніемъ такой формы. Для посредственностей, особенно посредственностей беллетристическихъ, нѣтъ ничего удобнѣе этой формы. Посредственности носятъ ее обыкновенно съ удовольствіемъ, прилаживаются къ ней очень скоро и, щеголяя въ ней, выигрываютъ во всѣхъ отношеніяхъ: ихъ произведеніямъ сообщается извѣстный оттѣнокъ казенности, приложенности къ извѣстному направленію, и хоть этими качествами они пріобрѣтаютъ интересъ. Но для

настоящаго таланта, для настоящаго художника, хотя бы и не перворазряднаго — перворазрядные художники, впрочемъ, никогда не одѣваютъ искусства въ мундиръ — ношеніе упомянутой формы всегда стѣснительно и тяжело. Зачислившись въ штатъ журнальныхъ чиновниковъ, художникъ теряетъ первѣйшія два качества всякаго истиннаго дарованія: свободу и искренность творчества. Послѣдствіемъ потери этихъ качествъ является въ его произведеніяхъ примѣсь всевозможныхъ ненужныхъ и вредныхъ элементовъ. Односторонняя напряженность мысли, узость и мелочность взгляда на жизнь, приводящая къ искусственнымъ, къ натянутымъ обобщеніямъ наблюдаемыхъ художникомъ фактовъ дѣйствительности, къ спѣшнымъ, фальшивымъ выводамъ изъ этихъ фактовъ, вынужденное пожертвованіе правдой изображенія для цѣлей «направленія», недоконченность рисуемыхъ образовъ, замѣна ясныхъ и живыхъ картинъ жизни теоретическими коментаріями ихъ отъ лица самого беллетриста—вотъ обыкновенные результаты подчиненія художественнаго таланта журнализму. Эти результаты очень и очень сказываются въ дѣятельности г. Успенскаго, и чѣмъ дальше онъ идетъ, тѣмъ больше склоняется по скользкой наклонности журнализма, тѣмъ больше отступаетъ отъ истиннаго своего призванія — быть художникомъ-беллетристомъ, тѣмъ больше въ своихъ писаніяхъ увлекается мнимою публицистической ролью. Нѣкоторые критики поощряютъ г. Успенскаго слѣдовать

именно въ этомъ направленіи и, льстя ему, не обинуясь, говорятъ, что мундиръ либеральнаго журнализма какъ нельзя лучше идетъ къ свойствамъ его таланта, что въ этомъ мундирѣ онъ является современнѣйшимъ изъ самыхъ современныхъ писателей. Не знаю, какого мнѣнія самъ г. Успенскій насчетъ такихъ критиковъ и ихъ поощрительныхъ совѣтовъ; но полагаю, однако же, что ему, при его способности вдумываться въ сущность явленій, не трудно понять, какими людьми ему расточаются эти милые совѣты и поощренія. Совѣтующіе и поощряющіе его критики принадлежатъ къ категоріи тѣхъ господъ, которые, при всей ихъ формальной серьезности, при всей внѣшней ихъ подготовленности къ роли критическихъ цѣнителей и судей, тѣмъ не менѣе не обладаютъ однимъ качествомъ, безъ котораго нельзя быть критикомъ: они лишены способности чувствовать сущность художества, лишены эстетическаго пониманія. Подобно дочерямъ царя Никиты въ извѣстной сказкѣ, они обладаютъ, повидимому, всѣмъ, что нужно; но у нихъ недостаетъ одного, безъ чего и все остальное теряетъ свое значеніе. Вотъ отчего эти господа безъ всякаго сожалѣнія къ художественнымъ качествамъ дарованія г. Успенскаго стараются тянуть его въ сторону фальшивой полубеллетристики - полупублицистики, то есть къ самому ложному изъ всѣхъ родовъ искусства. Вотъ отчего они увѣряютъ, что это будто бы новый, самый современный родъ. Неправда: это родъ искус-

ства очень старый, практиковавшійся въ европейскихъ литературахъ еще въ концѣ восемнадцатаго столѣтія; въ реалистической литературѣ этому роду нѣтъ мѣста: какъ все межеумочное, онъ не можетъ имѣть серьезнаго значенія...

Ну, что же, скажутъ читатели: вы начали за здравіе таланта г. Успенскаго, а сводите въ концѣ концовъ чуть не за упокой этого таланта. Нѣтъ, не за упокой я свожу и отнюдь не желаю хоронить дарованіе, достигшее той степени, съ которой скоро должна начаться его полная зрѣлость. Во вступленіи къ моему этюду я говорилъ о тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, которыми встрѣченъ былъ расцвѣтъ литературной дѣятельности писателей шестидесятыхъ годовъ и въ томъ числѣ нашего автора; я говорилъ о томъ, что на его произведеніяхъ остался невольный слѣдъ той мути, въ которой и ему вмѣстѣ съ другими сверстниками пришлось купаться въ періодъ «обличительнаго» прогресса. До сихъ поръ въ его произведеніяхъ замѣшивалась почти постоянно эта муть и мѣшала ихъ полной ясности и опредѣленности. Теперь, быть можетъ, насталъ для таланта г. Успенскаго такой моментъ, когда онъ, какъ богатырь сказки, стоитъ на распутіи двухъ дорогъ: пойдетъ по одной — потеряетъ все, что пріобрѣлъ до сихъ поръ; пойдетъ по другой — пріобрѣтетъ все, что можетъ потерять. Его дѣло выбрать настоящую широкую дорогу искренняго творчества, не подчиняющагося никакимъ соблазнамъ тенденціознаго

журнализма и имѣющаго въ виду прежде всего и послѣ всего художественную правду и художественную обработку. Идя самостоятельно и упорно по этой широкой дорогѣ, онъ скоро дойдетъ до цѣли, которая вѣроятно для него, какъ для всякаго истиннаго таланта, представляется вождѣленной цѣлью: онъ создастъ произведенiе крупное, отражающее въ себѣ современныя жизненныя отношенiя не кусочками и клочками, которые склеиваются голыми разсужденiями и связываются бѣлой ниткой журнальной тенденцiи, а въ обширной, цѣльной и многосодержательной картинѣ.

1884.

ЕЩЕ О Г. УСПЕНСКОМЪ.

Нѣчто въ родѣ критическаго эпилога.

«...Давно ли сталъ общепризнанною звѣздою первой величины гр. Левъ Толстой? Конечно, его талантъ былъ признанъ на первыхъ же порахъ, но это былъ все-таки только талантливый писатель, а отнюдь не что нибудь всероссійское, исторически знаменательное. Даже такое колоссальное произведеніе, какъ «Война и миръ», при появленіи своемъ, не создало по отношенію къ Толстому того непререкаемаго единогласія, какое существуетъ теперь. И лишь довольно много времени спустя, почти наканунѣ того, какъ Толстой совсѣмъ отказался отъ беллетристики (?), мы, оглядываясь назадъ, высоко оцѣнили не только «Казаковъ» или «Дѣтство и отрочество», а и «Три смерти» и севастопольскіе и кавказскіе разсказы, и проч. Всѣ эти перлы, равно какъ многія произведенія знаменитой «плеяды» сороковыхъ годовъ, не мѣ-

шали толкамъ объ упадкѣ литературы, причемъ толкующіе укоризненно вызывали тѣни Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Теперь мы опять скорбимъ объ упадкѣ литературы, но навѣрное недалеко то время, когда нѣкоторые изъ нынѣ дѣйствующихъ писателей получатъ единогласно высокую оцѣнку не просто въ качествѣ талантливыхъ людей, а въ качествѣ людей, дающихъ цвѣтъ литературы. Въ числѣ ихъ Глѣбъ Успенскій, конечно, займетъ первое мѣсто».

Приведенныя строки — спѣшу заявить читателямъ — не принадлежатъ мнѣ: я выписалъ ихъ изъ критической статьи о сочиненіяхъ г. Глѣба Успенскаго, красующейся въ книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Общій смыслъ заключающихся въ этихъ строкахъ разсужденій, очевидно, таковъ: въ настоящее время Толстой признанъ всѣми великимъ, геніальнымъ русскимъ писателемъ; придетъ пора—а она уже недалеко—когда г. Глѣбъ Успенскій будетъ точно также признанъ всѣми за великаго и геніальнаго русскаго писателя. Вмѣстѣ съ этимъ писателемъ будутъ признаны «единогласно» великими и геніальными и еще нѣкоторые «нынѣ дѣйствующіе» беллетристы. Поэтому, въ виду скораго наступленія такого счастливаго признанія новыхъ великихъ и геніальныхъ писателей, нечего скорбѣть объ упадкѣ теперешней литературы, а, напротивъ, быть можетъ слѣдуетъ даже ликовать.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, давайте ликовать и

радоваться. И прежде всего, подъ вліяніемъ добраго и ликующаго настроенія, согласимся условно съ мнѣніемъ критика «Сѣвернаго Вѣстника». Дѣйствительно, если въ недалекомъ будущемъ г. Глѣбъ Успенскій будетъ признанъ великимъ писателемъ, равнымъ Льву Толстому, то несомнѣнно, рядомъ съ этимъ первымъ изъ гигантовъ современной литературы станутъ и еще нѣсколько гигантовъ, каковы, напримѣръ, гг. Златовратскій, Боборыкинъ, Эртель, а можетъ быть и г. Черезъ-заборъ-перелѣзинскій, который еще не успѣлъ напечатать геніальныхъ созданій, хранящихся въ его портфелѣ, но Богъ дастъ не замедлитъ ихъ напечатать, и какъ только напечатаетъ, такъ сейчасъ и поразитъ своею геніальностью міръ.

Однако, соглашаясь условно на «высокую оцѣнку» генія г. Глѣба Успенскаго, соглашаясь на признаніе равенства его съ Толстымъ въ недалекомъ будущемъ, попробуемъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, очень простыя и приходящія невольно въ разсудительномъ и невосторженномъ состояніи. Прежде всего позвольте маленькую оговорку. Читателямъ небезъизвѣстно, что я лично цѣню талантъ г. Успенскаго и въ извѣстной мѣрѣ признаю довольно крупное значеніе этого таланта въ современной беллетристикѣ. При появленіи первыхъ томовъ сочиненій этого писателя, я высказывалъ свой взглядъ на достоинства и недостатки его произведеній и на его положеніе въ литературѣ. Г. Успенскій, безъ сомнѣнія, одинъ изъ

даровитѣйшихъ и характернѣйшихъ авторовъ, начавшихъ свою беллетристическую карьеру въ шестидесятыхъ годахъ и волей-неволей подчинившихъ свое развитіе внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ этого тревожнаго и тяжелаго для художественныхъ дарованій періода. Искреннее признаніе большого самобытнаго таланта у г. Успенскаго, по моему, не должно исключать искренней правды о его литературной дѣятельности. И во всякомъ случаѣ изъ-за того, что Александръ Макадонскій великій человѣкъ, критикѣ нечего ломать стульевъ и прыгать черезъ голову; это не идетъ къ ней. Критика только тогда и можетъ быть справедливой, когда она стрѣшается отъ кумовскихъ восторговъ и увлеченій и судитъ или, по крайней мѣрѣ, старается судить о писателѣ не преувеличивая размѣра его заслугъ и не ставя его, по соображеніямъ личнымъ и партійнымъ, выше или ниже того, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Если критика оказываетъ волчью услугу писателямъ, несправедливо заѣдая ихъ порицательными отзывами о ихъ талантѣ, то медвѣжья услуга, услуга кумовской лести, для писателей, быть можетъ, еще вреднѣе и хуже той услуги, которую я сейчасъ назвалъ волчьей...

Оговорившись такимъ образомъ, можно бесѣдовать о г. Успенскомъ болѣе или менѣе спокойно и безобидно. Можно прямо и твердо сказать, что ставить рядомъ съ Толстымъ этого писателя, признавать за нимъ въ недалекомъ будущемъ все-

общее утвержденіе такой же великой репутаціи, какую стяжалъ Толстой,—это ли по меньшей мѣрѣ... не умно. Разумѣется, не трудно разсуждать, что Толстой не всѣми былъ признанъ за генія даже тогда, когда появилось геніальнѣйшее изъ его произведеній «Война и миръ», подобно тому, какъ г. Успенскій не признанъ великимъ писателемъ послѣ двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности, плодомъ которой являются восемь томовъ разныхъ разсказовъ, очерковъ и т. п. Но даже и такое легкое разсужденіе неосновательно, даже и такая параллель несправедлива. *Всѣми*, то есть читающею публикою, Толстой былъ признанъ однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ художниковъ-беллетристовъ почти съ первыхъ же его шаговъ на литературномъ поприщѣ. Его «Дѣтствомъ», «Отрочествомъ» и «Юностью», его севастопольскими разсказами зачитывались образованные русскіе люди всегда, точно такъ же, какъ зачитываются и теперь. Что же касается до «Войны и мира» и «Анны Карениной», то успѣхъ этихъ большихъ произведеній въ публикѣ былъ огромный. Ни одно изъ произведеній г. Глѣба Успенскаго ранняго и зрѣлаго періода и теперешнихъ никогда не имѣло такого успѣха у читающей публики, какое имѣли самыя первыя работы Толстого, не говоря уже объ упомянутыхъ двухъ романахъ. Подъ публикой я здѣсь разумѣю большинство образованныхъ читателей, а отюдь не кружковыхъ. Такъ было въ читательской средѣ. Но критики

дѣйствительно *не всѣ* одинаково смотрѣли на общественное значеніе Толстого, хотя его огромный художественный талантъ признавали рѣшительно всѣ, безъ различія партій. Нѣкоторая часть критики, отчасти по близорукости, отчасти по требованію узкаго партійнаго либерализма и радикализма, отрицала и порицала идейную сторону произведеній Толстого; однако, отрицаніе и порицаніе обыкновенно на этомъ и останавливались: огромность, оригинальность и сила дарованія художника никѣмъ и никогда не отрицались въ критикѣ, точно такъ же, какъ и оригинальное мастерство, художественная законченность, столь присущія мелкимъ и крупнымъ вещамъ геніальнаго беллетриста. Были даже такіе критики, которые, при появленіи «Войны и мира», не обинуясь признали этотъ романъ за величайшее созданіе литературы нашего времени и его автора за величайшаго писателя, не только русскаго, но и европейскаго. Смѣю думать, что критикъ «Сѣвернаго Вѣстника» не можетъ указать ничего подобнаго по отношенію къ г. Успенскому ни въ критикѣ, ни въ публикѣ. Г. Успенскаго всегда и публика и критика признавали талантомъ очень живымъ и оригинальнымъ, но и по идеямъ и по художественнымъ качествамъ талантомъ недоразвитымъ, ни разу не выказавшимся въ полной своей силѣ, не давшимъ ни одного законченнаго и крупнаго художественнаго произведенія. Критикъ «Сѣвернаго Вѣстника» говоритъ, что не пришло еще время

для признанія г. Успенскаго со стороны критики и публики великимъ талантомъ, литературнымъ корифеемъ, что это время придетъ и очень скоро придетъ. Да, конечно, придетъ и даже, быть можетъ, скоро, можетъ, завтра или послѣ-завтра, но только при одномъ непремѣнномъ условіи. Условіе это очень просто и опредѣленно: если г. Глѣбъ Успенскій завтра или послѣ-завтра дастъ крупное и цѣльное художественное произведеніе — онъ сейчасъ же будетъ признанъ большимъ талантомъ и художникомъ. Но на такую репутацію при томъ же условіи можетъ претендовать не только г. Успенскій, издавшій восемь томовъ своихъ сочиненій и работающій въ литературѣ почти четверть вѣка, но и г. Черезъ-заборъ-перелѣзинскій и всякій иной, еще невѣдомый міру геній. Толстой написалъ величайшее изъ своихъ произведеній (по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ величайшее) «Войну и миръ», приблизясь къ сорокалѣтнему возрасту. Г. Глѣбу Успенскому, если не ошибаюсь, въ настоящее время уже лѣтъ сорокъ пять, можетъ быть больше. Но до сихъ поръ онъ не создалъ ни одной крупной и вполнѣ художественной, вполнѣ законченной вещи, не только приближающейся къ такому колоссальному произведенію, какъ «Война и миръ», но даже къ такимъ небольшимъ шедеврамъ Толстого, какъ «Поликушка», «Три смерти», «Утро помѣщика». Правда, нѣтъ резона думать, что г. Глѣбъ Успенскій не создастъ что либо дѣйствительно великое въ болѣе поздніе годы, даже

на закатѣ самой преклонной старости, если таковая суждена ему небесами. Подобные примѣры бывали въ литературѣ. Самый выразительный изъ такихъ примѣровъ «Донъ-Кихотъ»: извѣстно, что Сервантесъ написалъ свой великій романъ уже въ такомъ возрастѣ, когда у обыкновенныхъ смертныхъ слабѣетъ не только воображеніе, но даже умъ. Г-нъ Успенскій покуда еще, что называется, въ полномъ цвѣтѣ силъ и можетъ создать все, что угодно, буде ему суждено создать. Давай Богъ. Разумѣется, какъ только Богъ сподобитъ его создать нѣчто дѣйствительно большое и геніальное, такъ сейчасъ же его и можно будетъ поставить въ рядъ геніевъ русской литературы, подобныхъ Пушкину, Гоголю, Толстому. А пока предсказывать ему такое мѣсто и сближать его имя съ названными великими именами — дѣло безполезное и — повторю еще разъ — не особенно умное. Для г. Успенскаго, полагаю, удобнѣе занимать то мѣсто, какое онъ занимаетъ: сосѣдство геніальныхъ художниковъ можетъ только повредить ему.

Я началъ рѣчь о г. Успенскомъ оговоркой и считаю необходимымъ оговориться еще разъ. Все, что я высказалъ, имѣетъ цѣлью отнюдь не униженіе таланта г-на Успенскаго, исходитъ не изъ пренебрежительнаго мнѣнія объ этомъ талантѣ, а, напротивъ, изъ уваженія къ нему. Кто знаетъ, быть можетъ природный талантъ г. Успенскаго не меньше природнаго таланта Толстого. Но для

первоначальнаго развитія перваго, увы! не существовало такихъ счастливыхъ условій, какъ для первоначальнаго развитія второго. Точно такъ же, и весь ходъ писательской дѣятельности г. Успенскаго, къ сожалѣнію, не обусловливался тѣми благопріятными обстоятельствами, какія сопровождали ходъ дѣятельности Толстого. Авторъ «Войны и мира» съ самыхъ раннихъ лѣтъ имѣлъ всѣ средства для отличной подготовки своего природнаго дарованія къ той художественной и мыслительной работѣ, которой онъ посвятилъ свою жизнь, онъ имѣлъ всѣ средства для свободнаго, не стѣсняемаго никакими внѣшними препятствіями художественнаго творчества. Г-нъ Успенскій, наоборотъ, не имѣлъ почти никакихъ средствъ для упомянутой подготовки и въ продолженіе своего писательскаго поприща встрѣчалъ постоянно всевозможныя препятствія. Быть можетъ, тутъ, въ этой разницѣ положенія двухъ писателей главнымъ образомъ и заключается причина разницы въ величинѣ и глубинѣ произведеній перваго и второго. Критикѣ не слѣдуетъ забывать этой разницы и тѣмъ бо́льшую честь надобно воздать г. Успенскому за то, что при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для развитія своего дарованія и для проявленія своей дѣятельности, онъ все-таки сдѣлалъ очень много и многое сдѣлалъ очень хорошо. Но не слѣдуетъ критикѣ забывать также и того, что разъ она сравниваетъ плоды дѣятельности двухъ писателей, ей необходимо имѣть

въ виду уже *безотносительное* достоинство этихъ плодовъ. Поступая иначе, она введетъ въ заблужденіе читателей, если не всѣхъ, то наиболѣе неопытныхъ изъ нихъ. Вотъ почему не подобаетъ критикѣ равнять значеніе произведеній Толстого и Успенскаго. Произведенія перваго и второго писателя, что ни говорите и какихъ мнимыхъ доказательствъ и предсказаній ни приводите, все-таки остаются величинами несоизмѣримыми. «Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ»...

Пророкъ «Сѣвернаго Вѣстника», предсказывающій г. Успенскому въ непродолжительномъ времени литературную репутацію, равную съ Толстымъ, между прочимъ, изрекаетъ, что г. Успенскаго «приходится брать такимъ, каковъ онъ есть, потому что онъ, какъ и всѣ крупныя величины, не изъ тѣхъ, которые прилаживаются, а изъ тѣхъ, которые преклоняютъ». Это изреченіе немножко напоминаетъ изреченіе одного энергическаго генерала, который говаривалъ, что онъ «не изъ тѣхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые сами вѣшаютъ». Критикъ, очевидно, желаетъ присвоить г. Успенскому качество въ родѣ генеральскаго: до того ему г. Успенскій мерещится большимъ литературнымъ генераломъ. Что-жъ, если это правда, если ужъ г. Успенскій обладаетъ такимъ энергическимъ дарованіемъ, которое способно «преклонять», будемъ преклоняться передъ этакимъ дарованіемъ. Но сначала все-таки посмотримъ, къ чему оно «преклоняетъ». Особенную силу пре-

клоненія г. Успенскій обнаруживаетъ, по мнѣнію критика, въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ гораздо больше, чѣмъ въ работахъ начальнаго періода его литературной дѣятельности, удаляется отъ художественной обработки и «постоянно врѣзывается съ экскурсіями публицистическаго характера въ среду своихъ художественныхъ созданій». Попробуемъ полюбоваться красотами этихъ произведеній, для примѣра взявъ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ очерковъ г. Успенскаго, помѣщенный въ томъ журналѣ, гдѣ критикъ пророчествуетъ нашему автору близкую славу великаго генія. Въ этомъ очеркѣ авторъ повѣствуетъ про трактирнаго лакея, развеселившаго своимъ разговоромъ троихъ скучающихъ господъ: хроникера столичной газеты, земца и молодого человѣка. Лакей изъ ярославцевъ разсказываетъ, какъ онъ сдѣлался трактирнымъ служителемъ, какъ женился, какъ онъ постоянно стремится душой въ деревню, какъ онъ всякое свое сбереженіе посылаетъ семьѣ. Между прочимъ, лакей заявляетъ господамъ, что переслалъ въ деревню шестнадцать фраковъ.

Эти слова невольно заставили слушателей, что называется, покатиться со смѣху.

— Шестнадцать фраковъ? разразился земецъ настоящимъ барскимъ смѣхомъ.—Въ деревню? Да зачѣмъ же они тамъ нужны?

— Въ деревнѣ-то? Да помилуйте, въ деревнѣ всякая малость нужна, только что она тамъ является въ большомъ преображеніи... Въ Петербургѣ, положимъ, фракъ требуется мужчинѣ, ну хоть бы намъ, прислугѣ, или же господамъ, а въ деревнѣ онъ у насъ весьма превосходно преображается для бабъ.

— Фракъ-то?

— Фракъ-съ! Да вы извольте взять во вниманіе: сукно, хоть и вытерто, а вѣдь оно плотное, перелицевать его, такъ оно все одно какъ новое. У меня случались фраки очень добротной матеріи; я одинъ фракъ съ покойника купилъ, такъ ему и сейчасъ износу нѣтъ.

— Какъ съ покойника?

— Служащій тутъ, въ клубѣ, померъ, ну, жена и положила его во фракѣ, а фракъ-то дареный, съ графскаго плеча. Положила, да и стала жалѣть,—женщина бѣдная,—говоритъ: «Ежели бы продать, да худенькій купить,—все бы мнѣ что-нибудь осталось!» Вотъ я и обмѣнялъ; пять рублей придалъ, да свой ей отдалъ, а тотъ-то снялъ, вычистилъ значитъ, вывѣтрилъ, спиртомъ проспиртовалъ, да года три превосходно щеголялъ, а теперь онъ въ деревнѣ уже второй годъ дѣйствуетъ.

— Но какъ же бабы-то, бабы-то во фракахъ у васъ ходятъ, — ты вотъ что скажи?

— Да вы и слѣду-то не найдете отъ фрака-то, какъ онъ тамъ у насъ преображается. И каковъ таковъ фракъ былъ — и то вспомнить даже невозможно. А не то что во фракѣ ходить бабамъ. У меня тамъ теперь жена, да двѣ сестры-дѣвицы. Одну хочу замужъ выдавать, мужика въ домъ возьмемъ. Теперичe хозяйство у нихъ молочное—четыре коровы, теляты. Телятъ поимъ, продаемъ; вотъ фраки-то мои и пригодились имъ по хозяйству; теперь, въ зимнее время, надо встать ночью, подоить, попоить, покормить, — вотъ мои бабенки и переладили себѣ изъ моихъ фраковъ подходящіе костюмы въ родѣ дипломатовъ: лацкана эдакимъ вотъ манеромъ отворочены (онъ показалъ на своемъ фракѣ, какъ именно),—и стало быть груди тепло, а тутъ, въ этихъ мѣстахъ, стало быть, фалды отрѣзаны отъ трехъ фраковъ, по шести фалдовъ на юбку вышло,—пришиты дружка къ дружкѣ въ складку,—ну и, конечно, на ватѣ,—анъ оно и тепло! Да года на три, на четыре хватитъ... А продать его татарину? рубъ серебромъ, больше не дадутъ. А которые остались безъ фалдовъ и тѣ тоже подработаны подъ кофты, одну маменькѣ на заячьемъ мѣху удѣлили, зябка стала, старушка,—вотъ ей и потеплѣй въ кофтѣ-то. И—Боже мой! Въ деревнѣ? Да въ деревнѣ всякая малость—все она по нашему, по мужицкому, преображается.

Трактирный лакей, разумѣется, разсказалъ все это скучающимъ господамъ именно съ той цѣлью, чтобы они «покатывались со смѣху». Г. Успенскій передаетъ читателямъ разсказъ лакея главнымъ образомъ съ той же благодарной цѣлью; но у него рядомъ и другой умыселъ: онъ желаетъ внушить читателямъ, что единственно разумная и привлекательная жизнь заключена тамъ, въ деревнѣ. Въ послѣднемъ умыслѣ заключается та «публицистическая экскурсія», съ какою нашъ авторъ, по толкованію его критика, постоянно и упорно «врѣзывается» въ беллетристику. Преслѣдуя же первую цѣль, то есть покатыванье со смѣху, г. Успенскій обнаруживаетъ необыкновенный юморъ, который ему «отпущенъ отъ Бога» и который онъ умѣетъ сплетать съ постояннымъ направленіемъ къ добру и правдѣ и съ трагическимъ оттѣнкомъ. Такимъ-то вотъ юморомъ и такимъ-то публицистическимъ врѣзываніемъ г. Успенскій «преклоняетъ» своего панегириста и долженъ въ непродолжительномъ времени преклонить всю критику и всѣхъ читателей и стать въ ихъ мнѣніи художникомъ, равнымъ Толстому по силѣ творчества и по значенію въ литературѣ. Но если это такъ, если дѣйствительно такой юморъ и такая невинная публицистика должны преклонить всѣхъ и вся «подъ нози», то одинаковую славу съ г. Успенскимъ раздѣлятъ всѣ тѣ писатели, которые упражняются въ юморѣ и публицистикѣ этого сорта по разнымъ листкамъ такъ называемой «малой

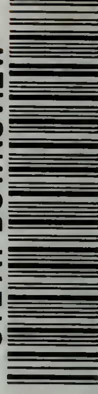
прессы». Если такой юморъ и такая публицистика въ глазахъ теперешней критики даютъ право на близкое сосѣдство съ литературными геніями первой величины, то можно поздравить современную литературу съ необыкновеннымъ процвѣтаніемъ, можно признать, что она переживаетъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ періодовъ, что въ ней народилось геніевъ безъ числа.

Пусть кто хочетъ радуется подобному процвѣтанію теперешней литературы, пусть кто хочетъ преклоняется передъ юморомъ и художествомъ этого рода. Что касается до меня, то изъ уваженія къ таланту г. Успенскаго, обнаруженному имъ въ его прежнихъ произведеніяхъ, я не могу преклониться передъ такимъ юморомъ и художествомъ, не могу желать, для чести автора, чтобы предъ нимъ преклонились читатели. Единственное впечатлѣніе, которое возбуждаютъ во мнѣ подобные разсказы г. Успенскаго, — это впечатлѣніе жалости къ даровитому автору. Я жалѣю г. Успенскаго за то, что онъ, по обстоятельствамъ, вѣроятно чисто внѣшнимъ, принужденъ не писать, а строчить, принужденъ выбрасывать передъ публикой всякій соръ, накопляющійся въ его «записной книжкѣ»; что порою, какъ въ разсказѣ о фракахъ, перешиваемыхъ на костюмы деревенскихъ бабъ, онъ принужденъ спускаться до работы хроникеровъ и анекдотистовъ малой прессы.

1886.

СОДЕРЖАНІЕ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 17 02 06 003 4